

**Товарищество писателей в Петербурге
Секция критики и литературоведения
Союз писателей России**

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

Литературной и философской критики,
Прозы, Поэзии и Искусства

«... из пламя и света рожденное слово!»

М. Ю. Лермонтов

№ 24

12. 06. 23

Санкт-Петербург
2023

ББК 84-4 Т74-77

Редакционный Совет

Главный редактор
В. И. Чернышев

©Чернышев В. И., 2023
©Редакционный Совет, 2023

Раздел первый. МЕТАФИЗИКА ИСКУССТВА
I. ПОЭЗИЯ МЕЧТЫ, ПРОЗА ЖИЗНИ и КРИТИКА НЕБА

Василий Чернышев

Новые стихи декабрь_2022 гг.
Январь – февраль – март 23 года

НРЖ № 24
Апрель_2023 – июнь 2023

Сотворение человека

Бог вчера изготовил Адама.
И в такое пришел восхищенье,
Оглядев его сбоку и прямо,
Не нашел недостатков для зренья,
Лучше не было в мире творенья...
Все же понял: *Нужна еще дама!*

Делать нечего, день был в разгаре,
Сам Творец размечтался о паре,
И, достав из Адама ребро,
Удлинил и пространство и время,
Думал, будет карманное бремя,
Pro и Contra! – нет, – Contra и Pro!

Вы всё знаете, умные дети,
Примешался к сим двум некто третий,
Он и стал и чудить и блудить,
Не прошло от знакомства недели,
Чьё-то яблоко изверги съели,
Чтоб кому-то кого-то родить.

Эта песня тянулась бы долго,
Но согласно и чести и долга,
Еву вместе с Адамом *ушли*,
И с тех пор о любви, сколько смея,
Вспоминаю и Еву и Змея,
И Адама, Отца сей земли.

Всё же все, наконец, мы *рождённы*,
Не из праха, во прах не прейдём!
Наши души, как Космос, бездонны,
От заблудшей (увы!) до мадонны
Наши матери святы как Дом.

11 апреля

На смерть Изольды

Мужчина женщине: Не всем из нас дано
Испытывать то странное смятение,
Когда как страсть, как огненное жжение,
Чуть ниже сердца и в глазах темно,
И мимо окон пролетают тени
Таинственных и сумрачных видений,
А все спокойны, даже Бог молчит,
Но падает фарфоровая чаша...
«Что наша жизнь?»

Да подлинно ли наша?
Горит свеча. Но долго ль прогорит?!

Мужчине женщина: Взаимное смятение,
Таинственное головокружение...
Ты – властелин, и я тебе дана,
Как тайна тайн, божественный подарок.
Горит свеча и свет ее так ярок.
Как будто жизнь опалена костром.
Не верь тому, что грех – мои объятья,
Что от падения нас охраняет платье, -
У бездны нет счисления и дна!
Любовь – не грех, любить клянемся снова,
Таков наш Бог, он был и будет Слово,
И это слово – молния и гром!
И **истина** чиста пред алтарём.

16 апреля

Уничжительное.

Надо забиться в угол,
Стать и худым и тощим,
Как огородное пугало,
Нищего бродяги не толще.

Взгляд придержать долу,
Душу, естественно – тоже,
Быть побиту и голу,
А лучше совсем без кожи,

Тогда, отказавшись от прочих
Радостей вовсе не нужных,
Начнем как сосна *мвроточить* *v* (*ижица*) произносится как "и"
И как береза лужить.

Высохнут лужи к лету
И жизнь обратится в тщету.

13 апреля 23

* * *

Я прошу совсем не много:
Унижения владык
Пред поэтом, перед Богом,
Перед всем, в чем светлый лик.
И измерив небом синим
Безразмерную красу,
Мы весной поймем Россию,
Летом – я ее спасу!

Но в меня не надо верить:
Загоржусь – не прекословь!
Хоть аршином не измерить,
Мера есть: любовь. Лю-бо-вь!

13 апреля 23

* * *

А впрочем:

Хватит!
Я уже не с теми, не тот.
Старая пурга не катит!
Ежели кто в теме – Я бот

Сколько
Можно мне пиарить мозги?
Это же не доля, а долька
Возле вашей дряхлой пурги!

В ногу
Не хочу, не буду, я хром.
Выхожу один на дорогу
И в кармане то ли нож то ли ром.

Разве
Перед вами мелкий поэт?
Захотите –
Будет и Разин,
Если вам Есенина нет.

С теми
Кто с колен – проснуться – ни зги!
Все вбивали в мое глупое темя,
Что друзья мои – это – враги!

Дезу
Не хочу, не буду, пора
Перестать нам петь Марсельезу
Пугачева, Разина, Топора!

Хватит,
То мне кровь на глаза то пот.
Больше ничего не прокатит,
Даже если я все таки бот...

* * *

Ничего теперь не надо,
кроме леса, поля, сада,
Всех родных и всех друзей,
Восстановленной России,
Может, даже без мессии,
Но возвышенной и всей!!

Мы тогда пойдем – к досаде
Кротких сих и малых сих –
Для побед сидел в засаде
Мой смешной и милый стих.
Мы тогда пойдем Россию
Очень ясно – и умом –
Все же стоит и Мессию
Нам впустить в наш русский дом.

Я прошу совсем не много:
Унижения владык
Пред поэтом, перед Богом,
Перед всем, в чем светлый лик.
И измерив небом синим
Безразмерную красу,
Мы весной пойдем Россию,
Летом – я ее спасу!

Но в меня не надо верить:
Загоржусь – не прекословь!
Хоть аршином не измерить,
Мера есть: любовь. Лю-бо-вь!

13 апреля

* * *

Товарищ мой, всему не верь,
Разуверенье будет больно.
Закрылась в будущее дверь,
Сдались и Новгород и Тверь...
...Пока дана команда «Вольно!»,
Мы потихоньку разбредились,
То тем, то этим подпеваем...
Одни довольны красным маем,
Другие... О других не знаем...
Но третьи... Им хоть не молись!

Они уже сгубили многих,
Смешали веру, кровь, язык,
Личиной заменили лик,
Тропою узкой – сень дороги...
Я к ним, покорный, не привык,
Как к армяку, камзолу, тоге...

Но – перетерпим, добредём,
На солнце паруса просушим,
Оставим нам кусочек суши,
И мхом поросший старый дом...
Оставим память, вёсла, книги...
...ну, и, в конце концов, вериги...

* * *

Депрессия – разочарование в Боге.
Но солнце нещадно палит!
Мы едем картошку сажать в Перелог,
И жизнь унывать не велит.

* * *

«ибо прах ты и в прах возвратишься».
Ветхий Завет, книга Бытия
где с пулей встань, с винтовкой ложись!
В. В. Маяковский, поэма «Хорошо!»

Не смогли исправить, тащут к Кресту ...
Нет, это не тяжба, скорее война...
Слева враг и справа, я на мосту.
Божье попущение или вина...

Что во мне такого, чтоб лезть на рожон,
Разве к чьей-то смерти моя тяга тяг?
Я пришел для жизни, красивых жён -,
Нет, кричат неистово, с *винтовкой* ляг!

Мысль моя двоится, рушится мир,
Мира нет и в мире, и даже в душе.
Люцифер властительный и его клир
Превратили Знание не в поиск - в Клише!

Слепо нужно верить, слепо идти!
Правда, до обрыва – увы и ах!...
Тьма, увы, над бездною, ни зги в пути,
ибо взят из праха ты, возвратишься в прах.

Только Бог языческий в каждом листке,
Пробуждает чувство и мысль, ибо есть!
Прорастает толщи схим и аскез -
Разве им творили мы славу и честь?

Капля с неба теплая легла на висок,
Кровь ли то с Распятия, моя ли то кровь?
Дух мой – горстка праха и неба кусок,
Ненависть, отчаянье, зло – и любовь...

5 мая

* * *

Что́ наша жизнь? Чем дале – тяжелей!
Цивилизация нам не мостит дороги,
Вино в стакан не подливают боги, -
Платон мне друг, скажу ль ему: *Налей!*?

Так вот, мой друг – люби, покуда жив!
Семья, родные - наш союз не вечен...
И даже время никого не лечит...
Мир в меру грешен, неустроен, лжив...
Все ж Богом Мир, не дьяволом отмечен!

11 – 14 мая

* * *

Бессонница не продлевает дни,
Уныние ума не добавляет
Нет Бога. Космос пуст, и мы одни...
Нет, эта мысль меня не вдохновляет!

Бог – всё во всем, - *существен*, но незрим.
Я одинок. Душа моя незрима.
Бог где-то есть – как где-то есть и Рим...
Что мне с того? – коль пасынок я Рима?

Есть и природа, девушки, друзья,
Поэзия, удачи – даже в спорах...
Цените – **есть** и вы и даже я!
Поверим, что не станем быть не скоро...

Но если нет приюта в небесах, -
То грустно всё, хотя теперь ценимо...
Что мне с того что вечен – только прах,
А Бога нет, Афин, и... даже Рима ...

14 мая

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ НАСТИ

Тридцатилетие – подарок,
Оно – прогулка вдоль дороги,
Средь тысяч улиц, зданий, арок,
Знакомств, надежд, стихов, помарок,
Любви, свершений... Жизнь, о боги! –
Еще готовится взлететь!
Ведь тридцать лет – еще начало,
В нем нет ни лыка, ни мочала,
И даже проза замолчала,
Чтоб Насте гимн в стихах пропеть!

Итак, друзья, нальем в стаканы
Царьграда терпкое вино!
Вино пьянит - так будем пьяны!
Шипы от роз нам дарят раны –
Так пусть и ранят – все равно
Они нам радость не убавят,
На белом красное добавят –
Всего лишь пятнышко одно...

Но жизнь и жаждет многоцветья,
Как ищет новых рифм строка...
Готов и новый гимн запеть я,
Но надо меру знать! Пока!

Май 23

* * *

Уколы ваши берегу,
Улыбки в сердце сохраняю –
Увы, лишь наспех, на бегу,
Но все же верю, помню, знаю:
Мы – зяблики на берегу...

Я – половина половин –
Всех половин, не самых грязных,
Ленивых, сонных, даже праздных.
Я – друг всех женщин, я их сын.
И сам я в них, в простых и в разных.

Мы встретимся... Быть может... Нет...
Я да и нет соединяю.
Запомните: я ваш билет
В ту вечность, где не будет лет.
Не всё открыто мне, я знаю...
Но гимн наш жизни не допет.

* * *

Я вас люблю... быть может... я не знаю,
Имею ль право... Может быть досаду
Я вызову признанием, увы!
Но я признание в рифмы пеленаю,
Оно окрепнет, с ним не будет сладу,
Почем любовь, узнаете и вы!

Нет, я шучу! Я буду самым нежным,
Послушным, как осенний хрупкий лист,
Застенчивым, доверчивым, прилежным
В игре намеков - кротоков, робок, чист.
И даже неизбежные намеки –
Помарки и описки между строк –
Крюки, аллитерации и кроки –
Не умыслы, грехи или пороки –
За них не предусмотрен штраф и срок
1 июня

Вячеслав Овсянников

СТИХОТВОРЕНИЯ

в Великую Отечественную войну

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОРСКОЕ УТРО

Море – в бризе, и сразу -
разворот бирюзовый,
и крылатые фразы
часек – зори и зовы!

Это снова и снова –
шум бунтующей влаги
в океанах отваги!
Снова на воду лягут
буйно-алые флаги,

и запляшет на ряби
солнце – крепкий корабль.
И, выпячиваясь
голубую
губою,
разобьется волна в звонко-знойном приборе!

Будут чайки над брызгами в искрах галдеть!
Будет утренний мир, расширяясь, гудеть!

ВЕЧЕР В МОРЕ

Уйдем, уйдем на корабле!
Ты – на столы носить лимоны.
А я – снимать фонарный шлем,
там лампа с головою темной.

И лампу хрупкую, как лед,
я поверну. А ты в столовой
положишь в вазу желтый плод.
А в море темный вечер снова.

Я завинчу стеклянный шлем,
в нем лампа тихая зажжется.
А свет глубин серебрист и нем.
Там образ рыбы пронесется.

САЛЮТ

Темный крейсер в океане лунном
режет пенный фосфор в кружевах.
Сереброголосые сирены
пением сосут сердца в морях.

И на шаткой палубе под небом
строит нас полночная труба,
чернозмейки бескозырок вьются,
капитан – седая голова.

Ты лети, залп светлого салюта!
Тихо гасни. Нечем нам помочь.
В сны морей, седеющие солью,
нас зовет скитальческая ночь.

Лишь блуждать нам в океане лунном
с негасимым пением сирен.
Мы – лишь залп высокого салюта
в час прощанья светлого сердца.

ИКАРЫ

И ночью рушатся Икары!
И в их зрачках
красней окалины
мир – через голову,
все – воск!
Все – вихри брызг, как взмахи розг!
Свет, перевернутый с разбега,
в лоб – бурей пламени и снега.
Земля, рванувшаяся в рост:
Икары, сброшенные с неба,
летят быстрее света звезд!
И в мерзлый камень,
об вершины
об льды –
всем жаром,
всем хребтом...
Икары погибают там –
низвергнутые исполины!

ЖЕЛАНИЕ

Разве
вязы в сугробах увязли?
В сумраке ветер ли резвый –
это – ударами лезвий –
или я сам? Не у вас ли,
вьюги, – у огненных нот –
высмотрю больше, чем должно,
вызнаю больше, чем можно,
вырвусь из сердца и мозга
бешеным выстрелом в ночь?!

Чтобы цветы выросли –
рядно - лиловые люстры, –
чтобы в их остром кристалле
встретились космос и мы;
чтобы возшло: я люблю Вас!
Да – и порывом и песней,
Да – я люблю Вас опасней
взрыв затаившей зимы!

ЯВЛЕНИЕ ВЕСНЫ

Весна перерождает, нянчит, треплет, вертит.
И снова реки вспоминают перво-речи,
они, вперив в кривой ракитник крепкий ветер,
в ее руках ревут пузырьчаты, незрячи.

Весна, как волосы зеленые обвалом,
отпущенные на ночь шпильками прически.
Разлившись, зеркало нашло и удержало
миг торжества, преображенья возглас.

С холма все видит взор, а сердце, как граченоч,
в туманные ладони падает, в березы
и лужи бирюзы, рвя жилы перепоноч,
и небо из воды взбужает мглой белесой.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Вновь попадая в тон стволам и высям влажным
в окне над головой, и глух и невесом,
никак не вспомню сон о чем-то очень важном,
о непреложном и, как музыка, святом.

Вновь верится с трудом в гул ветреного утра,
зелено-бурый дым предлиственный кругом,
как будто сад и дом, весь обиход, вся утварь
скрывают звездный смысл, неразличимый днем.

И гвоздь, что в стену врос, и за окном страданье
опухших почек яблонь с капельками слез –
мы все себя всерьез мним центром мирозданья,
вокруг своей слезы мир вертим, как вопрос.

ИЗ ОКНА

Клены вдруг в лиловом тике,
и окно библиотеки
ливень мял, как целлофан,
страшный, падал, целовал
раму, стекла, рушил струи
слез тяжелых, но, не чуя
зла, я был и тут и там
в книге – драмами Расина,
за окном – разливом синим,
прокатился по кустам
кровью ливня, бился близко
рук отчаянным сплетеньем,
и далеко – быстрой тенью
в беге бешеного блеска
всей грозы молниеносной...
Но прошло, и неосознан
миг, когда я был во всем,
и со всех сторон, сквозь веки
будто, видел ливень, сон...
Солнце. Я в библиотеке.
Вновь я в этом человеке,
вновь к нему приговорен.

СВИДАНИЕ

Я шел, в руке цвели тюльпаны,
и пышно пахли. Дождь светил
в свирепых брызгах, как фитиль.
Свисали ветви, как тюрбаны.
Ты шла навстречу, я дарил
тебе цветы. А садик цирком
дождя и солнца, клоун, фыркал,
кривлялся, брызгался, дурил,
как я, нес дичь. А ты, прицелясь
на мой полет, на пыл, на ересь,
вдруг взглянешь выстрелом косым,
и рдеешь, в силе чар уверясь,
и реют волосы, власы!

В ПОЦЕЛУЕ

Домам в томящей тьме купаться,
мерцать воде, сплетаться пальцам,
по целой вечности пить губы,
двум каплям на листе сливаться,
там долго, как и сердца гулы...
И слышалось: ночь шелестела,
грозою назревала туча,
вдруг озаряла мир наш тусклый,
и билась судорогой белой,
сплавляя губы, даль, и дом;
и город в ночи половине
ждал росшего по каплям ливня;
мы ждали: грянет ливня гром –
и задохнемся, и умрем!

НАВАЖДЕНИЕ

Темным летом облака,
и сплю-не сплю,
ветер и туман люблю...
Фея в фиолетовом
наклонилась и целует,
тайною духов чарует,
и уходит как в долгу:
быть весь день моей и только.
Я сегодня спать могу –
долго!
Но вселенная не снится!
Занавеска бьется птицей
надо мной!
И сирень растет чумой,
зацветающей царицей –
захватить крестами крови
землю как аэродром,
чтобы с голодом-царем –
вымахнуть за кровли!

* * *

Наш старшина сердит,
стоит, ремнем обвит,
блях пуговичных медь,
фонарик – лунный меч.
А двое в черный сад
идут, скрипит песок,
ее слова сулят
ему дубов чертог,
и там скамью-постель
за нежные рубли...
Пьяна громада - тень,
двуглав дракон любви.

* * *

Мы стоим, шеренга сереньких шинелей,
красные петлицы, как у тихих рыб.
Капитан, как ворон, говорит сурово.
Он в ремнях военных, с пистолетом сбоку.
В пистолете спящих восемь медных ос.

В ПАРКЕ

На дубах, кудрявых братьях,
круглых птиц звоночки- трели,
на дорожках трепет платьев,
на траве косые тени.
Пар гуляние без дела.
У воды под ивой дева
в майке с красной цифрой восемь.
Озеро и взмахи весел.
Павильончик, фрукты, вина.
Вин игра неуловима.
Продавщица – глазки-льдинки.
Деньги – с цифрами картинки.
Но темнеет. Красться тьмою
вечер, точно вор, готов.
Но решеткою стальнойю
сад грозит ему тюрьмою
с бритой синевой голов.

В ПРИТОНЕ

Блестит, как сабля, толстый нож,
свиней закалывать хорош.
И сало розово слегка,
в рот лезет сразу полкуска.
Три бритых бьют, на стулья сев,
семеркой бубен даму трэф.
Усы похожи на пилу,
табачную колышут мглу.

КАРАУЛЬНАЯ ДРАМА

Час ночи. Мундиры. В стакан струя.
Нагледят пухлые пьяные губы:
за ласковых жен, таких, как твоя!
Улыбка веснушек в ответ и зубы.

Два ночи. Стаканы трещат на полу.
Пальцы рвут пистолет, и с воплем
спина устремляется к двери, в пылу
пули ее сотрясают, все восемь.

Каменно стукнула голова
со стеклянными голубыми глазами.
Другой во тьму, волосат и кровав,
убегает, гремя сапогами.

В СЕЛЕ

Светились в холоде топоры.
Готовы хоромы коровам!
Снег пах кусками сосны.
А запад стал, как медь, красен.

Плескался в гранях стаканов спирт,
брызгали громкие рты слюною –
за здоровье тучных буренок
и за искусство топора!

Смеялись глаза блеском масла.
Только один стал зол и трезв.
За темное слово о жене
он в кума кидает нож.

Перо ножа в стене трепетало.
Буяна стиснули десять рук.
Он стонал слюной, как теленок.
А я из дома шагнул в ночь.

В тишине и темноте
сияли рога лунной коровы,
и село утупало
в волнах молока.

НОЧНАЯ БУРЯ

В октябрьских фонарях, как сон,
блестит мундир зеленой меди
и в гордых лаврах голова;
он – конный страж своих гранитов
в ночь ветра и Невы, как нефти;
и сжат копытом тусклый змей.

И у колосса под скалой
искрится, прячась, сигаретка;
метнулся плащ, взлетели пальцы
за уносимым козырьком;
на страже спящих зданий я,
в дрожащий сумрак я смотрю.

А грозди фонарей звенят,
гремит, подпрыгивая, урна;
вот студенистая волна
угробой морей дохнула;
растут, растут мне барабаны:
солдат, стреляй! идет вода!

Горою вздыбился гранит.
Но над конем квадратнозубым
глядит неколебимый он;
и коннику я в очи вкован,
в орлиный мертвый взор владыки.
И тускло, тускло смотрит Петр.
Бьет дробь бредовый барабан.
В зените птица-пистолет
блеснула клювом вороненым
над морщью нефтяной Невы.
И вскрикнул выстрел мой звездой,
ракетой, лопнувшей огнем...

И над утесами во сне
летит мой выстрел на свободе...
А там, над городом своим
мундирный исполин с перстом;
под ним стоит солдатик тусклый,
и пистолет свой стиснул он.

* * *

Вернется вечером в уши вой труб,
и очертанью черепа – яркость.
У варвара, как булыжник, глаз груб.
Царит в руке топора реальность.

Но не безумия боюсь, не пуль...
Ах, в сторону звезд поверни мозг мой,
ориентируя темный мой путь
на Ориона царственный остров.

* * *

Когда работает Стекольщик
алмазом из созвездья Льва,
он режет звонкие квадраты
и темным окнам раздает.

Как высоко, о, мастер ночи,
равнина твоего стола,
где целой тишины кристальной
лежит суровый лист, как лед!

* * *

Полное одиночество
Овал листа.
Отрешенные
шепчут уста.

Лучи потушены
у туч в плену.
Птицы отпущены
в тишину.

Ушли растения
в сон своих душ.
Шлет утешение
прохлада туч.

ОСЕННЕЕ

Пью вечернюю чашу неба.
Горчит.
Прячется в кустах красных
луч.

Пахнут тленом павшие листья
рощ.
За холмом стоит холод
туч.

Вечер полон воздуха.
Жизнь!
Стол сегодня лунных чаш
полн.

Пахнет яблоком широкий пир
звезд.
Тихие фигуры сходят на
холм.

* * *

О, звездный Платон!
Над холмом остановился Возничий
широкой фигурой.
Вечные числа поют полночь.

Душа совершает
путь свой по кругу неба.
Покорны узде Возничего
конь белый,
и конь черный.

И каждую полночь
душа, пройдя по звездной дороге,
останавливает колесницу –
отдохнуть на темном холме.

* * *

Побудь еще со мной, воздух!
Мой великан, мой золотой, добрый.
Уходя с нашего Шара,
побудь еще со мной, рощ шорох!

Побудьте еще со мной, звери!
Не уходи, овца, и волк вольный.
Не улетайте, песен сердца, птицы!
Не убегай, вода! Постой, рыба!

СТОКРЫЛАЯ СТАЯ

Задумчивый вечером поздним
сiju я, всех пьяниц пьяней.
И падают пьяные звезды
сквозь пальцы ночей.

И пьяное море качает
на пьяных волнах корабли,
и кто-то, как птиц, посылает
пьяные письма любви.

И те улетели птицы...
А в пьяной улыбке вина
мне стая стокрылая снится:
пьяна эта стая, пьяна!

ГОСТИ

Над креслом стоял синий крест. Окно галлюцинировало с тихим плеском. Гулял ветер, оббив голову чалмой из тюля. Фургон провёз почту за голубой угол – тоненько дребезжали стрекозы. Л. шила золотые шторы. Листья сверкали в сомнительном небе. Или майские поцелуи? Я шагнул в комнату.

Иерусалим – пишут паломники в святую землю, жуки в глянцевиных панцирях. Мы очень удивились, когда увидели: Иерусалим не шире нашей квартиры. Я много путешествовал с Гоголем в середине прошлого столетия. Л. шила окну новое платье: в нём с минуты на минуту мог явиться Троицын день. Сирень предпринимала благоуханные крестовые походы за Гробом Господним. Я опять шагнул в комнату. Я молчал и любил семьсот лет. Л. подняла ко мне задумчивые глаза в крапинках.

Весь год я видел в них многое. Полдень, две створки. Этажи, дрожал лес, пчелиные поезда, взмах ленты с балкона. На столе гостило письмо с птицей. Что они пишут? Они советуют заключать хрупкие союзы. Они предлагают суп из одуванчиков. Игла вздохнула. Я пугливо взглянул на окно.

Нет, нет. Я не унывал. Будет ещё что-то. Солнце вспыхнет, дождик брызнет, разомкнутся у нас уста. Купим лодку и повесим на любимую стену. Янтарь родится в янтарной комнате. Книги и рыбки. И будет, наконец, звонок от Андрея Ивановича, чай с мятой, скипидарные сосны... Стрелка подвинулась, и я увидел цвет нового неба.

Цвинь-цувирлинь. Чижик-пыжик, не грусти, поедem на Ладугу. Там вот такие камни, вот такие волны, вот такая бирюза! Нетерпение моё росло, я подошёл, долго ли продлится шитьё? Солнце раскачивалось на берёзе, переплетались гамаки, стройно зажглись бронзовые книги. Меня окружали глаза в крапинках, следя за малейшей сменой теней на моём лице. Слова не находились. Вот как! Мы любили слова с пустотой, с молчанием, чуть-чуть чокнутые, с брачком, с хрустальным пузырьком внутри. Таких у нас не осталось.

Ветерок страха пробежал по губам. Шли куда-то лучи мимо пламенеющих её волос. Островки, архипелаги. Снятся пропажи, окна без стёкол, рассыпанные коралловые бусы, кубки разлитого любовного зелья. Странствия надувают паруса-бочки. Я пьян, я не умру. Надену перламутровый шлем – раковину со дна Ирландского моря, и уйду, не вернусь. Всё, всё, что снилось, предназначалось блестящему острию и вдевалось в ушко. Полдень длился, замер в зените маятник, медлил в колодце далёкий голос. Что они ещё пишут? Они предлагают гулять в солнечной долине и хлопать винной пробкой. Они рекомендуют заняться индивидуальной авиацией, используя летательный аппарат Татлина. Испробовать полёт в неясный, рискованный час рассвета или первых сумерек. В такие часы – самые чистые падения, ордена подвязок, георгиевские кресты. Трудно, трудно было б с ними не согласиться. Окна менялись, как часовые, и новые местности ставили сцены новых мистерий. Листья ликовали. На ярких площадях устраивались парады: маршировали маршалы, зеркала и гусеницы. И стояло, не шевелясь, безоблачное, безпоцелуйное небо.

Я вздрогнул. Катушки со стуком раскатились. Рама скрипнула, впустив кручёного в тюле турка. В листьях ожила морская рябь, лодки, вёсла. Солнце с таинственным видом шло по комнате, полоща тельняшки, таская по коврам пятнистую шкуру. Изучало узоры, разгадывало тонкие планы теней, отодвигало стёкла, шелестело картами, искало сокровища, ломало голову над криптограммами, шифрами, распутывало и вновь запутывало клубки лабиринтов, свешивало на шелковой ниточке сверкающего жука. Что-то зашумело. У берёзы вдруг объявились родственники среди болтливых фонтанов. Мычал несчастный бычок, запертый в китайском фарфоре на строгой полке. По шторе, достигая высшего совершенства, промчалась стая блестящих игл. Острие ставило мастерскую золотую точку.

Это было седьмое число. Ножик дрожал. Плавное поворачивался очищенный сочный шар. Качнулся ржаной сноп. Что там – вёсла сложили? Или – облизанные губы?

Долгожданный звонок от Андрея Ивановича ещё звучал в ушах – дин-дон, дин-дон. Весь в бороде, как Леонардо да Винчи, звал нас к себе в пронизанный спицами солнца сосновый бор – подышать озоном, погулять по сухим дорожкам, радуясь каждому шагу, ни о чём грустном не думать, спать в смолистом деревянном доме на широких самодельных кроватях, завтракать на веранде с раскрытыми створками, потчуться цветочным майским мёдом под несмолкаемый птичий гомон, щебетанье певчих гортаней.

Заманчиво всё это звучало в воздухе вокруг нас, мы медлили с решением, планируя наше лето, ждали ещё что-то, каких-то предзнаменований. Сочная долька, устав в плену пальцев, просилась в небо. Так оно и было в ту остановленную минуту, именно – так. Ползла спираль. Ножик дрожал, лоснясь.

Это был пруд под скатертью ярски, это был учащённый пульс, клейкие кружева, жгучие жала в широкополых шляпах. Я гулял по берегу, пересыпая в тёплых ладонях горсть улиток, толпились пахучие шапки, зонты, валериана. Загорелое плечо, глаза в глаза, здесь, смеясь, с пчелой в причёске. Сарафан с тесёмками накрест путался в суставчатых стеблях.

Я поднялся, отодвинул стул. И тогда вернулась та местность в призрачных полосах, будто чьё-то сброшенное перед самым пробуждением платье. Сяду с ней играть в бесшумные шахматы, и слоны будут покачивать изогнутыми белыми бивнями.

Весло кудрявится. Подводные камни возбуждённо переливаются и привстают. Зыбко складывается высоколобое приветливое лицо. Гулко – хоть аукайся. Разматывается путь, начертанный голубоватыми лабиринтами у меня на ладони.

Плеснуло, окликнуло кувшином. Два шахматных квадрата столкнулись на большой глубине. Она не обернётся, не вспомнит. Споткнётся на пороге, сломаются стрелки, растают на сырой щеке.

Я искал. Сто стёртых медалей брэнчало в ящике. Запонки – яшмовые муравьи. Л. стояла в дальней комнате, пасмурно опираясь о листовую чай. Сердцевина окрепла. Известия шелестели.

Ду-ду – донёлся сигнал. В чистом стекле отразились ноздри. Этот девственный призрак не просил очертаний. Запах апельсина не выветривался с пальцев и бродил, бродил по комнатам, не отпускали его из дому. Раскрылся на середине альбом с рисунками гусениц. Челюсти грызли сочный лист.

В стёклах мелькнул солдат. Уголёк раскуренной трубки запутался в кудрях двух берёз. Из булочной никто не появлялся, ванильный, с изюмом, горячий, испечённый. Самолёт, качнув четыре слюдяных крыла, бесшумно сел на лучшую стену, и нельзя было его смахнуть. В чём-то горле, в минуте ходьбы отсюда, булькая, полоскалась сода. Войско крохотных храбрых муравьев пропало без новостей, и я напрасно рассыпал на их пути сахар. Вот как. Всё в тот день делалось напрасно.

Утюг пыхтел. Гибкая талия близко от меня сгибалась над блузками. Ничего нельзя было выбрать к переменчивому лицу. Стремительно крутились спицы велосипеда.

Деревья, звери, горы, океаны, необъятное и необъяснимое небо. Бинобль придвигал отчётливые поля, облачную дорогу, лётчика в голубоглазой пилотке. Стрижи перечеркнули стол и пропали, их сдули могучие губы.

Солдат фукнул в усы – взвилась стая воробьев. Разложил на столике газету, резал штыком сало на прозрачные лепестки, над тополем блестела выгнанная из рая бутылка водки. Солдат взял её и сорвал пробку. Потемнело, сад зашатался, посыпались вороны. Метнулась змейка, ударил железный гром. Бледные руки проворно закрывали рамы. Я боялся взглянуть в сад: опять сидит на сочной траве, полуодетая, с младенцем у голой груди. Перешёптывались верхушки, в шкафу стукались вешалки. Колесо велосипеда крутилось под горку – литой диск. Голоса, Чапаев, пулемётные ленты, в стёклах брызнул слепящий Щорс. Подступило лицо в судорогах, всматривалось, лоб забинтован, в пятнах раздавленных красных вишен...

По улице бежало разгромленное небо. Трубка не раскуривалась до восьми вечера.

Послание гласило: "Ночным поездом из Софии. Просьба встретить. Болгарин." Будильники давно не заводили. Журчало радио, пели утопленницы, крутились кружочки пены. Я через стол переглянулся с чашкой. Губы качнулись.

Я не мог спросить о незнакомце, который извещал нас о скором своем прибытии. Словарь командовал полкой – мрачно-лимонный полковник. Числа теснились в пустых конвертах. Овалы трепетали, перепутав ночной и утренний лай. Полнолуния монет закатывались под диваны. Пятна лгнули к новому её платью. Я отстранил нетронутый лист.

На причале смола липла к босым ступням. Мячики прыгали на волнах. Я стоял, смотрел. Бронза копеек текла сквозь неоскудевающие пальцы. Великан-соловей удалялся – ликующий клюв. Небо на щеке, не щёлкал. Поставленная в пятницу точка созревала. Тень моего стола простиралась за Гатчину.

День воздвигал из линз горячие купола. Письмо с лимоном рассеянно читало на веранде чашку чая. Кто этот пишущий ночными болгарскими поездами?..

Гости съезжались на дачу. Буква с чёрными крапинками на жёлтой спинке ползла через страницу. Реактивный гул спугнул курчавые бакенбарды, разлил чай, выскочили с боков два упругих чёрных крыла. Взвилась, возвращаясь в умное небо.

Летучаямышь, завернутая в зеркальную шаль, скользнула наискось от стола к книгам. В широких створках отразились корешки с названиями, от которых гулким колоколом забилося сердце. Л. мочила ноги в пенистом шорохе раздвигаемых штор. Географическая карта кивнула, приглашая к полноводному путешествию. Пробка пахла йодом выброшенных на берег водорослей. Ладога подошла, колыхнув платьем, гладкие колени.

Я целовал нечётное число. Бесцельно топтались на столе пальцы. Сидели в саду семь зверей, неподвижно сидели они перед раскрытой верандой, никогда я не видел бессмертных лиц ангелов. Белые губы молчали. Я ждал: когда же разомкнутся эти уста.

Шелест вошёл незамеченный. Взырошенная зелёная лапа искала Мартышкино. Расспросы заводили её далеко, густея по переулкам в мисках с душистой кашкой. Я оглянулся, почуяв вестника радости.

Это был новый рассвет. Пронеслись над глубокой подушкой гуси-лебеди. Облако кинуло на веранду тёмный камень прохлады. Солнце умылось, блестели листья.

Андрей Иванович звал в загорелом воздухе. В бороде у него гудел улей. Тюбики с ультрамарином и берлинской лазурью бряцали в карманах испещрённой куртки. Такой он был весь земной, сухой, с луговыми глазами полуденного Пана, с голосом кукушки в бору: раз, два, три, четыре, шесть, сорок... Приезжайте! Приезжайте!

Мазнуло дётгем, по шпалам убежал гудок. Тополевый пух плыл. Ласточка нарисовала стреловидный горизонт и умчалась, щебеча. Л. возвращалась.

Подняла с дорожки отсыревшую даму червей. Шла, задумчивая, повернув карту узорной стороной. Муха шумела в банке. Сбоку, из-под мышки давно уже дымился, булькая, кипящий хобот. Лепестки застелили стол и сели завтракать.

Испачкала новую юбку в раздавленных оранжевых существах и ушла переодеваться до позднего сыроватого вечера. Удар откладывался в долгий ящик с двойным дном.

Из сада заглянул гусь. Ветер рванул страницы. Лицо Л. исказилось. Я стоял, ждал. Сарафан старел. Горели глазурью развешанные горшки, глядела, блестел день.

Соломенная шляпа затеняла пострадавший от солнца нос. Обвевала цветущая вишня. Подушки сушились, не поднять потерянных рук.

Убегала, мелькая бронзовыми ногами. Горсть сладкого гороха, смех, поле ржи на подоле.

Небо, земля, спящие ресницы. Книги бегут по стене. Входит рассвет и тушит лампу.

Пальцы-ящери. Чайки летят с залива, несут крикливую весть. В лодке пусто. Здесь живут катастрофы. Море в рамке.

Глубокое раздумье. Тонут ялики. Море уйдёт, оставив складки смятой постели. С часов убежит молоко циферблата.

Рука, чашка с цаплей. На скатерти стремительно разрастается новый материк. Мы придумаем имя этой неизвестной стране. Мы там бываем. Мы там обязательно когда-нибудь бываем.

ОДНА ЗИМА

Гора не гора, чёрт поймёт. Метель её почти съела, рожки да ножки. Молния по склону – слаломист. В такую погоду... Гул подъёмника, ровная нота туго натянутой струны.

Меряй не меряй – семьдесят два шага. От одного конца платформы до другого. Число хорошее. Кто ж спорит. Чудесное число, Что мне с этим числом делать? Мальчик отморозил пальчик, а мать грозит ему в окно. Выбрали мы с ней денёк.

У неё крепления жёсткие. Окаянная метель. Где полого, там и спустимся, а то – недолго и шею сломать. Сосна у подножия в конце спуска. И что не спилят.

Падает да падает. Вся в снегу. Я не я. А там, высоко – железная будочка, а в ней мотор подъёмника трудится... Пусть, пусть думает, что хочет, что заблагорассудится. То в жар, то в холод, то нараспашку, то застегнут на все пуговицы. Серебряные змеи через сугробы поползли.

Я люблю пить из толстого стакана, с гранями, а там буран, машина, хлопья совсем ошалели, хмель зашумел у них в головушке, рой за роем, и чего там только нет, на дне этого метельного стакана. Урала я не видал, никогда, даже одним глазком, даже в щёлочку мутного щемающего сна. Это моя печаль, просто беда. Ух, как тут жарко натоплено! Снежинка спускается, а её крутит-вертит, заносит, ей не удержаться, она уже далеко. Ох, далеко...

Мы встречаемся. Теперь Эрмитаж. Да, и Эрмитаж дождался своей очереди. Даже забрались в Гатчину. Зимой в Гатчину. Павловский дворец закрыт. Ремонт. Намёрзлись. Эрмитаж – дело другое. Да. Зелёный костюм; нет, нигде он у неё не измят, чуточку, в незаметном месте, так, морщинка, не бросается, пустяки.

Я смотрю: Нева, шпиль, золото зябнет. Мы с ней заперты в медной башне. Живот – увядший ландыш. Денежки счет любят. Курочка-ряба, дождь обложной. Дождь-Зевс. Кесарево сечение. Ай-я-яй. Нарезался. Мытарь Матфей. Урия...

Утром болит голова. Во рту сухо. Мне надо, как воробью. Пузырьки возносятся и лопаются. В моём мозгу лопаются эти беспокойные пузырьки. Они полны голосов и шума. От двери дует, входят и выходят. Мы сидим за неудачным столиком. А ещё тут дым многоярусным коромыслом. Хотя на стене и грозит восклицательный знак: курить запрещено! И раздражают плечи выпивох в коротких распахнутых пальто. Она так и говорит, со злостью: "до чего же они меня раздражают!" Здесь их приют. Они приходят сюда погреться.

Ещё мы столкнулись кое с кем на Гривцова. Знакомый, не знакомый, прошлое. Да минёт меня чаша сия.

Ни с творогом, ни с грибами. Это не блинная, это – кафе. Месяц назад была блинная, лубки, а теперь по перекрашенным стенам бегут на раздутых парусах фрегаты, придумает же! Так нельзя, знаете. Я не Саша, меня зовут совсем не так. Русский музей, Лунная, Куинджи. Мы еще там окажемся. Её подноготная меня не касается, пусть побережёт. В конце-то концов... Неважнецкий, гуща.

Хожу из угла в угол. Эти скулы я взял у угрофинна. У серпа из-под Пскова. А смуглую кожу подарила прабабка из табора. У нее тоже – шумеры. Икры балерины. Я судить не берусь. Какой я судья в таких делах. Зато о литературе я готов день и ночь, соловей, и она слушает, острова, Малая Невка, мёрзлый песок, шербатый лев с мячом. Серьёзная, безбровая, ловит каждое мое слово. Тревожная. Нежный, как раковина, рот. Мог бы и не найти в этой толчее. Запросто. Да. Везенье. Номерок в косметический кабинет на Конногвардейском бульваре на два часа дня. Ничего. Пока поболтаюсь. Шоколад "Тройка". Они шьют верхнюю одежду, окна цехов выходят на Гороховую.

А в "Баррикаде" "Гибель Титаника". Работёнка у неё. Убегай посреди бела дня – начальник звука не проронит. Кинотеатры, сквозняки, чихи, кашель. Пижонить без шарфа. Не горло, а горе луковое. Хорошо хоть телефон – хрипи себе в трубочку.

Не мытьём, так катаньем вхолостую. Сразу не разберёшься, и в себе-то, не то, что в чужих потёмках. В публичке кудряшками мотают: чего-чего, а такого у них нема. Ну и ладно, не очень-то и мечтал штаны просиживать. Чума, Камю. День чудесный. Спятил я... Погашено. Никому ничего я тут не должен.

Сад, снег, решётка, Екатерина, тепло укутанные шахматисты сгрудились у скамьи, у них тут клуб. Квадрига Аполлона мчится вскачь в мутном зимнем небе. Нет ли билетика? Жизель. Чему я, собственно, радуюсь? Улыбаюсь блаженно, как дурачок, которому дали грошик. Сияю. Масляный блин. Это не я говорю, это мне говорят другие. Яблочко наливное. Апельсины у Елисеева. Невский, он такой... Поворачивай оглобли. Разоренье, ей богу.

Витебский, иголка. Троллейбус, стальной лось, громко уронил рога. Грузчик-гигант, бляха, козырёк, рождает же земля. Зачем я здесь? Не вспомню. Со мной бывает. Со мной ещё и не то бывает. Не на верзилу же этого любоваться? Чудесный зеленоватый просвет между двумя коробками на Загородном. Меня привело сюда наитие: застать это чудо, оно длится только одну минутку.

Наверное так. Что же ещё. А вчера – Верещагин. "Апофеоз войны". Пирамида черепов. Шторы-штрипки. За шторами – сучья. Вот он, твой Михайловский.

Заморозить решил? Рабочие жгут доски в железной печке на снегу. Пламя пляшет, рыжее, жаркое, Шива, это её волосы. У неё есть тётка, у тётки дача за Вырицей, зимой дача пустует.

Не уезжай ты, мой голубчик. Застрянет в яме и твердит, твердит: не уезжай, не уезжай... Долго мы будем гулять по кругам этой заезженной пластинки? Ною в ковчеге помогала она коротать бурные ночи. Вот что я скажу. Седобородому старику Ною была бы крышка. А с музыкой – плевать на потоп. Тут мыши. Две, по меньшей мере.

Каждой вари на паре. Дрова – жар-птицы. Пых – и нет полешки. Не натопишься. Эта дверь на веранду. Дует. А вот мы её сеном, охапками. Барахла у тётки. Смородинное! А ты говоришь – глушь.

В трубе выл волк. Не страшно выл он, так себе. А электричка, выскочив из елового леса, в панике, клыки за ней гонятся, лопотала колёсами под самой стеной, и вагоны, пустые, жёлтые, бежали по горячему зрачку.

Не знаю... Пальцы манят. Мёртвая голова на блюде. Вот и толкуй... Тьма, хоть выколи. Господи, что ни волосок – Египет. Сам я себе – и палач и казнь. Вино и хлеб. Это что же: мы с тобой вчера всё подчистили? Обжоры... Полнолуние, морозный ореол, самовлюблённая, сама собой не надышится, над елью, прожектор... пол ледяной, коньки... Что я маюсь? Опять, опять это. Разве мне сейчас не хорошо? Нет, не буду я пока ничего говорить ей. Перст в пустыне. Составь вот так – шалашиком, видишь: какая смешная тень на стене. Глаз это – море, круглое, тёмное, и на море – острова, архипелаги.

И в это море впадают реки, большие и малые, и совсем мелкие речушки. Морю без рек – никак. Азбука. И эта впадает, а зовут – Оредеж. Зубами скрежеща, давали ей название. Колючая, мрачная, моргает камышами. Здесь снег как и не шёл. Черное стекло. Ночное окно, завешенное водорослями. Лежим животом, ухо приложили: что там подельывают рыбы? А ничего особенного. Спят не спят. Бормотание жабер, вздохи, бульканье, писк и даже как будто поют, унылый такой хор. Трах! Река-то постреливает. Трещина – от берега до берега.

Тишина тут. Нервы лечить. Целебные губы – заснеженный берег, тянутся, нежные, утешительные, целуют в сердце, и оно вздрагивает, лёгкая боль, хвойный укол. Спокойно, спокойно, дружок. Всё хорошо. Ты в каком веке живёшь? Скажем так: тишина тут психотерапевтическая. Сплошь застроено, шагу не ступишь, чтоб не споткнуться о санаторий. О чём речь. Это всё не по мне. Подальше б от шума, от языков и глаз. Жил бы один в лесу и молчал. С соснами, елями. Сто лет. Одичал бы, зарос, леший. Голосовые связки – до свиданья. Атрофируются. Только я жалеть об этом важном органе ничуть не буду. Так-то.

Бубенчик, а не собака. Звону-то, звону! За кем она там гонялась, сумасшедшая четвероногая, за каким красным зверем? До сих пор у меня этот звон в ушах, снежный ком, катится, катится, так и привёз его в город.

Просвистел сумочку. Сосу лапу. Неужели это То? А я думал: уже крест. Дантес, Чёрная речка, мочёная морошка.

Какой ты умный. А что мы будем в рот класть, светик? Как это – что? Купим килограмм колбасы, сыру копчёного, он как поросёнок, с хвостиком, в шуршащей обёртке. Мёду купим – бочку. А ещё селёдки бы развесной, чтоб сок тёк. Тут на углу. А то – в "Океане". Хочешь селёдки?

Тоска. Шатаюсь. Юсуповский сад. Сам я в щетине чугунных решёток. Со всего города. Детский визг, горки. День сизый, бобёр, с изморозью. Её Римского-Корсакова. Никольский. Поставить свечку. Бабушка. Мы туда обязательно. Она мне в душу смотрит. Понимаешь? С укором. Это её слова, не мои, повторяю её слова – вот какая у меня теперь забава. Может, и пронесёт, а? Не все же – чёрные полосы. Перо чешется, поди ж ты – гусиным пером... Что я кружу тут? Вон какие рожи с канала плывут. Так и говорит: тошно от рож. На работе, на улице, в метро, пойдем в музей, там портреты. И мы опять идём в музей. Шагал "Моя жизнь". Этот не довезёт, куда ты меня тащишь. Седое стекло, искрит, поворачивая, от кольца ещё ого-го пёхом. Первая подворотня, кап.ремонт, обойди, там и обитаем, кавардак, склянки, банки, чёрт в ступе. Жди. Переселят, когда жареный петух клонет... Читательский билет истекает. Ай-я-яй. В январе.

От метро "Чернышевская" – шаг. По его словам. Нет, на великана он не тянет, рост средний, и вообще... Полу-серб, полу-чех. Оноре де Бальзак. Бывал когда-то да смазалось. Вот и ищи его Войнова десять. В морозном тумане. Э, батенька, сыт баснями. Будь я у него час назад, и то – труба. Где шёл, какой улицей, мимо каких домов, магазинов – убей. Сплошное белое пятно, а в нём вроде бы и бетонные столбики, вроде бы и ворота, всегда нараспашку, унылый двор, неказистая дверь. Я ориентируюсь. Уникальная способность. В двух соснах. Так, поболтать о материях. Дворником, шевелюра, пиджак, брюки, бахрома пол метёт. Шкаф ломится, рукописи, квасится в собственном соку.

Сварганит чашек. Николай, Николай, сиди дома, не гуляй. Нева – саван, свинец. Ладненько.

Зоратустрим, голубоглазая бестия? Буквы едва брезжут, не рассветёт никак, под копирку, пятый или шестой лист. Бессонница горбится над столом, завесаясь махоркой.

Мужской монастырь нас с тобой зовёт, чижики. Лавру видно, сквозь грусть, сквозь черную пыль и бензин.

Приберег ко второму пришествию. Вилкой в зубах ковырять негоже. Нет, нет да и схватится с гримасой за щеку. А к стоматологу – арканом, В обществе себе подобных, я не в счёт, хранит рот в гробовом молчании. У него сестра Аня, мать. Я похудел, волнения, пятое, десятое. Он – утёс посреди бушующих волн, само спокойствие, брюшко с четвёртой дыркой в ремешке спорит.

Старая история, старая. Трафальгар, тра-та-та. Ядра ржавеют, мортира. Оба цели, зоркость орла, хоть на мачту. У глазного нижнюю строчку... Суворовский. Ничего не пойму. Я на Невский ехал. Что там за беломраморное видение? Смольный? Он самый. Каким колесом меня занесло? Вскочил наверное в номер, а какую-нибудь цифру и проглотил вгорячах. Шуба, шапки. Просветлело. Не зря, значит... Как баба. Что-то я в эту зиму не то, чтобы ослаб... Дерни посильней и – вдребезги.

Сырой снегопад на Мойке. Купол Казанского. Нет уж, черепаха, раз пошли, так будь добр, переставляй лапы. И повалило, повалило – лавиной, нос, ресницы, дома, мост, "Висла". Синий плащ, капюшон, бледная, безбоянная, махнула рукой. Стряхнул сутроб с шапки и побежал вниз по ступеням.

В мире-то тесно, а в городе – и не заикайся. Ресторан Адмиралтейский. На какой я теперь посудинке? Да теперь я, знаешь – суша, моряк в седле. Пирог. Как же его фамилия? Симанюк? Татарцев? Якоря. Коктейль "белый медведь". Шампанское с коньяком – еще курсантские его замашки. Галстучек. Глазго. Встречал ли я кого из ребят? Магомет с Магометом. На круги своя.

Рафаэль, темно. Лиза, тройка, семёрка, туз. Так мы никогда не выберемся. Выход там... Галерея героев. Из собрания. Но зачем же попирать мёртвый картофель? Голова Олоферна. Квадратный морозный рот, Нева, Биржа. Ангел с черным лицом, весь я не умру, лес статуй. С такой каруселью в голове... А что?.. Нарвские ворота. Карфаген, Троя.

Не зря змея снилась. Трамвайному парку требуются кондукторы. Спасательный круг. Что у него там? Пустые бутылки? Кошелёк с деньгами на тротуаре не попадает. Ты да я да мы с тобой. Компанийка. У неё не всё клеится. Утешительного – с гулькин нос. Голос грустный. Чего я от неё хочу? Ничего я не хочу от неё. Гуляем. Канал в снегу. Казанский тускло-сливовый, и небо это... Каркай, каркай. Оно и к лучшему. Лицо у меня... Мёрзлый лимон. Татищев, с ятями. Такой опущенный, можно подумать – навек. Денька три. Стрелой, туда и обратно, привезёт шорох подошв с Красной площади.

Без чая – хоть плачь. Её поезд ночной. Опять напутую. Прибытия, отбытия. Лук, чеснок. Часы ткут паутину наших встреч. Часы-паук, чуткие лапы. Чтение, считать в уме до тысячи. Бессонницу этим не поборешь, попробую вечерний бег. Поздно креститься. Гром грянет, подкатывается, бормочет уже. Знаю я... Ясно. Симптомы, испугом не обойдётся. Тот, на Гривцова – санитар... Влип. Чёрная муха. Кожура мандарина, пожар, ку-ка-реку. Вагон шестой.

Господи, укрепи. Гомеопатическая. Аничков. Ржанье. Кони, кони, ах вы, кони. Не юноша, а туда же. Глаза ввалились, прикусил язык – до Восстания. Глупо, а вот... Не гонит, и то... Блаженный, юродивый... Прямой нос – находка. В чухонском городе. Она взяла свой с камеи Гонзаго. Мой валенок рядом с Афиной-Палладой, и весь город нас видит, взирает на эту парочку. А я и рад. Да чему ты радуешься, жужелица?

Толпа, косоротая. – Чей ребёнок? – Кокарда продирается. С ума они все сошли!.. Бим-бом, кошkin дом. Своих дел... Лиговский. Новая почти, с погонами капитана второго ранга. Даром. Зачем мне шинель? Кураги, чернослива, изюма, варенья из айвы, хурмы, халвы. Обыкновенной картошечки Волосовской. Лицо в оправе. Своей рукой. Тамбур, стачка. Трясёмся. Да вспыхивай ты, сырая сера! Это мы куда? Из города поскорей или – покорно, смиренно, поджав хвост, обратно – в камни?..

Заведём попугая. Зелёного попугайчика и научим: дайте на пропитание бедному попке. Попка подохнет. Гости размякнут, насуют денег в прутья. Гору денег. Вот и прокормимся. Пропопугайничаем до марта, а там – солнце греет и глядеть веселей. Сумерки, идеи у нас, сама не знает – что надо. А я знаю?.. Стекло, тонкое. Стекло это – я.

Сто рублей. Варшавский. Чугунная рука далеко видна. Трамваи ходят, как ни странно. И по Обводному, и везде. Год не ходили, а то и два. Вообще-то не ожидал. В ушах у меня ещё полевой ветер свистит. От лыж. Не смехи... Спортивный значок. Спартак. Спартанец, привычка – вторая натура.

С одних колёс пересел на другие. Четырнадцатый, черепаха, тащится. Если бы домой, а то... Чучело, пугало, врешь ты всё... Щорса?

Сиротливая сигаретка в мрачной продовной парадной. Дым, туман... Жильцы дома, экзотические аквариумные рыбки, тычутся тупыми носами в борта моего пальто, взирают робко, шевеля жабрами, молят: скорей, скорей! А то умрем... простите, рыбки, не за того принимаете. Ваш хозяин не я. Ошибочка. Не я, кто-то другой обязан приносить вам корм.

Левако – два звонка. Медная дощечка. Глухо. Не подходят. Дома нет. Что ж такого. Нет дома. Придёт.

Лай на лестнице. Резкий, как в туннеле. Мопс, злоба. Мопсик, не лай. Пожалуйста. Очень тебя прошу. У меня в ушах скрипка, а не барабан. Сяду тут на ступень, возьму смычок – собственный позвоночник. Струны – нервы. Что вам сыграть? Шуберта?

Нацарапал отчаянные вопли, сунул в дверную щель. Левако всегда выручал. Скорая помощь, латинский словарь, глаз-стеклорез. Где шагается...

Кошевого. Облачко над ртом. Испаряйся. У меня много. Всякое дыхание хвалит... Руслан и Людмила. Коробица. Вот бы... Да на какие шиши. Хорош. Из пальца высосать? Как я покажусь с голыми руками на Новый год? Еду, еду, не свищу, а наеду – не спущу.

Московские дни её надломили. Бодрую её ось. Что-то с ней такое... шоколадный дед-мороз. С ликёром. Дорожный шампунь. Мылась в ванне, а вокруг дохлые рыбы кверху брюхом плавают. К чему бы это? Паникёр, один в поле воин. Афиши, афиши. Музыку любим. От музыки без ума. Э, да у тебя плешь светится, волшебный стрелок! Полянка, лес дремуч, за стволами... Земную жизнь – до половины... Достал вот. Да оттуда. У кассира из зубов вырвал.

Хрустальная, синенькие, зелёнькие. Скрип, серьги, гриф, подбородок. Не партер, а страна озёр. Так на то они и лопари, чтобы лопотать. Мы из Суоми – раз моргнуть на автобусах. Не мни. Сам Темирканов. Палочка не машется, ещё не проснулась. Даже к финским скалам бурным обращаюсь с каламбуром. Слушал не слушал. Медведь во фраке, Собакевич, манжеты-флажолеты, опрокинет пюпитр. Ёрш в горле, прокашляться бы. Шипят. До сле...

Никакая не луна. Сочиняй. Подышим до техноложки. Так судьба стучит в дверь.

У неё отец эстонец, хутор, ни слуху, ни духу. А мой? Спит под крестом на горе. Крепко спит он. А над ним метель, метель. Он в той метели. Его высокий, в залысинах лоб, у него тост. Вот я к нему и поднимаюсь. Каждую зиму поднимаюсь. Один.

Февральский стакан в руке моего отца не расплеснётся; чтобы жизнь беда полная; толстые, румяные губы, пилотка...

Зря. Сам я на грани. Тоже такой. Родился бескожий. Растили ложкой рыбьего жира.

Боюсь провалов, память – ужас... Поэт, муза, на холмах Грузии, я помню чудное мгновенье, я Вас любил, мчатся тучи. Медный всадник, тиха украинская ночь, площадь Искусств, плоды любимых дум, не дай мне бог сойти с ума, есть в мире сердце, где живу я, он слаще всех жар сердца утолит... Забуду. Вылетит из головы. Как воробышек. Порхнёт, и нет ничего.

Этот мамонт ещё не вымер. Розовые твои очки, а в них торгаши, рынок, семечки лузгают. Пирожки на Сенной. Не совет. Какой я советчик. Предупреждение. Одна и та же чепуха. Студенты, солдаты. Безрассудная, угорелая. В этой толпе пустых глаз. Дыр с зевотой.

Ватные штаны в Апраксином. Орешки, отборные, идут в ногу с похоронным маршем. Весёлые ребята. Потёмкин. Волга, Волга. То ли волхв, то ли волк. Челю. Притча во языцех. Блатное местечко не валяется. Знает одного человека, так он теперь миллионер.

Махровый халат, мокрые, окрашенные хной... Шитье, что-нибудь. Шалтай-болтай. Сегодня – мед, завтра – яд. Принимай за чистую монету. Запальчиво, с вызовом, подбородок, мрачная, торжественная. Ай, как мы грозны! Мечем молнии. А в чём я виноват? Что не халдей? Гороскопы не по моей части, знает. Что у неё на роду – топором не вырубить. Изменить не в моих силах. Долю, дольку. Не в компетенции. Распределением не заведую. Тем дворцы, этим – шалаша. Кто ж спорит. Шушера. Соломки подстелить...

Деньги с неба не польются. Где такой благодетель? Жить за кем-нибудь, как за каменной стеной. Об этом мечтает одна её знакомая.

Как там Оредеж? Лес чешет словый затылок, нос-шишка. Начальник расщедрился, даёт десять дней, целых десять, все пальцы. Это ж вечность! Понимаю? Она, я, и печка. Потрескивают дровишки. Возьмём вкусенького. Воз с прицепом. В три. На вокзале.

Промёрзла наша дачка. Дым в дом валит клубами, а в трубу не хочет, подлец, упирается, воюй с ним, А вот мы тебя, дым, выпроводим метлой. Уходи сам по добру, по здорову. Тяга – дрянь, но обещает исправиться. Что ты на это скажешь? Смеётся, поёт, белая шаль, Оренбург, топчет валенками. Чудная. Запомним эту ночку. Рюмка водки греет ноздри.

Нашёл кучу пластинок. Отрада тёткиной молодости. Романсы, романсы. Сличенко.

Разобранная постель разглядывает себя в зеркальном запотелом омуте. Комод-бегемот, стеклянный живот. Лежим посреди посуды – тарелок и чашек, призрачные, отражённые, на другой планете. Стон гитар. Эти мелодии нам прислал Уругвай. Ах, Уругвай, угар, ягуар, отравы. Железный многоколесный ком. Грохот за рамой. Да это поезд. Пустые вагоны бегут в город. Десять, ровно. Их всегда десять. Тихо-то! Прорубь. Мягкие теплые губы. Звёзд... Опять... Шпалы грохочут, трясутся. На моей щеке эти шпалы трясутся, и вся дорога.

До мельчайшей чёрточки, до последнего вздоха. Запомним, запомним эту ночку.

На эти островки взбираются по лестнице. У неё под веками, за тростником ресниц. Шаткая, всхлипывает, перила слёз. Год за годом...

Город чихает. Носовые платки вспархивает то тут, то там. Береженого бережёт... К врачам обращаться... В ножных кандалах. Эпидемия. Ерунда в решете. Нужен неуловимый Левако. Позарез. То средство. Оно бы помогло. Ясно. Помогло бы. Радиотехника, баян. Перстни. Везёт в любви.

Зыбко. То да сё. Шарик крутится. Ещё оборот. А какой он – собака? Порывкивает, показывает клыки. Шалишь. Не робкие. Река забвения. Лета.

Строим башню, заоблачную – лебединая шея утонула в небе. Нашей башне будут завидовать ангелы. Царь вавилонский, Навуходоносор, пришёл посмотреть работы. Недоволен, разгневался, ногой топает. Нашли место. Почва – ползучий песок. А кругом – болото. О чём мы, глупые головы, с тобой думали? Горе-строители...

Как верёвочка ни вейся... Загнем под горку. На что я надеялся... Год прошел – и ничего, вот и решил... Не сплю третью ночь. Висит это надо мной. Оборвётся с часу на час. Страус, спрятаться. Толку от таблеток. И вообще – толку...

Не видимся. Не подхожу к трубке, не открываю дверь. Ночь. Стучат в стену. Тихонько так постукивают молоточком. Забивают. Гвоздик забивают. Да, гвоздик, должно быть. Что ж такого. Забьют, повесят картинку в спальне. Лес, медведей, Шишкина. Баркас, бурлаки. Иван Грозный убивает сына. Я не возражаю, с чего бы мне возражать. Сажу в кресле и смотрю, не отрываясь, на эту стену. Смотрю, смотрю. А в неё всё стучат, стучат, громче, громче...

Вошёл в дом. Лётчик на столе, ногами к порогу. Долетался. Не в небесах. Если бы... На грешной земле. Во сне. Спящего, в висок. Тайга, уголовник. За что? Было бы за что... За характер.

Отец и младший брат собираются в Сибирь. Чистят и смазывают части припрятанного на чёрный день Т.Т. Севрюгины. Знаю...

Турникет на дворе, осиротелый, хмурый, без рук, без солнца.

Подбрось шаечку! Не жалеи! Чтоб вышибло! Не в рай, так в ад.

Баллон кислоты. "Данаи" нет.

Я в яме. На гнойном дне. В бинтах, Бедный Лазарь. Живой труп. Йод, йод. Размотайте! Ради всего святого!.. Дорога, пилигримы. Куда путь держите посохи? – А в Софию, болезный. На яблочко.

Один шаг. Так просто. Шаг с подоконника. Мутно. Туман. Двор расплывчат. Четыре этажа. Достаточно ли? Отделяются переломами. Как кошка. Срастётся... Жарко. Мороз. Рога огня из крыши. Алые, яркие. Это на Гороховой. Вой пожарных машин. – Простудисься, – голос за спиной. Спокойный такой, погасший голос.

Окно в сапогах. Что надо? покой ему нужен, полный покой. Больше ничего. Так что – не тревожить. Всё. Последнее слово. Месяц такой нежный, пушистый, как цыплёнок, этот месяц. Эй, ясный, будь добр, протяни руку – помоги мне выбраться из этой ямы. Друг-месяц... Что ж ты... Протяни луч... Ходят и ходят, катают в коридоре тележки. Уснешь...

Принесла гранат. У, фрукт! Где она такой раздобыла? Гранат-гигант. Поправляйся! – говорит она весело и звонко. Звонко и весело она говорит. И глаза у неё добрые. Ласковые и добрые. Тёткины ключи ещё у неё. Дача скупает. Выше нос, барбос!

СЕРЕБРЯНАЯ ПЫЛЬ

В раскрытое окно моего третьего этажа заглядывают зеленые кленовые носики. Стучу с утра на машинке. Дятел, долблю букочки. Тополиный пух летит, летит, июньский путешественник, гуляет по квартире из комнаты в комнату. Ах, уж этот неотвязный, вездесущий тополиный пух.

Первый час! Где туфли? На охоту идти – собак кормить.

У метро старухи продают ландыши. Последние ландышки.

В саду тенисто. Свежая травка. У фонтана толпа. Серебряная пыль, ключ отрадный. Лжедмитрий, Мнишек.

На дорожке остро блестят кристаллики кварца. Идет, задумчивая, увидев, вздрагивает. Она, видите ли, забыла начисто, в котором часу мы договорились встретиться. Вылетело у нее из прекрасной медноволосой ее головы, вылетело, как воробышек. Ах, ландыши! Я их уморил, изверг, они же едва дышат! Такая уж их участь, говорю. Она не согласна, надеется бедные цветочки оживить, несет к фонтану. Перегнулась через барьер, окунает букет в мутную, бурную, замусоренную бумажками, в пене и пузырьках кружащую, вихрастую воду. Этот ее жаркий, пышный, медно-блещущий конский хвост на спине, это марево, этот мираж, ум мутится, голова кругом...

Свободная скамья в конце аллеи. Рупор орет, приглашая на освежительную автобусную прогулку к Петергофским фонтанам. Мраморная нимфа разомлела на своем пьедестале. Голуби-бродяги, клюя, крутятся у наших ног.

– Как дела? – спрашивает.

– Плачевны, – отвечаю. – Пишущая машинка на ладан дышит.

– Который час? – спохватывается она. О! Ей пора! Она же предупреждала: у нее только одна минута. За ней слезка, за каждым ее шагом. Бинокли с балкона. С Купчино, как на ладони, все видят. Нет, нет, провожать не надо.

Зимний, площадь-пустыня. Столп нерукотворный. Понурые лошадки, запряженные в прогулочные кареты с поблекшими золотыми орлами, страдая от жары, поджидают чудаков-пассажиров. Удаляется, легкая, гордая. "Куда!" кричу. "Стой! Проглотит арка Главного штаба!" Не слышит. Машины.

КЛУБНИКА

Столбик ртути у нас за окном ясно говорит о тридцати градусах по Цельсию. И это только начало, до каких вершин жары он еще поднимется, он не берется предвещать. Не исключено, что мы спечемся по дороге, как картошка в золе костра. На ней пляжная соломенная шляпа с широкими полями; по выражению ее лица не скажешь, что она горюет.

Лужская электричка. Мы – последняя капля, переполнившая вагон. Стоим, стиснутые, в проходе. Она обмахивается шляпой, смахивая столб за столбом, станцию за станцией, до Сиверской. Тут народ вышел. А мы дальше.

Не доезжая Луги, вышли и мы. Мшисто, болота, чахлые березки, черно, гарь пожарища. Бредем по расплавленному шоссе, ее хоть спасает соломенная шляпа, и она надеется, что ей, все-таки, хватит сил дотянуться до тенистого, прохладного места; что касается меня, то, по всей вероятности, меня с минуты на минуту свалит солнечный удар.

Домики, огороды. Вот он! Труба блестит. Две сороки, белобокая парочка, растрещались, как на базаре, хвостами машут. В доме прохлада, отдохнуть, посидеть, а то и полежать на диванчике. Да вот беда: торопиться надо. Не отдыхать мы сюда приехали, а клубнику собрать с грядок. Успеть до грозы. Смотри: стоит на краю неба, темная, как Сатана, ведрами погромыхивает. Грядки полымем поlyphают, жар, как из печи; клубника переспела, осыпается; нагибаясь, голову будто в огонь окунаем; а корзины бездонны, век не наполнишь; в глазах кровавые чертики скачут...

Собрали, внесли в дом. О, боже! Какое блаженство! Лежим, в чем мать родила, я на диване, она – на тахте, отдуваемся в прохладе, как рыбы в пруду, на дне, в тине. Вдруг она подняла голову: "Гремит!" Точно: гром. Брызнула змейка. Раздался другой удар, резче, будто рядом. Осинки у канавы низко согнулись. "Успеем. На шоссе автобус ходит".

Вышли на шоссе. Корзины тащим. У меня две больших, у нее – две поменьше. Стемнело, как ночь. Кто-то с громким треском разорвал на груди рубаху от края до края. Ударили капли. Ну вот... Прошумели шины. Старичок из дверцы: "До станции?". Только въезли – и ахнуло! Грохот о крышу... На краю дороги – фигура. Пытается накрыться прозрачно-синим плащом из пленки.

ЭДДА

Июль. Знойно. Уезжает в город, оставляя меня наедине с грядками. Тыквы поливать. На дороге спохватилась: "Шляпку забыла!". Жасмин осыпается. "Приеду в четверг" говорит мне. Дошла до поворота, обернулась, кричит; "Береги огород!". "А ты себя береги! Себя!" кричу в ответ. Она как-то грустно улынулась.

Живу привольно, радуюсь одиночеству. Погода не меняется. Люблю жару. Зной этот, ни ветерка, купаюсь в реке, пишу. Пишется хорошо, не остановиться, время летит. Сажу в тени под яблоней на скамейке, марая лист за листом. И не замечу, как уж пятый час. Живот есть просит. Вечером поливаю огород: помидоры, огурцы, кабачки, тыквы. И цветы в палисаднике. Потом иду гулять по дороге, километров шесть, до разлива. Мое любимое место, на крутом берегу, над обрывом. Сосна моя. Каждый вечер я прихожу сюда, стою, прислонясь спиной к теплему, шершавому стволу сосны, смотрю на закат. Смотрю, не мигая, провожаю солнце – оно уходит, золотое, за рекой, за лесом. Оно поет, уходя, и играет на златогрунтовой арфе. И каждый раз я слышу эту музыку и жду с тоской: вот замрет последний звук, и в мире

сделается темно. В реке купаются, плеск, крики. Под обрывом идут женщины с детьми. Дети удивляются: почему я так долго стою и смотрю на солнце? А женщины объясняют: дядя глаза лечит, есть такая методика – смотреть на закатное солнце, лучи тогда мягкие, нежгучие, и надо смотреть, часто-часто моргая. Вернувшись домой, качаю воду из колонки, наполняю бочки и корыта для завтрашнего полива, чтобы вода успела нагреться за день. Потом читаю до полуночи, потом – в постель. И сплю до восьми утра, и вижу сны, и не помню их, проснувшись, так, мелькнут какие-то хвостики. Распахнув дверь, выхожу на крыльцо. А там новый день, новое голубое небо, новое солнце, уже высоко, горячее, поет петухом. Блестят маслом листья малины. Стрижи и ласточки чертят небо.

Ни дождинки. Парит. Снял первый огурец. Четверг. Приедет вечером, как обещала, обрадуется урожаю.

Полночь. Не приехала. Видно, дела задержали. Завтра утром приедет.

Утром прислушиваюсь. Она приедет до жары, иначе в электричке спечешься. Вагоны бегут, рябя, за соседним садом. Через десять минут она будет здесь.

Выпив чая в саду под яблоней, беру ручку и начинаю писать; увлеченный, строчу лист за листом, не отрываясь, забывшись, давно так не работалось. Затылок печет, безотчетно передвигаюсь в тень. Очнувшись, замечаю, что солнце прошло полукруг и уже склоняется к западу. Шестой час. Приедет ли она сегодня? Мне так хорошо пишется.

Вот уже десятый день, как она не едет. Погода переменялась, задул ветер, ураганные порывы. Он не холодный, он – теплый. Огурцы прут, снимаю по 20 в день. Куда мне такую прорву? Кабачки вымахали. Невиданной величины. Уложил в доме на полу, в ряд, как футасы. Гляжу: и тыквы выкатились – желтые шары под широкими зелеными лапами.

Вечером, как всегда, к разливу. Стою, прислонясь к сосне; ураганный ветер, налетая, размахивает хвойными лапами у меня над лицом. Солнце ушло в тучу, и в мире потемнело раньше, чем вчера. Не знаю, что же это за дела такие, что так долго задерживают ее в городе. Можно бы позвонить с почты. А то – сесть на поезд и поехать. Да нет. Наверное, она хочет дать мне побыть одному.

Погода испортилась. Грозы, ливни. Теперь поливать огород не надо. Тучи работают. Вечером, после грозы, иду гулять, как всегда. Две девушки голышом купают коня в реке. Конь вороной, белая звездочка на лбу. Выехала верхом на берег, амазонка, без седла, подгоняя пятками и хлеща рукой по мокрому лоснистому крупу. Другая бежит следом, кричит, груди бьются. Стою у моей сосны над обрывом, смотрю сверху. Солнце, уходя, золотит травинки за дорогой и зонтики дудочника.

Снилось: будто бы я играю с каким-то диковинным существом – полукошка-полудевочка. Эту девочку-кошку я обнимаю, лежа, глажу ее по животу и груди, а она говорит, что не любит ласк с тех пор, как у нее умерли родители. Ее зовут: Эдда.

Купаюсь перед грозой, вода в реке теплая, черная; трава подняла удивленно высокие дуги бровей. Плыву и кричу ей: "Эдда!" Мигнуло. Капли клюют воду.

Высоко на берегу, над обрывом, под елями стоят две голые молодые женщины. Я вылезаю из воды и смотрю на них снизу. Одна – юная, белокожая, красивая, с тонкой талией и крутыми бедрами, широко расставив ноги и закинув руки за затылок, густые черные волосы тучей падают на плечи, – поет, беззаботно поет какую-то веселую песню. Ей хорошо, светло, она счастлива, это – Эдда. Гроза начинается... Ласточка слетела с ольхи, как серебряный лист. Мы с ветром читаем книгу в саду на скамейке. Ветер так быстро листает страницы, то к концу, то к началу, читая в обе стороны, что я за ним не поспеваю, и все у меня в голове перепуталось: трава, листва, тучи, ласточки.

Снилось: будто бы я в какой-то компании сижу за столом и пью вино. Подходит Эдда и садится рядом со мной. Статная, красивая. Солнечный день, ветер продувает комнату, залитую ярким светом. "Когда же мы будем одни?" спрашивая ее. "Позже" отвечает "позже".

Вернулся с гулянья. Отворяя калитку, вижу, что занавеска на окне веранды также полуотдернута, как я ее оставил. В саду мелькнуло платье, и знакомый голос позвал меня по имени. Нет, показалось. Пусто. Бочки и корыта с водой.

Гуляю. Мглистый вечер, накрапывает, дорога в лужах. Обогнали четыре девочки, идут, взявшись за руки, озорничают, толкая друг друга в лужу, смеются.

Не едет уже третью неделю. Июль кончается. Лодка в тумане. На плотике отец и сын, голые, гребут руками. Отец брюхатый, сынишка, как лягушонок. Костерок, музыка. Девушка лежит навзничь, руки под затылком. Юноша сидит на корточках, подкладывает в костер ветки. Пламя пляшет, веселое, золотое, языки разговаривают, торопясь, захлебываясь, перебивая друг друга. И эта мелодия. Ах, тоска, тоска! Болтаюсь вот один по берегу. Темнеет. Мокрый мох на березе. Стою тут, прижавшись к этому мху щекой.

Тревожно шелестит сад, трава пригибается, лопухи выворачиваются серебряной изнанкой, как раковины. В этом саду поселился дух тревоги.

Снилось: будто бы кто-то дал мне ружье и повелел стрелять в петуха на дворе. Поднял ружье, целюсь. А петух черный. В черного стрелять нельзя.

Цыгане идут в лес за черникой. Ведрами машут. Сидят на берегу под елью, когда я иду купаться. Тарабарят на своем языке, громко смеются. Смола горит янтарем. Ель статная, липкие губы. Эдда, Эдда... Цыгане собираются ее спилить. Я случайно подслушал их разговор. Они вполголоса обсуждали это злодейство, поглядывая на ель, один цыган держал в руке топор, другой – пилу. Днем они не решаются. Придут ночью.

Почему бы не позвонить с почты? Тут два шага. Через пять минут все узнаю. Или – ехать в город. Два часа – я там. Тревога растет. Неизвестность. Не выдержать мне этой страшной тре-воги.

Заперев дом, иду к реке. На том берегу – крутой, красно-песчаный обрыв, где мы приставали на лодке. Там, на обрыве, сосна высокая, к суку привязан трос с перекладиной: раскачавшись, прыгать в воду. Тот берег похож на этот, близнецы. Раздевшись, связываю одежду в узел. Вхожу в воду. Молоко. Держу узел, гребу одной рукой. Узел тяжелый. Тяжелей свинца. Захлебываясь, но узел выпустить не хочу. Сжимаю еще крепче. Ни за что не выпущу. Утону, но не выпущу.

ГРЕЗЯЩИЙ ЧАСОВОЙ

Невский. Троллейбус несется на всех парусах. Матросы, всплеск за бортом, светлой лазури. "Северная Пальмира" – обрывок разговора. Морозные пальмы растут на льдистом стекле. Растут в середине мая. Северная Пальмира, северная Пальмира, утес горячий...

Удар грома. Илья-пророк. Лиловый, забрызганный. Пассажиры, пузыри с бульвара, лопаются. Дождь долго не протянет. Рога, повернув, стряхнули молнию. Чижик-пыжик, где ты был?.. Мокрые липы. Лужи дрожат. Круги тревоги и смуты. Шаги, шины. Кваренги, глаза, облако, жеребец, афиша.

Не мелькнет ли тот плащ? Нью-Йорк, Нагасаки. Проспекты, стертые солнцем. На каждом углу ждуг приключения. За спиной звенит мое имя. Как упавшая на тротуар монета. Смотрю: никого. Нотный магазин. С нашим атаманом не приходится тужить...

Часами стою, задрал голову на какое-нибудь дерево, здание. Тополь в мокрой листве, дворец. Целый день не расстанусь с книгой. Забываю обо всем.

Рыбак, землекоп. Черный, как туркмен. У Казанского. Шлем майского шума, клинопись теней. Встряхнуться. Юные, яснолюбые. Что у них на уме? Эти истории – у всех, со всеми. Болен, влюблен. Вечер и ночь. Сон под утро, растаявший, как лепесток вишни. Мойка, Фонарный мост, переулок Пирогова. Дама червей, заигранная, затасканная, из той колоды. Морозный узор, Пальмира, Ишгар, Зенобия. Бродить, бормотать, пересыпая из ладони в ладонь, из ковшика в ковшик (что они все таращатся на меня, как на уголенника!) пригоршню жемчужных женских имен.

Эта лестница вызубрена наизусть. Круглый год. Плюя на погоду. Дождь, снег, мчусь сюда. Мы, кажется, знакомы?.. Метель, сумасшедшая, в мае, машет мокрыми рукавами. Тут фотоателье, надо подняться на третий этаж. Метель гиблая, падает, бьется головой о тротуар, о стены, разметались седые космы. Брат, муж, никто. Зачем я сюда забрался?.. Просят улыбнуться, чтоб снимок получился веселый. А я разучился улыбаться. Хоть режь. Корчить рожу, как желтый ботинок с развязанным шнурком, кислей лимона.

Книги кричат с витрины. Новинки. Песчаная буря, охра пустынь. "Как он обрадуется!" Автор смерчей и вихрей. Сирокко, самум. "Ты что, с луны свалился? Горячка? Глаза залепило? Той песчаной книги нет. Рассыпалась. Приснилась..." Пожимают плечами. Бывает. Зрительный обман. Глядишь на что-нибудь, а черт тут как тут: подменяет эту вещь на другую, так ловко, что и не заметишь фокуса. Злые шутки. Как с этим жить? Мне к Московскому вокзалу. Там встреча. Невстреча. Чует сердце: зря. Попаду в впросак. Беда со мной.

Захлестнут. Мост. Душит шею вожжой. Что-то такое в воздухе. Дышу, не надышусь, как смертник. Приговор во всем: в шуме листьев, в звуках, запахах, красках. Опоздал. Прости. В глазах темно. Часы встали.

**Раздел второй. Литература и Критика как ИСТОРИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА. ИСТОРИЯ и ЖИЗНЬ**

Татьяна Лестева

**«На то она и первая
любовь...»**

Максим Лаврентьев
«Воспитание циника».

**Геннадий
МУРИКОВ**

ДНЕВНИК КРИТИКА

«Страдания молодого Вертера»

Максим Лаврентьев «Воспитание циника»

Москва, РИПОЛ-классик, 2019

(печатается с незначительными сокращениями)

Т. Лестева. «На то она и первая любовь...» - эти строки считающейся народной песни на стихи Юрия Голубенского мне вспомнились, когда я дочитала повесть Максима Лаврентьева «Воспитание циника».

В 33-хлетнем возрасте главный редактор (с 2008 по 2010 гг.) созданного Максимом Горьким журнала «Литературная учеба», где я публиковалась. Мы познакомились на одной из литературных встреч, когда М. Лаврентьев посетил Петербург. Этот период его деятельности высоко оценил В.В.Огрызко – главный редактор газеты «Литературная Россия»: «Лаврентьев сделал невозможное. Он фактически возвратил “Литучёбу” из небытия. Журнал стал площадкой для острых литературных дискуссий. Он зафонтировал неожиданными идеями. В нём исчезла слащавость, зато появились соль и перец». При следующем главном редакторе – А. Варламове – он, к сожалению, пополнил список «толстых» журналов, почивших в бозе. После творчество критика и поэта М. Лаврентьева исчезло с моего горизонта.

И вот совсем недавно увидела его страницу В Контакте, где он преимущественно публиковал стихи и информацию о последнем своём творении – «Псалмы Давида». Среди многочисленных постов мелькнуло сообщение о его книге прозы «Воспитание циника», вышедшей три года назад. На вопрос, где её можно приобрести, он ответил, что в Москве она распродана. В петербургском Доме книги и Книжной лавке писателей ответ тот же – нет, но обрadowал вездесущий Озон; и мне доставляют *последний* экземпляр повести объёмом около 10 печатных листов. В наше время это объём почти романа.

Главный герой романа – московский болезненный в детстве мальчик, «вечно под опекой мамы, не спускавшей с меня настороженно-влюблённого взгляда», живущий с мамой в пятикомнатной квартире, уже «в то же время чувствовал свою особость, исключительность» (с. 12-13), становится сначала слушателем подготовительных курсов, где читали стихи и пили, а затем и студентом Литературного института. Автор, сам выпускник ЛИТа, с изрядной долей сарказма рассказывает и о своих преподавателях – одна из них, замужняя 35-летняя женщина забрасывает его весьма комплиментарными стихами, о гордости ректора за бесплатные обеды, которыми кормили студентов, и о разочаровании рассказчика студентками Лита, которые «выглядели ошипанными курицами. За исключением, пожалуй одной. У неё было необычное и запоминающееся имя – Наина, смеющиеся карие глаза и длинные каштановые, ржавевшие на солнце волосы» (с. 15).

Автор следует законам постмодернизма, давая героине повести имя пушкинской колдуньи из «Руслана и Людмилы», которая очень поздно узнаёт любовь. В повести Наина ещё до встречи с рассказчиком познала и радость первой любви, и предательство, и обман, и измену, и горькое счастье материнства матери одиночки, перед которой стоит задача найти не только любовь, но и мужа, способного содержать её с сыном и стать настоящим отцом для него. Герой повести, двадцатилетний девственник, который не умеет даже целоваться, по отзывам предыдущей подружки, буквально околдован этой женщиной «с опытом». Талантливо описана страсть, захватившая героя повести на фоне драматических событий жизни страны.

Наина – партнёрша рассказчика с изрядной долей цинизма оценивает перспективы развития их отношений и параллельно решает свои финансовые проблемы, без колебаний и сомнений принимая предложение преподавателя ЛИТа по имени Саид стать девушкой по вызову для его друзей. Обман, предательство? Правда, однажды ей приснилось, что она совершила *предательство*, но отнюдь не по отношению к сегодняшнему сексуальному партнёру, мальчику – поэту, проводившему много часов в Музее изобразительных искусств им. Пушкина, критически рассматривая копии античной скульптуры и картины импрессионистов. Она «предала» Колю – свою первую любовь, Колю, отказавшегося признать своим их сына! Весьма своеобразные представления о морали у студентов ЛИТа – будущих «инженеров человеческих душ». «Нормальная» жизнь околотворческой богемы?

Главный герой, от имени которого ведётся рассказ, столь откровенно описывает сексуальные сцены и испытываемые им ощущения, что писатель Сергей Есин, один «из ректоров Литературного института», даже считает, что «с такой откровенностью и смелостью секс ещё не описывался» (стр.3). По меньшей мере, несколько странное утверждение... А «Венера в мехах» Захер Мазоха (1870 г.) или поближе по времени «Любожид» Эдуарда Тополя, например? Но наклеить на повесть (18+) ярлык «порнографического издания», как это сделали некоторые «критики» – это уж слишком. СТРАСТЬ! Страсть с большой буквы. Конечно, «Амок» Цвейга написан более целомудренно. И в пролёт не брошусь, /И не выпью яда, /И курок не смогу над виском нажать/ Надо мною, кроме твоего взгляда / Не властно лезвие ни одного ножа», – выплеснул всю силу своей страсти к некоей Лиле Брик Владимир Маяковский почти сто лет назад.

Столкнувшись с предательством любимой, рассказчик мгновенно взрослеет: это уже поступок не мальчика, но мужа! Стресс у героя... «К вечеру неожиданно поднялось давление, сердце сильно и гулко забилося. Пока ехала “скорая помощь”, я, лёжа в своей комнате, лязгал зубами от страха: мне казалось, что это пришла смерть. “Сильное переутомление” – таков был вердикт “скорой помощи”. Целыми днями я лежал в постели – спал, а проснувшись, пил смесь пустырника и валерианы (...) И вздрагивал при каждом телефонном звонке...» (Стр. 92).

Но трагического финала а ля «Амок» Цвейга не последовало: неврастению подлечили, случайная встреча рассказчика с Наиной и её признание в любви (кстати, первое, до этого в дневнике студентки было только циничное описание расчёта и секса) закончилась весьма ожидаемо: «Стеклянная дверь закрылась за ней.

– Дура... Писательница чёртова...

Разумеется, я не позвонил и никуда не поехал. Больше она не подходила ко мне» (стр. 95-96).

Первая часть повести (96 страниц) заканчивается небольшим послесловием. «Через пять лет, уже в новом тысячелетии, все те, кто осилил учёбу, благополучно окончили институт и разлетелись кто куда – *места в литературе ни для кого из нас всё равно не было* (Курсив всюду мой – Т.Л.). Горькая ремарка о бесцельно прожитом пятилетии?

Впрочем, это не единственная ремарка о реальной жизни постперестроечной России на фоне пылающей любовной страсти героя. Например, предмет гордости ректора ЛИТа – бесплатные обеды – главный герой оценивает так: «На первое давали обычно скучные щи или – верный признак дешевизны – суп из перловки, на второе макароны с зеленоватыми сосисками, да ещё набивший оскомину тёплый компот из сухофруктов. Я чаще всего воздерживался от принятия такой пищи или отдавал Наине *по её просьбе* – она уплетала сомнительные институтские яства за обе щёчки» (стр. 19). Вот один из фрагментов перестроечных 90-х годов XX века с расслоением общества, голодными обмороками зачастую учителей и преподавателей вузов, которым месяцами не платили зарплату. А рядом новогодний стол у матери рассказчика, где «... на жаркое была утка, обложенная варёным картофелем» (стр. 42). Это конечно, не вазочка с чёрной икрой, которую ест ложкой ценитель чёрной икры золотистого цвета Виктор Ерофеев вместе с хозяйкой немецкого ресторана, и не меню ресторанов Куршавеля, но всё же, всё же...

Или ещё яркий социальный фрагмент встречи нового года у матери героя: «Выпивая, обсуждали последнюю новость: российские войска выведены из Чечни.

– Позор! Просто позор! – кипятился дядя Боря. – А вспомните, какая была страна у нас, а? (...) Но ведь этот меченый просто развалил всё, а потом другой, беспальный, окончательно всё просрал!.. (...)

Наина *смеялась*» (стр. 42). Одним словом «смеялась» М. Лаврентьев показал глубокую пропасть, разделившую в 1990-е годы взгляды поколений детей и отцов на историю страны. Во второй части – отметит рассказчик – Наина станет-таки писательницей весьма и весьма либерального толка.

В отличие от М. Лаврентьева, написавшего повесть из двух частей, её герой пишет роман и в мысленном споре с редакторшей, отвергнувшей его произведение, формулирует своё кредо.

«Я – голос поколения, воспеваю годы хаоса и развала, пору всеобщего отчаяния и безнадёги, когда, не сговариваясь, как последние язычники, устроили мы оргию во имя Вакха и Венеры, затеяв чудовищно прекрасный праздник юности и любви *среди обломков поверженной империи....*» (стр.98). «Голос поколения» исходит из «Евгения Онегина»¹, правда без Марса? Но, полагаю, что сформулированное кредо в полной мере можно отнести и к первой части повести М. Лаврентьева. Любовь как протест? Продолжение того самого протеста из детства болезненного (но с «особостью») мальчика под неустанной опекой мамы: «...чем плотнее меня опекали, тем всё более непримиримые формы принимало моё неповиновение» (стр.12).

Вторая часть повести – значительно слабее первой – это последовательный рассказ о сексуальных отношениях взрослого рассказчика – редактора одного из толстых журналов, – как с поклонницами

¹ «Друг Марса, Вакха и Венеры / Тут Луний дерзко предлагал / Свои решительные меры / И вдохновенно бормотал» - Из X-ой главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина

из студенческой жизни, так и с новыми друзьями. «На то она и первая любовь, /Чтоб вслед за ней/ Скорее шла / Вторая?» Нет! О любви здесь больше речь не идёт. Да и о страсти тоже. Только секс, причём частенько рассказчику приходится демонстрировать свою изворотливость, когда отношения развиваются параллельно. И хотя герой женится на студентке, подрабатывающей продавщицей в книжном магазине, с символическим именем Констанца (надежда на постоянство?), но образ его жизни – «не моралиста» – совсем не меняется. Правда, некоторые вопросы у рассказчика по этому поводу возникают: «А может быть, только для того я так подробно всё описываю, чтобы влить новые силы в своё сорокалетнее, уже угасающее либидо?». Как говорится, ему виднее.

И вдруг по сюжету крутой поворот – неожиданная встреча с Наиной, спустя двадцать лет. «Итак, моя первая женщина, моя прекрасная и ужасная Наина, явилась передо мною снова. (...) Но в отличие от прочих, чужих и посторонних, всё в ней для меня было мне знакомо и памятно. Всё было – я удивился, отчего это слово пришло мне на ум, – *священно*.

Конечно же, я не забыл ни её дневника, ни её предательства. Ту, прежнюю Наину, я по инерции презирал и ненавидел. А эту?» (стр.155). По законам постмодерна на страницах романа появляется пушкинская Наина, которая лишь в старости узнала, что сердце «...для нежной страсти рождено». И снова аллюзия на «Евгения Онегина» – постмодернистская вариация письма Татьяны Онегину – письмо Наины рассказчику с обещанием «полной верности». Рассказчик, ощутивший себя свободным, принимает решение у стен любимого и ненавидимого Литературного института, который «...Чудовищными своими корнями оплёл, схватил и сдавил он душу мою» (стр. 183). А в финале – неизбежный крах и второго пришествия любви. И для героя, и для героини.

Повесть – первая часть, а в совокупности со второй половиной я бы её назвала романом, – написана талантливо. Мне кажется, что «редакторша» (персонаж со стр. 97 повести), увидевшая главного героя малосимпатичным «самовлюблённым циником», не права, несмотря на сравнительно большой донжуанский список героя и рекламное название книги М. Лаврентьевым – «Воспитание циника». Это, повторюсь, увлекательный, легко читаемый роман о первой любви не только рассказчика, но даже циничной – в значительной степени в силу социальных условий – Наины. «На то она и первая любовь, / Чтоб мы её / Всю жизнь не забывали».

PS: В конце повести читатель узнаёт настоящее имя героя – Ицхак. Это библейское имя, единственный раз прозвучавшее в повести, в переводе с иврита означает: «он смеётся». Некоторые критики в рецензиях обсуждают загадку имени, доходя в своих предположениях, что эта повесть иронического характера, автор просто смеётся. Но если это смех, то это смех сквозь слёзы.

Геннадий МУРИКОВ. «Страдания молодого Вертера»

В литературном сообществе уже довольно давно знают М. Лаврентьева и как поэта, и как редактора, – главным образом, как главного редактора, – увы!, закрывшейся «Литературной учёбы»). И теперь по мудрому слову классика Максим Игоревич обращается к более серьёзным темам: «Лета к суровой прозе клонят./ Лета шалуною рифму гонят...», то есть настало время кое-что взвесить и осознать с учётом прожитых лет.

Воспоминания о молодости. Кто только не вспоминал о своей молодости! А уж если она пришлась на лихие 90-е и «нулевые», то тут без «клубнички» не обойтись. То грустны, то трогательны воспоминания автора о былом, о буднях знаменитого Литинститута, в котором он учился и атмосфера которого ему до сих пор дорога, о множестве житейских бытовых деталей того времени, о встречах и первых сексуальных опытах. Автор многократно ссылается на творческий опыт писателей Серебряного века. Обратимся и мы к нему. **Саша Чёрный:**

«Проклятые» вопросы, / Как дым от папиросы, / Рассеялись во мгле. / Пришла Проблема Пола / Румяная фефёла / И ржёт навеселе. (...)

Ни слёз, ни жертв, ни муки... / Подыдем знамя-брюки / Высоко над толпой. / Ах, нет доступней темы / На ней сойдемся все мы – / И зрячий и слепой.

Похоже. Не правда ли?

В аннотации к книге написано, что «критики сравнивают повесть Максима Лаврентьева со скандальной интеллектуально-эротической прозой Генри Миллера». Что же, если это не просто рекламный ход, а такие критики действительно существуют, то они сильно заблуждаются. Несмотря на обилие эротических сцен и деталей (куда уж без них в наше время), книга М. Лаврентьева удивительно всё-таки «целомудренна» и даже в чём-то наивна. Резкий, хотя и пошловатый, стиль Г. Миллера прозе М. Лаврентьева совершенно не присущ. Автор «Воспитания циника», как ни странно, далёк от всякого цинизма, а скорее ближе к романтике. Это не «Циники» Анатолия Мариенгофа. Мне почему-то вспоминаются скорее «юнкерские поэмы» М. Лермонтова с их какой-то нежной, почти мальчишеской игривостью.

В повести одна из героинь называет автобиографического (судя по многим деталям) персонажа «тепличным растением». Это больше похоже на правду. Есть, однако, в повести и ещё один не то, чтобы подтекст, но определённый скрытый смысл: ко всем своим героям, да и к самому повествователю, автор относится с той или иной долей иронии. «Но дело в том, что не бульварный роман я пишу, а в мутное зеркало всматриваюсь. И не нравится, ой как не нравится мне моё отражение» (стр. 98). Особенно это заметно во второй части. Одна из основных возлюбленных главного героя – Наина – называет его клоуном, да и некоторые сюжетные линии повествования выглядят почти что пародийно, если не откровенно травестийно. Конечно, читатель понимает, что перед ним не излияния души, не жаркое и слезами омытое исповедание. Однако это и не шутка, не хвастливая декларация на тему: смотрите, вот какой я удалец (особенно в сексуальном плане)! Это скорее раздумье. И в этих размышлениях о прошлом наглядно проступает общий низкий культурный уровень персонажей, в отличие от рассказчика. <.....>

Книга интересная, читается легко и с удовольствием, и очень важно – заставляет задуматься о самом главном – о жизни, о душе, о любви.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

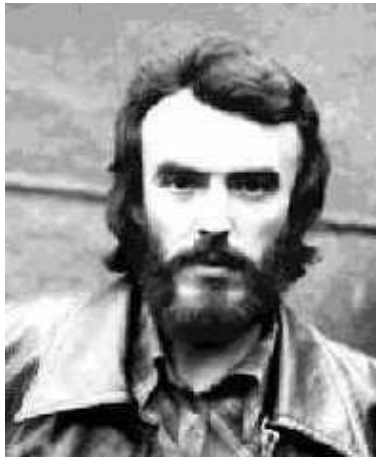
МЕТАФИЗИКА БЫТИЯ

Владимир Лапенков

1. Этно- и антропонимия Древней Восточной Европы в историко-мифологическом контексте. *краткий курс сравнительной аналитики.*

Эксерпты (с исправлениями) из авторской работы «Введение в мифосемантику» (сетевое издание). / Ч. 3. – «В направлении Клио (гипотезы науки и факты мифологии)». Главы (с сокр., доб. и изм.) «3.4. Гнозис потомков: русский след. 3.5. Генезис отцов: имя и образ. 3.6. Генезис отцов: Дикая Охота короля Щёка, время Бусово и подлинная история принца Гамлета». /

2. Морфологичные

Лапенков Владимир Борисович, г.р. 1951 – Ленинград, ученик Д. Я. Дара, работал трубчистом и кочегаром, примыкал к движению хиппи и рок-культуры в период их создания, входил в Клуб-81 и круг Малой Садовой, печатался (иногда как Игорь Непруха и Владимир Константиади) в самиздате 80-х гг. («Часы», «Обводный канал», «Метродор»), а также – «Эхо» (Париж). Писал прозу с 1969 до 1987 года, в дальнейшем увлекся культурологическими изысканиями. См. – «Самиздат Ленинграда». М.: НЛЮ, 2003; «Литераторы Санкт-Петербурга». XX век –2011; 2015 гг. и в Интернете.

1. Этно- и антропонимия Древней Восточной Европы

Давнее, но почти безупречное, исследование Хабургаева² по исторической лингвистике снимает псевдонаучный ажиотаж вокруг темы «норманизм-антинорманизм» (хотя не все адепты и участники спора об этом догадываются). По Хабургаеву, изначальные этнонимы славянских племен могли иметь вовсе не славянское происхождение, но они неизбежно славянизировались в процессе эволюции. Исторически – от родоплеменного состояния в процессе переселения и ассимиляции автохтонных народностей (финнов, балтов и др.) и культурно-хозяйственного утверждения на регионально-территориальном уровне, а в лингвистическом плане – от бессуффиксального состояния через показательные маркеры «-ане», «-ичи», «-цы». Он же говорит о сложении единой культуры из гетерогенных культур (т.е. древу дивергенции предшествует унификация дивергентного же; и далее в том же диалектическом духе). Правда, не все согласны со всеми: в данном случае ак. Трубачев, на мой взгляд, недостаточно обоснованно «наезжает» на Хабургаева. (Лингвистические штудии самого Трубачева тоже не всегда безупречны).

В целом картина этногенеза (вкратце обобщив известные данные) представляется следующей. До того, как в итоге ряда культурных инноваций и этнолингвистических оппозиций, возникла культура Прага-Корчак, т.е. *собственно славяне*, ощутившие себя единым народом и назвавшие себя наддиалектным именем *словен*, они существовали в сравнительно дисперсном состоянии протославянских общин посреди моря типологически, а частично и исторически, сходных народностей. В основном это были балты (и/или балтославяне), а возможно и некоторые другие племена, о которых не сохранилось сведений. Разумеется, все эти общины имели свои диалекты и самоназвания. Мы не можем знать этих этнонимов в каждом конкретном случае времени и места бытования, тем более, догадываться, где речь идет об *эндо*-, а где об *экзо*этнотиме. Хотя можем предположительно (и чисто формально) начертить некую смутную картинку из ряда дошедших до нас именований: например, список протославянских общин – *дерва/древане/деревляне, споры/сполы/исполы/стола, драгувиты/*дрегва/дреговичи, дулебы, сорбы/сербы, вильцы/велеты, свобены, ставяне, север(яне) и т.п., разбросанных среди галиндов, пруссов, судинов, вандилиев, вендов/виндов/венедов, ругов, костобоков и прочих.

Рассуждая о славянах как об *эндо*этнотиме, самоназвании, мы здесь логически предполагаем наиболее вероятный вариант из всех возможных, пусть и не строго обязательный. Его конкретное происхождение от «*слова*» (*словене* – «понятными словами говорящие») уже чуть-чуть более гипотетично, хотя есть и другие, еще менее вероятные, этимологии. Т.е. неизбежно возникает некая формально-логическая проблема – проблема вероятности, веры и консенсуса, решаемая каждым исследователем на своем личном уровне. Кому что кажется более убедительным и очевидным... Какая-то явно экзотическая этимология, имеющая, тем не менее,

² Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». М., Изд. Моск. ун-та, 1979.

определенные формальные права на существование, так вечно и останется в наших глазах маргиналией. Однако, поскольку мы всё же не можем на данном этапе указать на *единственно* верное решение, маргиналии по-прежнему остаются в поле ученого зрения. Ведь может быть, что в *объективной* реальности, с точки зрения всеведущего Бога, именно эта конкретная маргиналия и является истиной в последней инстанции!?. И наоборот, окончательная «логичность» противоречит логике согласно теореме о неполноте непротиворечивых систем. Иными словами, мифолегенда – теоретически – способна в будущем оказаться истиной, а общепризнанное научное мнение – ученым мифом, хотя в плане теории вероятностей это больше похоже на чудо.

Сюда можно подкинуть еще одну – гипотетическую – проблемку. Так, имя «словене», даже будучи осознанным самоназванием, исторически могло быть переделкой, т.е. переосмыслением, *экзоэтнонима* (= экзони́ма, или этникона) «slawan». Тем самым, грань между эндо- и экзонаимацией становится неразличимой. Кстати, происхождение имени от «слава, славный» еще менее вероятно, т.к. «-слав» это типичный древний элемент двусосновных антропонимов, свойственных большинству индоевропейских народов.

Нельзя в связи с этим не упомянуть этимологий Я. Отрембского и Ст. Роспонда. По мнению Отрембского, этимология термина восходит к реконструированному *slou* с первоначальным значением «принадлежащие к одной домашней общине». Член такой общины назывался *sluga*, а ее округа – *sloboda*. Роспонд выводит этимологию славян от *slay* («влажный»), давая этнониму смысл «болотные», «рыболовы низовий». Отечественный этнолог Чеснов пишет, что Отрембский вскрывает самый древний пласт развития названия, а Роспонд рассматривает уже эпоху, когда стало проявляться разделение народов по хозяйственно-культурным типам. (Ну как-то уж очень-очень умозрительно. – В.Л.).

М. Фасмер, отвергая прочие этимологии, возводит имя к некоему местному названию, гидрониму. Кстати, тот же Отрембский приводит пример с литовскими топонимами – деревня *Šlavėnai* на реке *Šlavė*.

Еще пара слов на тему спора антинорманистов с норманистами: в пользу мнений антинорманистов говорит то, что норманнов было не просто гораздо меньше, чем местных славян, но намного меньше, чем даже сами антинорманисты думают, поскольку при атрибуции скандинавских вещей следует учесть такую важнейшую во все времена вещь как *мода*... Впрочем, если всерьез задуматься над важностью этой проблемы, то, наверное, лучшим для добротного патриотического сознания было бы большее присутствие реальных норманнов. Ведь значительное количество женских фибул-застежек в погребениях (при типологическом несхождении норманнской и славянской женской одежды) говорит вовсе не о присутствии на Руси большого числа шведских дам, а о резком социальном различии между женщинами социальных верхов и низов. Другой вопрос, что в *домедийную* эпоху для возникновения всякой моды необходимо было *физическое* наличие среди населения её пропагандистов. Несколько иначе эта

тема освещена у Петрухина (Петрухин В.Я. «Русь и вси языци». М., 2011, сс 90-99), где речь идет о т.н. «девках», в смысле некоего соционима. Но при любом раскладе самые богатые и храбрые, самые сильные, и стильные, мужи, на тот период в Восточной Европе задавали тон и имели все то, что могли и хотели иметь.³

Что до имени рос-/рус, то я согласен с логикой подхода Хабургаева, Мельниковой, Петрухина, Лебедева и других ученых, развивших старые идеи норманистов. Говоря о термине *русь* как о социониме, Петрухин отмечает тот момент, что для освоения речных путей Восточной Европы находники-викинги вынуждены были перейти с парусных морских судов на *гребные* ладьи, и это полностью соответствует смыслу рассматриваемого термина. Позднее (X в.), когда дружинная русь стала местным явлением, находников и наемников из Скандинавии стали называть варягами (Петрухин, ук. соч.).⁴ Конечно, ряд исследователей, и не только те, кто возмущается самим фактом существования норманизма, никогда с данной трактовкой не согласятся, и, в принципе, иные этимологии по-прежнему остаются в поле зрения. Проблема этих этимологий состоит в необходимости множества довольно сложных построений и допущений, где одни факты вечно будут противоречить другим...

Кстати, могу подкинуть в эту свару и свои «пять копеек». «Викинг» общераспространенное именование пирата, захватчика, но корень слова толкуется по-разному. Сканд. *vík*- это «бухта», где мог укрыться моряк, или др.-англ. *wíc, wicing* – «человек из военного лагеря/торговой фактории», или латинское *викус* – «поселение, город». Но автор известного труда о викинггах, Гвинн Джонс, обращает также внимание и на др.-сканд. глагол *víkja*, определяющий того, кто быстро движется, странствует, сворачивает на обходные пути и т.п. Однако в германских языках мы имеем типологически сходное понятие: **rē̥sō, *rāsa- *rūs-ēn* (-an, -ōn) с общим значением «бег», «атака, нападение, штурм». Сюда же протобалт. **rōš-a-*, д.-в.-н. *rōsc, rōsci* «ловкий, поспешный», др.-исл. *roši* «шквал», *ras* «спешить», норв. *rose, rūsa* «штурм», *rōs, ras* «свергать», др.-шв. *rusa* «штурм», ср.-в.-н. *rūsčh* «нападение», др.-англ. *gās, ges* «быстрый», «неистовый», «стремительный»,

³ Для некоторого успокоения нервов в нормано-антинорманистской войне вспомним о типологических и исторических параллелях. На Западе в ту эпоху происходили похожие события, которые приводили к сходным результатам. И, между прочим, при весьма хорошо задокументированной истории викинггов на Западе (например, в Британии), русская земля оказалась намного богаче археологическими следами скандинавского присутствия.

⁴ О нюансах в толковании терминов *варяг, норманн, рус* см. Е.А. Мельникова (1998); ср. дискуссию Д. Иловайского (1875) и В.Г. Васильевского (1874-1875; 1908). Споры на эти темы уже вовсю шли в XIX-м веке и сегодняшние «кандидаты в доктора» мало что нового добавили (м.б. за исключением Андрея Милова, возводящего целый ряд этнонимов к и.-е. понятию «фука»). Да и сами древние авторы немало поспособствовали возникновению будущих дискуссий, безбожно запутав номенклатуру имен и названий.

дат. *gus(s)e* «свергать», «спешить» и т.п. Ср. еще гр. россов-*дромитов* – «быстрые, бегущие» и эпитет данов у Титмара Мерзебургского и Равеннского Анонима – «стремительные» (*veloces*). *Стремительный набег* это основная характеристика деяний русов во всех источниках. Ну, конечно, всегда остается возможность сослаться на серию случайных совпадений...

Путаница этнической номенклатуры далека от возможного разрешения и консенсуса между учеными.⁵ Например, уже в формальном лингвистическом ряде, даже без привлечения исторических и географических моментов, «варяги – варинги/варанги – вэрины/варины – варны – варнабы/варнавы/варнахи – вариски/варисты/наристы» отвечают сразу нескольким европейским языкам и, соответственно, этимонам. Исторические привязки в свою очередь не упрощают, а напротив, лишь усложняют задачу. Только в Южной Балтике славянские племена пришли в места, населенные германцами (на которых известное влияние оказали кельты) и возможно иными, неизвестными, народами,⁶ затем вошли в сложные этнокультурные отношения со скандинавами, после чего оказались завоеваны германцами же. К этому добавим необыкновенную подвижность всех этих народов и их отдельных представителей в роли купцов и солдат удачи, и на выходе получим ту самую путаницу номенклатуры литисточников, отвечающую уровню науки раннего средневековья...

Фактически вся древняя история в литературных источниках представляет из себя нагромождение парадоксов. Одним из них является парадокс происхождения названия «Гардар/Гардарики» – т.е. Русь, как «Страна городов». Археологами совершенно точно доказано, что практически ни одного известного древнего русского города (Новгорода, Киева, Чернигова, Смоленска и ряда других) еще *не существовало* в 8-9-м веках, когда викинги осваивали «восточный путь». Но это не означает, что решения парадокса не может быть в принципе – незнание истины не означает отсутствия объективного, истинного, положения дел. Как говорил один из героев Я. Гашека, «никогда так не было, чтоб никак не было», но всегда так было, «чтоб как-нибудь да было!». В частности, данный парадокс имеет абсолютно естественное и понятное решение. В слове «гард» вовсе не

⁵ Мы еще не затрагивали здесь построений Х. Станга, приведшего немало примеров для объяснения имени с корнем *рос-/рус-* семантикой *красного* цвета. Кстати, и к этой гипотезе можно кое-что добавить: в частности, происхождение этнонима не от понятия (или апеллятива), а от конкретного антропонима – легендарного датского короля *Ro/Hroar/Roar/Roas*, брата Хельги (*Helgi*), сына Хальфдана (*Halfdan*) из рода Скёльдунгов. Он основал город *Roskilde* (*Hróiskelda*), является героем ряда скандинавских саг и исторических хроник, а также др.-англ. поэмы «Беовульф», где выступает под именем *Hroðgar* (из **Hrōþiwarjaz* – «Славный Защитник»; вариант – «...Воин»; «...Житель»). Сходно звучащее имя – *Roth* («Красный») – встречается в «Хронике королей Лейре».

⁶ Андрей Пауль в книге «Балтийские славяне» (М., 2016) допускает, что славяне, наряду с германцами, перенимали (как в случае с **War-*) древнюю индоевропейскую топо- и гидронимику.

обязательно видеть «город» в современном смысле, под этим может пониматься практически любое поселение с частоколом, *оградой*. Экспедиция «Драгон-Нево» Г. С. Лебедева в 90-е годы XX века задокументировала по пути «из варяг в греки» несколько сотен остатков древних селищ («контрольных пунктов») и курганов вдоль указанного пути. «Элементарно, Ватсон!»...

На территории нынешней Южной Швеции, в области Сконе (ср. «Сканза») открыли древний город, существовавший около тысячи лет вплоть до XI века. Его размеры (свыше 40 га) намного превосходят размеры других скандинавских городов той эпохи. Томас Шор и Лидия Грот (кстати, ярая противница теории норманизма) считают это место столицей мореплавателей-варингов/верингов. А один ирландский ученый уверен, что именно эти пираты-язычники принесли на запад, в Ирландию, термин «гард» (Грот Л., 2010). Последний момент особенно интересен для нас, поскольку та же ситуация сложилась с термином «Гардар/Гардарики» на востоке от Сканзы. Т.е. мы вполне могли бы здесь говорить о столице русов (только вот, к моему сожалению, любые высказывания Грот и Шора вызывают уже привычное сомнение).

Но как же без научных подколов и внутренней полемики? Вот, по мнению О. Трубачева (ук. соч., сс 141-142), даже богатое культурное наследие (здесь – новгородская письменность) это еще не доказательство идеи о западно-славянских корнях, зато ничтожные следы остаточного индоарийства в средневековом Причерноморье (ввиду особой прозорливости академика) свидетельствуют о «ярком проявлении преемственности» народов. Однако примеры, приведенные автором (сс 139-140), на мой взгляд, не вполне прозрачны, а некоторые и просто невероятны. Чего стоит лишь сопоставление гр. *Τυκαῦδεῖτόν* через др.-инд. *Utakhanda* (от *ut* «вы, из» и *kānda* «стебель») с др.-рус. г. *Копыль* (якобы от юж.-слав. *копиле* «побочный отросток»? Или гр. остров *Αλωπεκία* в дельте Танаиса через инд. условное **Lopataki* «февущее течение» (при *lora-* «прорыв, рана» и *takti* «спешить, нестись»), с рус. *Лютик* (XVII в.), ныне о-в *Перебойный*?.. По-моему, довольно умозрительно.

Что касается т.н. «Азово-Причерноморской Руси», которая является первым кандидатом на звание Русского каганата, то ученые слишком легко постулируют, либо, напротив, отрицают ее существование. Здесь мы имеем очередной парадокс: невозможно игнорировать целый ряд упоминаний в источниках о присутствии русов в данном районе, в то же время нет никаких *прямых*, а не косвенных, убедительных свидетельств этого присутствия, а тем более – главенства.⁷ В отличие от примера с доказанной реальностью

⁷ Археологически в Приазовье того периода наиболее определяемыми являются следы *аланской* культуры, поэтому единственным (разом отрицающим все прочие возможности и факты) решением для адептов Приазовской Руси (она же «Русский каганат») остается историческое возведение русов (и формально, по созвучию, контаминированных с ними росов) к асам-роксаланам, а, стало быть, и к салтово-маяцкой культуре в целом.

«градов» на пути «из варяг в греки»,⁸ здесь мы имеем только научную рефлексию на литературные свидетельства и гадание на исторических артефактах.

Но понятия «рус-» и «рос-» лингвистически не родственны,⁹ поэтому лучшее, что остается в рамках оправдания южной гипотезы, это постулировать для имени «рос-» не только книжное библейское *рош* («глава»), но и теоретическую возможность влияния на «Рос» («Ерос») Захарии Ритора¹⁰ неких готских терминов. Аланское *рокс/рухс/руахс* («светлый»; сюда же – народ *рохуаско* из путешествия Оттара в трактате Альфреда Великого) в качестве источника, что уже отмечалось языковедами, с формальной стороны тоже весьма спорно. (А ведь именно на этом фундаменте построена теория Е.С. Галкиной о Русском каганате, сама по себе довольно любопытная). Из двух герм. формантов, *hros/toss* «лошадь» и *hrods* «славный», логичнее выбрать второй вариант, особенно, если с этим словом связано имя эпической страны Hreidgotaland.¹¹ С учетом географии и

⁸ Говорящая топонимика Ст. Ладogi: Морев ручей (др.-рус. «мор») и ручей Грубицы (герм. Grab «могила») напоминают об уходе Олега-Хулагу в «Заморье». Плюс Урочище Велеса, ладожский «Висельник» на возвышенности, ввиду Плакуна (с норманским курганным могильником), возможно, прямое указание на культ Одина – Бога Висельников. (См. Лебедев Г.С., 2000).

⁹ Ср. Зиньковская, 2018, 345: «В XX в. зарубежные и отечественные филологи неоднократно обращали внимание историков на то, что чередование звуков О/У и Ъ/У, позволявшее историкам легко выводить «русь» из основы «рос», в восточнославянских диалектах практически невероятно». Обратим однако внимание на тот простой факт, что *средневековые* авторы, не будучи современными филологами, легко и по-своему логично, объединяли этническую номенклатуру по созвучию и по прочим внешним признакам.

¹⁰ Точнее, речь здесь идет о книге сирийского компилятора, использовавшего труд Захарии Ритора, писавшего по-гречески и умершего не позже середины VI-го века. Характеристика народа «Ерос», живущего по соседству с амазонками, как мужей с огромными конечностями, из-за которых их не носят кони, разумеется, мифологична (вспомним хотя бы Святогора), а само написание/произношение имени никоим образом не может служить серьезным подтверждением/опровержением какой-либо этногенетической теории.

¹¹ И.В. Зиньковская (2008), впрочем, приравнивает это имя к имени готов-геврлунгов, что, конечно, не исключено в историческом смысле, однако все варианты написания обоих имён хорошо разделяются в источниках на два лингвистически различных семейства. Этимологию имени этой страны можно также возвести к понятию «гнездо». Иордан писал о Сканзе, из которой готы и другие германцы шли в континентальную Европу, как о «гнезде [или вагине] народов». (Собственно, Scandinavia, как и иордановские Oium и Gepidoios, содержат элемент -oios/*awi, с семантикой земли, изобилующей, либо окружённой, водой, в частности – понятие *остров*). И немудрено, что результат воинских потоков с севера, доходивших до Крыма и Предкавказья со II-го века по XI-й, отразился в сев. эпосе в форме еще одного названия эпической родины – «Великой Свитьод» (хорошо коррелирует с греч. термином «Великая Скуфь»).

хронологию, готский этимон лучше подходит, поскольку варяжский, западноевропейский или славянский источник для той эпохи представляется исторически нерелевантным.

Нельзя не сказать, что в ряде случаев, когда Галкина возможно вполне права, она всё равно не права: настолько портит научные тексты излишняя безапелляционность. «Бастерны и венеды... это иллирийские племена, берущие начало в Малой Азии и переселившиеся в Европу на рубеже II – I тысячелетий до н. э. Уже обосновавшись на южном берегу Балтики, венеды вступили в контакт с праславянами и ассимилировались ими». Откуда такая точность? На каких неопровержимых фактах базируется? Боюсь, здесь желаемое выдается за действительное. Причем, мимоходом, как нечто такое, что давно всем известно.

Притом, что признание т.н. Русского каганата салтово-маяцкой (в основе – ирано-аланской) культурой вполне логично, со стороны лингвистической всё не так просто, как кажется Е. Галкиной, да и с историческими соответствиями дела обстоят проблематично.¹²

Правда, не только «полянский союз», но и сама идея о полянах, как автохтонах Киевщины, сугубо виртуальна и никакой признанной «полянской археологии» не существует. М.б., «полянами» были как раз пришедшие с юго-востока *салтовцы* («фусы», по маркировке Галкиной)?..¹³ Или население

Кстати, с понятием «гнездо» можно сравнить не только славянские топонимы с данным значением, но и – типологически – библ. понятие «острова народов», возникших после расселения родоначальников: «острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим» (Быт.10:4). Не к этому ли книжному термину в конечном итоге восходит и пресловутый «остров русов» арабских географов? Этому не противоречит и реальность целого ряда крепостей на островах (датских, шведских, славянских; в том числе польск. Гнезно), а также свидетельства западноевропейской средневековой литературы: Равеннский Аноним называет Сканзу островом, а поэт Бенуа де Сент-Мор связывает его с народом «Роси», т.е. русов, которые, вылетая оттуда как пчёлы из ульев, «бросаются... в бой, выхватив мечи, мгновенно воспламененные гневом», на могущественные королевства.

¹² Здесь не в последнюю очередь встает нерешенный (скорей, нерешаемый) вопрос о территориальной, политической и этнической дифференциации (и/или миксе) между хазарами, савирами, бургасами, аланами, асами, «праболгарами», каварами, венграми, русами, славянами и прочими народностями. Мы чисто условно и вполне волюнтаристски разделяем (либо объединяем) аланов и асов, каваров и венгров, савир и хазар, северян и полян. А иудеи, персонажи т.н. «Киевского письма», могли бы (а почему нет?) оказаться физически прямыми потомками местного (славянского, аланского или тюркского) населения. В данном контексте характерно, хотя и вызывающе непрозрачно, выглядит выражение из поэмы Низами: «фрусские бойцы из аланов и арков». (Соционим? И политоним. Хотя «арки» явно от «арсийя» – наемные отряды хазар).

¹³ Ср. у Голба и Прицака в их, переведенной на русский язык, работе (7.3): «Из этих противоречивых свидетельств... видно, что поляне были одно время соседями северян и вятичей, а затем соседями древлян. Очевидно, что они стали

из иных славянских культур, находившихся на границе с лесостепным левобережьем Днепра? Например, *дулебы* (вероятно аналогичные ЭН «валинана» араб. источников), или те же древляне, как их наследники, или анты-пеньковцы? Т.е. археологическая культура подбирается здесь под летописные известия о полянах. Однако перемешанность культурных признаков в этом районе вполне очевидна. Иными словами, какой-то единой полянской культуры, которую реально можно было бы противопоставить другим известным культурам (древлянам, северянам, радимичам), увы, не наблюдается. Эту «распылённость» пресловутых полян признало по факту большинство археологов (не считая ак. Б.А. Рыбакова, конечно!). Перед летописцем, кстати, стояла схожая проблема: поляне у него вполне себе легендарны, но нужно же связать концы логически, и он решает проблему «задним числом», посчитав, что именно они-то и стали *русью* («поляне, яже ныне зовомая Русь»). Любопытно, кстати, что современные историки относятся к легендам киевского летописца с той же серьезностью, с какой он сам относился к более ранним легендам и мифам. А ведь вопрос о времени прихода в Киев т.н. Рюриковичей (а также о месте их исхода) не столь однозначен. В этом плане не все понятно и с отношениями Рюриковичей и салтовской культуры, (прото)государственная мощь которой достаточно убедительно показана в работах самых разных авторов. И м.б. тот же Святослав был гораздо теснее связан с Салтовым, чем с Киевом (не говоря уже об Аскольде, Игоре и Олеге Вещем)?..

В связи с последней темой можно указать на одну интересную деталь. Лев Диакон о Святославе (кн.9): «Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; ...В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами». О значении оселедца в среде степных народов написано немало и об этом не будем распространяться. Раскопки салтовских захоронений показали, что и женщины, и мужчины носили серьги из драгметаллов, причем мужчины носили одну серьгу. А самым распространенным типом были серьги в виде овального колечка,

соседями древлян только после того, как поляне поселились в Киеве». М.б. и появление в славянском пантеоне имен богов иранского происхождения (Стрибог, Симаргл и Хорс-«жидовин») следует отнести к данному периоду? Правда, существование Великопольских «полян» противоречит такому «иранофильскому» подходу, поскольку очевидно, по меньшей мере, этимологическое родство тех и этих полян (как, в свою очередь, и древ/л/ян). Наложение этнолегенд на археологическую фактологию всегда чревато порождением новых мифов. Мы можем лишь предполагать, насколько противопоставление полян и древлян имело изначально географический характер, а насколько дуально-фратриальный, а то и просто художественный (из устных преданий). Характерно, что сам Нестор поселяет полян вовсе не в полях, а на горах. В заключение отметим, что Константин Багрянородный не знал никаких *полян* (и в частности и конкретно – в области Приднепровья), а говорил о *лендзянах* (правда, с близкой этимологией этнонима).

украшенного шариком. В нижней части к кольцу крепилась каплевидная подвеска.¹⁴

Кстати, и поход его отца, Игоря, в 941 г. начался со стороны Крыма (или Азова), а не из устья Днепра (и, соответственно, из Киева), т.к. херсонские греки сообщили тогда же в Византию о «бесчисленных кораблях русов». Даже не говоря прямо о Русском каганате, Петрухин, тем не менее, признает, что «главной магистралью, связующей юг Восточной Европы и Скандинавию, была первоначально (в IX в.) река Дон. Судя по распространению кладов восточного серебра, с Дона путь шел на Оку, оттуда – в Верхнее Поволжье и на Балтику» (*Этнографическое обозрение*. 1993, № 3, с 68-83). Сюда же многочисленные известия восточных авторов о городе *Русийа* в Приазовье,¹⁵ о соседстве болгар, алан, асов и русов в этих краях, и знаменитый (среди историков) сюжет Бертинских анналов о посольстве «от кагана русского»... аж в 839 году!¹⁶

¹⁴ Сходная серьга обнаружена в мужском захоронении Подгорского селища в Самарском Поволжье. Эти захоронения атрибутируются археологами как древнемадьярские.

¹⁵ Арабские авторы относили его местонахождение и к району Керчи (др. Корчев), и к устью Дона, и к островам Азовского моря, и к Тамани. Существует мнение (Леонида Гурченко 2010), что город (он же «остров») Русийа находился на Тамани на месте Голубицкого городища. К доказательствам его существования относится и свидетельство, что первая жена тмутараканского князя Олега Святославича («Гориславича» из «Слова о полку...»), греческая принцесса Феофания Музалон, считалась правительницей этого города (конец XI-го в.). Речь идет о найденной свинцовой печати с надписью: «Господи, помози рабе Твоей Феофании, архонтиссе России, Музалониссе». Однако, согласно всем известным источникам, данный регион настолько был пестрым в этническом (и потестарном) плане (хазары, болгары, аланы, готы, зихи, адыги, греки), что утверждения о существовании здесь в X-м веке «стационарной» столицы «Русского кагана», немного преждевременны. Ссылки на восточных авторов всегда должны учитывать их условность и собираемость географических образов, относящихся к Вост. Европе. Так, название «Русская река», как показывают исследования И. Г. Ковалевой и др. ученых, несет в себе признаки Дона, Кубани, Волги (Итиля), Керченского пролива и даже водного пути между северным и южным океанами. М.б., еще одним косвенным подтверждением, соотносящим русов с Причерноморьем служит упоминание о «хазарской миссии» Кирилла-Константина, поскольку ряд исследователей связывают т.н. «прение вер» именно с первым крещением Руси.

¹⁶ Топоним лесостепного Подонья, «Каганово городище», из поздней «Книге Большому Чертежу» также наводит на размышления. Проблема скандинавского («русского») присутствия в области Дона и Сев. Донца осложняется весьма мизерным наличием археологических следов оно. С другой стороны, учитывая приведенную выше цитату из Петрухина и явно недостаточное исследование лесостепного региона, можно вспомнить, что скандинавы на Ладоге появились уже в середине VIII-го века и начали осваивать торговые пути на юг. Сами эти речные пути достаточно многовариантны; см., в частности, статью Николая Непомнящего «Тайные маршруты русов», посвятившего более полувек

Понятно, что летописное свидетельство о призвании варягов – *типичная* (среди подобных ей) легенда о начале государственности, тем более, ко времени появления в Северо-Восточной Руси скандинавов вовсе не славяне, а финны и балты составляли большинство местного населения. Это не означает, что у летописца неважно обстояли дела с «соображалкой» или с интеллектуальной совестью. Напротив, проецируя современную ему ситуацию в начальные времена, он подчеркивал значение самой идеи государственности: одна страна, одна династия, один *фюрер*, опирающийся на *легитимность*. «Поищем себе князя, который бы... судил *по праву*». Независимо от степени доверия к использованным источникам, это уже *концепция*. Философия истории. Если бы Рюрика не было (в любой исторической форме), его следовало бы выдумать!..

Чисто логически, суммируя факты археологии и историко-литературных памятников, местоположение Русского каганата восстанавливается в пределах от «Сканзы» и Бирки, через о-в Готланд, Ст. Ладугу до Тимерёва и Сарского городища (с их многочисленными варяжскими курганами),¹⁷ т.е. на пути из варяг в халифат. Но местоположение каганата получается «скользящим», условным, зависимым от военно-торговых реалий во времени. Пока одни конунги заправляли меновой торговлей и сбором дани (включая сюда «человеков») у населения приречных районов, другие совершали походы («со всеми остановками») вплоть до Малой Азии и Южного Прикаспия. И вполне простительно, что восточные авторы, лично не посещавшие северных земель, путаются в показаниях.¹⁸ Русы по

географическим исследованиям этой темы («Загадки истории России». М., 2012, сс 7-12). Кроме того: а много ли сохранилось материальных следов от Запорожской Сечи (новодел для туристов не в счет)? А от мадьярской Ателькузу? Даже от Хазарии и Аварского каганата остались следы в основном лишь литературного свойства.

¹⁷ Кстати, местность вокруг Сарского городища близ озера Неро, в полном согласии с сообщениями арабских авторов об Арсании, отмечена многочисленными болотами. К этому нельзя не добавить, что послы кагана русов оказались шведами, а раскопки в Тимерево указали на культурную связь большинства находок варяжского типа именно со Средней Швецией и, шведскими же, Аландскими островами. Любопытно также, что согласно реконструированному тексту Начального свода (в отличие от редакции ПВЛ) в приглашении Рюрика принимала участие народность *меря*, населявшая указанный регион. И, конечно, сюда же летописная Арская земля, «страна Ару» арабских географов.

¹⁸ Простительные оговорки и ошибки древних авторов нередко порождают из ничего (в духе «поручика Киж») целые научные теории. Например, имя пресловутой страны Арсании (=Артания), которое с чем только не сравнивали, могло быть всего лишь очередным, чисто лингвистическим, вариантом в ряду арабских названий славянского «домена» – Уртаб, Джарваб, Джарват, Хордаб, Хаджрат, Харзан. Последний современные исследователи чаще всего интерпретировали как ЭН *хорват*, а по мнению Заходера, это могло быть испорченное слав. *град* (откуда уже недалеко и до названия *Гардар*. – В.Л.). Или

определению были подвижной общностью: даже тогда, когда в Киеве и Новгороде уже сложилась новая государственность, по Волге на Каспий еще ходили корабли вольных купцов и пиратов.

В результате подобных процессов возникла некая специфическая цивилизация – поверх континентальных народов и протогосударственных образований – своего рода *талассократия* (если хотите – «гидра-»!), объединившая в одном («глобалистском») экономическом интересе скандинавов, балтов, финнов, славян, волжских булгар, хазар, евреев, арабов и западных европейцев. Собственно, перекрытие волжской трассы¹⁹ ничему, по сути, не помешало: донской и днепро-двинский пути были уже опробованы и легко ее заменили. Далее действовала объективная историческая логика: на одном торговом пути нечего делать двум потестарным образованиям, поэтому Северная Русь и Русь Киевская были обречены на единство.

Со своей стороны, континентальные реалии Восточной Европы не только никуда не делись, но и набирали силу. С VIII в. потепление климата и усиление влажности привели к более интенсивному освоению пашенных земель, вызвали демографический взрыв, дальнейшее расселение земледельческих народов и возникновение новых городов на бывших охотничьих территориях. Русь явно перерастала рамки транзитного образования. Ранние варяги ославянились, поздние становились служилым войском, наемниками, купцами, чиновниками и далее также полностью ассимилировались. Впрочем, элита сохранила худшие, пиратские, черты талассократии, только проявлялись они уже на собственном, «континентальном», народе, поэтому же психологически ничто не мешало ей не только восвать со Степью, но и объединяться с нею. Объединяться в главном – в дележе добычи...

Что до иудео-хазарского элемента в нашей ранней истории, то вряд ли правильно будет как раздувать, так и отрицать его наличие. Сразу следует уточнить, что само определение «хазарского ига» можно отнести к некоему обобщенному и условному представлению. Также как присутствие шведов на территории Руси никоим образом не говорит о сюзеренитете шведского королевства, так и конкретика военно-политических и даннических

следующая, непростая, научная гипотеза: А. Горский высказывания С. Логофета и Продолжателя Феофана о русах-дромитах, как потомках франков, трактует в духе тонкой дипломатической интриги со стороны русского правительства. Якобы кн. Ольга, хорошо знавшая, что из всех европейцев лишь Каролинги могли претендовать на брачные узы с василевсами, закидывает подобную «удочку», протежируя, тем самым, своего сына Святослава в мировую элиту, с вероятной (по мнению Горского) исторической отсылкой к Рюрику Ютландскому, который служил некоторое время Каролингам. Но, м. б., всё было проще, и данное высказывание хронистов основывалось на неких частных определениях, аналогичных сведениям арабов о «франкских мечях» русов?..

¹⁹ Очередное нашествие степняков, совпало по времени с деградацией арабского серебра.

отношений могла быть связана с алано-болгарами, венграми, каварами (и даже с варягами на службе у хазарского//аланского кагана). И еврейские общины, наряду с другими иноэтничными локусами на юге Руси, сами по себе никак не свидетельствуют о хазарском «засилье». (Факты распространённости раннесредневековой еврейской диаспоры от Испании до Средней Азии не требуют особых доказательств). Во всяком случае, количество реальных славян (не обязательно рабов) на территории хазарского каганата наверняка значительно превосходило число условных хазар в Приднепровье. Другое дело – проблема исторических, в частности, топонимических следов.

В первую очередь, это киевские Жидовские Ворота и урочище Козары (менее ясно с Пасынчевой Беседой), а также Козара, Козаровка, Козаржинцы, Козарград²⁰ и т.п. в подольской, черниговской, воронежской и других областях. В днепровском бассейне находим такие гидронимы как Пейсах (приток р. Тетерев), Ирод, Жид, Жидовец, Жидовка, Любожида, Рафаилов, Исайцкий, ойконимы Жидовичи, Жидичин, Жедьчев, хотя в данном случае (учитывая далёкое от Хазарии Правобережье) следует, скорее, говорить о более поздних временах эпохи Речи Посполитой.

Интересную проблему представляет собой и пресловутая крепость росов Самбатас (Σαμβατάς), упомянутая Константином Багрянородным («они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас»). Предлагались германские, тюркские и иранские этимологии, но наиболее популярным толкованием является соотнесение этого имени с рекой агадических преданий Самбатсион, за которой, якобы, оказались потерянные колена Израиля.²¹ Ср. также слав. топонимы Субодь/Суботь,

²⁰ Отметим, однако, что рядом ученых этимология этих названий относится к понятию козопаса. В то же время былинное имя героя Козарина безусловно связано с этнонимом, а не с пастушеством. Сходные имена и названия сохранились и на территории Паннонии – Козари, Козарвар и т.п.

²¹ Река Самбатсион бурным кипящим потоком течет только по будням, а в *субботу* останавливается, но евреи не могут ее перейти и вернуться на родину, потому как это явилось бы нарушением Закона. Такое положение должно было сохраняться вплоть до Судного дня и прихода Мессии. Ср. Grimm Я., I, 314: «у Ульфилов – *sabbatê dags, sabbatô dags* [день субботний]... во избежание языческого *dies Saturni* (так же, как в романских языках и в готском), седьмой день называли *sambaztag*». Любопытно отражение деталей легенды в русских былинах. Там Днепр иногда называется Пучай-рекой, Израй-рекой или Сафат-рекой (в последнем случае – от Иосафатовой долины под Иерусалимом, где должен был произойти Суд над человечеством, согласно книге Иоилия; само имя Иосафат означало «Яхве-Судья»). Мать Добрыни/Алеши, «честна вдова Амелыфа», предостерегает сына от купания в этих водах: «тая река свирепая», «струечка быстра, быдто огонь секёт... дым столбом валит, да со пламенью». (Кстати, приток Днепра, Почайна, мог бы дать и более положительные коннотации, поскольку там произошло историческое крещение при князе Владимире). В связи с подобными контекстами поневоле рождаются экзотические гипотезы: например, можно понять наш ойконим как евр. *snbt* – Сион Бет – «Дом Сиона», а

Соботин, Собота, Сабатиновка (но – *Žabotin*, Жабечь, Жабы!), Собутка, а в Паннонии – Сабадка/Субботина, Надьсомбат, Сомбатхей (*Szombathely*, где «*hely*» означает «место»), Шабац, *Zomba*, *Sombozero*, *Simbata*. Несколько парадоксально в этом контексте выглядят славянские языческие места и праздники – словац. *Sobytka*, «сходка на Ивана Купалу», рус. Суботтея и Соботка, то же, болг. *душна* [родительская] *събота*, польск. Собутка, она же – Сленжа, священная гора, на которой с древнейших времен проводились языческие празднества. Видимо, здесь следует говорить о пережитках язычества в условиях христианства.

...Степень мифологизации героя в текстах традиционной – устной и письменной – культуры не зависит от реальности его исторического существования. Некоторые эпонимы и легендарные персонажи вполне могли иметь исторических прототипов, напр., король Артур, Ромул, Добрыня, Кий, Острогота, дат. Хрольв Краке, тюрк. Доуло и др., что, в принципе, мало чем отразилось на качестве дошедшего до нас дискурса. Впрочем, книжные этнолегенды, составленные задним числом, нередко так и остаются «пустыми» (в смысле содержания) схемами, независимо от степени их дальнейшего влияния на исторический дискурс. У Ненния в «Истории бриттов» известные этнонимы автоматически порождают соответствующие эпонимы: Алан, Франк, Бритт, Аламан, Лангобард, Бургунд, Вандал и т.д. Чистые индексы. Сходно и в славянской традиции: Мыльников (1996) прослеживает постепенную разработку в литературе образов Чеха, Леха, Славена и Руса. Не будучи сопряженной с символизмом мифа, данная квазиисторическая тенденция средневековых книжников не достигла особо ярких результатов. Аналогичная ситуация, видимо, имела место и в Др. Греции, где весьма показательные имена – Эллин, Дор, Ахей, Этол, Лелег, Ион, Лакедемон – так и не стали центральными персонажами легендарных сюжетов (судя, конечно, по сохранившемуся наследию).

С другой стороны, известность широкому кругу своих современников нисколько не мешает, а, скорей, помогает превращению исторического героя в персонаж популярных легенд. В сибирских песенных «старинах» – «Сеня Разин из осилков был»;²² а Пугачев, согласно преданиям, уходит под землю к своей тетке Елизавете, и та угощает казаков неубавляющимся хлебом.

можно и как латиногерм. *Сан Бадас* – «Священная Купель». Тут уже открывается вполне махновское «Гуляй-поле» для вольных рассуждений на тему о Кие как *Навигаторе* (ср. эпитет *Рулевой* пророка Мани и «Кий-перевозчик» у Нестора) некоего «первоордена» *крестовых братьев* былинного цикла (подробнее см. Лапенков В.Б. «История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории». М., 2006).

²² «Осилки» (асилки) – сказочные великаны белорусского фольклора, возможно, лингвистически родственные скандинавским асам. Не исключено и древнее готское влияние, поскольку славянские жители этого региона соседями-балтами долгое время именовались как *гуды* (сюда же, наверное, и чешские *ходы*).

Чингизхан (в алтайском и киргизском фольклоре) зачат от умершего мужа, который приходил к жене в виде светового луча, а уходил в образе волка; у родившегося сына был золотой клочок волос на макушке, а на спине печать имени Джабраила (Криничная 1988, с 95 и др.). Князь Владимир, став былинным «Красным Солнышком» со статусом покровителя богатырей, приобретает ряд черт присущих данному статусу – обладание своего рода св. *фарном*, но также тщеславие и ревнивость, из чего возникают дополнительные сюжетные ходы, мотивы женитьбы, измены, гнева, «туженья», суда, плена и т.д. (К сходному эпическому типу причислим иран. Кей-Кавуса, тюрк. Эдигея, инд. Юдхиштхиру, кельт. Артура и Конхобара, дат. Хродгара из «Беовульфа», гот. Германариха).

Литературный и фольклорно-эпический дискурс преследует свои собственные идеологические цели, и хотя в отдельных случаях (напр., в «Шах-намэ») можно иногда почерпнуть сведения, недошедшие до нас в исторических источниках, но в целом реальность, находящаяся в толще мифологических представлений, не может быть корректно изъята из системы взаимоотношений с этими представлениями. Уайлдовские парадоксы на тему «жизнь подражает искусству» вполне могут быть приняты во внимание в случае толкования этой системы.²³

В чем-то проще (а в чем-то сложнее для анализа) обстоят дела с возникновением имен и названий, с этнонимикой. Невозможно в каждом случае разграничить исторические причины и мифологические, типовые и случайные (уникальные), чисто природные факторы и социально-культурные. Однако и здесь есть определенные закономерности. Я.В. Чеснов в «Лекциях по исторической этнологии» вывел ряд подобных законов, в частности, вектор от конкретного к общему, от имени нарицательного к собственному и от имени «феодала или династии» к имени народа. Правда, его же примеры показали, что векторы вовсе не однонаправленные: ничуть не меньше и противоположных случаев.

Можно отметить следующие ряды того или иного смыслового объема: экзистенциальные, типа «люди», «мужи», «свои», «свободные», а также –

²³ Известный исследователь фольклора Б.Н. Путилов (1988, с 115) писал о возведении былинных героев к историческим персонажам: «вопрос этот в серьезном научном плане может считаться исчерпанным». Он приводит пример с отражением в эпосе героического образа Марко Кралевица, бывшего в реальности турецким вассалом и вполне бесцветной личностью. «Соответствия» либо оказываются мнимыми, либо идут «по касательной» к основному содержанию, либо вообще антистетичны, а в результате Марко «песенный» ближе к Илье Муромцу, чем к историческому прототипу (там же, сс 117, 120-121). Еще раньше об этом писал Пропп (1976, с 102): «когда в эпос попадают исторические имена, их носители подчиняются законам былинной поэтики и становятся эпическими персонажами». Все это кажется настолько очевидным, что немного стыдно ломиться в открытую дверь. Однако это только *кажется* очевидным: идеологию и политику никто не отменял, идеологов и политиков ученым не перекричать. Сказали, что «будет былинным!», значит будет.

более конкретно – социальные, гендерные, профессиональные; природно-географические («лесные», «луговые», горные», «окраинные», но также имена обязанные конкретным топонимам, как и наоборот); эпонимы (патронимы) легендарных и исторических персонажей. Причем, первичная «узкая» семантика способна распространиться на большое территориально-политическое образование, а широкое понятие (те же «люди») применяться к самой малой родовой общине. По недостатку материала часто невозможно судить, существовали ли в действительности, или только в преданиях и конструкциях летописцев, народы (или социальные группы), носившие легендарные имена (напр., парадаты, аримаспы, вельсунги, споры²⁴ и т.д.).

А уж насколько запутана реальная история!.. И нет ничего легче, чем запутаться в трех соснах. Вот возьмем имена Ганс, Жанна, Янечек, Ванюша... Формальная этимология без истории слова выглядит в данном случае анекдотом: «Вано» и «Хуанито», оказывается, означают... «Яхве милостив»!.. Это если опустить цепочку от др.-евр. *Yōhānān* через латынь к современности; но она хотя бы известна. Или учреждение под названием «ломбард», которое восходит к старофранцузскому «фростовщик (из Ломбардии)», где подтекст слова стал «текстом». В свою очередь ГН «Ломбардия» есть упрощенный дериват этнонима лангобардов, некоторое время проживавших на севере Италии. А в истоке не то «длиннобородые», не то «длинные топорики» (на мой взгляд, скорее, последнее, а первое значение обыграно в легенде; см. о них ниже).

Нас здесь будут интересовать, конечно, «темные места» и «белые пятна», т.е. спорные моменты, а среди последних в основном те, что с уклоном в тематику мифологического и символического свойства.

Арии – имя вполне историческое, а «стерегущие золото грифы» и «одноглазые аримаспы» Геродота бесспорно мифологичны. Однако и здесь не все просто. Даже если последних самоназваний не существовало, нельзя исключать возможности бытования, пусть даже недолгого, подобных экзотонимов, ведь историк не выдумал «скифский логос», а опирался на предания. Что до ариев, то историчность имени не отменяет его предельной (или, скорее, беспредельной) обобщенности в применении к этносам. Притом, что этимология спорна, а история слова гипотетична.

²⁴ Чеснов: «склавинов и антов... называли общим именем – *споры*. Последний термин расшифровывается как «плужники»... Оттого, что они земледельцы «по жизни», или арии по происхождению?.. Тогда неясно, причем здесь лингвистика, ведь славянское слово означает «обильность»?.. Греческое имя хоть и означает в корне «посев», но речь у Прокопия шла о многочисленности и – дословно – о «*рассеянии*» по северной ойкумене этих народов. Ловмянский в свое время попытался объединить «обильность» с «рассеянностью» через «многочисленность», предположив трудности перевода из славянского в греческий. Вряд ли также стоит сравнивать данное имя со *спалеями* Плиния или *спалами* Иордана (первые явно от семантики «пещера», т.е. троглодиты, а вторые, если тут слав. источник, скорее можно связать с исполами/исполинами). Еще одна ассоциация на греческой почве – ЭН Δουλόβλορον.

Поскольку имена даются вовсе не ученой комиссией, то естественной и нормальной следует считать весьма «ненормальную» этнонимическую ситуацию, яркий пример которой мы видим на Кавказе. Так, народность адыгэ (автоэтноним) называется своими соседями *черкес* и *каша/касог* (последнее некоторые исследователи возводят к древним *каскам/кашкам*, современникам хеттов). Осетины – экзоэтнонимически – это также *таули*, *оси*, *мусав* и *къуицхъэ*. Но имя *мусав* получили и балкарцы; *къуицхъэ* это карачаевцы, по-кабардински. Кабардинцы и черкесы, по-свански – *кашаг*. Черкесы, по-осетински, *касоги*, а по-абазински – *адыга* и *кабардей*. Кабардинцы, по-абхазски – *аедыг*. Грузины и сваны, по-адыгейски – *курджы*. Карачаевцы, по-свански, *овси*, по-ногайски – *тавлы*. *Тавлы* также, по-ногайски, имя аварцев и кумыков (см. Волкова 1973, сс 178-181). Замечено, что чем чужероднее и новее в данном регионе народ (напр., ногайцы), дающий соседям свои имена, тем последние обобщенней и собирательней (хотя это, конечно, не строгое правило). Из этого вытекает простой вывод: различные (по древним источникам) племена реально могут быть родственны, и наоборот. Т.е. враждебные германским готам анты вполне могли быть... германцами, а упомянутые в каких-то конкретных случаях сами готы – кем угодно из местных народов...

Но вернемся к нашим арийцам. Чеснов, несколько безапелляционно, утверждает, что задолго до вторжения ариев в Индию это имя означало «пахарей» (от и.-е. *ar-э* «плуг»), хотя какой бы концепции о происхождении индоевропейцев не придерживаться, индоиранские народы эпохи экспансий были воинственными всадниками и скотоводами. Согласно Паулю Тиме (поддержано Бонгард-Левиным), *ārya* < *arī-* «чужак, пришелец», далее – «(благо)склонный» к пришельцам», «гостеприимный (хозяин)», «благородный», «господин». Последний смысл утвердился и может быть увязан с теонимом Арьяман (типологически ср. слав. Радогост). Жорж Дюмезиль предполагал обратный переход: «благородный» (род. гр. аристос «лучший») → «чужой» (ср. и.-е. **alīe-* «иной»), в виду произошедшего классового расслоения в эпоху оседлости. Эмиль Бенвенист (1995, сс 241-242), развивает и уточняет мысль Дюмезиля, объясняя диалектическую связь «своего» и «чужого» в свете фратриальных и поколенческих отношений в среде экзогамного общества.²⁵

И.-е. корень *ar-* полисемантичен, но одно из основных его значений «дрейфует» в понятийной области «(при)соединения», «соседства», «сочленения», «сличения», «прилегания», а также «распределения» и «давания» (откуда, в конечном итоге, произошли термины счета, права, порядка и искусства). Логично предположить, что на раннем этапе имя ариев означало нечто вроде «союзников», соседнюю фратрию, экзогамный

²⁵ Среди прочего Бенвенист рассмотрел отношения гостеприимства на понятиях «гостя» и того, кто его принимает (связан с ним отношениями взаимного гостеприимства). Семантика враждебности и чуждости «гостя», в частности, в латинском и готском языках, появилась уже позднее, с распадом родовых институтов (1995, сс 77-79).

род (см. Бенвенист, там же, с 243), т.е. сородичей, или, в зависимости от масштаба, этнический субстрат//суперстрат. Сюда же отнесем и институт потлача и распределения благ, доли.²⁶

Здесь также можно вспомнить эпическое противостояние двух иранских миров, Ирана и Турана – собств. авестийское *airiianəm* и *tūriianəm* (генитив-определение страны). И что мы находим в словарях иранских языков? Ав. *tūiŋya-* (<*rtŋya-) означает «брат отца, дядя». Что касается родственных отношений внутри иранского эпоса, то интересующая нас конкретика такова: средний сын Феридуна (< Тразтаоны), Тур, убивает младшего (но от другой жены) Эраджа; ему мстит внук убитого (внучатый племянник); далее иранский герой Рустам не находит себе другой возможности занять сына, как только от туранской девы, которого позднее, не узнав, убивает²⁷. Другой знаменитый иранский герой, Сиявуш (*Syāvaršan*, «Черный герой»), племянник и зять главного туранского властителя и колдуна Афрасиаба (*Fraŋrasyan*, «Светлый барс»?)²⁸, гибнет от руки убийцы, подосланного тестем, а за него мстит его сын, «праведный царь» Ирана, Кай Хосров. Вот уж война войной, а свадебный пир по расписанию! Опять же – диалектика. Куда от нее денешься?!..

Населением Турана большинство исследователей считает скифо-сакские племена, родственные по языку прочим индоиранцам. (Именно они, кстати, привнесли в эпос сюжет о Рустаме). Таким образом, легендарная вражда двух эпических народов несколько не противоречит их этноисторической близости. Как показал тот же Бенвенист, фактическое родство может отражать и столь же реальное соперничество, причем зафиксированное на лингвистическом, терминологическом, уровне, как это произошло, например, в случае с др.-инд. термином «брат».²⁹ В фольклоре самых разных народов

²⁶ Сходная ситуация энантиосемии произошла с представлениями об институте потлача в латинском и греческом: понятие щедрого дарения превратилось со временем в понятие ущерба и расточительности (Бенвенист, ук. соч., сс 67-68).

²⁷ Ср. аналогичные истории с ирл. Кухулином и рус. И. Муромцем.

²⁸ Афрасиаб из рода Тура, который также убил своего добродетельного брата, сочувствовавшего иранцам.

²⁹ Бенвенист (ук. соч., с 180) пишет, что в Индии «родственные связи двоюродных братьев стали ассоциироваться с духом соперничества. ...Взяв за исходный как раз термин *bhṛātṛya-* «сын брата»... мы можем реконструировать условия перехода к значению «двоюродный брат», затем к значению «соперник», характерное для классического санскрита». Из индийской традиции (помимо известного, но расплывчатого в социальном аспекте, сюжета о дэвах и асурах) вспоминается история об эпическом противостоянии пандавов и кауравов, но можно упомянуть также ванов и асов скандинавского мифодискурса, Хлёда и Ангантиора (там же), ахейско-тройское противостояние (а внутри Трои – Приамидов и дарданцев), межклановые войны ирландского эпоса, римскую легенду о Горациях и Куриациях и вполне историческое сосуществование обско-угорских фратрий Пор и Мось (манси). А наиболее общий момент это, конечно, классическая для большинства этнотрадиций ситуация межгрупповых ритуально-праздничных состязаний.

хорошо известны сюжеты с соперничеством братьев, особенно кузенов, дядей и племянников, родственников по отцовской и материнской линии, не говоря уже о мужчине и женщине как таковых.

Этимология Турана в конечном итоге восходит к понятию отцовской линии родства, и здесь интересно то, что и.-е. семантика отца, «патера», связана с одной стороны с «хозяином гостя» – лат. *hospes* (при *hostis* «враг») и индоир. *ayuatan*, с другой – с понятием отца не как физического производителя и кормильца, а отца в социальном и религиозно-юридическом плане (Господь, *Despóthj*, *Jupiter*, *Zeû páter*; Бенвенист, ук. соч., с 148).

Достаточно широк класс «народов-героев». Это готы, гунны, вандалы, обры-авары, огузы, скифы, киммерийцы, росы/русы, анты, нарты, спалы, авхаты и др. Здесь имя собственное становится нарицательным, реальный народ мифологизируется, а мифологический – историзируется. Имя *готов* получило еще и дополнительную героическую коннотацию, попав в ряд поэтических древнесеверных кеннингов – «гауты гор». *Spali* Иордана, обычно возводимые к слав. «исполины», переключаются с кашуб. столы(м), польск. *stolim/n* и Исполинскими горами (они же – Вандальские горы).

Немецкое *Hüne*, *гунн*, также получило значение «великан», как и анты – независимо от того, что здесь первично, этноисторический смысл или мифологический – др.-англ. *Ent*, то же. Сюда же чеш. *obř*, нашедшее отражение в топониме *Obří důl*, который находится, между прочим, в районе Исполинских гор. Аналогичное значение у имени *огузы* в Армении и болг. диал. *елини* (т.е. эллины). В менгрельском *алан* означает «молодец», «герой», скифское племя *авхаты* греческих историков производят от иран. *augah*, «сильный», *ольберы*, отмеченные автором «Слова...», от др.-тюрк. *alyb äri* «великий муж, герой» (далее кирг., тат., казах. *алур* «герой; великан»). *Ансы*, к которым возводит генеалогию готов Иордан, это собственно «боги», *асы* (др.-англ. *oss*, др.-сев. *ass* «бог»), возможно от понятия, давшего гот. *aps* «шест» (т.е. сакральный родовой столб) и с семантикой формы **ansā*, как предмета, сжимаемого рукой.

Существует и противоположный, «снижающий», смысловой переход типа «герой → великан → чудовище → истукан → болван → дурак». Ср. осет. *gijton* (< «римлянин») – «чудовище», среднегреч. *Ούρ* «венгр» > франц. *ogre* – «людоед». Ряд имен подвергся влиянию исторической конъюнктуры, в результате чего возникли такие определения как гр. *склав* – «раб», ст.-шв. *est* – «раб; эстонец», груз. *кашаг* – «фрослый невольник», *хазар* – *qazjarag*, «раб».

Древнейшие «эволюционные» предшественники осетин, абхазов и некоторых других народностей в северокавказском эпосе – уадмиры, камбада, гамеры, гумиры, уаиги и нарты. Все они, кроме камбада, характеризуются физической «преизбыточностью».³⁰ Этимология нартов

³⁰ *Камбада* можно соотнести с именем царя Камбиза (иран. *Kambujiya*), племенем *камбоджа*, исторической областью Камбисена. Авестийское *kambīštām* (с формантом превосходной степени) < *кампа* – «маленький». Т.е. это сказочные карлики среди великанов.

спорна, т.к. неизвестно даже о каком языковом семействе может идти речь. При допущении и.-е. источника предлагался корень **peġ*- «муж, мужская сила; магическая сила» (семантика природной потенции), + суфф. мн. числа.³¹

Имя *гумиров* явное производное от *киммерийцев*, отсюда осет. *gaemeti*, груз. *gmīg* («богатырь», «исполин»), ассир. *gimītāi*, арм. *Gamirk*, др.-рус. *коумирь* и библ. *Гомер* (возможно, что от последнего нельзя отделять и этнофорное гр. ЛИ Гомер?). И.М. Дьяконов предполагает происхождение этнонима из иранского **gamīr* (или **gm-īr*) со значением «передовой (подвижный) отряд», но вероятней всего связь с хетт. понятием *gimī*, *gimmara*, *gimraš* «поле; степной» и лув. *immari*- тоже. (Правда, происхождение последних терминов кроется в густом тумане).

Вряд ли можно считать доведенным до консенсуса имя *массагетов*, обычно возводимое к тотемным именам типа «оленья» (*maṇ-sag*, «человек-олень»), «овцы» (*maiša*), «рыбы» (*masia*); ср. также *maza*- «большой». Хотя и в данном случае можно вспомнить ав. *mašya-g* (= др.-перс. *martiya*), «мужи»; (с меньшей вероятностью – **mas-augetah*, «большие авхаты», по имени скиф. племени у Геродота). К «оленью», согласно В.И. Абаеву, относят обычно и *саков*, хотя более точным был бы перевод «сохатый, ветвистый»³². Не менее популярно возведение к понятию «собаки»: < др.-перс. **saka*, давшего ср.-перс. *sak* «собака», особо если учитывать мифонаратив о Кире Великом, воспитанном собакой (Спако), как, в свою очередь, римские родоначальники – волчицей. В связи с «оленьей» этимологией кажется немного странной столь долгая сохранность лесного тотема в широкой номенклатуре стабильно степных народов, поэтому стоит, по-моему, вновь обратить внимание на термины свойства/родства: ср др.-инд. *сакхи* – «друг, товарищ; муж сестры жены» (в авестийском было бы *haxi/haxaŋu*). Сюда же относится и иран. эпический родоначальник Хахаманиш (= гр. Ахемен; и далее, м.б., имя ахейцев?), «дружественный», а латинское *socius* «социум» свидетельствует об индоевропейской древности термина.³³

Военная семантика также распространена и в антропонимии и в этнонимии. Ср. кельтские племена *Vo-*, *Tri-*, *Petru-corii*, т.е. 2, 3 и 4 войска. Вполне прозрачно имя *саксов*, от **sachsno̥tas*, «товарищи по оружию» (при др.-с. *sahs*, «нож, меч с односторонним лезвием»). ГН Богемия, как хорошо известно, происходит от имени кельт. племени *бойев* («бойцы»); типологически сходны герм. племя *хелизиев* (др.-в.-н. *helid*, тоже) и племя *херусков*. К указанной группе – с семантикой боя, победы, защиты, меча и

³¹ Ср. антиномическое *ἐνάρεις* < др.-иран. *a-naŋ-ua* «не мужчина». Этимологии Трубачева (от и.-е. **peī*- «вести» → «вождь») и В. Абаева (из монгольского языка) неубедительны. Вопросы, тем не менее, остаются: в частности, неясны связи с северодакийским племенем *анартов* и с азиатскими *анареями/анариакими*.

³² Род. слав. *соха*. По О. Семереньи, **saka* «скиталец, кочевник» и якобы род. Согд и скиф; а по Г. Бэйли – синонимично «мужи».

³³ К свойству-родству относится еще немало этнонимов, например, итальянские самниты, сабины, сабеллы, герм. швабы/свевы и т.д.

копья – относятся также имена с формантами sig-, hadu-/catu-, heru-, haeru-, -hari-, -geir-, -gais-, -bod-, -ward-, -wiñ.

Якоб Гримм (I, 436-7): «готское hairus, древнеанглийское heor, древнесаксонское hegu, древнескандинавское hiörr – ensis, cardo [меч, шип]... херуски (не тождественные саксам) назывались по имени бога Cheru, Heru [меч] = Eor...».

В работе «Основы иранского языкознания» (кн.1, 1979) указано, что гр. термин Σκόθαι, *скифы*, можно произвести из *skul-ta, что хорошо увязывается с геродотовским термином *сколоты* (Σκόλοτοι; возможно из *Skula-tva с суффиксом множ.). Кстати говоря, в тот же ряд укладываются и имена скифских царей, исторических и легендарных – Колоксай (с формантом *хшай*, «царь»)³⁴ и с основой на Скил-/Скол-. Некоторые исследователи (в частности, С.В. Кулланда и К.Т. Витчак) видят здесь еще более древнюю основу – *Skuda.³⁵ Правда, этимология последнего термина кажется довольно шаткой. Предлагалось отнесение его к понятию «шлема», «шапки» (Ф. Корнильо), и здесь неизбежна привязка его к имени саки-тиграхадуды, «острошопчники». Затем к понятию, говорящему об отделении части от основного народа (семантика «лоскута», «щели» и «раздирания в клочья»), наконец, к образу «стрельбы» (Ф. Юсти, О. Семереньи и др.). Отсюда выходит, якобы, имя «Стрелки/Лучники», хотя примеры найдены лишь в кентумных языках).

Звуковая протеза i- в терминах *аикуз/ишукза* (iškuzāia) объясняется ассирийским (семитским) произношением, однако имеются примеры, которые трудно объяснить влиянием семитских языков. В частности, это племя *ишакани* в далеком Южном Памире, чей геномный гаплотип отмечен как в высокой степени арийский. Поэтому наименование скифов в приведенной выше форме теоретически могло иметь в анлауге иранскую семантику (при иран. is-/iš- «владеющий» либо «стремящийся, желающий»; а также ish, «этот»).

Легенды, как обычно, перемешиваются с реальной историей, а «геродоты» пытаются эти легенды «рационализировать» так, как они понимают реальность. Кир I (Куруш) был внуком Ахемена и сыном Теиспа/Чишпиша, чьи сыновья (Кир и его брат Арьярамна) поделили земли будущей персидской державы после его смерти. По легенде, внука Кира I-го, будущего Кира II-го, «Великого», спасла от смерти собака, а воспитали пастухи, причем на жену пастуха Геродот переносит мидийское наименование собаки – Спако. Однако вряд ли случайно следующее совпадение: киммерийский царь Теушпа/Теисп,

³⁴ Тем самым имя (С)Колоксай (s-mobile?) будет соответствовать геродотовскому термину «Царских скифов». Популярную этимологию, идущую от В. Абаева, «Солнце-царь», думаю, можно отвергнуть, тем более, что она выстроена в пандан с этимологией двух его братьев; довольно спорной, но зато в духе Ж. Дюмезиля, как система трех социальных каст.

³⁵ В связи с этим можно вспомнить и о персидской сатрапии Σκόδρα, под которой вероятно имелась в виду Фракия, граничившая на севере с «заморскими саками» (Saka Paradraya).

нередко отождествляемый с Тенспом-Чишпишем, отцом Кира I-го, женился на Спако, сестре, исторически засвидетельствованного, скифского царя Ишпакая! Имена Išrakai и его сестры можно понять не только как производное от «собаки» (в авестийской традиции собака это священное животное, противостоящее демонам), но и как дериват от «асна-», «конь», но в упомянутом контексте последний вариант кажется гораздо менее логичным (даже если исторически он более верный).

Ф.Х. Гутнов (http://www.darial-online.ru/1999_3/gutnov.shtml) пишет: «скифы Ишпакая разбили родственников по происхождению киммерийцев. Античный автор Полиен, рассказывая об этом событии, утверждал, что киммерийцев разбили при помощи «отважнейших псов». Со ссылкой на этнографические примеры из истории древних народов, Гутнов указывает здесь на военные (в основе – молодежные) союзы, наподобие римских «волчат»-луперков (а можно припомнить и обычаи на современном Кавказе), которые «поклонялись своему тотему, называя себя его именем и даже вели от него свою мистическую родословную». В свете недавних раскопок в Причерноморье (с. Красносамарское), где найдены ритуальные захоронения принесенных в жертву собак и волков,³⁶ можно также вспомнить о т.н. «песьеглавцах» из грекоримской географии, понимая под последними сакральный воинский обычай с наряжением в шкуры хищных животных.³⁷

С незапамятных времен проблема перенаселения и, так сказать, излишнего скопления в обществе шумной, агрессивной и гиперсексуальной молодежи решалась простейшим способом экспансии ее вовне, на поиск новых земель, охотничьих угодий и невест. Это отражено и в истории многих народов³⁸ и в фольклоре, в частности, в сказочных сюжетах о младшем сыне.

³⁶ О жертвоприношениях собак в самых разных н.-е. традициях (хетты, лидийцы, кельты, германцы) пишут В.В. Иванов и Гамкрелидзе в своей классической работе об индоевропейцах (1984, т.2, сс 590-591). В евразийском фольклоре собака тесно связана с загробным миром и душами умерших.

³⁷ У кельтов «собачий» дискурс отражен в именах легендарных героев – Ку, Ку Рои, Коналл, Конхобар, Конайре, и, конечно же, Кухулин («Пёс Куланна»). Ср. еще слав. Ивана Сучича (из типологического ряда подобных героев – Кобылин сын, Коровий сын, Медвежье Ушко). А в широко распространенных легендарных сюжетах о песьеглавцах последние живут в браке с обычными женщинами, лишь в епископальной истории Адама Бременского речь идет об амазонках, рождающих «чиноцефалов». (Кстати, появление такого народа как савроматы объясняется в скифском дискурсе связью скифских юношей и амазонок). Но в тоже время сакральные обычаи воинских союзов никак не противоречат служебному использованию собак. Как писал тот же Адам Бременский, «страну аланов охраняют собаки, и если случается сражение, то их выстраивают в боевой порядок». Историю упоминаний боевых псов у греческих авторов в ее связях со скифами и с молодежным воинским дискурсом подробно рассматривает Аскольд Иванчик («Накануне колонизации», М.-Б., 2005).

³⁸ Достаточно будет вспомнить обряд *Ver sacrum*, «Весны священной», у италийских племен, когда приносились жертвы богам и молодежь переселялась вместе с животным приплодом.

Значения имен с семантикой «детеныша-звереныша» хорошо известна у древних. Вспомним хотя бы имя царя Кира – Kuruš, от общеарийского *kug- «дитя, молодой самец» (также и.-ар. *koṃa «молодой, новый», перс. kušta «жеребенок, детеныш»; см. у М.М. Маковского и В.И. Абаева). Сюда же отец Кира I-го Чишипиш (ср. др.-инд. su-śísviṣ «хорошо растущий» и śíśu- «дитя», и вероятно – геродотовские тиссагеты), эпический инд. Куру из рода Бхарата, гр. κόρος «дитя, мальчик, сын» (неясно с др.-рим., точнее – альбанскими, Куриациями).³⁹

Резюмируя эти и подобные им факты, можно было бы подумать о возможности сведения этимологии имени скифов к иран. понятию kuttī, «собака, щенок» (учитывая здесь параллели с анлаутом «Ишпакай – Спака» и «Колоксай – сколоты»), хотя с формально-лингвистической стороны это выглядит немного экзотично. В плане семантики вспомним также такие имена как скиф. Сколопит, или Скилл, при гр. σκῦλαξ, κύλλα «щенок» и σκῦλον «шкура, снятая с убитого зверя» (хотя, согласно Кулланде, это имя неотрывно от иран. имен Скиф и Колаксай). Вопрос, а можно ли к понятию kuttī подверстать скиф. ЭН *котияры* (во втором слагаемом, видимо, *арии*), фрак. имя Котис, м.-аз. ойконом Котиеры, а также ближневосточных *кутиев*, остается открытым.

Хотя м.б. проще всего не отрывать имя Колакская (и м.б. сколотов) от имен Куру и Куруш, а понять его как закономерный итог из индоарийского *koṃa («молодой») с переходом г- в l- (ср. уже известный переход *арий* в *алан*)? Этому соответствуют и варианты имени Колакская у греко-римских писателей в форме *Коракс*. По поводу братьев Колакская тоже можно кое-что добавить. Этимологии Абаева и Грантовского справедливо, на мой взгляд, были раскритикованы Кулландой. Он предположил, что в имени Липокская кроется вариант инд. Рибху, «Умелый». Но в принципе возможна еще одна версия – понять имена всех трех братьев (Колакская, Липокская и Арпокская) не как представителей трех социальных классов (по Дюмезилу и Раевскому), а как *единый* семантический пласт, с учетом др.-инд. слов alpa, lip-/limprāti и árbha- – «маленький», «юный».

Сами скифы, по свидетельству Геродота, считали себя *молодым* народом («моложе всех»), и именно от Колакская, младшего из трех сыновей Таргитая, пошло племя «царских скифов» – паралатов (от *парадаты* – букв. «первозданные», или «первопоставленные»).⁴⁰ К «молодежному дискурсу» можно, наверное, присовокупить имена легендарных сыновей из рода Скифа,

³⁹ Кстати, некоторые понятия с семантикой «герой» и «царь» также восходят к семантике «родства» и «рождения», напр., гр. κύρος «сила, власть», κύριος «господин», немец. König от kuni- «род», хетт. hassa-s «царь» от hass «рождаться».

⁴⁰ Хотя, как раз в плане семантики молодости, сохраняет определенную значимость и мнение Назаренко (1989, сс 233-237), что и.-е. *skol- «резать» → «стричь» дает социально-возрастное понятие молодого, несовершеннолетнего человека. На известных скифских изображениях зрелые герои изображены с бородами и длинными волосами.

Пал'а и Нап'а, «потомков». Нап достаточно уверенно соотносится с понятиями фамильного родства во многих и.-е. языках, что до имени Пал (сюда же историческое царское имя Ράλαχος и племя палеев), то здесь возможны варианты, напр., от *bala* («военная сила») ⁴¹ или, при известном переходе *d>l*, от *pad*, «нога; шаг, след» (С. Кулланда 2006, 202), но последнее значение имеет также метафорическое продолжение в понятии «потомства» (ос. *xwærzfæd* «имеющий хорошее потомство»). ⁴² Понятие «молодой» + «воин» отражено также в перс. *Martiyaka* (в Авесте они сравниваются с волками и псами).

Сходную семантику находим в родоплеменных названиях герм. вульфингов/ильвингов («волчат»), ютунгов (от **eufra*- «подлинный потомок»; А. Bach, 1953, 311), малоазиатских ликийцев, кельт. вольков и слав. вильцев (от «волк»). Дискуссионно отнесение сюда же ингевон и тюрингов (на мой взгляд, к первому имени можно подставить **eng*- «молодой», а ко второму – д.-в.-н. *tiog* «зверь»). ⁴³ ЭН гр. народа *ионийцев* кажется вполне прозрачным. У славян имя *младзь* (пол. *Mładz*, чеш. *Mlatce*) м.б. изначально (т.е. узко исторически, а не лингвистически) связано с германским, либо прусским, этнонимом *милинги* (каковой, правда, не является его прямым смысловым источником). ⁴⁴

Многие герои мирового эпоса могут быть признаны вожаками молодежных консорциев – сканд. Хельги и Хрольв Краки (Ильвинги), слав. Вольга и Вук Огненный Змей, король Артур (этимологически – «Медведь»), Юдхистхира и Кауравы, Ясон, Ромул, Сослан, Кёр-оглы,

⁴¹ Однако как в др.-индийском, так и в поздних наречиях, вплоть до осетинского, **b** в анлауте остается.

⁴² Возможно от **paſa-q-* / *paſ-q* «ребенок».

⁴³ *Тюринги* объясняются также именем бога Тиу/Тюра, и еще соотносятся с понятиями «отваги» или «толпы/множества». Связь с понятием великана-*турса*, на мой взгляд, маловероятна лингвистически, хотя в ряду сыновей первочеловека Манна Ирмин также означает великана. Что до сына Манна, бога Инга/Ингве, от которого произошли ингевоны, то фольклорная его контаминация с Фрейром («Господин») сама по себе ничего не добавляет к пониманию этимологии имени. Теоретически ее можно подвести к и.-е. значению «пухнуть, опухоль, железа, яичко», что в др.-германском выглядит как **inkwa-z*. Семантически, в плоскости «увеличения/усиления/роста», это близко к первичному значению имени Ирмин. (Общегерм. **ermana*/**irmino* «огромный» > др.-сев. *Jǫrtingr* «бык», далее ср. Германарих). Интересная история получается также с ютунгами (*Juthungen*): это имя однозвучно с именем скандинавских *ютов/ётов*, которое в свою очередь, по мнению ряда исследователей, корреспондирует с именем готов/гаутов/геатов. А протеза могла появиться позднее, для удобства латинизированного произношения.

⁴⁴ Возможен и славянский след: связь с племенем мильчан и именем князя Милидуха. Соблазнительно также понять этноним *сербы* не как иранизм, а как славянское продолжение и.-е. понятия «сосать, хлебать»: по Брюкнеру, *sorbh-* означает «ближайшие родственники». С учетом первичного смысла я бы предположил здесь этимологию «молочных братьев».

уже упомянутый Кир.⁴⁵ Сюда же позднее слав. «псы», или «волки», Св. Юрия (География).

Понятие молодости (и воспроизводства) равно относимо как к человеку, так и к флоре и фауне (пол. *młodek* «бычок, теленок», чеш. *młázina* «поросль» и др.), а в предыдущем значении оно связано с семантикой «нежности/мягкости» (ср. др.-инд. *mṛdúṣ* «мягкий, нежный», гр. *μαλθακός* «изнеженный», лат. *mollis* «мягкий» и т.п.). В еще более раннем моменте значение **moldь-* чередованием связано с **meld-*; т.е. «нежный» это, в истоке – «перемолотый». А в более позднем семантическом развитии находим среди прочего укр. *молодечество* «вести холостую жизнь; разбойничать» (ЭССЯ 19, с 183).

Не менее известны эпические *девичьи* воинские сообщества – те же амазонки, валькирии и поляницы (ср. еще сюжет каракалпакской поэмы «40 девушек»). В восточнославянском фольклоре это обычно дочери Кащей (Змея, Морского царя), или его пленницы, но в каждом случае – девушки-оборотни.

Понятие «перемолотый» (с явной аллюзией на инициацию) в славянском мифодискурсе, и опирающихся на него квазиисторических средневековых хрониках, могло быть образно увязано с легендарным Грохом/Грошем/Горошком/Горохом (слав. *gorax* родственно др.-инд. *ghārṣati* «фастировать»). Далматинский князь Грош, согласно историку XVI века, Гайку, разрушил замок праотца Чеха. Далее – польск. Хотышко (*Chosziszco*), чье имя трактуют обычно как «косичка», но не менее логично было бы соотнести его с *катышкой*. Любопытно, что Хотышко, по легенде, загрызли мыши в башне города Крушвица (последнее название также имеет в основе семантику «крупитчатости»)⁴⁶. Вполне естественный семантический переход – «молотый» → «мягкий, нежный» → «молодой»...

А теперь вопрос «на засыпку»: что общего между словами *болванка*, *перси* (грудь женщины или коня), *барaban* и *пахлава* (печенье)? На первый взгляд, как-будто ничего, однако не будем торопиться.

Совершенно уникальна история славянского слова *болван*. Это последнее звено в развитии лингвоформы, давшей длинную цепочку разнообразных имен и понятий. От и.-е. формы через индоиранские языки она, путем культурных контактов, захватывает тюркские, кавказские, славянские языки

⁴⁵ Рождение молодого героя, как и появление «молодого» народа, нередко связано с мифологическим, либо квазиисторическим, *мезальянсом*. В частности, ср. у греч. историков рассказ о появлении «молодого поколения» савроматов.

⁴⁶ Герой восточнославянских сказок Покатигорошек, в чьем имени соединяются *горошек* (от съедения которого его матерью он был зачат) с *катышкой* (от «катать»), проявляет свою силу в крушении железных палиц, стульев и в поедании железного гороха (бобов). Кстати, с этим, м.б., коррелируется и имя готов-грейтунгов: не только от понятий «гравий», «крупный песок», «грубый помол» (ср. др.-англ. *gréot*, д.-в.-н. *grjoz*, откуда – «жители песчаного побережья» → «поляне»), но и «гнездо» (*hreīðr*), «славные» (*hrēð*), «великие» (зап.-герм. **grauta*, англ. *great*, д.-в.-н. *grōz*) или даже «пещерные» (*grīottūna*), ср. *спалеи*.

и наконец «застывает» в поздних ирландском, немецком и шведском (ирл. *balbán*, шв. *bulvån* – «соломенное чучело»). Знаменитый «тмутороканский блъвань» указывает нам на вероятность причерноморского источника славянского заимствования и на типологическую параллель с *кумиром*.⁴⁷ Др.-рус. *бълъвань* – «идол», «чурбан», «истукан», «остолоп», «массивная глыба»; белорус. *балван* – «столб», «дурак»; ср.-болг. (XIII в.) *балван* – «изваяние», «глыба», «невежа»; словен. *balvân* – «идол», «бревно», «глыба» и т.п.

По Мелиоранскому и Радлову, сюда же относится *balbal* орхонских (др.-тюрк.) надписей.⁴⁸ Ряд авторов указывает на происхождение слова (прслв. **bъlvānъ*) через тюркское посредство из персидского: ср. перс. *pāhlivān* – «герой, витязь, борец» (Фасмер I, 186-187; Черных 1993, I, 101; Менгес, 1979, 87-91; ЭССЯ 3, 121). Сюда же перс.-тадж. *полван* «богатырь, полководец» и *партаван* «силач, великан», груз. *pahlavani*, арм. *pahlīvan* «силач» (и сладкое кушанье *пахлава*). Немало рефлексов в тюркских языках: тур. *pehlivan*, туркм. *пэлван*, узб., казах., ног. *полван*, *пелуан* (сюда же абх. *пельуан*) «богатырь».

Смысл довольно подвижен: кирг. *балбан* «борец на свадьбе», ст.-тат. «обученный пляске медведь», «птица, обученная для охоты», крым.-тат. *балапан*, *балабан* «флейта или барабан, под звуки которых боролись богатыри на свадьбах», далее – тат. и рус. *барабан* (Ахметьянов 1981, с 39). Ср. Фасмер I, с 111; Черных 1993, I, сс 71-72: тур., крым.-тат., половец. *balaban* «охотничий сокол», «большоголовый», «толстый», «громогласный» → «большой барабан». Отсюда и орнитологическая классификация «сокол-балабан» и укр. фамилия Балабанов (< от «сокола», а не от рус. *балобан* «дурак»).⁴⁹

Иран. *пахлаван* «герой» восходит к именам *парфянин*, *Парфия* (от которых также название ср.-перс. языка *pahlavī* «пехлевийский»). Отсюда же древний город *phl*, *Балх*, скиф. ЛИ *Партатуа* (гр. *Прототий*), арм. ЛИ *Партев*, княж. род *Пахлавуни* (*Палуни*), гр. Παρθία < др.-перс. *Paṛθava* (авест. *Parsava*). И. Дьяконов (ИИГК 1971, с 130) этимологизирует это географическое название как «окраина» (первоначальная семантика – «бок, край, ребро»), Грантовский (там же, сс 312-313) напротив, относит его к понятию «богатырь».

Собственно *парфянин* (сюда же *Парфия*) и *перс* (сюда же Персия, Парса, Парсиана, Парсава/ассир. Парсуа) это слова исторически и формально родственные. В своей переизданной книге «Ранняя история иранских племен

⁴⁷ Кстати, *болван* (= пахлаван) и *кумир* (= гумир/киммер) встретились в осетинском выражении из сказания об Амиране – *pillon gumiŕy* (В.И. Абаев «Ист.-этим. сл. ос. яз.», 1958).

⁴⁸ С учетом многовековой истории каменных изваяний в евразийских степях, вероятный ближайший источник славянского слова это кипчакский (половецкий) термин, обозначавший надгробного идола на захоронении воина (см. Ахметьянов 1981, с 40).

⁴⁹ Несколько сложнее с *балабан* «болтун». Но здесь возможно влияние слова *балаболить* (звукоподражательного происхождения; см. Фасмер I, с 111).

Передней Азии» (М., 2007) Грантовский уделяет этому вопросу большее внимание, чем в упомянутой выше статье. Для данного слова в Ведах нашлась и мифологическая праформа в виде имени дочери Ману, *Pārṣu*, и упомянутого средневековым индийским грамматиком Панини племени *Paṇṇavas*. Грантовский также указывает на происхождение из *Parsu- названия афганской народности и языка *паштун/пашто/пуштун/пушто*.

Но вернемся к изначальной семантике этого имени. Индоевропейское *Per(k)- дает семантику понятий «порождать»; «брызгать/прыскать»; «пена»; «капля»; «поток/водопад»; «пятнистый/пестрый»; «сын»; «поросенок»; «бычок»; «форель» и т.п. Сюда же др.-рус. *порозь*, ц.-слав. *празь* «баран». Д.-в.-н. *Farto* «бычок» (из *farza < *per- «порожденный», букв. «выпроставшийся изнутри наружу»). Герм. *farwo (из и.-е. *perk) находится в смысловой рамке между «красить» и «прыскать, брызгать». Близки по происхождению слова *порох*, *прах*, др.-исл. *fors* – «водопад».

И.-е. корень *per- один из наиболее «плодовитых», из него, например, происходит и гр. *σπέρμα*. Рус. *поросенок* и лат. *porco* также от и.-е. *per- «рождать». В.И. Абаев («Скифо-европейские изоглоссы», 1965) упоминает хотансакское *rā'sa-* «свинья» (из *parsa-). Ср. еще тохар. А – *pars* «пёстрый».

На общем фоне этого широкого смыслового гнезда могла появиться и специфическая мифологема «чудесного порождения героя и/или первопредка из бока/ребра».⁵⁰ Мифологема, соблюдающая «золотое сечение» андрогинности и подчеркивающая особость, исключительность, персонажа.

Но пора уже нам вернуться от рассмотрения наших «баранов» к славным временам царя Гороха. И к городу, до которого только *язык* может нас довести. Интересные это были времена, воспетые недошедшими до наших времен стихами безымянных боянов, дев и валькирий.

.....

...Летописец никогда не лжёт. Однако это не означает, что он говорит *правду* в современном научном смысле слова. Здесь место встречи двух единовременных тенденций: рационализации и историзации мифа и мифологизации исторических событий/персонажей. От Геродота и Аполлодора до сегодняшних авторов фолкхистори (в последнем случае нельзя, конечно, говорить о невинно-наивном подходе, хотя и «место встречи изменить нельзя»). Проблема несколько осложняется волонтаризмом, любительским подходом к этимологии, и здесь древние авторы были ничуть не менее активны, нежели современные. В частности, они любовно сопоставляли имена данов с Доном, богов-асов/ансов с аланами-асами и с Азией, из чего уверенно делали исторические выводы...

⁵⁰ О возможной связи между данным сюжетом и этимологией Парсавы от «ребра» писал также бельгийский иранист Эрик Пирар (1995). Грантовский (ук. соч., 2007), упомянувший в сноске этого автора, сам склонялся к семантике «широкогрудости» и «крепкободости», откуда, по его мнению, и происходит образ силача-героя (пахлавана). На мой взгляд, оба автора чуть-чуть не дотянули до «источка».

Начнем с контекстов, связанных с именем и образом Одина, как родоначальника (каким он в первую очередь и предстает у Снорри Стурлусона в «Хеймскрингле»). В богатой скандинавской традиции, касающейся этой персоны, вполне вероятно (даже, скорей, неизбежно) определенная игра слов и понятий: он и *высокий*-Хар, и *господин*-Херр, и *воин*-Хареван, либо *вождь войска*-Хере, и *меч*-Херу, и *прелюбодей*-Хорр. И тут мы сразу можем перейти к летописному дискурсу о раннем Киеве. Если князь Аскольд этимологизируется как «Седовласый» (формально возможны и иные решения), то это известный синоним Одина, и тогда в единической перспективе Дир/Деор это «зверь» (т.е. «волк Одина»?);⁵¹ Имя Хорев/Хорив м.б. отглагольное производное, как Кий → Киев (от *Harī* → слав. *Хор-). Не исключено, как считают многие исследователи, что Хоревница – библ. гора Хорев (но, возможно, это не христианский рефлекс, а более ранний – иудейский, иудео-хазарский?).

Далее смотрим у Э.А. Макаева в его работе о рунических надписях (2002): *harja* (I, 109). Имя собственное, аналогичное древнефранкскому *Herio*. О соотношении *harja* (I, 79) и *harja* см. гл. V. Ср. еще руническое имя *hAriwolAfR* (I, 86), соответствующее исл. *Herjylfr* (см.: de Vries, с 211). В Краузе указывает на то, что гребни из Ви, откуда происходит и данная руническая надпись, обнаруживают символические знаки, в частности, свастику, что характеризовало культ асов, и что прозвище Одина, верховного аса, *Herjan*, *Herfōþr*, позволяет видеть в имени *harja* одно из его прозвищ (Krause 1937, с 606-607).

В германской ономастике находим также имена *Heristen*, *Hruodstein* и рунические *Hærftr*, *Hariulf*, *hariuha*, *hroReR*. При сюжетных перекличках летописей с сагами отметим наличие в последних имён Хельги и Хродрёкр (Хрорекр). В исландских сагах есть имена типа Хьорлейф («Лейф Меча») и топонимы типа Херьольвснес, «Мыс Херьольва» («Волка Меча?»).

Из восточной ономастики – Хорив (библ. гора), Харив (Герат), Хореан/Хоарена (в Мидии), греч. термин *хорион* «хора, область», библ. Хареа,

⁵¹ Это имя (Аскольд), как и Дир (от *Dugi* «дорогой», или от рун. *þiR* «воин, слуга», или от *Deor*/Дуг «дикий зверь»; но см. также ниже), привычно считается скандинавским по происхождению, хотя нельзя полностью сбрасывать со счета готицизм (с композитным «ас+битва»). Кстати, привязка этих имён к городу Киеву (которого, как и Новгорода, тогда еще не было, тем более, в качестве возможной «столицы каганата»), не более исторична, чем «многомогильность» Вещего Олега. Кстати, интересный вопрос: а почему эти князья названы летописцем просто «боярами», не рюрикова рода, а не были им объявлены родоначальниками династии?.. В отличие от мнения Яна Длугоша, здесь Рюрик (и искусственно привязанный к нему Олег) ценностно перевесил Кия с братьями. А ведь Аскольду, по ряду известий, даже приписывалось «первое крещение Руси»? М.б., это связано с арианско-богомилскими чертами того, «первого» (конкурентно-еретического), христианства, что в дальнейшем показалось православному иерархату гораздо опаснее изначального язычества Рюрика, Олега, Игоря и Святослава?..

Хареф, Нвту/Хорий (сын Хура) и народ хорреев. Ряд авторов настаивает на еврейском источнике имени, поскольку доказано присутствие в Киеве еврейской общины (плюс возможное хазарское влияние), однако непросто представить себе «бедного еврея» в братьях у «истинных арийцев».

Семантических ходов-вариантов м.б. довольно много: например, можно связать «седовласого» Хаскулдра⁵² с именем Хорив через исл. *hægi*- «седой». Теперь о Щёке. Прагерманский: *stūkō, *stukō, *stauk. Значение: «палка, балка, пень». Древнеисландский: stūka «рукав; выступ»; stokk-г *m.* «палка, бревно, брус, дубина». Норвежский: stokk. Шведский: stock; stück. Датский: stok. Др.-англ.: stocu *f.* «длинный рукав/шланг»; stoc(c); styccе (можно еще вспомнить популярный сюжет о «капитане Крюке»). Английский: stock. Древнефризский: stok. Древнесаксонский: stok(k); stukki. Сюда же ряд рунических имён типа Stokk и Stakk. В топонимике – Stockach, Stockelsdorf, Stöcken, Stockheim, Stocksee, Stockstadt, Stakendorf. В то же время следует учитывать, что ряд топонимов с формантом stakk соотносится в Скандинавии и Англии со значением «крутого холма» или «обрывистой скалы».

В полабо-приморском регионе находим названия поселений Стехов, Штехов. Также формы Stechow и Stechow-Ferchesar. В России две деревни Стехово в Псковской области. В Чехии топонимы Štěchov, Кийовицы-Стешесовицы (>Тешетицы), ниж.-сорб. МН в Германии Stoki. Стахов/Штахов лес известен (до своей вырубки) в области Воронежского Черноземья. Из современной европейской топонимики – Stockach, Stockelsdorf, Stöcken, Stockheim, Stocksee, Stockstadt, польск. Стоки, Стах- и т.п.⁵³

Любопытна использованная белорусским писателем Короткевичем легенда об «Охоте короля Стаха». Справедливости ради отметим, что имя Стах обычно считается гипокористикой от Станислав, хотя, с другой стороны, последнее совершенно естественно при древности и изолированности забытого (выпавшего из живого словоупотребления) мифоимени Щёк. У Короткевича легенда о «Дикой охоте» отнесена к историческим событиям в Белоруси начала 17-го века, однако, что характерно, сюда же попал и мотив связанный с историей коварного убийства Зигфрида (Сигурда). Впрочем, на белорусскую легенду в первую очередь могли оказать влияние средневековые легенды Германии и Англии (см. работу Олдфилда Гоувея о лошади в мифологии).

В некоторых районах Германии Один отождествлялся с Ирмином, чей столп, Ирминсуль, сверг Карл Великий. Ирмин ездил на колеснице по Млечному пути, который немцы называли путем Ирмина, а колесницей считалось созвездие Большой Медведицы, или, как его называют на севере, созвездие Одина.

⁵² Еще варианты: от *Hagu-staldaR* «владелец закрытой территории» или норвежского *hod* «битва» плюс скандинавское *skyldr* «ответственный, обязанный».

⁵³ Несколько изолированными выглядят слав. имя *Чак с отыменными гидронимами Чаков (низовья Горыни), Чаква и Czaków (бассейн р. Сан).

Звериная свита «дикой охоты» Одина оказала влияние на состав помощников некоторых героев русских сказок. Образ самого Одина отразился в таких сказочных и былинных героях как Сухман (отворивший себе раны, охотник за Лебедью Белой), Царь Огненный Щит, Пламенное Копье, Михаил Потык, Дунай (покончивший с собой также из-за женщины), упавший на копье Данило Ловчанин (ср. с сакральным самоубийством Одина), привязанный к дубу и убивший себя копьем Иван Годинович (ср. *годи* – «жрец», «бог»)⁵⁴.

Что до связанного с Босом числа «70», то комментаторы отмечают его характерность для преданий кочевого мира: так, в монгольском предании о Чингисхане есть упоминание о казни 70 представителей разбитого в битве *племени волка* (см. «Свод древнейших письменных известий о славянах». Т. I, М., изд. «Восточная литература» РАН, 1994, с 160). Хотя, на мой взгляд, к этому ближе контаминация с сюжетами на темы Одина и «Гибели богов» (Рагнарёк).

Мифологические корни «дикой охоты» уводят нас довольно далеко, буквально в космические дали. 12 жрецов-«диев» Одина отсылают нас к 12 месяцам года. Путь Ирмина (в созвездии Медведицы/Одина) переключается с «путем Трояна» из «Слова...», которому принадлежала в древние века вся земля (надо понимать – космос, «хронотоп» Золотого века): «скача, славлю, по мыслену древу, летая умомь подь облакы... рица въ *тпру* Трояно чресь поля на горы». Здесь рядом (и буквально в др.-рус. тексте 16 в. О словах апостолов) с ним бог Дый, т.е., возможно, и наш Див, а м.б. также и балт. бог-отец Диевс (ср. еще Дейворикс), и – в германо-балто-слав. глубине – Ирмин. Не говоря уже о многочисленных богах бури и грома мирового фольклора. Уже в первых главах Ветхого Завета говорится, что завершил бог создание небес, земли и всего «их войска». Войско Одина несомненно имело некогда астральную смысловую подоплеку и ассоциировалось со знаками зодиака.

Кажется явным нонсенсом, что практически никто из ученых не обратил внимания на смысловую связь имён Кия и Щёка. Объяснить это можно только тем, что «одинический» мотив, особенно в его древнегерманском варианте, отметался в отношении истории восточных славян *априори*, поскольку в ином случае оперировать пришлось бы лишь расплывчатыми «мифемами», сохранившимися в сравнительно поздних памятниках.

О понятии Древа-Столпа-Посоха в значимых именах (сакский св. столп Ирминсуйль, эддический Ермунганд и т.п. см. Топорова Т.В. 1996, а также данную работу, ч.2). Отнесем сюда же герм. *ass* (балка и т.п.), *ans/as* (см. в предыдущей главе) и *киёвицы*. См. ещё у В. Татищева о сыне Вандаля, Столпосвяте. Кстати, с меньшей вероятностью, но не исключено, что к этому же семантическому ряду можно притянуть и имена польского «первопредка» Леха, точнее это Лестько/Лестек или Лешек.⁵⁵ Ср. польск. *loszcz*, диал. *lascwk*

⁵⁴ Невозможно проследить все литературно-мифологические аллюзии и связи, но упомянем здесь еще конан-дойловский сюжет о собаке Баскервильей.

⁵⁵ Известен исторический Лех, погибший в войне с Карлом Великим, но

«ореховая палка», *laska* «трость» (как символ судебной власти), укр. *ляска*, то же, и сербохорв. топоним и прозвище *Ľěskovac* «ореховый прут».

Важным моментом является и факт, указанный в «Германской мифологии» Я. Гримма (т. I, с 355): «В древнеанглийском источнике 862 года (KEMBLE, II, 73) при описании установления рубежей упоминается *Vónstoc* = *Vödenesstoc*, *Wodani stipes* [столб Вотана]».⁵⁶

В. Васильев (с. 211) сравнивает семантику Кий и Пяст/Пест (посох, дубина) и говорит о деапеллятивном происхождении города Киева, правда, приводя его в данном случае к слову *куява* («голое возвышенное место среди леса»). Васильев ссылается здесь и на названия Куяба-Куйава в восточных письменных источниках. Однако, с этим трудно согласиться с чисто исторической точки зрения: в последних названиях как раз легко увидеть литературное отражение МН Киев, подкрепленное огромным количеством подобных славянских топонимов. Не входит в противоречие с этим и название куявы/куявяне (*Kujawiasy*, *Kujawianie*), западнославянского племени, жившего между Вислой и верховьями р. Нотец, в районе оз. Гопло и цепочки других близлежащих озёр. Огласовка здесь иная, но соответствующая цепочке лингвистической хронологии: *kuj* – кый – кий. А вот диалектные польск.-гуцул. *куев/куява*, и подобные, кажутся довольно поздними глоссами со специфической (гео)семантикой холма, воды, растительности и почвы. Имена польских куявов и их ближайших соседей полян вполне могли быть известны автору ПВЛ и даже послужить некой смысловой праформой для собственных построений.

Вообще трудно (скорей, невозможно) себе представить, что многочисленные топонимы, от германо-польского Поморья до Днепра, Балкан и Адриатики, все имеют чисто антропонимическое происхождение.⁵⁷

эпонимный Лех результат литературного преобразования: соционим «лех» средневекового писателя Далимила у его последователя Пулкавы превратился в имя собственное. (См. Мыльников А.С. 1996). Хотя и исторический Лех и чешский соционим, видимо, как-то эволюционно увязаны с именем польского племени лехитов, а возможно также и с упомянутым выше фольклорным Лешеком.

⁵⁶ Еще момент из книги Гримма (т. III, 15): «Сакснот, который в «Древнесаксонской абренуциации» называется вместе с Тунаром и Воданом». Т.е. здесь три бога, которых можно символически связать и со столпами и с присущим им оружием: меч, молот и копьё.

⁵⁷ Ср. только некоторые топонимы на разных концах славянского мира. Болгарские: Кив кладенец, Киевски кладенци, Горното Киево, Кийовец, Киевщица, Киевица, Кийовското, Киешкото, Киевото – пастбище под Горно Киево, Киешка – приток р. Негойчевица, Киевски колиби – гористый склон, Кев град, Киевско кале – крепость. И на другой стороне – на территории Германии – *Kiwicz* (Саксония), *Kiever See*, *Kiewieds Bruecher* (обл. Мекленбург), *Chiowe*, *Chyowe*, *Kyowe*. Что касается дошедших до нас однокорневых средневековых имен, то их существование *сопутствует* известной топонимике в том или ином качестве (включая неизбежные оттопонимы и прозвища), но их исключительное *предшествование* возникновению поселений не может быть доказано.

В этом плане Васильев, конечно, прав. Однако и *куява* не кажется удачным решением, тем более, что все эти имена давались самым различным в географическом и природном отношении объектам. Если большинство названий выражалось как раз через «Ки-», а не «Ку-», то ясно, что и семантика уже изменилась. Возможно, что подобное наименование давалось местности, которую племя в прямом смысле впервые для себя «застолбило»? Т.е. возвращаемся к первичному значению священного посоха, жезла, тояги и, конечно же, родового столба (столпа) и родословного древа. Типологически ср. ниже о возможной семантике топонимов с Люб-. Тем не менее, название, не будучи антропонимическим, изначально вполне могло быть отыменным, т.е. эпонимом, где Кий (он же Щёк) в мифоисторическом аспекте равнозначен именам Чеха-Богемуса, Руса, Славена, Ингве, Бритта, Эллина, Лакедемона и т.п.

Укажем еще на некоторые, м.б. чисто случайные, но любопытные переклички. «Кий-перевозчик» из текста ПВЛ имеет параллель в Одине-Харбарде, сыгравшем роль лодочника-перевозчика в сюжете эддической «Песни о Харбарде», где также представлена его перебранка с Тором. Менее вероятная параллель видится в созвучии имени Дира, сопровителя Аскольда (Хаскулдра), с «*диями*» (diag – «жрецы»), сопровождавшими Одина, согласно «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона. И если Харбард можно перевести как «Седобородый», при Хаскулдр «Седоволосый», то в обоих случаях это заместительные имена бога Одина. Любопытно, что и в отношении княгини Ольги использовалось слово «перевозчица». Правда, этот контекст кажется сравнительно поздним и сам является частью более широкого контекста народного фольклора о великой княгине. В частности, в древлянском регионе (г. Овруч) уже в новое время ходили легенды об Ольге/Олеге/Вольге/Юлге, связанные с тематикой сватовства, хитрости и мести жениху (в том числе кн. Игорю, которого сама Ольга якобы и убила).⁵⁸

А вот данные из справочника «Улицы Киева»: Бусово Поле, Бусова гора, Бусовица, Бусливка. Историческая местность Бусово Поле, расположенное в конце улиц Киквидзе и Саперно-Слободской, Железнодорожной улиц; Бусова гора – между улицами Киквидзе и Тимирязевской. Ручей Бусливка⁵⁹ течет через Бусово Поле до р. Лебедь. В данном справочнике также говорится, что эти названия произошли из 18 века: первое – от имени вождя одного из антских племен Буса (Божа), чьи укрепления (абсолютно гипотетические! – В.Л.) здесь находились; второе – от древнеукраинских слов *бус*, *бусинець* – мжичка, морось.

⁵⁸ В наших рассуждениях о мифологичности в истории мы, наверное, все же не до конца и не всегда понимаем глубину проникновения в нее мифа. Не могли ли, к примеру, известные казни Божа, Игоря, Мала (и даже Святослава) быть результатом специфических *жертвоприношений* «ослабевших» вождей, в духе теорий Фрезера и рассказов Снорри в Хеймскрингле?..

⁵⁹ Маловероятно при славянской деривации, но все же отметим здесь теоретическую возможность возвести это название к германскому имени типа *Буслейф или к топониму типа Busileba и Bossenleve (см. ниже).

В польской топонимике этому, по-видимому, соответствуют названия типа Buszke/owo. Ср. еще Бускамен, утес на о. Рюген. Что до местных топонимов на Bos-, то эти имена следует соотносить с довольно прозрачными Bose Wola и Bosedar.

Германские имена от Bos/Boz довольно многочисленны (см. Фёрстеманн, Шёнфельд), в тоже время имена от Bus (не считая тех, которые сами есть варианты от Bos) скорее связаны с заимствованием из славянских языков (отдельно отметим апеллятив *буш* «куст» с герм. семантикой *густоты, чащи, невозделанной/неокультуренной земли*. Ср., кстати, с *лендзяне*). Шв. *Bysi, Bosi* (прозвище), *Bose, Bósi* (тоже), *bósi m. fyllig, knubbig karl* «пухлый, упитанный мужчина». *Bassi, Basse, Bassi* (тоже прозвище), *bassi m. vildgalt* («кабан»). *Bøse, Bausi* – «гордый, кичливый, надутый». Таким образом и.-е. семантика «надутости» и «опухания» часто переходит в германских языках в понятия всего «плохого», «дикого», «злого», «ничтожного», «пустого» и т.п.

Иордан пишет о короле Амале Винитарии: «он двинул войско в пределы антов... и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных». Как и в случае с «фросомонами», есть все основания подозревать автора в недопонимании источников и в неуклюжих попытках «рационально» объяснить недопонятое; не забудем, что Иордан замыкает информационную цепочку «устный эпос – Аблабий – Кассиодор». В драматическом распятии Божа (Boz) вряд ли стоит искать нечто принципиально отличающееся от романтической казни Сунильды. Е.Ч. Скржинская и О.Н. Трубачев читают имя как славянское «Вождь» (хотя формально ближе было бы – «Бог»), но еще академик Шахматов связал его с Бусом «Слова». Соглашаясь с последним, можно отметить, что автор «Слова» гораздо лучше понимал, о чем пишет, нежели Иордан.

Учтем здесь два важных момента: во-первых, форма «бусови» – это издательская конъектура изначального «босуви», а во-вторых, у латинских и греческих авторов эпохи Иордана чередование B/V/U в начале написания иноязычных имен не редкость. «Босый волк» и «босуви враны» неперенные спутники Одина-Водана (готский Wodz, букв. «Неистовый», и граничащий с семантикой как поэтического опьянения, так и воинской ярости), который принес самого себя в жертву на Мировом древе согласно германскому мифу,⁶⁰ а «время Бусово», которое поют «готские красные девы», – это время побед на территории Асгарда (мира асов-богов близ рек Дон-Танаис и «Данп», Днепр), откуда Один привел свой народ в Скандинавию.⁶¹

⁶⁰ Ср. также древнешведские языческие ритуалы, описанные Адамом Бременским, со ссылкой последнего на информатора, говорившего о 72-х повешенных. А если учесть возможные астральные подтексты, то любопытно совпадение указанных чисел с общим количеством лунных и солнечных затмений в течение Св. года, т.н. Великого Сароса.

⁶¹ Асгард, Дон, Палавонские, или Рипейские, горы граничат в эпосе (и у ряда древних писателей) с мифологической Азией, как с миром иным, территорияй Гога и Магога, чудовищ, диких народов и амазонок.

Для более полного обзора темы следует упомянуть также «Свод древнейших известий о славянах» I, с 159-160 и прим. 24 у С. Алексеева в книге «Славянская Европа». Последний замечает, что сближение со славянским *voďь «вождь» многими авторами справедливо отвергается. Некоторые из них (напр., Шахматов) отождествляют Боза с Бусом из «Слова о полку Игореве»: «Се бо готския красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня руским златомъ, поють время Бусово, лелеють месть Шаруканю». Правда, ряд авторов отвергает такую идентификацию, предполагая в «готских девах» дев с острова Готланд, а не из готского Крыма. М.А. Салмина истолковала «бусы» как северные суда. «Время бусово» – время морских походов готландских готов (Салмина М.А. Из комментария к «Слову о полку Игореве»./Труды отдела древнерусской литературы. XXVII. Л., 1981). А.Н. Анфертьев в свою очередь считает, что готы здесь, «скорее», жители Готланда, однако зачем готландским готьянкам мечтать об отмщении за половецкого хана XI в. Шарукана? Он же указал на сочетание «босуви (конъектура – бусови) врани», отвергая идею К. Менгеса, видевшего в обоих случаях тюркизм, но не объяснившего семантику «времени бусова». (На мой взгляд, все это вполне может коррелировать с воронами и временем Одина). С. Алексеев предположил, что именование воронов-падальщиков «Бусовыми» вполне может представлять собой чисто метафорический оборот, связанный с преданием о повешенном готами короле антов и, с учетом алано-сарматских связей последних, предлагает связать имя Бус/Boz с осетинским buz/boz «благодарный». (Хотя в связи со сказанным выше подобные определения можно уже оставить в стороне).

На мой взгляд, у автора «Слова» несомненно имелись собственные историософские концепции (обратим внимание на красноречивое отсутствие в его картине, связующей древность и современность, первых Рюриковичей и хазарского каганата). Он противопоставлял «века Трояна» «времени Бусову», и вероятно последнее, в его глазах, сменило «золотой век» то ли мифологизированного римского императора Траяна, то ли мифического арийского Тразтаоны (сюда же фольклорный славянский демон Троян) после побед готов над славянами. Время Буса, в отличие от «райской» трояновской мифопоэхи, это время Великого переселения народов, апофеоза и трагедии Германариха, столкновений германцев с антами, венедями и гуннами. «Готские девы» здесь очередной пример эпического соединения времен, хотя неясно, почему именно им доверено воспеть удачную месть Кончака за поражение своего деда Шарукана от деда Игоря (исторические готы изначально были врагами гуннов-«хиновы»). Может быть, дело тут не в одной только ассоциации с «русским золотом», но и в том, что по некоторым данным женами эпических готов были причерноморские амазонки, т.е. «поляницы» русских былин? (А поляницы, как мы знаем, находились в весьма интересных отношениях с русскими богатырями)... Кстати, согласно средневековому арабскому автору Ибн ал-Факиху, свою добычу, взятую в черноморских походах, русы продавали именно в Тмугаракани...⁶² Не столь

⁶² Ср. еще рассказ Ибн-Фадлана о наложницах русов, украшенных монистами.

уж смелым будет предположение, что автор «Слова» являлся первым сторонником «теории Тмутараканской Руси».

Привязка имени к тюркскому *boz* «серый» (откуда рус. бусый, то же; возможно, его «народное» переосмысление в выражении босый волк, т. е. босой; ср. укр. босий «белоногий», фамилию Босоволков) все же не дает ничего, кроме дополнительной путаницы и взаимных отсылок по кругу (см. М. Фасмер, I и Словарь *Слова*). Более интересны сближения с упомянутой выше киевской топонимикой: приток Лыбеди – Бусовка, здесь же Бусова гора и Бусово поле, вполне возможно – названия отыменного происхождения. Историк В. Янович («День» № 54, 23.03.2002) считает, что на этом месте с готских времен находились крепость Самбатас и древняя верфь, где славяне помогали готам строить корабли-«бусы». Правда, термин восходит к др.-сканд. *bussa* «большое судно», т. е. к более позднему периоду сравнительно с условно готским. Другое дело, значительное количество сходных славянских топонимов: Bus, Busa, Busy, Buskiej(!), Buskiewicz(!), Bushora, Busov, Busovaca, Busal, Busko и другие (не меньше и топонимов на «Bos»; где-то это другая огласовка, а где-то другой корень). Ср. также деревни на о. Мён – Busen и Busemarke, сорбское МН в Германии – Bóšericy (в немецком отражении – Buscheritz, причем в области под названием Göda!).

В отдельных случаях возможен и различный генезис, например, от слав. *бусел* «аист» (польск. bus, укр. бусько), или влияние герм. booth «палатка», busch «куст; чаща», busen «залив; устье» и т. п., (скандинавизмы менее вероятны). М.б., в данном случае проще принять терминологию «*Божьего* поля/волка/града/горы» и т. п. (с моментом табуированности или инокультурности конкретного имени), и не исключено, что уже в древние времена так и понимали эти названия сами носители языка (ср. полаб. *būse*, «бог»). Но несомненно и то, что здесь явно имели место случаи обобщения и упрощения семантики имен неодинакового происхождения. В славянских топонимах семантика «босого» (аналогично – «косого» и т. п.) вполне реальна, в частности, в сорбской и подобной славянской топонимике на территории Германии (ср. полаб. *böse* «босой»).

Украинский филолог Нимчук («Сл. о п. Іг.» і народна мова, с. 37-38) пишет: «параллели к слову «бусовъ» в закарпатских говорах: босóвитис'а „сердиться, насуплюватись“, набосóвитис'а, забосовитис'а „накупиться, сердито нахмуриться“, босóу'л'ін'а „накупленность; босóвитися, босóвити „накуплюватись, сердито дивиться, кривить голову“, босовний „досадный“...»

Ближайшие к закарпатским примерам сербохорватские busovan, busnovit „сердитый“, nabusit „резкий, грубый, едкий, сердитый“, nabusiti „надуть (губы)“, nabusivati(se) „налетать, кидаться на кого-нибудь“».

Как считал Г. Ильинский (Славян. этимологии. – РФВ, т. 65, вып. 1, 1911, с. 215), если первоначальным значением *бось* было «бурно движущийся, бешеный», то «босуви врани» – «хищные вороны» (то же о волке).

Такие же мониста хорошо известны археологам как украшения женского костюма у крымских германцев.

Срезневский (Материалы... I, 158) приводит пример, где *босъ* – дьявол: «...далече бо быша отъ своея чьсти и бога *босове*». Псалтырь, СХVIII, 150 (XI, в.). Андрѣй Кобыла да Алексѣй *Босоволковъ*. Никоновская летопись, X, 218 (XVI в.). Гринченко (Словарь укр. мови): *Босий* – Непокованный... *Босі* коні, *Босі* колёса.

У Фёстермана (329-331): BOSI (bōsi). Др.-сев. Bosi (руническое), др.-англ. Bosa. Д.-в.-н. bōsa, bosi – «злой, плохой», но с семантическим переходом к «дикий; неуправляемый; неустойчивый; пустой; никчемный» и т.п. Немецкие Bohse, Boos, Boes, Boese, Boess, Buse, Bosinga, Busendal, Boasinheim, Buosenhova, Bosinhusen, Busileba, Busendorf, Buosinwilare, Busingehem (т.е. с формантами -дом, -место, -деревня и т.п. Значение «враждебный», «злой», явно означает имя/прозвище основателя. – В.Л.).

BOZ (būz). *Boza*, *buozan* («улучшать; использовать»). Coloboz – возможно слав. имя. Tagaboz вероятно из герм. Tagabodus. Др.-англ. Beta. Немецкие Booss, Bootz, Boss, Bosse, Buss, Busse, Butze, Butz, Putz, Bussinga, Bucinbura, Bossenleve, Bozenlohe, Bossendorf, Bucingehem. Сюда же Bösdorf, Busdorf, Bösel, Bössow.⁶³

Д.-в.-н. baz – «лучше, больше». Д.-в.-н. bozo/a, bozen с семантикой «удара, толчка», или «вязанки; связи; союза». Есть также встречные смысловые схождения *бос-* и *боз-* в понятии «шишки; опухоли». Эти поздние значения восстанавливают первичные индоевропейские. Сюда же д.-в.-н. buos/-z- со значением кривизны, загиба, округления, объема (дало, в частности, Busen «трудь, пазуха; залив»). Ср. ниже этимологию имени Крак/Крок.

Нет, все-таки главная проблема подобных этимологий не в том, что трудно отыскать подходящий этимон, а в том, что подобных этимонов может быть слишком много! Например, шв. Bosse, являющееся уменьшительным от др.-сев. Būi, которое в свою очередь происходит от глагола boa «жить». Кстати, в литературе уже проскальзывало мнение, что оригинальное имя героя а.-с. поэмы «Беовульф» – **Бева*, а «Пчелиный волк» (= «Медведь» или «Дятел») это вставленный переписчиком *кеннинг*. Что формально-типологически вполне согласуется с именами легендарных сакских королей Скёльдва, Тейтва и Бева.⁶⁴ Упомянем еще имя бургундского короля Voso и

⁶³ Э. Макаев (ук. соч.) предполагает, что Bos/Boos это *уменьшительное* от двухсоставного имени наподобие *Босогаст и т.п. Однако, в реальности мы видим лишь составные имена топонимического характера, т.е. топоним от имени Бос и не более того.

⁶⁴ В средневековой Европе бытовал сюжет, сходный рядом сюжетных моментов (в первую очередь, мстью за отца) с сюжетом о Гамлете – о Бэве из Хамитона/Антонана (фр. Beuve/Boeve, англ. Bevis). Популярность сюжета отозвалась и в русской лубочной культуре в виде «Повести о Бове королевиче», которую обработал Радищев и которой интересовался Пушкин. Правда, этимология имени героя в данном случае может восходить к лат. bos, bovis и гр. βοῦ- «бык». Ср. однако с именем одного из легендарных вождей саксов, Беав (Beau, Beawa, Veu, Veo), которого вряд ли стоит отрывать от Беовульфа.

имя франкского посла – Вотоґ. Герм. die Bösen «порченный, губительный», *busen* «пьяный» это уже весьма поздняя лексика. (Однако в полабском германское слово отражено как *beze*).

Любопытно то, что ряд значений в вариантах между Бос и Бус находятся в связке энантиосемии *плохой – хороший* («злой, враждебный» – «лучший, полезный»). Ср. выше слав. имена с семантикой «сердитый, бешеный», их энантиосемию – *люб*, а также Водз «Неистовый». Так ли случайны все эти совпадения?.. Отметим ещё, что эпический Боси из одноименной саги (сравнительно поздней) несёт в себе явные признаки древних сказочных сюжетов о героях-богатырях типа Медведко и Покати-Горошка, а в несколько меньшей степени – «дурачка/незнайки».⁶⁵

Поговорим теперь о «странностях любви». В западнославянском мире находим старейший чешский город Либице над р. Цидлиною, город в Германии – крепость Либице, будущий немецкий Любек. Ниж.-сорбское МН на германской территории *Lubošojce*. В Польше несколько деревень Любогощ (*Lubogoszcz*; герм. *Lübgust* и **Laubegast**) и одноименная гора в Карпатах. И еще длинный ряд названий с корнем Люб-/Либ- на исконно славянских и германских территориях, в том числе в бывшем полабо-приморском регионе (по мнению А.Е. Супрун, от племени *любичи*). У западных славян переход Люб- в Либ- (а также Лют- в Лит-) нередок. Сходно в др.-рус.: *куй-кый-кий*, *луб-лыб-либ*. Разумеется, многочисленные дериваты имен и топонимов от Люб- в славянских (в том числе древнерусских) землях не могут все восходить только к любичам или Либуше (и/или Лыбеди), и даже только к антропонимам. Помимо чисто любовной семантики (ср. ЛИ Люборад, словен. *ljūbša* «наложница», чеш. *libost* «любовная утеха», любьжа «приворотный корень», гот. *lubja* «волшебное зелье» и т.д.) здесь вполне естественна семантика «всего хорошего», типа формантов с Мил-, Нег-, Добр- и т.п. Например, логически вероятен выбор «*облюбованного*» места для основания селения. А вот внешне созвучные др.-рус. МН от луб- могут быть связаны с ремеслом по выделке лубяных изделий.

Притом, что флексия *-дь* весьма редка в русском языке (ср. *площадь*, *мокрадь*), следует ещё обратить внимание на гидронимы Суводь и Субодь (последняя – в бассейне р. Рось). Кстати, вовсе не факт, что во всех случаях имя Лыбедь женского рода: ср. ст.-слав. Любыць «любитель», н.-луж. *lubic* «охотник, любитель, жених», чеш. МН *Libec*, серб.-хорв. ЛИ *Љубас*, все муж. рода. Сюда же герм. *Leobius*, *Liebus*, *Liebig*, *Lubesbach*, *Liubegheim*, *Liubenstat*, *Liþŋz* (хаттский жрец у Страбона), но также Либуша (слав. легендарная героиня) – *Liubucha*. Ср. гот. имя *Liubita* (Garcia Moreno Nr. 31, 94).

Либуша и две ее сестры, волшебницы-вещуны, имеют прямые параллели в иных традициях, в том числе в славянской (вилы-самодивы), греческой (норны, мойры) и германской (вэльвы, валькирии).

Упомянем ещё один спорный, никем не решённый, да особо и не поставленный, вопрос о славянских гидронимах – Любожида (наверное, к этому же ряду отнесём и реку Жид), Любожада, Любожижа и Любожега. При

⁶⁵ Само его имя, *böğubósi*, в исландском означает Боси Ущербный (Халтурщик).

возможности трактовать второй формант более-менее традиционно, от слав. жид, жижа, жадность/жажда, зид- («глина»), балт. gede- «местность», предложим несколько экзотическую этимологию, связанную с пресловутой «Дикой охотой», собственно – Wild Jugd, при герм. jagen «травить, гнать, охотиться». (Ср. еще «дикую охоту» русских сказок с участием бабы-яги).

Вернемся к исторической топонимике. Остатками Искоростенья являются 5 или 6 городищ с валами и рвами, расположенных террасой группой на берегах р. Уж, которые, видимо, были укрепленными усадьбами князей или «лучших» древлянских мужей. Среди остатков городищ древлян IX-XIII вв. предположительно указывают на легендарные Ольгины купальни и курган воинов киевского князя. Знаменательными кажутся дошедшие до наших лет названия – гидронимы *Игорев* и *Тризна* (первый – приток второго).

На Руси известны также МН Коростень, Корост, Коростово, Коростувата, Коростышев. Возможно, что это славянизированные дериваты исконного названия. Первые летописные упоминания под 945 г. в формах: «**на Коростень град**», «**из града ис Коростеня**», «**на Изкоростень град**». Предполагалось, что в основе названия Коростень может быть слово *корост* «хворост, кустарник» (с суффиксом *-нь*), а начальное *Из-* (*Ис-*) появилось в результате обычного для др.-русс. языка повторения предлога: «**из града из...**»⁶⁶ (Е.М. Пospelов в Топонимическом словаре 2001 г.). Ср. еще родственные герм. топонимы с *horst*. (См. однако ниже прим. о гипотезе С. Цветкова). Правда, семантика *корост* как «хворост» весьма сомнительна: все ближайшие смысловые значения вертятся вокруг «чесотки» и «корки-коросты».

Согласно Соболевскому (РФВ 64, 179), собств. *Искоростѣнь имя скандинавского происхождения (шв. *sten*). Первая часть, вероятно, от др.-сканд. *skarfr* «утёс». (См. Фасмер II).

Возможно, это славянизация и переосмысливание германского слова (в семантику «короста», например). Герм. *Skarp* – везде с семантикой горы, утёса, вершины, острая, далее – шхера, горная расщелина. Ср. также др.-сканд. *skëra* («вырезать, высекать» идола), *skurd* (изваяние). Кстати, появление в сев.-зап. Руси южных (и юго-зап.) топонимов от Люб-, Киев-, Дерев-, Корост- связано со славянским расселением из последнего региона (ср. у Васильева, с 211). Правда, в польских, чешских и полабо-поморских, ныне германских, землях подобные топонимы тоже имеются). Т.е. славянизация герм. *Skarp*- вполне очевидна, как и вторичная германизация: ср. герм. МН *Marktschorgast* и *Scoregast*; но – без всякой связи со славянами – англ. МН Скорстейн (Шерстон).

Назв. Коростень можно еще сравнить с с исл. *skor-steinn* «дымоход» или с герм. *hurst/horst* «лес», гора, поросшая лесом» (отметим, кстати, что германские и скандинавские корни легче согласуются с нашим топонимом, чем собственно готские слова). Германское слово родственно также зап.-славянскому: нам известен древний чешский город Храстен, собств. *Чаща*. Ср. еще исл. *harð-steinn* «точильный камень» и герм. *Harz* «смола»

⁶⁶ У польского историка Яна Длугоша Изборск называется Сборском.

(последнее неожиданно наводит нас на семантику «древлян» тервингов, они же, дословно – «смоляне»). Нельзя не упомянуть и герм. *Forsderer Liudi* Баварского географа, что означает «древляне», либо, согласно И. Херрману, германское же *forstendere* – «первый», «предводитель», т.е., при соответствии Коростеню, «главный город». И, конечно, нельзя вновь не упомянуть герм. имена *Heristen* и *Hruodstein* (можно перевести их как «камень война» и «камень славы», т.е. в обоих случаях, как стелу либо рунический камень, посвященный герою).

Среди большого числа славянских топонимов, родственных Киеву, отметим еще один – болгарское средневековое селище Киево рядом с которым также отмечаем весьма удивительное историко-топонимическое совпадение, реку *Мальк Искър*. Вероятно это чистая случайность, однако созвучие с Малом/Малком и Искоростенем при всей недоказуемости смысловой связи все-таки настораживает.

Древние германские связи с восточными славянами на территории Русской равнины (в современном географическом понимании последнего термина) прямых следов почти не оставили, иначе сложилась ситуация у прочих славян. Что нам известно о т.н. «Летописи попа Дуклянина», написанной не позднее 15-го века? Переводчик летописи со славянского на латынь во вступлении называет её «Записью (книжечкой) готов (*Libellus Gothorum*)», или, на латыни, «*Regnum Sclavorum*». Славянский оригинал не сохранился. В 6-й главе автором отождествлены готы и славяне – «готы, они же и славяне» («*Gothi qui et Sclavi*»). Дуклянин, согласно византийскому обычаю, называл «варварские народы именами тех племён, которые жили на этой территории в классическую эпоху», поэтому он считал готами хорватов, принявших христианство и славянскую грамоту от Св. Мефодия. Далматинские латиняне называли глаголицу «готской», но сам язык – славянским. По мнению ряда историков это было связано с памятью о жестоком владычестве готов-ариян. В понимании Дуклянина, католического священника, пока славяне были язычниками, они были готами, т.е. варварами, а приняв христианство, стали славянами. «Хорватская хроника» также выводит род хорватов от готов. Словенский историк Й. Рус полагал, что начальные Дукляниновы главы это выдержки из истории остготов. Иордановым трём братьям, Валамеру, Видемеру и Теодомеру, там соответствуют Дукляниновы братья – Брус [*т.е. Борус. – В.Л.*], Тотила и Остроило. Также и войны Дукляниновых князей совпадают в основе с борьбой паннонских готов...⁶⁷

В «Церковной истории» Ордерика Виталиса (первая половина XII века), согласно которой норвежский король Сигурд, возвращаясь в 1111 году из Иерусалима «через Русь, взял в жены Мальфриду, дочь короля». В «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона путь Сигурда протекает через Болгарию, Венгрию, Паннонию, Швабию и Баварию, а «Генеалогия датских королей» указывает, что Сигурд женился на Мальфриде в Шлезвиге.

⁶⁷ Ср. в польск. «Великой хронике» анонимного автора (1987, с 55): «нет в мире других народов столь близких, чем славяне и тевтонцы».

Ср. ещё летописное «Представился Малфредъ Сильный», *храбр* кн. Владимира по «Книге степенной царского родословия», он же «Мальвѣрѣдъ Сильный» Никоновской летописи. Несколько иначе сказано в недошедшей до нас Иоакимовой летописи, по В. Татищеву: «Преставися Малфреда, Чехиня, мать Святослава». В ПВЛ 1000-м годом помечена смерть Малфреды и Рогнеды. Академик Д. Лихачев в комментарии к ПВЛ прямо соотносит Мальвѣрѣдъ с Малушей-ключницей,⁶⁸ сестрой Добрыни и матерью Владимира от Святослава. В запутанном именнике сыновей Владимира речь идёт ещё о двух «чехинях», жёнах великого князя. Сына Малфреды-чехини назвали в честь деда Святославом, и княжил он как раз в древлянской земле, после чего, в борьбе за княжение, был убит Святополком. Однако ситуация с самой Малушей и ее родом ещё более запутана, чем мы обязаны и Нестору и последующим переписчикам. С одной стороны имеются предположения о сыне Свенельда Мстише, с другой – Мистиша это Добрыня (Миския > Ниския > Никитич). Некоторые намёки на утраченный дискурс мы находим в былинах. В частности, достоин упоминания фольклорный образ Забавы Путятичны, «племянницы» Владимира. Былинная Забава предстает там удалой богатыршей-поляницей, склонной, между прочим, к переодеванию в мужское платье (ср. выше о «*храбре*»). А не является ли пресловутая «чехиня» ошибкой переписчика, изначально будучи «Щекиней» (от Щёка-Stock)?.. В истории Литвы находим, кстати, имя князя Стекинда. Соответственно и имя легендарного праотца Чеха (он же Богемус, от кельт. Богемия, территории племени бойев-воинов), помимо предлагавшихся этимологий от *чета*, «военный отряд», или от «честь», можно рассмотреть в свете возведения его к Щёку/Стаху.

«Славный род Амалов», о котором писал Иордан, легко угадывается в древлянском князе Мале и в Малуше-Малфриде (готск. Amalafrida). И

⁶⁸ Несправедливость высказывания Рогнеды о Владимире, как о «робичиче», очевидна, хотя под «рабыней» следует понимать здесь не реальное социальное положение домоправительницы (= мажордома), а то, что изначально, после разгрома древлян, Малуша оказалась пленницей победителя. Помимо социальной стороны образа укажем и на сакральную. Известный «сон Мала» (повлиявший на «золотой сон» Святослава в «Слове...»), находится в русле тематики пророчеств. О его предполагаемой дочери, Малуше, как о матери кн. Владимира, говорится в скандинавской саге. (См. у Пчелова): «Любопытно, что о матери Владимира, правда, не упоминая имени, говорит и скандинавская «Сага об Олаве Трюггвасоне». У конунга Гардарики Вальдамара была старая, дряхлая мать. Она считалась языческой пророчицей, и многие её предсказания сбывались. В Гардарики был обычай: в первый день йоля (языческий зимний праздник, впоследствии отождествлённый с Рождеством), вечером, мать Владимира выносили в кресле в палату, ставили напротив места князя, и старая пророчица предсказывала будущее. Владимир относился к матери с большим уважением и почтением, спрашивал её, не угрожает ли какая опасность Гардарики. В один из вечеров княгиня предсказала рождение в Норвегии Олава Трюггвасона, впоследствии побывавшего на Руси». Ср. с этим западнославянский дискурс о вещей Либуше и ее сестрах.

Нестор в своем возвеличивании Рюриковичей сознательно редуцирует этот момент, хотя вполне логичной кажется ситуация, что первые Рюриковичи – крохотный «остров» норманнов в славянском «море» – вынуждены были крепить свою легитимность путем браков с местной «реликтовой» династией (сигналом к чему послужило убийство Игоря).

Противопоставление древлян и полян аналогично более раннему противопоставлению готов-тервингов (дословно не столько даже *древляне*, сколько *смоляне*), они же *везиготы* (от *ves-* «хорошие», от *vid-* «лесные» или от «западные»?), и готов-гевтунгов («жители *каменистой* местности»?; см. прим. 110). Они же – *остроготы* (м.б. не столько от «востока», сколько от – Ostara/Eostre⁶⁹ – герм. богиня и мировое древо восхода). К «лесным» именам можно с разной степенью вероятности отнести также ЛИ Видупп, Видигойя, Витимир/Визимир, ЭН даны, лемовии, певкины, (полабские) *drewani*, голзаты.

Значению древлянской династии в русской истории посвятил свою весьма эмоциональную книгу писатель и историк А.М. Членов («По следам Добрыни». М., 1986). Автор, в частности, пишет: «Он стоит на красном граните, древний Коростень... Я гляжу на него из Шатрища – оттуда же, откуда глядел на него некогда противник Мала, которого древляне называли князем-волком. Два гигантских холма из красного гранита встают как неприступные бастионы по обе стороны реки Уж. Высотой они метров по шестьдесят. Тысячу лет назад вершины этих гранитных бастионов были увенчаны деревянными крепостями...».

Заглянем теперь в «Генеалогию русской знати». Реконструированный А.А.Шахматовым «Древнейший Киевский свод 1039 г.» гласит: «И иде Игорь... И примуче Угличи и възложи на ня дань и въдасть Свенельду, и дасть же дань деревскую Свенельду...». Сфенкель назван третьим по знатности в дружине Святослава в 971 году. Лев Диакон сообщает о его гибели в это время, что входит в противоречие с данными ПВЛ, считающей Свенельда живым еще в 977 году. Вряд ли греческий историк ошибся в таком деле и тогда тем более нужно говорить о *роде* «Святолдичей». (Хотя с другой стороны, если уж быть до конца точным, то он там же говорит о серьезном ранении Святослава, после чего изображает последнего одетым во всё белое и гребущего на ладье наравне со всеми).

Шахматов считал, что греческая форма его имени – Сфенкель – очень близка к скандинавскому имени Стейнкель. Так звали родоначальника шведской королевской династии Стейнкельсонов, члена семьи ладожских ярлов.⁷⁰ По мнению Шахматова, информаторы летописцев Начального свода – Вышата Остромирич и Ян Вышатич дали сведения о своих предках (Свенельде, Мьстише-Люте, Добрыне, Коснятине, Остромире) из устных семейных преданий. При этом все летописные своды согласны между собой в том, что Добрыня – «уй» (*вуй* – дядя по матери) Владимира Святославича, но по разному сообщают об отце Добрыни. По одной версии – это Малк

⁶⁹ Ср. латыш. мировое древо *Austri* и англ. термин *Easter* «пасха».

⁷⁰ При всём пиетете перед авторитетом Шахматова, на мой взгляд, Свен- и Стейн-с лингвистической точки зрения плохо коррелируются.

Любечанин, по другой – Мьстиша-Лют Свенельдич. Спутать Свенельда с Малом никак невозможно, но и связь их друг с другом тоже, по-видимому, не может исчерпываться только войной и полюдьем, отмеченными в ПВЛ.

Несмотря на желание некоторых исследователей видеть в Малке древлянского князя Мала, с лингвистической точки зрения такой подход совершенно неверен: имя Малк можно рассматривать только как семитское *малик* – «царь». Хотя и с Добрыней не всё ясно, в том числе отсутствие упоминаний о нём в связи с деятельностью Святослава, отца Владимира.

Независимо от того, сколько людей насчитывалось в истории под именем Свенельда (включая Свенки и Сфенкела/Сфангела византийских источников) и сколько прожил на свете сам Свенельд (для одного человека явно многовато), связь его и его потомков, «Святолдичей», с Древлянской землей и с Добрыней свидетельствует, что они не были посторонними для Амалов (во всяком случае, в матримониальном плане; и здесь они оказываются родственниками Рюриковичей). Соответственно, ничто, происходившее в те годы на Руси, не могло происходить без их участия. Но, как мы можем судить по летописям, само это участие тщательно маскировалось.

В геополитическом ключе решилась и «широтная» проблема конкуренции Киева и Коростеня: несмотря на то, что Коростень был изначально сильнее, он был обречен ввиду своего маргинального положения на днепровском пути.

Святослав, со своими космополитическими планами и языческими взглядами, шел против течения истории и, независимо от личной доблести, обречен был на гибель. Видимо, первым это понял «старый» Свенельд,⁷¹ сумевший сохранить себя и свой род при нескольких поколениях великих князей. Кстати, понятное стремление летописцев-идеологов придать правящей династии необходимый («виртуальный») международный блеск и статус как раз и доказывает отсутствие у нее, как и у всякой пиратской вольницы, «голубой крови» и реальных прав на аристократическое положение. И то, что сами династы ясно отдавали себе в этом отчет, объясняет (и акцентирует) их матримониальные связи с побежденными, но «славными» Амалами. Аристократами не рождаются...

...Итак, талассократия («Власть Моря») была «преодолена» континентализмом («Властью Суши»). На этом фоне экспансия новых степных народов (печенегов, торков и половцев) сыграла немаловажную роль в смене геополитической парадигмы на Руси, оторвав ее от

⁷¹ В имени этого персонажа понятие «старый» может быть в первую очередь рефлексом форманта -aldr «старый» (вариант – из wald «власть»). Первую часть имени можно трактовать как «Сильный»/«Быстрый» – гот. *swinþs*, днв. *swind*, исл. *Svinnr*, и здесь интересна будет отсылка к Малфреду *Сильному* (см. выше). Менее вероятно – от сканд. *Sveinn* «юноша, парень, слуга; свинопас», или от этнонима *свеон* «швед». Впрочем, как говорится, возможны варианты: Свенки/Сфангел греческих источников позволил некоторым исследователям говорить о форме Свенгельд (С. Цветков). Но тогда не исключаются и

непосредственного выхода к южным морям. Но сама идея талассократии не была забыта, став элементом литературного дискурса. Наиболее ярко она выражена в «Слове о полку...», где автор вдохновенно воспекает былые «жирные времена» и мелкий, хищнический по сути, поход князя Игоря, из-за идеи, которую автор вкладывает в это событие. Разгромить «Поле», «поискать града Тмутороканя... испити шеломомь Дону»... И вновь заставить служить себе «земли незнаемы».

В данном контексте можно вновь вспомнить о «готских девах» и предложить еще одно прочтение. Именно девы, т. е. подруги, невесты и наложницы русов, звенят подаренным златом.⁷² Степняки разорвали связь Руси с Причерноморьем и Приазовьем, и девы теперь «клеют месть Шаруканю». Действительно, злато теперь достается половчанкам – и в результате грабительских походов самих половцев, и в качестве платы за военные союзы, и, наконец, в качестве приданого.⁷³ Да и сами степняки (хан Кончак – внук Шарукана!) уже властвуют над территорией, на которой когда-то царили аланы и русы, готы и амазонки...

Из всех консервативных романтиков автор «Слова» самый проникновенный, и на его стороне была своя правда: лишенная «морской идеи», Русь сразу перестала быть функционально единой, перешла в состояние бесконечных внутренних дрязг (оборотная сторона свободы)...

Вернемся к мифоистории. Интересно, что сравнивая обычаи ванов и асов, Снорри рассказывает, что у первых практиковались браки на близких

Свенкелл, и Свенхильд и т.п.

⁷² С.Э. Цветков в связи с этим настаивает на гипотезе, учитывающей известие Л. Диакона о прямой связи русских князей «тавроскифов» с Причерноморьем и смерти Игоря от рук германцев, т.е. крымских готов-тервингов. Готские девы, узнав о пленении Игоря, поют время Бусово, когда был убит Игорь Старый. Это довольно логичная версия, особенно если учесть такие интересные топонимические совпадения как поселение *Сгора*, куда в 941 году от Константинополя, согласно Продолжателю Феофана, ушли разбитые русы, и *Стенон*. Впрочем, речь здесь идет о приморской местности в Вифинии и о Босфоре, т.е. даже не о Тавре. Таким образом, если следовать данной гипотезе, приходится полагать также не только переезд русской княжеской верхушки в Приднестровье, но и одновременное переселение (по Цветкову – военный «полон») туда же самих готов-древлян со всем их сопутствующим топонимическим и культурным контекстом. Тем более, если к этому ряду отнести такие «крупные мелочи» как Бусово, Бусовка в Приднестровье и «дальнейшую» древлянскую инвазию в новгородские и полабские земли. Наверное, естественнее все же признать присутствие в ту эпоху древлян-тервингов не только в Крыму и Тамани, но и на Правобережье Днепра и в Южной Прибалтике уже в качестве аборигенов.

⁷³ Как и в иранском эпосе (см. предыдущую главу) здесь тоже военные походы не препятствуют брачным союзам. В данной связи гипотеза А. Никитина о том, что «Слово...» есть своеобразное описание «поездки на свадьбу» кажется мне все же чересчур радикальной.

родственников, запрещенные у асов. Этот сюжет весьма напоминает то, что писал об обычаях древлян и полян создатель ПВЛ, а Козьма Пращский о чехах.

В некоторых славянских легендарных историях первоначально приходят из Сарматии в область Дуная (Хорватия/Иллирия; Паннония; Норик), откуда, оставив Скифа и/или Бастарна, идут к северу (к горам Рипейским – историческая гора Ржип в Богемии) Рус, Славен, Крок (Крак), Лех и Чех. Мартин Вельский (опиравшийся здесь на взгляды Ваповского и Кромера) в третьем издании своей хроники (1564 г.) писал, что предки славян «заселяли обширную область между реками Волгою и Днепром... и жили в то время языческим обычаем, как ныне татары...».

Классический исполин, дракон и т.п. монстр обычно живёт в горе, или на горе, и терроризирует окрестное население, покидая на него не выходит герой-змееборец. Подобные легенды обычно подкреплены топонимикой, отражены в местных названиях. Ср. Исполиновы горы, Вандальские горы, горы Палавонские, Кркноше (т.е. «несущие на себе Крака/Крока»). Что до фольклорного имени «змея Крагавея» с горы Вавель (он же *smok wawelski*), на которой был выстроен Краков, то имена змея и змееборца нередко перекликаются в эпосах самых разных народов. Согласно легенде, жители города, будущего Кракова, в страхе перед драконом хотели уже оставить свой город, но герой Крак (позднее – Св. Ежи) придумал накормить дракона мясом, перемешанным с серою, воском, смолою и со скрытым в этой смеси огнем. Дракон проглатывает подброшенную пищу и умирает в жестоких муках (вариант – палимый огнем изнутри, он стал пить воду из Вислы, пока не лопнул). Крак, избавивший таким образом страну от угрожавшей опасности, царил долго, а благодарный народ после смерти властителя воздвиг ему огромных размеров могилу на горе Лясосоте, под Краковом.

У Крака были сыновья, Крак и Лех, которых можно считать представителями двух областей: Хробацкой и Лехицкой, соединившихся впоследствии в одно целое. Курганы Крака и его дочери Ванды, насыпанные, как полагают, в VII веке, сегодня возвышаются соответственно на 16 и 14 метров, что, кстати, в определенной степени свидетельствует о легендарности именных привязок, поскольку, согласно нехитрой логике, «мужской» курган неизбежно должен быть выше «женского».

Утопившуюся в Висле героиню древнепольской истории Ванду, дочь Крака, не пожелавшую выйти замуж за короля алеманнов, можно сравнить с Вадамеркой (см. Иордана), племянницей амала Винитария. Вадамерка стала женой его убийцы, гуннского вождя Баламбера... По словам Длугоша, королева Ванда, отвергнув брак с Ритогаром (Ридигером), князем алеманнов, после победы над ним принесла себя в жертву богам, утопившись в Висле. Оттого и река получила имя, и поляки стали называться вандалами. Ср. в «Великопольской хронике» (Изд-во Московского ун-та, 1987): «С этих пор река Висла получила название Вандал по имени королевы Ванды, и от этого названия поляки и другие славянские народы, примыкающие к их государствам, стали называться не лехитами, а вандалитами». (Кстати, и

Ритогар покончил с собой, бросившись на меч, что косвенно напоминает один из вариантов кончины Германариха).⁷⁴

Читаем у Назирова Р. Г. «Славянские легенды о зиждителях городов» // Фольклор народов России: Межвузовский сборник. – Уфа, РИО БашГУ, 2006. : «Удивительные совпадения: в заповеднике Дикая Шарка близ Праги есть скала, которая поныне называется Девичий скок; в Польше – Могилы Ванды, которая утопилась в Висле; над рекою Лыбедь – холм Девичь-гора. Надо помнить, что в глубокой архаике богам особо чтимых рек ежегодно платили дань живыми девушками». (Ср. у В. Я. Чеснова, ук. соч.: «Принадлежность девственности миру не людей, а богов подчеркивается в античности»).

Но у Кадлубека Ванда все же вышла за немецкого князя, т.е. мотив девственности соблюдается не во всех вариантах легенды. Однако сам мотив убегающей от преследования и бросающейся в воду девушки широко представлен в фольклоре и исторических легендах.

Ещё в 19-м веке д-р Карлович в статье «Piękna Meluzyna и krolewna Wanda» («Ateneum» 1876; см. энци. Брокгауза) писал: Имя В., без малейшего сомнения, испорчено латинскими летописцами, передававшими славянский носовой гласный звук латинским сочетанием ап; на самом деле имя В. непременно должно было звучать Вэнда, т. е. Węda. Вероятнее всего, что это слово происходит от корня vod, vond, und, ud, который является в греч. υδ-ορ (вода), санскрит. und-ana (наводнение), лат. und-a (волна)... От того же корня, но без носового инфикса, образовалось слово вода, и таким образом можно с достоверностью сказать, что славянское (польск. węda) имело то же значение, что вода, а именем, Węda, латинизированное Wanda, означалось олицетворение или божество воды.

Мне лично кажется, что древнерусская Лыбедь «сюжетно» вполне могла быть связана с подобными мифомотивами (Вадамерка, Сванхильд, Ванда, эльфы/альбы, вилы-самодивы), хотя само ее имя следует сопоставлять (по крайней мере с лингвистической точки зрения) с именем Либуши.⁷⁵ Существовали ли уже в древности (в долетописное время) моменты отождествления имён Лыбедь и Сванхильд? На это никто, конечно, не может дать точного ответа, но м.б. само звучание русского имени, не совсем обычного, говорит о некотором его искажении в плане переосмысления в сторону «лебединости»?..

К легендам о первопредках и воспоминаниям о «дунайской прародине» можно подверстать вполне научные теории. В статьях Казанского, Гавритухина и Зиньковской из исторического сборника 2004 г. «Культурные трансформации...» мы находим интересные факты о вторжении в 5-м веке н.э. германо-славянских дружин с Дуная в лесные пространства Вост. Европы. Но и в более раннее время и в последующие столетия этнические «миксы» славян, балтов и германцев были вполне реальны. В том числе при

⁷⁴ В то же время, согласно хроникам, Вундана из Польши была женой Ариберта I-го, короля вендов и ободритов (ум. в 724 г.).

⁷⁵ Ср. исторический топоним в Сев. Руси – Любшин омут.

заселении псковско-волховского региона. Такой серьезный исследователь новгородской топонимики как В. Васильев спорит с мнением В. Седова, Зализняка и ряда других авторов о переселении в данный район славян из Поморья и западных окраин славянского мира. Согласно топонимическим данным расселение шло из южных районов, Вост. Белоруссии и Волыни. Однако сам этот факт нисколько не противоречит первоначальному приходу ряда славянских племён (в том числе в форме упомянутых «этномиксов») с территории Чехии, Польши и Поморья (см. также Манаков А.Г. в сб. «Топонимика Северо-Запада»). К последнему можно также добавить и частичное оседание в Приладжье полиэтнической *руси*, пришедшей морским путем. Среди этой военно-торговой братии наверняка были и западные славяне.⁷⁶ Если присмотреться к археологической карте Приильменья,⁷⁷ на которой отмечены словенские сопки, открывается интересный факт: хорошо заметно их распространение-разветвление от устья Волхова у Ладоги на юг к Ильменю и далее – вширь по малым рекам. Трудно представить себе обратную картину этого распространения, наподобие кинокадров с разбитой чашкой, заново собирающейся из осколков.

Вернёмся к истории перовпредков. По одной из легенд «праотец» Крак был родственником Славена, с которым он расстался еще на Дунае. Этимологически это имя отсылает нас к семантике конька крыши или некоего специфически изогнутого изделия. Родственно герм. (и слав. производному) *крюк*. Известны и вполне исторические, связанные с данным именем топонимы. *Króksfjörðr*, *Крока фиорд*, названный так по прозвищу перовселенца-основателя, известного как *Þórarinn krókr*. Крок в др.-сев. переводится как «шест с крюком», «крюк», «изгиб», далее – «залив, бухта».

Сходно этимологизируется и прозвище эпического датского героя Хрольва Краки – Хрольв Жердинка, и ЭН *кривич*, как потомок Кривайтиса. Сюда же – нем. *Kruske* «клюка» и лат. *сгх* «крест». (Менее ясно со сканд. Вендил Краком, толкуемым – ономотопозитически – как Вендил-Ворон; сюда же название шведского кургана *Vendil Kraka*, она же могила короля Оттара, ум. в 525 г.). Мифологическая семантика, связанная с этим, отражена в традициях домостроительства, где к названиям верха двускатной крыши дома относятся такие термины, как белорус. *кроква*, рус. *конёк*, *князёк*, сканд. *aps* «коньковый брус» (возможно, родственное термину *анс/ас* «Бог»). В некоторых областях Германии коньки крыш имели названия Хенгист и Хорса (имена завоевателей Британии); в белорусской традиции печной столб назывался *дзед*, *коневой столб*, *конь*.

В то же время мифологическая семантика печи содержала в себе и

⁷⁶ Ср. недвусмысленное выражение в ПВЛ о войске Олега: «882. ...варязи и словени и прочи, прозвашася русью». Соционим *варязи* мог произойти от ЭН *варинги* (= ободриты), хотя, как мы видим, летописец славянами их не считал. В то же время сам факт инвазии полабских славян в Сев. Русь (в том или ином качестве) вроде бы никем из историков не отрицается.

⁷⁷ Ср. также названия оз. Ильмень и Деревской пятины с рекой Ильменау (приток Эльбы), на которой жило племя западнославянских древян.

«темное», опасное начало: в средневековых славянских жилищах печь находилась по диагонали напротив восточного «красного» угла и олицетворяла закат, запад или север. В украинском обрядовом фольклоре солнце называлось «кроковее колесо» (здесь, вероятно, «круговое»?). В данном контексте в Кроке можно видеть не только особый символ, наподобие андреевского креста или сакрального изогнутого посоха, но и особую динамику – свастикообразного движения (сюда же календарные обряды «перехода» со скатыванием горящего колеса).

У Ильи Муромца, по некоторым былинам, жена-поляница – баба Алатырка (Златыгорка); все это часть большого классического дискурса. В сказках часто речь идет о «девичьем царстве», где живут «удалые паленицы» под управлением Царь-девицы. Там же хранятся и сокровища наподобие живой и мертвой воды, молодильных яблок и т.п. Хтонические женские образы – апсары, поляницы, амазонки, жены готов, валькирии и вилы-самодивы, Джиневра, Мелюзина, Усоньша-богатырша, Настасья-королевична, Забава Путятична, Марья Лебедь Белая Захарьевна, Марья/Маринка Лиходеевна/Дивовна/Кайдаловна («еретица» и «блядь»), Шанпанская королева, Кипрская королева (на Кипре правила династия Лузиньянов) и прочие вариации «Брунгильды». Либуша, дочь чеш. Крока, считалась младшей из трех сестер, но самой мудрой.⁷⁸ Две другие – Тэтка и Кази. Последняя – знахарка и, судя по имени, предсказательница (т.е. та, которая «кажет»). Все это соотносимо с классическим мотивом о двойственной и «хтонической» природе женщины. (Параллельный вариант – беременность от хтонического мужского персонажа с рождением героя типа Меровея, Марка Кралевица, Вольги и др.). Другая связь валькирий и поляниц – с историческими гендерно-возрастными фратриями. Последние нередко имели вполне реальную военную ипостась, что хорошо отражено в фольклоре и в брачных ритуалах.

Существуют две параллельные шкалы со скользящим значением взаимоотношений девы и героя. От невинной похищенной девушки и «монстра»-похитителя до хтонической богини и героя, которым она манипулирует. Героиня может быть растоптана (или «размыкана») конями, как эпическая Гудрун, а может быть разорвана «охотой» (из животных-помощников героя), как баба-яга в русской сказке. Спящая дева может быть разбужена поцелуем сказочного принца, а может произойти и надругательство,⁷⁹ как в фольклорном сюжете: «гость был, квас пил, а квасницы не закрыл», в результате чего, кстати, рождается сын-«сокольник» (он же – «сколотный» или «заугольник»). Дева-богатырша это образ

⁷⁸ Либуша также прорицательница и «судья». Ее конь нашел дорогу к ее будущему мужу, пахарю Пржемыслу, чей волшебный жезл – в контексте довольно прозрачного символизма – расцветал, будучи воткнут в землю.

⁷⁹ Любопытно, что в ряде случаев причина ее сна кажется симметричной пробуждению. Так, усыпление валькирии Одином произошло путем укола шипом (здесь еще есть некая игра слов: Stock, он же Стах-Щёк, stick «шип», sting «укол»).

общеευразийский, уровень ее хтоничности варьирует, но обычно какие-то элементы последней всегда присутствуют. Ср. фольклорное высказывание об Усоньше («Соньке»)-богатырше: «Соня середь поля; она ни конново, ни пешево не пропускает».

История Германариха, Сванильды и россомонов, помимо своего отражения в германо-скандинавском эпосе, имеет свои отголоски у Шекспира в «Отелло». Коварный Бикки превратился в Яго. Этимология россомонов вызвала немало споров.⁸⁰ Ее вряд ли можно отрывать от имен с основой Рос- (см. выше), хотя И.В. Зиньковская предложила довольно оригинальное решение: гот. *rohsns* «двор» (> «люди двора», «придворные») говорит о том, что короля убили его «неверные» слуги, и это также подтверждается именем Хамдира/Аммиуса, во втором форманте означающем как раз «слугу» (ВЕСТНИК ВГУ, 2008, № 2). Звучит довольно убедительно, но все-таки у Иордана речь идет о «неверном роде/племени», а в трактовке имени Хамдира упущен первый формант, означающий некое «одеяние», «рубашку», что наводит на мысль о связи с фольклорным образом героя в «кожушке», от Одиссея до героев славянских сказок. Строго говоря, реальным «неверным слугой» был как раз советник Г/Эрманариха-Ермунрёкка, Бикки.

Иордан, как уже говорилось, не всегда хорошо понимал о чем пишет. В частности, у него неясна сама суть конфликта. Ответ, наверное, следует искать в Эдде и в саге о Вёлсунгах. Там Сванхильд, жена Ермунрёкка, согрешила с его сыном, о чем Бикки, сыгравший роль провокатора в этой истории, донес королю. Кстати, чисто гипотетически можно предположить, что этот сюжет мог иметь некую параллель в недошедшей до нас истории славянской: Лыбедь и Бус с одной стороны, а с другой – ее братья, отомстившие за сестру (как в германском эпосе Хамдир и Сёрли).⁸¹

Смысловые связи Кашея с Одином (а через него отчасти с Германарихом): *пленник* в цепях (ср. с Вальтарием, Вёлундом; сюда же термин *кощей* как пленённый раб в «Слове...»); *похититель* женщин («пленяет»; см. об этом выше); *чародей и оборотень*; *летает* по свету (ср. Вёлунда, а также Локи); *тайна* его смерти от яйца или от своего коня (тема «вещего» Олега-Хельга/Одда), реже – от стрелы (ср. историю с мечом Ритогара и с копьем Одина в форме временной его смерти при особом рода инициации). Фактически он погибает из-за доверия к *изменившей* ему *женщине*. Также его гибели способствуют *животные и птицы*, ставшие

⁸⁰ Здесь я не буду ударяться в бессмысленный заочный спор с А. Клёсовым, который, соединив ДНК-генеалогию с вольными домыслами Льва Гумилева, смешивает в одну плотную, славяно-арийскую, кучу русов, ругов, варягов, норманнов, россомонов и балтийских славян, выводя из них также и Рюрика. Это сюжет, скорей, для фанатов фольклористики.

⁸¹ В данной виртуальной ситуации Бус противопоставлен Кию и Щеку, но о формах родства антагонистов мы уже немало говорили. Кстати, одна из этимологий Сёрли – «В броне», что дополнительно связывает его с Хамдиром, «родившимся в рубашке».

союзниками его врага (см. классическую работу Н.В. Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки», Л., 1974). Разумеется, сказка и историческая легенда связаны не прямо, а типологически, поскольку обобщенная богатырская сказка (метанарратив) есть определенного рода *мифема*, в которой в целом (т.е. не в конкретной, отдельно взятой, сказке) встречаются практически все возможные детали и «топы» мифологического словаря, тезауруса. Это, к примеру, детали связанные с чудесным рождением и детством героя, с его оружием, с конем, с испытаниями, с соперничеством в силе, с женским предательством и с предательством братьев, с оборотничеством, со способами убийства противника и т.д. Героизм и изначальная природная сила протагониста является, на мой взгляд, все же некоторым упрощением нарратива. Большая развернутость сюжета показывает особость героя не только и не столько в конкретных подвигах, сколько в его «трикстерной», «оборотнической», метаморфозе, в превращении в собственно героя из образа социального маргинала, сиротки-уродца, дурачка-простачка, плешивца и грязнули в козлей/воловьей шкуре. Здесь сила и мудрость есть результат некой духовной и физической инициации, которая имеет важное социально-психологическое значение и основана на принципах эволюции и мифодиактики. Герой прежде всего *не дан, а потенциален*. Как говорится в одной из русских сказок (собрание Афанасьева) – «не умён, не мудёр, а куда смысловат».⁸² Т.е. это способности, хитрость, сила и ум мифологического трикстера и типологического («категориального») шамана.

...К наиболее архаичным былинным сюжетам относятся истории о Святогоре. Здесь можно отметить связь Святогора и Ильи (как его спутника) с горами Святыми, Араратскими, Сарацинскими, горой Палавонской и Елеонской (ареал – от Кавказа до Палестины), там же, по былинке, его могила (положение живого во гроб). Отец Святогора – «древний, темный», живет на этих горах; ср. со «Старцем горы», главой ассасинов – шейх аль-Джебел. Сюда же – старый богатырь, ослепленный ягой, живущий на горе Сиянской, куда, провалившись под землю, попадает Иван-царевич в сказке «Тарх Тархович» (Б. Рыбаков связывал его со скифским Таргитаем, отцом Колаксия, Липоксия и Арпоксия). Образ жены Святогора родственен сюжету о «спящей красавице в гниоше», ср. также североευропейский мотив – спящая (в коросте) дева (позднее – красавица) и Один. Сон героини (как и сон богатыря) маркирует ее «пред-эволюционную» косность, инертность, это аналог вечного пребывания в невинности Эдема. Словно спящий удав она пребывает в бездействии пока ее не разбудит «живчик»-герой.⁸³ дискретно-

⁸² В собрании Ончукова (241): «А Иван был дурак, но очень умный».

⁸³ Типологически ср. в русском фольклоре (вятская хороводная песня) о воробье, «хмельном гуляке»: «Ах ты, воробей! Ах ты, семеничек, ах ты, коноплянычек! Тебе семечка горошку не клевывати... тебе молодых молодок не трясывати». В более классическом аспекте ср. выше, в главе «Механика ашваттхи», миф о раскалывании «скалы Валы» и миф о добывании Одним «меда поэзии».

произвольный сперматозоид и симметрично-периодичная яйцеклетка на сцене космической драмы...

...Мифологичность персонажа типа Ильи Муромца плавно переходит в эпические и исторические сюжеты. В средневековой поэме «Ортнит» Илиас из Руси – дядя и наставник короля Ортнита, правителя Гарды в Ломбардии. Вместе с Ортнитом Илиас совершает военную экспедицию в сарацинские земли против языческого царя Махореля. Причиной похода стало желание Ортнита заполучить в жены дочь Махореля. Общим местом былины о Вольге Всеславиче и сюжета поэмы «Ортнит» является поход дружины Вольги в дальние страны («Царство Индейское»). Как писал Халанский, позднее поддержанный Филиным: «Олег летописных преданий добывает для Игоря невесту Ольгу, руководит им в походах, т. е. играет ту же роль, что и Илиас из Руси, при правителе Гарты Ортните». Сюда же – Элигас(т) нидерландской поэмы, несправедливо обвиненный Карлом рыцарь, вынужденный заниматься разбоем.

Еще А.Н. Веселовский отметил имя Илиаса Русского в норвежской версии саги о Дитрихе Бернском, чей прототип остгот Теодорих Великий был арианином и происходил из рода Амалов (завоеватель Италии, ум. в 526 г.; а в эпосе роль Дитриха сходна с ролью кн. Владимира). Илиас из Руси присутствует и в норвежской «Саге о Тидреке» (около 1250 г.), там он – сын русского князя Гертнита, владевшего Русью, Польшей, Венгрией, землей вилькинов (вильцев-лютичей) и частью Греции. «У конунга Гертнита, – повествует сага, – было два сына от жены, старший звался Озантриксом, младший Вальдемаром, а третий сын, которого он имел от наложницы, звался Илиасом» (и у него самого был сын по имени Хертнид).⁸⁴ Вероятно здесь произошло наложение имени Илиаса на Владимира, «робичича» от Малуши-Амалфриды.

«Не Муром и Великороссия, не Чернигов и Карачев, а Киев и западнорусские области могут быть признаны наиболее вероятным местом первоначальной локализации предания об Илье, – пишет Филин. – В совокупности все варианты прозвания Ильи Муромца: "Мурамец", "Моровлин", "Муравленин", "Муравец" имеют однозначное лексическое значение: "Моравский", "выходец из Моравии").

Я здесь со многим согласен, но вывод делаю иной. Имя «Муравленина» следует отнести, на мой взгляд, не к частному историческому случаю, но как и в большинстве подобных ситуаций – к «вечным» ценностям и символика традиционного мифосознания. Тайна как всегда лежит на поверхности и нужно очень глубоко смотреть, чтобы ее не заметить. Илья, как мы знаем, типичный фольклорный герой, независимо от того, существовали ли реальные герои с таким именем или нет.⁸⁵ А «печка муравленая» (т. е.

⁸⁴ Заметим, что Илиас формально лингвистически во всех случаях связан, так или иначе, с Русью-Гардар. И даже там, где он назван Ильей Греческим, это явная переключка понятий *gerzkr* и *Gardr*.

⁸⁵ Например, образ исторического Илейки Муромца эпохи Смутного времени (он же – ЛжеПетр), мог уже в новое время повлиять на придание в былинах древнему

обмурованная, облицованная) – это весьма характерный (для народных песен) и символически «нагруженный» термин.

На языковом уровне здесь спорят (и дополняют друг дружку) две, если не три, смысловые тенденции. Во-первых, европейские производные от латинского *murus* «стена», в том числе и рус. «(об)муровать» (славянское *мур* – «каменная стена», лужиц. *мурья* «стена», нижегор. *мурья* «печная труба»). Во-вторых, от и.-е. **meǵ-* «тереть, дробить», давшего в дочерних языках понятия «грязь», «марать(ся)», «пачкать(ся)», «черный», «сажа», «зола», «измельчать что-то в труху» и т. п. Ср. сербохорв. *мура* «грязь», мрляти «пачкать», *мрва* «крошка», (но – *мюри́ти* – «разогревать печь»), болг. *мръвь* «зола», *мърва* «горячий пепел», *мърляв* «грязный», чеш. *mořití* «чернить», *moř* «сажа». Также – др.-в.-н. *maṛawī*/*muṛuwi* «рыхлый, мягкий», герм. **maṛwa-* «хрупкий», англосакс. *mearo* «мягкий, нежный», кимр. *meṛw* «вялый, дряблый». Здесь появляется еще одна линия – слабости, болезненности: словац. *мрветь* «болеть», южнослав. термины типа *мрляв* со значением «слабый, хилый», «медленно работающий», «копуша» и т. п. С этим перекликаются производные от «мор», «моровой», «смерть», дающие также понятия со значением «мрачного», «темного», в том числе чеш. и др.-рус. *му́рин* – «мавр»; и, как ни странно, – «большого» и «сильного» (чеш. *могову* – «большой, толстый» («раздутый»?)), но и «моровой, заразный».⁸⁶

На этой богатой почве, «чернозёме», сходятся самые разные древние смыслы, относящиеся к сакральной «медлительности» змеиной породы, к т.н. шаманской болезни, к скрытой волшебной силе, потенции, что прячется в молчаливом, «расслабленном», «незнайке-неумойке», сиротке-запечнике, ползающем в золе очага, путаясь в собственных волосах и соплях. Все это можно отнести и к мифологической подоснове Меровингов, несмотря на известные этимологии, связывавшие их с понятием «знаменитый» либо «морской» (Меровей был якобы рожден от соития жены короля Хлодиона с морским чудовищем). Последние толкования, можно сказать, чересчур «примитивные», «лобовые» для такого сюжета; ведь по генеалогической линии Меровея не был первым родоначальником франков, и какие-то особые подвиги его неизвестны, т. е. здесь сыграло роль значение самого имени. Имя (в данном случае – миф) оказалось важнее его исторического обладателя; и это верно не только в ситуации с Меровингами.

Тут можно еще упомянуть имя южнославянского героя Гойко Мрлявчевича и целую серию фольклорных сироток, «сидней», золушек-падчериц, включая таких известных в Средние века героев, как Попель и Тейтлейф. Германский эпический герой Дитлейб (сканд. Тейтлейф), соратник еще более знаменитого эпического Дитриха (исторического Теодориха), в детстве был лежебокой, валявшимся целыми днями в золе очага. Со всеми подобными персонажами связана семантика плодородия, рода как основы

богатырю «актуальный» статус «старого казака» (См. А.С. Королёв, М., 2002).

⁸⁶ Любопытно, что в северных былинах из собрания Гильфердинга Илья Муромец предстает не просто сиднем, но безруким и безногим, т.е. представляет собой вариант рус. Колобка и кит. Хуньдуня.

социума, а также богатства и счастья; ср. украинское выражение – «у печурце родився».

См. у Фостермана (с 1438) – Theotleip, Teotlaip, Deotleip, Theoleip, Thiotleip, Thiadlef, Thiadleb, Thiatlef, Thietlef.

Возможные связи славянских героев с Меровингами имеют, конечно, не «династийные» (времен разделения в сарматских степях), а более глубокие мифологические истоки. Само прозвище Меровингов – «ленивые короли» – отсылает нас к теме хтонической природы. Возможно, сюда же относится и случай с племенем вандалов-асдингов: в другом написании – хаздинги, т. е. «длинноволосые», «имеющие женскую причёску». (Ср. с этим лангобардскую легенду о женщинах, изобразивших перед врагами мужские бороды из своих локонов.) Немаловажно и то, что древние авторы, Евнапий, Кассиодор, Иордан прямо называли *свободных гот* «волосатыми». Тогда быть может и этноним *фризы* связан не только с семантикой «свободный», как обычно считалось, а с *frisle* – от *frisiaz* – «курчавый»?.. (И вообще, столь устойчивая и не подвластная времени мода, как ношение бород, усов и/или длинных волос, есть вещь издревняя, явление «метакультурное»). Правда, следует учесть и неслучайную связь между двумя этимологиями лангобардов – «длинные топоры» и «длинные волосы/бороды». Дело в том, что сами лезвия топориков были у др. германцев удлинёнными и соответственно этому сравнивались с «бородами». Наконец, Лангобард, «Длиннобородый», это одно из имён Одина.

Выше мы рассмотрели подвиг польского Крака (имя праславянское, если учесть и чешского Крока, отца Либуши) по одолению дракона и можем сравнить его с классической волшебной сказкой, здесь – вост.-славянской, где герой типа Кожемяки, либо сам обвертывается конопляной смоляной верёвкой, либо, набив смолой бычью шкуру, проталкивает её в драконью пасть. И здесь опять же не должны нас удивлять мифологические связки на уровне языка: ср. англ. *tag* «дёготь; смолить», *tardy* «медлительный», *taggy* «вымазанный дёгтем», «медлить».

Семантика «ленивого, замедленного» достаточно хорошо отражена в источниках не только чисто мифологических. Тот же Иордан противопоставляет «быстрых» элугов (герулов?) «степенным» (солидным, замедленным) готам, отнюдь не принижая этим последних, тем более, что в данном случае «медленные» покорили «быстрых». Правда, в другом случае он говорит о «ленивости» гепидов, родичей готов (в том числе имея в виду и «замедленность» их ума). В качестве экзотической гипотезы добавим к этому возможность трактовать в сходном плане и имя (экзоэтноним) славян. Ср. др.-англ. *slāw* «медленный, сонный» и польск. *slowien* «медленный». А поблизости другой семантический ряд: и.-е. (в germ.) *slab* «грязнить», germ. *slaf* «слабый, вялый», англ. *sloven* «неряха», *slobbery* «грязь, неряха, слюнявый», норв. «марать».

Тут мы уже вплотную подошли к интригующему образу принца Гамлета (дат. Амлета, исл. Амлоди). Что мы находим в истории Гамлета у Саксона Грамматика? Особо оригинального немного, всё достаточно узнаваемые типические ситуации.

После убийства отца дядей и самому герою грозит смерть... притворился безумным⁸⁷... марался в грязи... сидя у очага, готовил крючья,⁸⁸ закаляя их в тлеющей золе, готовя месть за отца... «проверка» = испытаниям + попытка убийства героя чужими руками = направление на непосильный подвиг/опасное путешествие... садился на коня задом наперед⁸⁹... говорил загадками/кенningами (безумие со скрытым метафорическим смыслом)... подражал петуху (в другом варианте – собаке)... устроил допрос матери об отце... хитрая подмена героем ситуации/артефакта для собственного спасения приводит к смерти покушавшихся на него и/или их слуг⁹⁰... пренебрег роскошью пира и проч. ...видел истинное достоинство встреченных им людей... был сам по достоинству оценен (безумие оказалось мудростью) и получил в жены дочь короля⁹¹... появился на собственных поминках («узнавание»)... хитростью обезоружил врагов («наказание» – напоил, связал, подменил оружие и т.п.)... убил врага и поджег его дом...

Большинство этих и им подобных моментов широко представлено в сказках и эпических повествованиях.

В исландских сагах есть еще мотив, отсутствующий у Саксона, но присутствующий в сказках (в том числе – вост.-славянских), о призраке воина (отца), восставшего из могилы. Зато в пьесе Шекспира попал элемент сказочного мотива бодрствования героя на могиле отца.⁹²

⁸⁷ Новиков (1974, с 95): «...он должен постоянно разыгрывать двойную роль, чтобы окружающие... не могли признать в странном придурковатом юноше богатыря-победителя... Искусно маскируясь, Незнайка... вводит в заблуждение относительно себя царя и всех его приближенных».

⁸⁸ Иванушка-дурачок сидит за печью в золе, пепел пересыпает, сажу колпаком меряет, «играет в баклуши» (Новиков, ук. соч., с 105). «Баклуши» это, как известно, деревянные обрубки, специально подготовленные для долбления деревянной посуды. Интересная переключка возникает с абхазским эпосом о нартах, где герой Цвицв (= Батразд) днем сидит и строгаёт палочки, а ночью летает и совершает подвиги.

⁸⁹ «Сел /Незнайка на лошадь/... сел глазами назад, хвост заздынул, по жопе лошадь-то прихлопыват» (Новиков, ук. соч., с 97). Вариант: «садится к голове спиной, а к хвосту лицом; левой рукой поймал за хвост, а правою рукою бьет по крутым бедрам» (там же, с 112).

⁹⁰ Незнайка выбрасывает или «подманивает» опасные предметы, приготовленные для него недоброжелателями (Новиков, ук. соч., с 82).

⁹¹ «По навету клеветников... Иванушке-дурачку приходится выполнять трудные задачи царя...: доставать для него различные диковинные предметы..., красавицу-невесту. И все же, в конце концов, ...дело оборачивается для героя самым счастливым образом: ему по праву достаются и диковинные предметы и красавица-невеста, а царь и его злые советчики наказываются» (Новиков, ук. соч., с 113).

⁹² В славянских сказках нередко пришедший ночью на могилу отца младший сын будит его ударом о могилу *кием*. Именно младший, в отличие от старших нерадивых братьев, становится отцовым наследником (Новиков, ук. соч., с 108). Кстати, дубинка-кий-булава это главное оружие сказочного богатыря.

А вот какова предистория Гамлета по древним источникам. Но для начала укажем, что Амалы, Вёльсунги, Скёльдунги (к последним принадлежал Рюрик Ютландский) и другие северные королевские династии традиционно возводятся к Одину.⁹³ За точность генеалогии ручаться нельзя, поскольку средневековые авторы и тексты частенько не совпадают друг с другом в расчете поколений и родства. Итак, кратенькая родословная: Амлет – сын Геругты и Хорвендила (он же Aurvandil, Orwendel и т.п.⁹⁴), внук, по матери, Хрёрика Расточителя (Метателя) Колец (Hrærekr Slöngvanbaugi; Rørik Slyngbond). Последний, по одной из версий, сын Хальфдана и внук Хрёрика Дробителя Колец, по другой (Лундские анналы) – сын аса Хёда и внук Одина. Хёд (Höðr, Nøther), согласно сканд. эпосу, убил своего брата Бальдра (возможным аналогом которого является сакский вождь Бельдег) и был убит другим сыном Одина, *Босом* – Both; Вое (!). Через деда (воевавшего, кстати, со славянами, и в той войне, по легенде, потерявшего свои кольца) Амлет состоит в родстве с прочими Скёльдингами, включая известнейших героев эпоса – Хельги, Хрольва Краки (сына Хельги от его же сестры) и Фродо (Фроди). (О «кольце всевластия» отсылаю к позднему нарративу о хоббитах).

По моему представлению более всего с именем нашего героя коррелирует имя Амалов. В комментариях и Виках, Амал обычно толкуется как «Сильный работяга»⁹⁵ – чисто современное упрощение. На деле тут целый

⁹³ Амалы – через своего родоначальника Гаута, чье имя одно из заместительных имен бога Одина.

⁹⁴ С отцом Амлета проблема возникает еще более запутанная, нежели с сыном. Ряд ученых этимологизируют имя данного персонажа как «Блуждающую звезду» («сияние»+«скитание»), собственно – Венеру на восходе. В одном из северных мифов рассказывается, как палец мальчика, сына провидицы Гроа, был заброшен на небо богом Тором и стал звездой, известной как «Палец Аурвандила». Однако мы знаем исторических деятелей с подобным именем, в частности, Aurivandalo из Ломбардии, и вполне вероятно этимологизация его имени как ЭН «-вандал», причем первый формант мог означать не «сияние», а, например, «море» (< прагерм. *auga-). Притом, что Н- в анлауте («Хорвендил» Саксона Г.) могло быть латинизмом, но могло быть и частью германского понятия Хро- «Славный» (или Хар- «воин»).

⁹⁵ От этого корня и наиболее популярного образования от него (Amalrich) происходит целый ряд современных имён, в том числе немец. Эммерих (сюда же f Эмма), венг. Имре, ит. Америго (Веспуччи, а следовательно и Америка), фамилия Амальрик (диссидент, автор работы «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»). Само имясложение Амалрих следует, конечно, переводить в итоге как «Короля Амалов», а не как сочетание первичных смыслов «работы» и «богатства/власти». Однако существуют и исторические герм. имена с корнем Мал: гот. Malabald, s. mala- + balþs. Гот. Malaricus (Garcia Moreno Nr. 95). Гот. Malatheus, от s. mala-. Свеб. Maldras (Schonfeld 159). Гот. Malulf (< -Wulfs), сканд. f Мамфрид. Если это не упрощенное *Амал* (что не исключено), то от понятий «молотого, измельченного, расплавленного» (и тогда родственно понятию *молодого*; см. выше). Или, чуть в ином ключе – понимать это имя в связи с

семантический ряд: давить, мученье, напряжение, обременённость, работа, раб, ребёнок, юный, малый, далее – сиротка, наследник (и такие фольклорные образы как золушка, запечник, неумойка, незнайка, сидень, вдовый сын, младший брат – Иванушка-дурачок). Ср. имена с Аск-: герм. сказоч. *Aschenbrodel* («пепельный чад»), шв. фольклорное имя Аскенладден – «зачерпыватель пепла», чем занимался как сказочный Запечник, так и Амлет Саксона Грамматика. Сюда же слав. Попель, польский династ и фольклорный герой (в латинизированном варианте – Помпилиуш)⁹⁶ и слав. сказочные Попялов, Матюша Пепельной. В богатырских сказках и легендах герои подобного типа имеют ещё одного типологического родственника – Горошка. Сюда же – царь Горох, возможно польск. Котышек (*Chościsko*, по версии «Великопольской хроники», прозвище Попеля II-го)⁹⁷ и м.б. эпический инд. Горокхо (что свидетельствует об и.-е. древности протагониста).

Весьма значим семантический пласт и.-е. слов от корня *orbho-: гр. ὄρφανός, арм. orb, лат. orbus «сирота», но кельт. orbe/orpe и гот. arbi (→Erbe) «наследник», слав. *раб* и рус. *ребенок*. Ср. выше семантику имен скифских братьев (Колакская, Липокская и Арпокская) как «юных» и «малых».⁹⁸

...Один из вариантов дурачка/сиротки/запечника это уже упомянутое выше имя Тейтлейфа. Этимология не бесспорная. Наиболее вероятной мне представляется (в широком смысле) – «Народ» + «остаток/потомок/наследник». Возможно движение семы от «наследующий» к «лишённый наследства»; ср. опять же фольклорное «Вдовый сын», который обычно получает помощь «с дальней стороны», от деда, волшебных животных и прочих мифоперсонажей. Сюда же слав. этноним (в зап.-герм. огласовке) Дудлебы (Дулебы).⁹⁹ Замечательно, что в слав. языках *дудлеб* означает

образами-кеннингами чудесной *мельницы/жернова* (Гротти, Амлоди, Фроди). Еще дальше в плане вероятности – *mahal* («место обитания; община; форум; спикер»), но возможно также, что здесь *mal-* это кельтское языковое наследство (от *mal-* «лысый»).

⁹⁶ Эта фамилия (*Popiel*) сохранилась в родословном древе Гедиминовичей. В немецком фольклоре *Rörel* имя домового, кобальда, с символикой тумана, тучи, грязи и шапки-невидимки.

⁹⁷ Другой вариант этимологии – от «косичка», «метелка». В последнем случае ассоциация идет либо в сторону «длинноволосых» Меровингов, либо в сторону моды на оселедец. Но вариант Горошка-«катышка» (Покатигорошка/Катыгорошка русских сказок) кажется мне более убедительным.

⁹⁸ Ср. у Новикова о Покатигорошке (1974, с 43): «изображение этого героя строилось на подчеркнутой контрастности: при малом росте он наделялся нечеловеческой мощью». Сюда же известный сюжет «мальчик-с-пальчик».

⁹⁹ Менее вероятны другие этимологии ЭН, от *daud* (Трубачев) «умерший» (и тогда – «наследство умершего» или «вымороченное наследство»), или от «дудки» (у Нахтигала получилась *Dudl-eiba* – «страна волюнок», якобы калька слав. Волины. См. Фасмер I и ЭССЯ 5). Не забудем и др.-сканд. *Teitr* «радостный, миролюбивый», что коррелирует с одним из имен Одина (*Herteitr*) и со слав. Радегастом. На мой взгляд, более интересным решением могло бы оказаться

болвана, дурака, простофилю (Фасмер I). Но и исл. имя Amlóði (Amleth-Гамлет) в современной Исландии используется метафорически, означая «дурачок», «слабоумный» и даже «бессловесное животное». Не боясь повториться, вновь укажем на диалектику взаимообогащения языка и мифа.

...Из ирландских анналов нам известен исторический «Гамлет» – Авлет (Олав/Анлав Белый, ирл. Amhlaeibh) – это норвежский викинг 9-го века, «сын короля» и «король Дублина», в течение полутора десятилетий разорявший Шотландию, Ирландию и сжигавший христианские храмы.¹⁰⁰ Т.е. вероятная связь его с героем нашего дискурса намного более дальняя и формальная, чем между Добрыней, дядей князя Владимира, и былинным Добрыней Никитичем, или между историческим королем Теодорихом и Дитрихом «Песни о Нибелунгах».

Фольклорный сюжет более богат смыслами, чем это было заметно Саксону, на которого, в частности, повлиял не только скандинавский эпос,¹⁰¹ (который, естественно, понимался им буквально), и, возможно, какая-то недошедшая до нас сага об Амлете, но и древнеримский литературный дискурс (о Луции Юнии Бруте), также исходящий из древних сказаний. В данном случае интересно имя врага Гамлета/Амлета/Амлоди – Фенга/Фенгона. Наш фольклорный герой проявляется в первую очередь в своем хитроумии: когда он готовит для мести деревянные крючки, то это не просто «ружье», которое реально «выстрелит» в конце сюжета, но и прямая метафора. Фенгон в германских языках означает «добычу», «улов», т.е. Гамлет должен был его и в буквальном (физическом) и в переносном смысле (интеллектуально) «поймать на крючок».¹⁰²

Несмотря на «напрашивающиеся» варианты сложносочиненного имени (Ам- +), все же принимать их вряд ли стоит: Амлоди (Amloði) находится в том же языковом ряду, что и имя эпического Фроди – Frodr, Frodo, Frodhi, Froði и т.п.¹⁰³ Варианты имени героя «Саги об Амбале» (Amblett, Amhlaeibh,

сравнение с семантикой известной фамилии Тотлебен: здесь мы имеем явно философско-мифологическое сочетание жизни и смерти, аналогичное имени иранского первочеловека Гайомарта.

¹⁰⁰ В следующем веке был еще известен король Дублина и Йорка Олав (Анлав) III Кваран (ирл. Amlaibh Cuaran), но и его история не имеет ничего общего с дискурсом о Гамлете.

¹⁰¹ Тема *мести за сестру/брата/отца* широко представлена во многих северо-европейских сюжетах. В «Песне о Гротти» великанши (ср. начало шекс. «Макбета») предсказывают, что Хрольв Краки (Жердинка), сын и брат Ирсы, дочери Хельги (он же в англ. эпосе Хродвульф «Видсида» и Хродульф «Беовульфа»), отомстит Фроди, за то, что тот убил своего брата Хальфдана, деда Хрольва. Хотя в самой саге о Хрольве за Хальфдана мстят его сыновья, Хельги и Хроар.

¹⁰² Но Саксон Грамматик, писавший на латыни, вряд ли об этом догадывался. Кстати, в оригинальном прототексте наверняка для «крючьев» использовался термин вроде stick или stock.

¹⁰³ К. Мэлоун (1959, 1964) приводит сложную схему образования имени: от Олафа (Anleifr) к уменьшительному Anle плюс -оде («безумный»), и далее - ирландское произношение -п- как -mb-. На мой взгляд, гипотезы Голландца и Мэлоуна о

Amhlaide, Ambløthæ) маргинальны, поскольку зависимы от ирландского произношения германского прототипа, либо латинизированы (в самой саге имя сына прямо соотносится с именем матери, королевы Амбы).

В стихе скальда X-го века Снэбьорна упоминается «мельница Амлоди» (она же «мельница Гротти»), но в этом именном сочетании видится сознательная поэтическая аллитерация с общей семантикой «молоть»¹⁰⁴. Сам же этот образ напрямую связан с фольклорно-этиологическими мотивами о происхождении водоворотов и со сказочным дискурсом «почему море солёное». Вполне вероятны и более широкие контексты, уводящие в космологическую «степь», все к той же мифофилософии креации и мирового крутоворота, родственные образу инд. мутовки для пахтанья океана и концепту Мировой оси.

В конечном итоге мы имеем происхождение многих королевских династий (в том числе Амалы, Меровинги), а также народов (в т.ч. склоты) и персонажей (Гамлет, Илья Муромец и др.), от фольклорного героя типа Сиротки/Незнайки, Неумойки/Запечника. Шире – это родоначальник и культурный герой, но уже с оборванной, или скрытой, редуцированной, связью с богами-демиургами. Он их реальный и «правильный» наследник, связующее звено между миром сакральным и профанным, но формально и фактически оказавшийся *без* наследства, сирота, обиженный и обделенный нелегитимными, «неправильными», властями и псевдогероями. Этот изначально сниженный образ на самом деле и есть самый главный и самый креативный герой мифодискурса. Самый слабый и самый мощный, безумием посрамляющий мудрых, а гибкостью – «жестких», но в итоге преодолевающий и убивающий сам себя. Герой не просто мифа, но и всей мировой культуры в целом.¹⁰⁵

праформе имени в виде Alaifr или Anleifr (этимологически: Ан- «предок» + лейф «потомок; наследник»; тип-ски ср. евр. Варавва - «Сын Отца») никак не объясняют имени Амал и уводят нас в сторону. Невероятной также представляется лингвистическая связь с Хамдиром, поскольку его калька, Аммиус, это явно латинизированное имя.

¹⁰⁴ Однако ср. выше семантическую связь между понятиями «молоть» и «молодой».

¹⁰⁵ В качестве обобщения укажем здесь на важнейший концепт классического мифодискурса. Мифодискурс есть бесконечная серия «утверждений» и «отрицаний», органически тяготеющая к универсальной триадной схеме: парадоксальное начало первобытия → парадоксальная критическая точка в апогее → неискоренимые парадоксы современного бытия и их искусственное «снятие». Герой принимает всю эту схему на себя, точнее, он есть ее наиболее сгущенное (т.е. субъектное) проявление. Когда после первичного космического «подъема» следует «застой», он его нарушает. Во время «спада», когда законы перестают действовать, теряется вера, ширится дезорганизация и исчезают блага, он призван это исправить. Но привычные средства ничего не дают: квалификационную неудачу терпят стандартизованные (старшие братья) и жестко адаптированные (мачеха, злой или глупый царь) персонажи. Победить может только пластичный и «протеистичный» (от Протея), лиминальный и мутагенный, безстатусный герой, чьи намерения трудно просчитать, а поступки предвидеть. Иными словами,

Аббревиатуры:

ЭН - этническое название

ГН - географическое название

МН – местное название

ЛИ – личное имя

ТИ – теофорное имя

ЛИТЕРАТУРА

(без учета ряда сетевых публикаций)

Авеста. Пер. И. Стеблин-Каменского. М., 1993.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1-4. М.-Л., 1958-1989.

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., Наука, 1965.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., Прогресс-Универс, 1995.

Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., Наука, 1990.

Былины. Л., 1984.

Былины. М., 1986.

Васильев В.Л. Арханческая топонимия новгородской земли. Вел. Новгород, 2005.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт. М., 1991.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., Наука, 1973.

Галкина Е.С. Тайны русского каганата. М., Вече, 2002.

Галл Аноним. Хроника или деяния князей или правителей польских // Славянские хроники. СПб., 1996.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I-II. Тбилиси, 1984.

Геродот. История. Л., Наука, 1972.

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история восточного Средиземноморья. М., Изд. Вост. Лит-ра, 1996.

Горокхо - Шехх Пхойджулла. Победа Горокхо. М., Наука, 1988.

Горбунов А.Н. Драматургия младших современников Шекспира // Младшие современники Шекспира. М., Изд. Моск. ун-та, 1986.

Горский А.А. Русь от рода франков. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008, №1.

Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.

Гримм Якоб. Германская мифология. Т. 1-3. М., 2019.

нужен «новый порядок», для чего нужна «революция», для которой, в свою очередь, требуется особенный «сверхчеловек». Последний есть квинтэссенция рода (общества) как такового, но – в его инвертированной форме.

- Грот Л. Варины - варяги - вэринги. Стенограмма доклада на международной научной конференции «Начала русского мира», С-Петербург, 28-30 окт. 2010 г.
- Гутнов Ф.Х. Ранние аланы Юго-Восточной Европы. // ИВУЗ. Сев.-Кав. регион. ОН. № 3. 1999.
- Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Джонс Гвинн. Викинг. М., Центрполиграф, 2003.
- Древнеанглийская поэзия. М., 1982.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., Наука, 1985.
- Дубинин С.И., Бондаренко М.В., Тетеревёнков. А.Е. Готский язык. Самара, 2006.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., Наука, 1990.
- Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
- Дьяконов. И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
- Дьяконов И.М. // ИИГК - История Иранского государства и культуры. М., 1971.
- Зиньковская И. В. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. – Воронеж, Воронежский университет, 2000.
- Зиньковская И.В. ВЕСТНИК ВГУ, № 2, 2008.
- Зиньковская И.В. Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья. М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., Наука, 1974.
- Иванчик А. Накануне колонизации. М.-Б., 2005.
- Ильинский Г. Славянские этимологии. // РФВ, т. 65, вып. 1, 1911.
- Иордан. Гетика. СПб., Алетейя, 1997.
- ИЕ - История Европы. Т.1. М., Наука, 1992.
- Козинцев А.Г. Скифы северного Причерноморья, межгрупповые различия, внешние связи, происхождение. СПб., 2007.
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., Изд. Восточная лит-ра, 1999.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Коптев А.В. Легенда о Горациях и Куриациях //Власть, личность, общество в античном мире. М., 1997.
- Королёв А.С. Тайны земли русской. М., 2002.
- Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., Русский язык, 1987.
- Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., Наука, 1988.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М. Восточная литература, 1994 .
- Кулланда С.В. Древности скифской эпохи. М., ИА РАН, 2006.
- Лапенков В.Б. История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории. М., Эксмо-Быстров, 2006.
- Лев Диакон. История. М., 1988.

- Лебедев Г.С. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., Изд. Лен. ун-та, 1989.
- Лебедев Г., Жвиташвили Ю. «Драгон – Нево». СПб., 2-е изд. 2000.
- Лесман Ю.М. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., Изд. Лен. ун-та, 1989.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., Наука, 1970.
- Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. М., 2002.
- Манаков А.Г. // Топонимика Северо-Запада. ([pskgu.ru. prj_03_15.pdf](http://pskgu.ru/prj_03_15.pdf)).
- Менгес К. Восточные элементы в Слове о полку Игореве. Л., 1979.
- Мерперт Н.Я., Черных Е.Н. // ДВЭС - Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
- Мифологический словарь. Изд. Большая Российская энциклопедия. М., 1992.
- МНМ - Мифы народов мира. Т. 1-2. М., Изд. Советская энциклопедия, 1991-1992.
- Мунчаев Р.М. // ЭБКСА - Археология, Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.
- Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996.
- Назаренко А. В. К этимологии этнонима Σκολοτοι... // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед., 1987 год. М., Наука, 1989.
- Назирова Р. Г. Славянские легенды о зиждителях городов. // Фольклор народов России, Межвузовский сборник. - Уфа, РИО БашГУ, 2006.
- Нарты. Т. 2. М., 1989.
- Непомнящий Н. Загадки истории России. М., 2012.
- Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.
- Норман Голб и Омелян Прицак. Хазарско-еврейские документы X века. М., 1997.
- Обрядовая поэзия. Сост. В. И. Жекулина, А. Н. Розов. Современник, 1989.
- Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.
- Общая лексика германских и балто-славянских языков. Непокупный А.П. (ред.). Киев, Наукова думка, 1989.
- Палагута И. // Revista Arheologica III, 1-2. Кишинев, 2007.
- Паремиологический сборник. М., Восточная литература, 1978.
- Пауль Андрей. Балтийские славяне. От Рерика до Старигарда. М., 2016.
- ПВЛ - Повесть временных лет. СПб., Наука, 1996.
- Петрухин В.Я. Русь и вси языци. М., 2011.
- Петрухин В.Я. // Этнографическое обозрение. 1993, № 3. 2011.
- ПИМСИ - Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
- Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., Наука, 1990.
- Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этноимику. Л., Наука, 1973.
- Поспелов Е.М. // Географические названия мира, топонимический словарь. Русские словари. Астрель, 2002.
- Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

- Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969.
- Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., Искусство, 1976.
- Пугаченкова Г.А. // История Иранского государства и культуры. Л., 1971.
- Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 9. М., 2007.
- Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1-3. М., 2000-2007.
- РВ - Ригведа [В 3 т.] // Пер. Т. Я. Елизаренковой. (Литературные памятники). М., Наука, 1989-1999.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков Б.А. Мир истории. Изд. 2-е. М., 1987.
- Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.
- Саксон Грамматик. // Зарубежная литература средних веков. Сост. Б.И. Пуришев. М., 1974.
- Салмина М.А. Из комментария к Слову о полку Игореве. // Труды отдела древнерусской литературы. XXVII. Л., 1981.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I-II. Изд. Восточная лит-ра. М., 1994-1995.
- Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М., Наука, 1993.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Словарь-справочник Слова о полку Игореве: В 6 выпусках. АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., Наука, 1965-1984.
- Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI-XVII вв. М., 1978.
- Смирницкая Е.В. // ХЯС - Художественный язык Средневековья. М., 1982.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., Наука, 1980.
- Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. М., Наука, 1970.
- Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 1-3. М., 1981-1986.
- Срезневский И.И. - Материалы для словаря древнерусского языка, В 3-х т. СПб., 1890-1912.
- Старшая Эдда. Пер. А. Корсуна. СПб., Азбука, 2000.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., Наука, 1993.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., Индрик, 1995.
- Топоров В.Н. // Античная балканистика. М., Наука, 1987.
- Топорова Т.В. Культура в зеркале языка, древнегерманские двучленные имена собственные. М., Языки русской культуры, 1996.
- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария. Харьков, 2006.

- Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. Изд. АН, М.-Л., 1953.
- Трубачев О.Н. В поисках единства. Изд.3. М., Наука, 2005.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1-4. М., Прогресс, 1986-1987.
- Филин Н.В. Об историческом прототипе Ильи Муромца. Альманах Армагеддон, 2000.
- Фирдоуси. Шах-наме (разные издания).
- Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет. М., Изд. Моск. Ун., 1979.
- Хазарско-еврейские документы X века. М., Мосты культуры, 2003.
- Цветков С.Э. Русская земля. Между язычеством и христианством. М., Центрполиграф, 2012.
- Чекалов И.И. Проблема множественности источников сюжета о Гамлете...// Atlantica. Записки по исторической поэтике. Вып. II. М., 1996.
- Чеснов В.Я. Лекции по исторической этнологии. Учебное пособие. М., 1998.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I-II. М., Рус. яз., 1993.
- Членов А.М. По следам Добрыни. М., 1986.
- Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М., 1982.
- Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. М., 2007.
- ЭБЛПС - Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., Наука, 1987.
- Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М., 1988.
- ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. Под ред О.Н. Трубачева. Т. 1-27. М., Наука, 1974-2000.
- Этимология 1972. М., Наука, 1974.
- Этимология 1967. М., Наука, 1969.
- Якобссон Г. // Этимология 1967. М., Наука, 1969.
- Янович В. // День. № 54, 23.03.2002.
- Bach A. Deutsche Namenkunde. Die d. Pers. 1; 2. Heidelberg, 1952-1953.
- Förstemann E. Altdeutsches namenbuch. Bonn, 1900.
- Карлович. Piękna Meluzyna и krolewna Wanda. Ateneum, 1876.
- Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch (4. Auflage). 1993.
- Köbler G. Gotisches Wörterbuch (3. Auflage). 2013.
- Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1996.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, Francke, 1959, 1989.
- Schönfeld M. Wörterbuch der Altgermanischen personenund völkernamen. Heidelberg, 1911.
- Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. 1993.
- B-II - Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen sprachen. Bd. I-II. Berlin-Leipzig. Lieferung 1-5. 1926-1930.
- von Jacob Grimm. Deutsche Mythologie. Göttingen. 1844.

Морфологичные.

Архаика неуничтожима. В генах и в подсознании, в сновидениях, в неконтролируемых эмоциях, в глубинных инсайтах и в экстремальных состояниях таится и проявляется вечный мир архетипического. Однако внешний мир изменился и это накладывает особые условия на всю ментосферу. Некогда миф был адекватен миру, сознание связывало их и строило универсальную картину миросистемы. Неизбежное усложнение мира и дифференциация культуры, развитие «спецификумов» и технологий разорвали эти связи. Разбитая чашка не может быть склеена вновь. Точнее, все еще хуже: если взять отдельный осколок «чашки» и представить его как «естественное» основание культуры, дать ему преференции, то часть начнет вести себя как целое и неизбежно будет губить и «гнобить» остальные части. Т.е. будет действовать по принципу раковой клетки в организме. Игры с архаикой это самые опасные игры.

Архаичное нельзя «казнить», но опасно «миловать». Традиционная культура жила в дискурсе трагического космоса, но сам социум в этом космосе становился «катарсичен» и поэтому же мог быть последователен и рационален в своих действиях. Современное освобождение архаики, если оно происходит не в гомеопатических ритуалах очищения, а в формах «реал политик», грозит социуму безумием и распадом. Конечно, не следует думать, что архаика это всего лишь некий «черный ящик» Пандоры, куда запрятано все злое и иррациональное.

Архаика не как животный инстинкт и бессознательное «Оно», а как архетипика, это уже *культура*. Культура *преображения* инстинктов и образования универсалий. Те, кто играет с инстинктами, не знает и не понимает логических основ традиционной культуры. Культуры как таковой. Поэтому и высокомерие по отношению к древней традиции чревато антикультурным праксисом и постмодернистской резиньцией. Мифоборчество легко переходит в утопизм и новое мифостроительство, только на еще более шатких основах. Но и попытки искренних универсалистов также однобоки: если понять универсалии древней (и в своей логике – вечной) культуры все же возможно, то вот согласовать их с новой картиной Вселенной (далеко еще не полной и непонятной) куда возможным не представляется...

Поиски архетипа («прасимвола», «прафеномена») можно начинать с биологического (соматического) момента и с чисто логического основания, хотя между ними и нет абсолютно непреходимой границы. В первом случае, и в согласии с учениями юнгианцев и С. Грофа, отметим т.н. перинатальный (околородовой) гнозис, отраженный в мифодискурсе и св. истории: океаническое блаженство зародыша в материнской утробе (околоплодных водах) и последующие муки рождения («рай» и «изгнание»). Здесь переход от картины «покачивания-парения-растворения-легкости-тепла» к ситуации «жары-тесноты-давления-пробивания через темный туннель». Вспоминается, среди прочего, мифотематика «разрушения Валы» и «восхождения по древу», но тем самым и неизбежный переход к структуризации бинарных понятий «низ-верх», «внутреннее-внешнее», «легкое-тяжелое» и т.д.

Т.е. вполне *естественное* происхождение системы координат и обратных связей – температурная шкала, тезис и антитезис...

Микро- и макрокосмос, физику и физиологию связывает область рефлексии и символизации, структура хаоса и реализация потенциалов. Известная схема дифференциации (материализации) космической (голографической) «плеромы». И во всех случаях мы получаем ту или иную историю («этиологию») рождения мира, от «темных веков» до наших дней.

В другом аспекте, на уровне логики, перед нами т.н. предельный объем понятия (или универсального множества), где с уменьшением (делением) объема увеличивается содержание понятия и проявляется его общая структура. В своей полемике против формальной логики Лосев (1997, с 711 и сл.) определяет данный процесс как приращение объема и расширение структуры, т.е. фактически «снимает» сами понятия объема и содержания, заменяя их диалектическим понятием структуры.¹⁰⁶

Выше уже говорилось о системе разворачивания и конкретизации мифообразов. Можно также выстроить достаточно простую схему координации символов по именованным формам (алломорфы, переходные типы) и функциям (предикаты, отношения, ситуации). Это, соответственно, вертикальный парадигматический и горизонтальный синтагматический векторы. Например, по оси ординат – храм, гора, курган, омфал, яйцо, или – химера, зверь, змея, или – ороморф, фитоморф, зооморф, первопредок, шаман и т.п. с соответствующими каждому субъекту/объекту горизонтальными свойствами/состояниями/модусами (предикативами, значениями и контекстами на оси абсцисс). Каждый номинант находится в некой конкретной точке поля на пересечении формы и содержания.

Схема1: форма и ее изменение

¹⁰⁶ В плане перехода от абстрактного к конкретному, или в аспекте т.н. инобытийного становления эйдоса, каждый момент полагания будет представлять собой и все целое, что в канторовской математике аналогично тождеству мощности континуумов разного уровня, а в мифологии – креации и становлению мира, или устройству «волшебной сети Индры». Можно здесь также вспомнить о пресловутых «треугольниках»: классический, «смысл» (значение слова) – знак (форма) – денотат, треугольник порядком выше – «смысл (значение образа) – материальный символ (знак) – код (мифословарь)», и, наконец, открытая схема «высказывание – код – нарратив; миф».

Поскольку и формы и качества конкретны и атомарны, то количество символов не бесконечно, хотя и неисчислимо. К примеру, не может быть элемента меньшей формы, чем функция глагола «рожать», но сама она применима в неисчислимых контекстах. Мифоэлементы, несмотря на свою атомарность, переходны в контекстуально-смысловом плане и словарный тезаурус мифологии находится в постоянном движении «перетекания» и преобразования смыслов.¹⁰⁷

В качестве примера голографической матрицы можно взять образ мифологического змея, в границах от контекстуального фона до значимого персонажа и от понятийного термина или знака до целого мифодискурса. Собственно, читатель, вооруженный всей библиотекой мирового фольклора (да и этой работой в частности), в силах уже самостоятельно представить сюжетную эволюцию и смысловое богатство данной картины.

Другой пример это уже рассмотренный выше образ космического первопредка, который воплощает собой и мир природы и общество (род) и индивида. Микрокосм соединен невидимой нитью с прообразом парадигмой и подчиняется природно-божественному космическому ритму. С последнего, однако, вполне легко сбиться и поэтому необходим ритуал, чтобы стать ему соразмерным.¹⁰⁸ Иная сторона воплощения – рефлексия и самопознание в символических формах: человек и род понимают себя в своей «дружости».¹⁰⁹

¹⁰⁷ Здесь вполне уместно привести цитату из старой работы М. Маковского (1988) по лингвистической комбинаторике, представив себе, что то же самое можно сказать и о мифоэлементах. Изменение формы «вызывает изменение значения, и наоборот. Но не менее часты неизменные формы при изменении значений, свойств и связей, а также неизменность значений и свойств при изменении форм... Каждая реалья есть определенная комбинация связей и свойств... Собственно, все в языке (как уникилии, так и ансамбли) возникает из комбинаторных преобразований в вариационных полях взаимодействия фономорфологических и семантических континуумов (один из них, как правило, выступает в качестве *среды* для другого)». Объект и среда, актанты и сюжеты, смыслы и структуры порождают и изменяют друг друга. Место их встречи на пересечении силовых линий - это своего рода «волновые пакеты», паттерны и гештальты смысла.

¹⁰⁸ В ритуале личность и общество пытаются оказаться равными своему вселенскому предназначению. Если действовать быстрее природного ритма – «нить» рвется и бывшая культура рассыпается, если медленнее – возрождаются «сонные» тератоморфы, культура твердеет, «вязнет», «засыпает». Полное отсутствие ритма говорит либо о «нерожденности» мира, либо о превращении мира в статуарную внешнюю картину для постороннего (позднейшего) наблюдателя. Это завершенная судьба бога/героя/рода, эстетический образец вечного прошлого. Ср. у М. Бахтина (1994, с 232): «Ценность рода превращает судьбу в положительно ценную категорию эстетического видения и завершения человека».

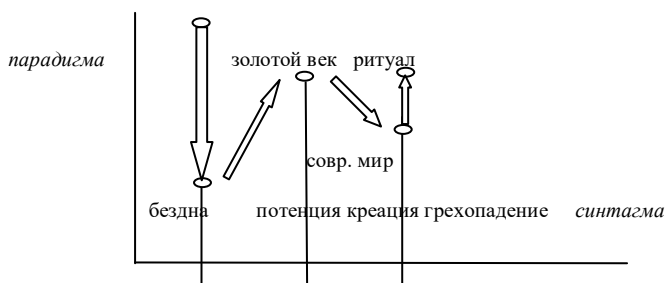
¹⁰⁹ Как писал Бахтин (1994, с 231), «род есть ценностно-природная категория бытия дружости». Ср. у Э. Бенвениста (1974, с 294): «Осознание себя возможно только в противопоставлении». На современном научном языке речь идет также о *делегировании*. См. у П. Бурдьё (1993, с 242): «делегирование... является актом

Нарративный сюжет также представляет собой космическую динамическую форму: в бинарах – «недостача → преодоление недостачи», «умирание (дизинтеграция) → возрождение (реинтеграция)», «статика (самодостаточность) → катастрофа», и в триаде «норма → нарушение → восстановление» (о тетраде см. выше). Выражением подобных ситуаций на уровне концептуальной или технической магии будет рекреация через «лечение подобного подобным» (гомеопатия), оборотничество субъекта, трансмутация объекта (колдовство, алхимия), «расчленение → собирание» (с переосмыслением номенклатуры элементов). На ритуальном и дискурсивном уровнях это «умаление → возвышение», жертва/терзание (причем оно м.б. дано без итогового бинара в расчете на ответный дар//возмездие в будущем), автокреация (субъект-объектное отношение в разворачивании эволюционно-рефлексивной спирали, как мир, порожденный нерожденным богом).

Наконец, на социально-культурном уровне это моральный и гносеологический коды, отразившиеся в таких литературных жанрах как басня, сказка, пословица и т.п. Здесь мы наблюдаем возникновение таких типологически родственных мотивов как «обманутый обманщик», «нашла коса на камень», «гордыня (ошибка, преступление, чрезмерность) → катастрофа (наказание)». Область наррации представлена порядковой лесенкой сюжетов, от картины объективной эволюции мира через ипостасные ее отражения к субъективному «жизнному кругу» вплоть до перипетийной литературной фабулы как таковой.

Приведенную выше схему координации форм и функций можно использовать также и в виде согласования мифа и истории, вертикали «вечных» форм и горизонтали сюжетной эволюции.

схема 2: демиургия

магическим, позволяющим тому, что оставалось до этого лишь собранием множества лиц... возродиться к жизни в форме фиктивного лица... мистического тела, воплощенного в социальном теле». Впрочем, нечто подобное можно найти еще у Платона, Аристотеля и Демосфена.

Понятие парадигмы, как начала любого классификационного ряда, является естественной формой априорности, психосемантическим выражением первичности как таковой. Поэтому и понятие Единого это наиболее простая и исторически апробированная философская категория. Можно сказать – тавтология, но сама тавтология это ничто иное как парадокс, указывающий на самое себя. Она порождает саму себя и исчерпывает, оставаясь неисчерпаемой.

Исторически поздняя формальная логика призвана очистить мышление от присущих естественному языку смешения уровней и метафор, приспособить его с помощью абстрактных кодов и алгоритмов для решения определенных локальных задач. Европейской науке потребовалось больше двух тысяч лет, чтобы торжествующий логико-дедуктивный метод осознал собственную ограниченность и невозможность, оставаясь в рамках формального языка, доказать свою истинность. Согласно теореме Курта Гёделя, если формальная система непротиворечива, то она неполна. Разрешение ее возможно лишь в метаязыке, для которого, в свою очередь, понадобится следующий метаязык, и так далее в бесконечность регресса. Перефразируя Гёделя, можно сказать, что если система непротиворечива (неполна), то она формальна, финитна, монотонна и избирательно антиномична («или-или» с исключенным третьим).

Нас здесь вряд ли устроит узкий, чисто математический, способ решения парадоксов, который предлагает переписать всю систему заново, еще более формально, *игнорируя* и *изолируя* возникающие парадоксы, т.е. локализовав проблему, вместо того, чтобы ввести ее в широкий контекст.

Собственно, сам парадокс (точнее, софизм) является изолирующим систему семантическим пределом, принадлежащим сразу системе и метасистеме, препятствующим последовательному движению из первой во вторую и рефлексивному осмыслению. Классическими примерами подобных софизмов являются выражения «я – лжец», «в этой фразе все неверно», «должен ли брить себя цирюльник, который бреет всех, кто не бреется сам?». Язык повседневного здравого смысла описывает данную ситуацию паремийно: исключение подтверждает правило, и все можно довести до абсурда. Но само сосуществование этих двух планов, формального и рефлексивного, образует некую динамическую взаимосистемность. Такой же двуплановой взаимосистемностью обладает и познание себя через другого. Здесь референтный субъект не только опосредует сам себя, но и «остраняет» (слабое искажение определяет границы нормы, сильное – дает мутацию), возвращает символы в актуальное бытие и тем самым продуцирует его культуру. Возникает классический треугольник диалектики, где, по Гегелю (ЭФН, §181), единичное через особенное возвращается к всеобщности и делает себя тождественным с собой. Таким образом, предельные смыслы (парадоксы, идеи, идеалы, абсолюты, св. символы) креативны и создают из небытия (потенции, тавтологии) сознание коллектива, да и сам мир вокруг него.

В тоже время будет ошибкой представлять парадокс только в виде некой ярко выраженной, «фраздражающей», формы. Если есть *докса*, то рядом прячется и парадокс. Зияющего разрыва не существует: все дело *в степени*

выражения. Чисто протокольное высказывание («нулевая степень») это промежуточная формальная точка отсчета, «передышка» в движении реального семиозиса.

Отличным примером завязанности парадокса на весь концептуальный фонд традиционной культуры является фольклорный мотив, известный под названием «охота изнутри». Сюда мы отнесем сразу целый ряд микросюжетов: это, среди прочего, и знаменитый гомеровский эпизод с троянским конем, и мнимая смерть нарта Сослана, спрятавшегося в бычьей шкуре, а также (особо в африканских сказках) – герой внутри быка/слона кормится его мясом. Сюда же отнесем Иону в чреве кита, способы убийства сказочного змея кузнецом, мотивы, связанные с героями типа Ивана Быковича и витязя в тигровой шкуре. Здесь возникает широкое поле коннотаций, от военной хитрости до погребальной практики или шаманской инициации, мифологема добывания культурных благ, повержение хтонического противника и даже экзистенциальное одиночество героя (вариант – сакрально-жертвенное избранничество). В.И. Абаев справедливо видел в подобных сюжетах своего рода «пережиток», отголосок шаманской практики, хотя этой последней данные сюжеты, конечно, не исчерпываются. Немало строк посвятил такой символике Жорж Дюмезиль (1990), но его толкования (несмотря на все оговорки) граничат с наивностью. Так, в ситуации с героем в бычьей шкуре он предполагал некую техническую рациональность: экономическую, при похоронах «бедняков», и способ «амортизации» в случае закидывания героя за вражеские укрепления.

Иной, более научный, уровень рассмотрения находим у Елены Новик (1984): да, разумеется, перед нами обман, трюк, притворство, в чем не трудно заметить связь с шаманской практикой, но в обобщенном виде это *функциональная стратегия трикстера* в условиях экстремальных ситуаций, а именно – провокация и рефлексивное управление противником. Со ссылкой на своего учителя Мелетинского, Новик утверждает, что рефлексивный агон с участием трикстера в трюковых сюжетах есть перенос жанрового внимания с мифа креации и деяний культурного героя на саму технику победы в агоне.

Принципиально соглашаясь с данным подходом, все же подчеркнем, что рефлексивное управление это не только «техника» к случаю, *ad hoc*, но неотъемлемая органичная часть концептуального мифодискурса.

Вернемся к теме «охоты изнутри». Основные примеры внешней для героя-протагониста системы: чрево, пещера с сокровищами, дерево-сокровищница, хтонический хранитель сокровища, животное как объект потребления или жертвы. Развитый фольклорный сюжет не останавливается на самом факте обретения благ, а подводит к проблеме морали: умеренного/неумеренного пользования благами с соответствующей тематикой преступления-наказания. Так, в африканской сказке герой, находящийся внутри быка (или слона) «культурно» кормится его мясом, не трогая сердца, а его спутник по ошибке (глупости, жадности) нарушает запрет и животное-кормилец погибает.

Аспект отношений «мера-чрезмерность» имеет не только моральный, но и эволюционно-космический и даже эпистемологический характер. Более сложный и парадоксальный пример мы находим в даосской натурфилософии.

В Даодэцине (см. работы Лукьянова и Торчинова) Лао-цзы это «Старик-Дитя» («Младенец-Мудрец»),¹¹⁰ «нерожденный», эмбрион в лоне Великой Матери («Сокровенной Самки»). Гиперболическое чрево матери мира описано как низовье большой реки (околоплодные первоводы), врата неба и земли, пустотно-гуманный бесформенный хаос.¹¹¹ Пульсация потенциально-энергетического хаоса по принципу «ано катод», или самоестественному принципу Дао, и энергетический первозлемент-зародыш (геночастица) взаимно предполагают друг друга.

Здесь легко просматриваются типологические параллели природного характера: лекарство (яд, магическое снадобье) в крови, эмбрион (личинка) в чреве, семя в почве, закваска в тесте, душа в теле. А на более высоком, концептуальном, уровне: «микро» в «макро», активное в инертном, неоднородное (нелинейное, неравновесное) в однородном (линейном, равновесном), «возникающее» в «существующем» (по И. Пригожину). Внешняя система это некая материальная среда (или поле), «вскармливающая» внутренние флуктуации. Геночастица – мутант, спонтанный нарушитель зеркальной симметрии, активатор необратимых эволюционных процессов.¹¹² В математике и эстетике это принцип «золотого сечения», в биологии – киральные ассиметричные биомолекулы, в физике – разрушение стационарной системы, либо, напротив, структурообразование (и рост информации) в диссипативной системе.

Сокровенная основа порождения «тмы вещей» – психоэнергия *цзин*, благодаря которой малое становится великим, а великое малым, слабое побеждает сильное, Давид побеждает Голиафа, а Покатигорошек – многоголового змея и т.п. Переход из одной противоположности в другую есть «квантовый скачок» (фазовое преобразование), но его конкретные формы внешне могут выглядеть по-разному: сама крепнущая система изживает и губит себя («крепость и сила – спутники смерти»), у нее всегда находится критическая точка («пятая»). Часто этой критической точкой («пятой»)

¹¹⁰ В этом образе прочитывается и обыкновенная житейская логика: первый и ранний есть одновременно *старейший* в роду, а поскольку он родоначальник всех и всего, то он и особенный и совершеннейший. Древняя Русь (Греция) была «начальной», «франней» и «юной» Русью (Грецией).

¹¹¹ Смена масштаба не меняет самого принципа. Для первобытного охотника мир «тмы вещей» находился в границах видимого горизонта, потом мы узнали о видимом горизонте в 15 миллиардов световых лет, а сегодня – о «великой матери» Мультиверса по ту сторону привычного времени и пространства, беспрестанно рождающей такие же (и не такие) вселенные.

¹¹² В аспекте системных преобразований «троянский конь» изначально (т.е. по изготовлению) это гомеостаз, возможный минимум энтропии. После выхода греческих воинов в город происходит турбулентный взрыв, наступает состояние хаоса и максимума энтропии. Бесплатных завтраков не бывает: негэнтропия оплачивается положительной энтропией внешнего мира, а стратегия эволюционного агента есть стратегия вируса или раковой клетки. Поэтому миф не только славит героя, но и казнит его, и оплакивает ушедший «золотой век» естественной хтоники.

является маргинальный герой, эволюционно более совершенный, но до времени находившийся в состоянии «гадкого утенка» (незнайки/сиротки/неумойки). При том, что «война – отец всех вещей», победа чревата поражением, а жизнь – смертью. Неизбежна гибель трагического героя, он, как и его противник, может символизировать уход целого «эона» в вечность, что только подчеркивает непрерывность эволюции («умножение заканчивается убыванием», но и «само разорение тоже истощается, оборачивая верх низом»¹¹³).

Итак, формализованная, «нормальная», «совершенная» система самодостаточна, симметрична, «монотонна», жестко адаптирована, но ограничена, неполна, имеет свой «предел», границу мутагенного перехода в другое состояние. «Сила силу ломит», точнее, «хитрость», как метаязык, «снимает» и реструктурирует данную «силу», но и «хитрость» приходит к своему пределу, обманывает сама себя либо «снимается» другой «хитростью». Норма сменяется новой нормой.¹¹⁴

Здесь мы напрямую выходим на проблему «ядерных» художественных жанров паремийного свойства – поговорки, пословицы, притчи, загадки, анекдота, софизма (апории) и парадокса. Несмотря на казалось бы очевидную простоту их понимания, исчерпывающих канонических формул, с которыми все могли бы согласиться, не существует. «Простота» оказалась с секретом.

Рассмотрим загадку, пословицу и парадокс в аспектах актуального выражения, отношения к норме, логической структуры и метаязыкового преобразования. Все они имеют своего рода пресуппозицию в виде виртуального смыслового высказывания (либо экстралингвистической ситуации), от которого они отталкиваются. Искомое означаемое (signifié) в загадке, виртуальное для ее текста, есть единичный, или общий, терм-номинатив экстралингвистического объекта. Это область функционирования первичной моделирующей системы. Являясь сингулярным (либо сводимым к нему) именем, он (объект) инициирует стандартную конвенциональную схему определения своей сущности, относящуюся к миру базисного эмпирического опыта. Отталкиваясь от этого интенционального семантического поля (фона)

¹¹³ Комментируя «отрицание отрицания» Гегеля, Иван Ильин писал (1994, с 129), что оно «могло бы повести к чистому «ничто» лишь в том случае, если бы оно имело... формальный характер... Но спекулятивное «отрицание отрицания» имеет другую природу – живую, творческую, созидающую».

¹¹⁴ Сама норма условна и исторична, степени ее бытования различны – от виртуальности и средневычислимого положения среди наличных отклонений до жестких императивов с соответствующими санкциями за нарушения. Норма – точка равновесия, центр схождения-расхождения сил, но она же определяет возможную неравновесность и фактически подготавливает ее. В лингвистике выделяется т.н. «нулевая степень» – объектное, «прозрачное» выражение в области коммуникации. Основа поэтической функции – метабола (отклонение, флуктуация), превращение выражения-средства в выражение-цель, создание «непрозрачного», замкнутого на себя (или на внешний смысл) высказывания. Результат метаболизации со временем также «стирается», банализируется и инициирует дальнейшие изменения форм выражения.

и строится система загадки. Означающее (signifiant) здесь это актуальное выражение (манифестация) искомого термина-референта. Этот сложный терм относится уже к метаязыковой области символического опосредования, формально – в виде пучка свойств и/или субститута-номинатива (фигуры замещения), а стилистически – в виде тропа, метафоры, иносказания.

Означающее и означаемое устанавливаются нами как крупномасштабный план термов, но внутри него можно найти промежуточные термы, т.е. здесь можно говорить о суб-означающих и суб-означаемых. В результате может возникнуть граничащая с парадоксом картина, когда сигнификант (а иногда и сам денотат) представляется многоэлементной синтаксической структурой, план содержания имеет свой собственный план выражения (и наоборот), предикат становится субъектом (и наоборот), а исходный объект – логическим термом того или иного масштабного уровня.¹¹⁵ Именно поэтому и невозможно дать точную и исчерпывающую формулу фольклорного жанра, свободную от бесконечных рефлексивных уточнений.¹¹⁶

Но в любом случае терм одного уровня представлен через терм другого уровня, как логически, так и онтологически: абстрактное через конкретное, природное через культурное, предметное через антропоморфное, и наоборот. Смысловое движение идет от термина к терму через поле коннотаций, реализуя некую потенциально возможную, нередко – маргинальную, коннотацию.¹¹⁷

Формально-логические отношения главных термов загадки имеют как горизонтальное измерение, бинарное тождество-различие поэтической дескрипции и ее объекта, так и вертикальное, иерархическое – связь термов в более абстрактном, парадигматическом, классе предикации, обобщающем, к примеру, антропоморфное и предметное или природное и культурное через

¹¹⁵ К сказанному следует, наверное, добавить то, что означающее, будучи частичным и индивидуальным проявлением означаемого, может быть *меньше* последнего, т.к. не исчерпывает всего его потенциального понятийного объема, и одновременно *больше* в аспекте инобытийного выражения, т.к. содержит конструктивные элементы, привнесенные извне.

¹¹⁶ Проблема рефлексивности формально снимается *принудительным упрощением* в акте осмысления (как в треугольниках Фреге и Огдена-Ричардса), но следует понимать, что единичный начальный терм (будь то понятие или предмет) *уже принадлежит классу*, т.е. предварительному множеству, имеющему свои коннотации, и в историческом плане чистоты «нэотона» добиться невозможно. Все это не хорошо и не плохо, просто каждый конкретный смысл есть конкретный *выбор* из поля вероятно-возможного.

¹¹⁷ Здесь возможна определенная нюансировка в логическом построении: 1) понимание смыслового движения как перехода от термина к терму через положенный общий элемент либо индексальное различие; 2) как генерализация двух разноплановых термов в одном общем классе (*метатерме*); 3) как преобразование термина с помощью его же контекста (своего рода авторефлексия). Исключением, или, скорее, дополнением, будет дзэнский коан, где виртуальный план предполагает не референта, а метаязыковые сущности, идеи, «трансцендентальные апперцепции». Сюда же отнесем загадку-«ловушку», где коннотация служит ширмой, а ответ кроется в буквальном значении сигнификанта.

некое категориальное родовое свойство.¹¹⁸ В итоге можно говорить о системно-диалектических отношениях между терминами загадки на всех уровнях: сущность – явление, часть – целое, уникальное – универсальное, сходство несходного, несходство сходного, редукция сложного, искажение (умножение) привычного и т.п.

Каждая жанровая речевая форма имеет свое репрезентативное *ядро* и *периферию* переходных форм. Классическая загадка граничит с поговоркой, которая в свою очередь разворачивается в пословицу со «стершимися» символами и оборотами (с общепонятным означаемым), с «профессиональными» поэтическими символами типа скандинавских «кеннингов», наконец, с жанрами притчевого, морально-философского и ритуального характера. Здесь загадка может служить прототипом общей формы или элементом общего построения, претерпевая определенные (внутри- и межжанровые) изменения. Если в загадке слышится морализаторство, то скорее всего, по генезису, это уже некая вторичная форма с «остаточной» моралью.

Поговорка «мал золотник, да дорог» внешне построена как загадка, но вместо отсылки к индивидуальному терму она способна (и, по сути, должна) проецироваться на множество эмпирических ситуаций. Иносказательность здесь есть форма обобщения, способ сериализации и унификации элементов жизненного опыта.

Всем паремийным жанрам свойственна энциклопедичность подхода к миру, но если пословица и поговорка следуют от генерализованного опыта к его частным проявлениям, то сверхзадача загадки интеллектуальный тренинг, *остраннение* и дестереотипизация общего, обыденного, привычной нормы и научение видеть мир свежим взглядом, менять планы, модусы и фокусировку.

В пословице происходит процесс конкретизации общего смысла либо обобщение конкретных ситуаций. А. Дандис, М. Кууси, Г. Пермяков («Паремнологический сборник», 1978) подробно разбирают и перечисляют моменты системности и диалектики термов пословичной структуры, но для нас важнейшим и самодостаточным показателем представляется сама эта системность как таковая.¹¹⁹ Термы пословицы всегда связаны друг с другом –

¹¹⁸ Простейшие примеры сходств: «огонь» = «красный петух» объединены качеством цвета (с возможными дополнительными коннотациями «подвижности», «вздыбленности», «шумности», боли от «клевания»); «пальцы» = «братцы» – внешнее сходство серийности каждого ряда и выстроенности в тесный ряд (плюс фонетическая переключка). Такие, казалось бы, «приземленные» термы как «горница» и «огурец», «собачка» и «замок», «Антошка на одной ножке» и «гриб» уравниваются абстрактными типами пространственных конфигураций и/или категориальных качеств и процессов, а также их условий и ограничений. Связь может также основываться лингвистически (рифмы, консонансы) или на экстралингвистическом локусе, хорошо знакомом человеку по его жизни и хозяйственной деятельности («Головы колоты, брюха распороты» = «молотят снопы» и т.п.). Здесь имеет место свободная игра с ограниченным рядом референтов, их оценок и свойств.

¹¹⁹ Следует согласиться с мнением А. Жолковского (из того же сб-ка, с 140), что пословицы и поговорки представляют собой полный набор иллюстраций как к

дополнительно/антитетично/каузально – в пределах от тавтологии до парадокса.¹²⁰ Собственно, и тавтология, удваивающая первичный терм, не бессмысленна, т.к. акцентирует (и, стало быть, проявляет) его реальную значимость: «что хорошо, то хорошо», «сделка есть сделка» и т.п.

Жанр пословиц – попытка подытожить в примерах весь универсум во всем его разноречивом смысловом богатстве. Из пословичного фонда черпался материал трактатов древней философии, с его помощью происходило заполнение жития знакового для общества героя (мудреца, хитреца, культурного деятеля; ср. биографии философов Диогена Лаэртца или китайские притчи).

Отдельные пословицы сходного содержательного плана также могут состоять между собой в отношениях дополнительности, антитетичности и, в меньшей степени, причинности (последний случай подчас невозможно проверить). Т.е. метасистема теоретически структурирована также как и система единичной пословицы. К наиболее часто встречающимся пословичным бинарам можно отнести связку «часть – целое» и типологически родственные ей («один – много», «всё – ничего», «меньше – больше», «лучше – хуже», «нормальное – аномальное», «совместимое – несовместимое», «однородное – неоднородное», «наличие – отсутствие», «избыток – нехватка» и т.п.). В тоже время внутри подобной связки могут быть свои, дифференцированные и тонко нюансированные, отношения переменных термов.

Медиация термов на логическом уровне не исчерпывается только конъюнкцией и дизъюнкцией: «или *то* или *это*», «и *то* и *это*», «не *то* и не *это*», «иногда *то*, иногда *это*», «*то* в одном отношении, *это* в другом», «*то* вместо *этого*», «от *того* и *это*», «не *то*, так *это*», «где *то*, там и *это*», «если уж *то*, так хотя бы не *это*», «*то*, да не *то*» и т.п. Обобщающей логической формулой здесь будет формула **aRb**, где **R** – знак реляции, отношения как такового.

Простейшие примеры комбинаторики и динамики пословичных смыслов: «Один/малое продуцирует (инициирует) много/большое», «Дорога в тысячу ли начинается с одного шага». Первый терм может превосходить (преодолевать) второй: «Одним махом семерых убивахом» (форма загадки), «Слабое побеждает сильное».

Окружение каждой, отдельно взятой, пословицы это – 1) вариации одного смыслового высказывания (вне зависимости от места и времени их происхождения); 2) антонимичные высказывания; 3) расходящийся (семантически) синонимический ряд. В последнем случае наблюдается следующее: мена термов, изменение смысла отношения термов, разброс значений вплоть до экстралингвистического состояния, разное ситуативное

грамматическим структурам языка, так и ко всем основным типам мыслительных операций и предметных категорий. Можно лишь добавить, что последние есть не просто «иллюстрации», а – в каждом случае – динамические компакты, или «пакеты», системно-диалектических отношений.

¹²⁰ А на оси риторики – от насмешки до директивы, и от констатации очевидного до чистой игры слов.

применение термина, разная степень экспрессивности и иносказательности (от буквального смысла до переносного). Всё это размывает синонимическую соотнесенность производных высказываний (пословиц) в сравнении с эталонным высказыванием. Сравнительно строгая корреляция в группе возможна только в первых двух случаях, а в последнем формализация пословичного фонда носит условный характер. Или скажем так: несколько более условный (размытый), чем в случае загадки и парадокса, но исключительно в силу большей *открытости* пословичной системы.

Картина смысловых схождений и расхождений это многослойная сетка поливалентных лингвосемантических отношений (вновь вспоминается образ «жемчужной сети Индры»). В тоже время я не стал бы здесь говорить о «неизмеримости», невозможности объективации и употреблять «квантовую» терминологию: при всей стохастичности возникновения смыслов, результаты в целом вполне поддаются внешней формализации. Она интересна еще тем, что при желании мы можем из любой отдельно взятой паремии выйти на любую другую через тот или иной отрезок промежуточных смысловых высказываний.

Приведем пример постепенных смысловых расхождений. «Куда один баран (свинья и т.п.), туда и все (стадо, стая)». Высказывание «куда один, туда и все» основано на понятии полной формальной идентичности, равенства и взаимозависимости субъектов, а в моральном плане подразумевается духовная несамостоятельность и «бездушность» толпы. При переходе высказывания в бинарную связку «голова – тело», или «вожак и ведомые» (с подтекстом ценностного неравенства), общий смысл еле заметно (но неизбежно) меняется. Импликация «куда отец, туда и сын» находится еще дальше и связана в свою очередь с мотивом причинности (каузальности во времени), таким же (почти, но не совсем!) как в выражении «яблоко от яблони недалеко падает». Мена термов на «мужа» и «жену» воспроизводит смысл нажитого интеллектуального и прочего сходства исходно противоположной пары (отсюда и поговорка «муж и жена – одна сатана»).

Вся сложность метаязыкового обобщения указанных примеров возникает из превалирования смысловых отличий над сходствами в межнуклеарной области. В загадке некая метаязыковая (и четко ограниченная!) смысловая область необходимо предполагается для понимания текста с его внутренней системой тождеств-различий и является присущим ему (тексту) парадигмальным контекстом. Текст же пословицы сам есть выраженная парадигма (генерализация и клише) виртуальной ситуации, а ее подтексты и контексты уходят в психологический и культурный опыт с неопределимыми, размытыми, границами.

Хорошие примеры линейного, пунктирного вектора в пословичных смысловых переходах это уже цитировавшиеся «один/малое» продуцирует (инициирует) «много/большое» и «дорога в тысячу ли начинается с одного (первого) шага». Сюда же – «большой дуб из желудя вырастает» и, с переменной положительного смысла на отрицательный – «малая искра – причина большого пожара». Логическое обобщение отношений, в форме *a* влечет *b*, довольно слабо креативно, поскольку число примеров сразу же

экстенсивно возрастает, а их конкретные смыслы (идентичности) разнообразно умножаются. Внутренние смысловые нюансы можно найти даже в первых двух примерах. Здесь смысл термина-объекта делим на значение *малого* элемента в системе и на значение первого, *начального*, элемента той же системы. Понятно, что это не всегда одно и то же. Также в китайской пословице мы можем предположить некую более явную социальную или даже историческую специфику, нежели в других примерах. Смысл пословицы о дубе и желуде можно также чуть-чуть акцентировать, индивидуализировать и усилить антропоморфным и квазиисторическим контентом в форме пословицы «и богатыря когда-то в люльке качали».

Первую пословицу можно еще упростить в краткую форму поговорки «мал, да удал». Но если мы представим здесь *малый* элемент как *центральный*, то его значение может уже рассматриваться в аспекте «теории катастроф»: «рухнуло царство, п.ч. в кузнице не было гвоздя». Т.е., если *малое* «центрально», то от его наличия/отсутствия, крепости/слабости и вся система уязвима. Отсюда логичен переход в антитезис: «одно/малое» не сделает «много/большое» (сюда же, с изменением контента – «можно легко сломать прут, но не связку», или «ум хорошо, а два лучше»). И в обратной последовательности («много» = «чрезмерно» или неэффективно): «гора родила мышь», «у семи нянек дитя без глазу», «чем больше поваров, тем хуже похлебка». Еще один возврат к важности малого звена при изменениях ценностной ориентации: «одна капля дегтя испортит бочку меда». Далее – «малое» как основа *меры*: «от тысячи сует пользы нет», «за двумя зайцами погнался» и т.п. Иными словами, комбинаторика смыслов стремится заполнить все вероятные ситуативные возможности, а наиболее общим понятийным объемом будет обладать номинация «Универсум», в которой конкретная пословица это самодостаточная уникалия (хотя и связанная, «пунктирно», со всеми прочими).

Семантическое изменение это своего рода «бесконечно малое приращение аргумента» (до некоего предела). Минимальный семический элемент нельзя в реальности вычленишь, т.к. изменение может происходить на досемическом уровне высказывания, в субстанции выражения (напр., в области произношения), либо на экстралингвистическом уровне (исторические сдвиги в области смысловых коннотаций). Иными словами, когда меняется жизнь, меняются и правила (лексика и понимание), из-за чего высказывание может стать собственным омонимом. Форма осталась прежней, все элементы на своем месте, а смысл другой (в пределах от ближайшего синонима до антитезы). Монотонное увеличение позитива в импликации «ум хорошо, а два лучше» начинает пробуксовывать в формально бесконечном процессе, а фактически – в самозамкнутом, «предельном», выражении «чем больше, тем лучше» ($A \rightarrow A^2 \rightarrow A^n$). После чего естественным образом следует качественный (метаязыковой) переход с «пертурбацией» чрезмерного позитива – «слишком много ума хуже глупости/чем ничего» ($A^n \rightarrow A^{-n}$).

Последнее выражение (как и знаменитое «во многуй мудрости много печали», или «безумные посрамят умных») является антигетикой двух термов с искомым (и, одновременно, предваряющим) синтезом в

экстралингвистической области. В целом данная паремия может быть квалифицирована как парадокс бытийного характера (с разнообразными контекстуальными связями), редуцируемый как к примитивным стереотипам наподобие фразы «меньше знаешь – лучше спишь», так и к оксюморонам «ум – глупость», «всё – ничто», каковые, в свою очередь, могут быть развернуты в ряд формально изоциренных софизмов-апорий.

В связи с вышесказанным подытожим основные положения, касающиеся области парадокса. Во-первых, речь идет о *смешении* разнородных семантических кодов, формально выраженном в ситуациях (авто)-референтности, (поли)валентности и (разно)мерности категориальных термов. Это импликации «если *да*, то *нет*», «если *то*, то *иное*», и наоборот, в результате чего возникает взаимозамыкание всех известных категориальных оппозиций: «субъект-объект», «часть-целое», «континуальное-дискретное», «конечное-бесконечное», «можно-нельзя» и т.п.¹²¹ Родство со всеми разобранными выше жанрами очевидно, столь же очевиден и «спецификум» каждого из них. Этот последний – во всякой парадигме – является *точкой схождения* периферийных способов структурно-смыслового выражения всех прочих парадигм. Так, будучи частным («предел-ным») случаем пословицы-стереотипа, парадокс построен на столкновении анти-тетичных пословичных термов, либо двух антитетичных пословиц-«норм».¹²²

Но в собственно парадоксе мы имеем субконтрарное («и – и») отношение термов (высказываний), разрешающееся в преобразовании норм вовне. Тем самым, парадокс приобретает определенное денотативное, «прозрачное», значение, инициируемое (и «снимаемое») бытием.¹²³ Поэтому настоящий парадокс изначально (и финально) космичен. В случае же софизма (апории) разрушающее норму отношение термов (высказываний) контрадикторно

¹²¹ Можно проиллюстрировать парадоксальность и более простым и привычным способом. Любой объект лежит в поле относительности, в поле сравнительных масштабов и описаний (дескрипций). Он «велик» («силен», «быстр» и т.п.) в соотношении с одним объектом и «мал» в соотношении с другим. Но если противоположные *свойства* (или функции) объекта представить как его *сущность* и редуцировать систему координат, то поневоле возникнет форма парадокса. В реальной жизни относительность и противоречивость бытия никого не удивляет, пока не становится артикулированным высказыванием.

¹²² Мы здесь не рассматриваем *анекдот*: с точки зрения логики это частный случай парадокса со сходным смешением смысловых уровней, а со стороны жанра это более общий случай, поскольку он уже представляет собой некое повествование, нарратив.

¹²³ Т.е. он *отражает* внешнее бытийное противоречие, как бы закрепляя в выразительной форме категориальную непримиримость реального конфликта и, одновременно, являясь формально неразрешимой дилеммой, может быть *снят* только в этом же конфликтном бытийном процессе. Хотя в последнем случае само разрешение может быть выявлено только через *последующее* выражение данного снятия. Об этом писали многие мыслители и на этом же построена китайская «Книга Перемен».

(«или – или»), высказывание, в целом, «непрозрачно», автореферентно, это уже не «уроборос», а гладко замкнутый концептуальный круг «вечного возвращения».¹²⁴

Но не следует и жестко разделять два этих типа парадокса: механически симметричное «ано катю» может быть преобразовано в поступательное асимметричное (и наоборот). Их общая подоснова – диалектическое движение (процесс), взаимозамена «язык – метаязык», «то одно, то другое», «одно вместо другого», «если одно, то и другое» и т.п. Например, континуальное (метаязык, мысль) рассматривается как дискретное (язык, предмет), и наоборот. Здесь мы вновь получаем ситуацию, описанную выше, где говорилось о дополнительности и синонимичности пословиц.

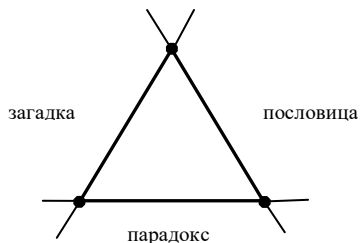
Знаменитый парадокс «Ахилл не способен догнать черепаху» может быть смоделирован различными математическими способами, хотя наиболее подходящим кажется пример расходящегося гармонического ряда ($1 + \frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{4} + \dots + \frac{1}{n} + \dots$), где члены ряда стремятся к нулю, а его сумма – к бесконечности. Нетрудно переформулировать данную ситуацию в фольклорный сюжет «бега наперегонки» («Лиса/Заяц – лягушки/ёжики» и т.п.) с использованием приема умножения (мультипликации) персонажа. Здесь отрезок заранее отнормирован, победитель уже находится на финише, и реальная скорость, хотя бы и световая, в итоге должна быть посрамлена. Т.е. реальные возможности Ахилла, или Зайца, изначально ограничены формальными условиями, что представляет собой специфическую иллюстрацию к теоремам Гёделя о категориальной ограниченности полноты замкнутой системы.

С другой стороны, нетрудно рассмотреть данные сюжеты как варианты парадигмы «малое/слабое побеждает большое/сильное». Вместо приема мультипликации можно использовать и одного единственного персонажа, физически присоединенного к антагонисту (лягушка на спине, рак на хвосте бегущего). С логической точки зрения это сравнимо с автореферентной функцией, а с философской выглядит как положение об относительности движения и покоя. Сюда же отнесем ситуацию с морковкой (сеном), привязанной перед мордой осла, а также выводы типа «нельзя обогнать самого себя», или, с небольшим изменением, – «нельзя поднять самого себя за волосы». Из этого следует выход на сюжеты типа «Святогор и тяга земная», далее уже напрашивается философская тема «гибели чрезмерного» и столь же естествен переход к векторным кольцам натурфилософского дискурса о (само)преодолении/порождении стихий. Таким образом, мы вновь вернулись к картине коннотативной взаимосвязанности всех возможных архетипических парадигм и сюжетов.

Здесь также можно изобразить простейший логический треугольник, отражающий систему связи речевых жанров через их «предельные» точки.

¹²⁴ Разумеется, можно подойти и с другой стороны: именно контрадикторное отношение равновеликих термов считать истинным парадоксом, а всё остальное нестрогими вариантами.

Схема 3.

Не так трудно найти примеры, когда загадка одновременно является пословицей или парадоксом (также и в обратной последовательности), и каждая из означенных форм уходит смысловыми коннотациями в более широкие контексты и нарративные жанры.

Итак, всякий архетип (ядерный сюжет, синтагма) семантической «плеромы» (жанровой логосферы) может быть сведён к базисному логическому высказыванию или терму. Ближайший элементарный «квант» любого дискурсивного жанра – формула aRb , взаимоотношение двух термов («одного» и «другого»). В свою очередь, она может быть редуцирована до простейшего логического высказывания $S \rightarrow P$, которое есть необходимое развертывание первичного полагания терма ($\downarrow S$ или $\exists s$). В логическом суждении « S есть (или влечет) P » (более современные редакции – « $x \Leftarrow X$ »; « $P(x)$ »; « $\Phi(x)$ ») начальный терм можно охарактеризовать также как имя, сингулярную сущность или индивидуальную функцию. Первополагание условного терма самим своим фактом ставит вопрос о правильном его наименовании и значении, о «референтной дескрипции». И произвольно (но неизбежно) этим мы уже за-действовали обозначение P (предикацию, свойство терма). Т.е. как бы авто-матически возникает полная форма высказывания (хотя и без содержательной конкретизации). Вложив в эту форму конкретное содержание (например, подставив одну из рассмотренных выше паремий), мы вновь окажемся в мире бесконечных смысловых коннотаций и нарративных контекстов. Указующий выбор всецело за нами, но сам формальный процесс «загрузки нозтона» объективен и неминуем.

Данному актуальному (в итоге сделанного выбора) полаганию предстоит только *потенциальное* состояние¹²⁵ дискурсивного поля. Хотим мы того или нет, но логика *актуализации* (вариант: «эволюции»; «эманации»; «бифуркации» или, напротив, «сгущения» смысла) вполне исчерпывающе описывается классическими сентенциями типа «В начале было Слово», либо аналогичными апофегмами идеалистической философии. В этот же ряд хорошо встраивается и высказывание А.Ф. Лосева: «Мир – развернутое магическое Имя».

А бывает ли иначе? Из физического вакуума появляются пузырьки вселенных, из политического – диктаторы и революционеры, из культурного – мифы и нарративы. Обо всем этом можно говорить бесконечно, но пора уже волевым усилием заставить себя поставить долгожданную точку – в работе, озаглавленной всего лишь как «Введение в мифосемантику».

¹²⁵ В идеале – бесконечномерное, но фактически – ограниченное наличным историческим узусом культуры.

Емельянов Сергей Алексеевич

Искусство как возвышающий обман и фермент радикализма

«Если цель искусства – не даровать человеку надежду, то для чего оно вообще?» – сказано кем-то из славных и великих.

Идеальное по содержанию и материальное по форме искусство занимает центр в культуре, предполагает наличие «длинных» денег и не измеряется процентами годового прироста ВВП. Оно рождено любовью, очарованием от родной земли, Звезд на небосводе и «младого двурогого лика Луны». По совокупности данных обстоятельств менее подвижный, чем финансовые потоки, человек обрел способность к двойной – материально- практической и иллюзорно-возвышающей жизни.

Слова «искусство» и «искусственный» являются словарными. Поэтому варианты написания «исскуство», «исскуственный», «искусственный», «искуственный» и «искуствинный» есть по сути отклонения от правил великого и могучего русского языка.

Культура со своими храмами («дворцами культуры») есть не только досуг, соц- культбыт и министерские циркуляры. Латинское слово «cultura» происходит от «cultus» – почитание, культ, высвечивая наличие религиозных корней и ветвей феномена. (*) Красочно много- краевая культура не похожа на «надстройку», «пристройку» и сладкий десерт к чему-то острому. Это есть бытие, живой поток, сосуществование пластов и вечное движение.

Культура с хромосомой духовности как сфера соработничества церкви и государства формирует верующего и мирского человека, способы передачи опыта поколений, методы борьбы и формы мимикрии. Не иноверная культура – *это самоорганизующаяся система мыслящего духа, оправдывающая существование народа перед Богом.* (Д. С. Лихачев). Важнейшие culturo-созидательные компоненты – искусство и образование.

Земное искусство небесной красоты – утверждение иллюзии и скачок через пропасть бессилия. Как *практически- духовное удвоение* реальности, оно колеблется между святостью и демонизмом. Действительность одевается блистательным покровом, «что» и «как» (содержание и форма) радостно сливаются и в тишине остановленного мгновения звучит прямая речь Вечности.

Работа в искусстве без любви к нему – это проституция.

Красота всегда привлекательно-убедительна. Не оформительство и пиисуар М. Дюшана в галерее, а идейное Искусство требует жертв, умножает качество личного времени и возвышается над ползучей «философией успеха». Самое прекрасное в искусстве – это возможность Творца на каждом новом витке снова и снова ощущать себя учеником. Искусство с эстетическим ядром- идеалом как истинное «пиршество духа» экспонирует глубину и полноту бытия. Культ художественности взвевает жизнь до уровня искусства.

Кванты красоты есть предпосылка справедливости. Прекрасное порождает добро (прекрасное – деятель, добро – субъект). Зародыш любой

морали – материнская любовь, а высшая степень нравственности – самопожертвование. Искусство радости произрастает на сырье детства, обостря чувства принятием и юмора, и трагизма бытия. Эстетический идеал – старший брат художественной деятельности и самостоятельности.

Эстетика включает в себя сенсуализм в качестве младшей сестры и часто ассоциируется с эротизмом. Чувственное предшествует логическому. Поэтому оно не во всем высшее, но первое. Поэмы Гомера и теоремы Евклида имеют разное значение, однако в природе искусства со сверкающими на Солнце рапирами красоты – предчувствие научной истины.

Древний Аристотель высказывал идею о глубинной связи математики с понятием прекрасного. Важнейшие грани прекрасного – это соразмерность, слаженность и определенность. Именно данные аспекты Бытия и изучает почтенная наука математика. Напряженная кривая зафиксировалась в живописи и скульптуре раньше, чем была рассчитана траектория космического полета. Наиболее эстетичные формы есть и наиболее экономичные (В. Е. Татлин).

Эмоции и светотени чувств – особый ракурс внутренней жизни. В искусстве созидатель получает больше, чем созерцатель. Духовный мир как субъект в арт-продукте выражается, а в качестве объекта – изображается. Стихия самоотдачи не знает сальдо. Демиург живет в образе и заряжен эстетической силой. Отдавая части духа, художник рождается второй раз для Вечности. Однако «презумпция коммуникативности» искусства предполагает сотворчество, умение морщить лоб на вернисаже и «над вымыслом слезами обливаться».

Без воспринимателей ослабевает творческая потенция. Присутствие на выставке или концерте двух с половиной человек только при очень богатом воображении можно трактовать как избранность «творца». Доступность красоты замысла соизмеряет радость восприятия с экстазом творчества. Для наслаждения искусством желательно быть художественно образованным человеком».

Искусство как «неосознанная исповедь человечества» (М.К. Мамардашвили) всегда нетерпеливо к грядущему и старше политики, однако директивным образом от нее зависит. Политика – ровесница классов и не являет сущностно-глубоководную природу готового к подвигу и преступлению человека. Обуславливая взаимоотношения между членами рода людского, она начинается там, где заканчиваются полномочия традиции и морали.

Недружелюбие капитализма, играющего на дудочке гуманизма, как экстраполяции христианства (по М. Веберу) или еврейского духа (по В. Зомбарту) к Искусству проблематично одолеть на почве самого прекрасного. Нет на свете каждому по Солнцу и этюдные импровизации не всегда совместимы с логикой мастеров политического гипноза. Буржуазия («жители города») с иногда нескромным отсутствием обаяния дисциплинировала «мятежные» аллюры в искусстве.

Стоящий на ступени «чувственной достоверности» буржуазно-фетишистский рассудок скользит по поверхности и не очень активно

абстрагируется от действительности, чтобы глубже в нее проникнуть. О том, что антигуманный рынок не порождает святые ценности, догадывался в «Теории нравственных чувств» (1759 г.) Адам-2 (Смит) и, быть может, Адам-1 (Библейский).

Интеллект и таланты оборачиваются в «чувственно-сверхчувственные» вещи-товары с «роковым применением». Тайну товарного фетишизма раскрыл незабвенный К. Маркс. Основоположник отмечал, что в капиталистическом обществе «Писатель является производительным работником не потому, что он производит идеи, а потому, что он обогащает книгопродавца, издающего его сочинения, т.е. он производителен постольку, поскольку является наемным работником какого-нибудь капиталиста»¹²⁶.

Этот же закон неумолимо действует в других областях художественного творчества.

Немецкий композитор и дирижер Р. Вагнер через год после «Манифеста коммунистической партии» (в 1849 году) выпустил небольшой труд «Искусство и революция» (нем. «Die Kunst und die Revolution»), в котором утверждал, что возратить людям всю полноту свободного искусства может только великая и всемирная Революция. Эта работа была обращена ко всему умственному пролетариату Европы. По мнению автора, идея единения всех видов искусств («Gesamtkunstwerk») как подобие всеохватывающей любви, дает шанс на рождение цельной драмы, способной преобразить душу человека. Данное творение будет истинным потому, что создано не из эгоистических побуждений, которые искажают любое искусство, а из высшей и общей потребности людей, из их любви к искусству и ко всему прекрасному.

О софизации буржуазного сознания неоднократно сообщал и владеющий искусством писать между строк Гегель: «В наше богатое рефлексией и резонирующее время человек, который не умеет указать хорошего основания для всего, что угодно, даже для самого дурного и превратного, должен быть уж очень недалеким. Все, что есть в мире испорченного, испорчено на хороших основаниях»©.

Все равны перед Богом. Масштабно-радикальные идеи народились в наблюдениях за излучающими формами материи. Звезда по имени «Солнце» отдает свою энергию совершенно безвозмездно для всех жителей планеты Земля. В несжимаемых до газетной статьи диалогах мудрец Платон излагал не только собственные идеи, но сокровенные мысли Сократа. Он не считал свободное развитие каждого условием свободного развития всех, однако в произведении «Государство» представляет, как должен выглядеть быт воинов: «...прежде всего, никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости».

И в самом совершенном обществе иногда умирают невинные дети, однако классовой сферой ампутируются гармония и всесторонность существования. Подлинное творчество детонирует протест и отрицает мир раба-господина.

¹²⁶ Маркс К. Сочинения Т 26 Ч.1/Маркс К, Энгельс Ф. – 1962– С. 139..

Искусство для художника – не существительное среднего рода, а кровосмесительный глагол, пробуждающий чувствительность к социальным изъяснам. Искусство как социальный ингредиент обнажает реальность и сотрясает ложные идеологические убеждения.

В чеховской «Палате номер шесть» отсутствуют радикальные идеи, однако ни в одном из прежних произведений автор не поднимался на такую высоту художественной красоты и серьезной, глубокой и ясной мысли, как в «Палате номер шесть». Данная повесть помогла В.И. Ленину стать революционером.

Сохраняя дистанцию от сюжета о первичности материи, следует заметить, что искусство есть возвышающий обман, однако без него невозможно жить. Большое искусство не требует признания артпродуктов за действительность и осуществляет идеалы здесь и сейчас. А правда не всегда есть художественное достоинство. Природа искусства позволяет человеку – пусть в воображении – вырваться за пределы сущего и предпринять радикальный шаг в зоне идеального.

Трудно промолчать, что всякое неродовое общество реально и ирреально одновременно. Мечты и идеалы свершаются не только в искусстве, но и в социально-политических изломах. Абсолютная обусловленность от жизненных обстоятельств изготавляет рабскую ментальность, а полная абстрагированность от нечеловеческого бытия формирует сознание стойка.

Утомленное рабское мировосприятие есть цепь, сковывающая личность. [Рабство](#) унижает [человека](#) до того, что он начинает [любить](#) свои оковы. Стоическое сознание освобождает человека. Однако эта воля – символическое плацебо, ибо отвлекающийся от реальных проблем субъект бессилен перед антиподитичной действительностью. Не изменяя реальность, индивидуум-терпила впадает в подобие сомнамбулизма. Так сознание оказывается на пороге скептицизма.

Ветхий и Новый Заветы всячески смягчали участь раба. Рекомендовалось брать плебеев из иноплемеников. Владелец должен был отпускать купленного раба через шесть лет после его использования по прямому назначению (Исх. 21,2), купленную для рабства чью-то дочь, если она лишается в доме «пищи, одежды и супружеского соития» (Исх. 21, 10-11), а также раба, которому выбили глаз или зуб (Исх. 21, 27).

Одним из высоких качеств является искусство распознавания момента, когда смирение и стоицизм превращаются в порок раболепия. Нет смысла жизни ни в отрешении от себя, ни в жизни для себя. Испытывать свою фортуна важнее, нежели сбергать невозмутимость духа. Выход из конфликтной ситуации там же, где и вход – от созерцания мира *человек должен перейти к его улучшению*. С самого рождения обреченный на генеральный экзамен по входу в Вечность индивид должен взбунтоваться. Все великие гуманисты варьировали бодающихся Ното с особым «сгибом» ума и воли. Одной из мировых вершин айсберга бунтарской литературы стал благородный разбойник Робин Гуд.

Сама по себе красота, законсервированная в наличном состоянии, не имеет высокой ценности. Истинно красиво то, что хочет себя преодолеть.

Красота не совершает революций, однако вздрагивающая «повивальной бабкой» насилия политика ощущает потребность в эстетике. В периоды исторических разломов поэзия предшествует прозе. Закономерный вопрос любого радикального движения – как определяемся «мы»? Прочитавшие кубометры мудрых книг редко приходят в революционный экстрим. Так не всегда поступает даже самое ценное кадровое меньшинство. Основной массив повстанцев прибывает через эстетику. «Мы» – это те, у кого мир возбуждает эстетическое отторжение. На огонек революционной красоты, как чайки на маяк, слетаются «свои». Эстетика тянет за собой политику.

Можно вспомнить тезис В.Э. Мейерхольда о том, что любое произведение любого вида искусства в основе своей *тенденционно*, так как стремится активно воздействовать на воспринимателя. И – сделать глубокое умозаключение, что практически всякий арт-продукт подпадает под понятие «Агитация и Пропаганда».

В большой массе ослабляются интеллектуальные функции и усиливаются эмоциональные реакции, она становится менее критичной и более внушаемой. На баррикадах часто звучат страстные смехотворные призывы. Эмоциональный интеллект массы пропорционален ее размерам. Массивы ликующих и агрессивных людей образуются легко и почти одинаково.

Эмоции искусства не всегда укладываются в «катарсис» и иногда стремятся к действию. Музыка и песни – не только аудиальные свидетели эпохи, но и духовное оружие политического гротеска с всенародным колебанием стремящегося к хлебу и зрелищам плебса. Слово вызывает чувство, а музыка – откровение без рациональных аргументов и доказательств. Музыкальная ткань синтезирует мгновение и Вечность. Не все творцы «обязательно» были голодными, однако и формула «будет хлеб – будет и песня» не имеет запаха Универсалии.

Охваченный жадой всеожожения Поэт и Гражданин Эжен Потье уловил притягательные черты ласточки Парижской Коммуны и назвал свой культурно-политический хит «Интернационал» (муз. П. Дегейтера). Данное произведение звучит по ведомству «реализм» и не поддается модернистской аранжировке. Вопреки иронистам, мажорные слова (перевел на русский язык А.Я. Коц) и мелодия актуализируют макро- социальный аспект эстетики. Как символ и оружие борьбы, этот не оранжевый продукт духа стоит вместе с красным знаменем, пяти- и шестиконечной звездой, изображением серпа и молота.

За семьдесят два дня пролетарской весны и потоков французской крови красное знамя утвердилось как притягательно-объемный образ. Красный – основной геральдический цвет бунта, восстания и борьбы. Вероятно, раннекрманьонский Ното и измочаленный раб воспринимали проливаемую во имя сакрального кровь как воплощение самой жизни и верили в магию красного цвета. Алые цветы, плоды и предметы заменяют кровь во многих обрядах и обычаях.

В результате анализа французского политического всплеска систематически живым ленинским самосознанием был сотворен «мир- дух» под названием «партия качественно нового типа». Возбудителем очагов

политического действия и организационной пружинной шлифовки-консолидации убеждений стал печатный орган «Искра». Архетипично-агитационный язык революционной публицистики на страницах бумажной газеты идеологизировал обыденное сознание.

Образы мятежной природы, материал народного творчества, песен, сказок, пословиц и поговорок, а также термины «азиатчина» и «азиатский деспотизм» использовались партийным вождем-публицистом на таких же правах, как и цитаты классиков.

В шушенской ссылке Владимир Ильич вступил в законный брак с Надеждой Константиновной, делал пометы «NB!» на полях работ Гегеля и Маркса, а также периодически перечитывал русских классиков.

«Профессиональные революционеры» с огнем внутреннего недовольства совсем не онегинского толка воспитывались на картинах передвижников со струей сатиры, молились в теории и слегка отвергали на практике рабоче-крестьянские массы. Революционер по профессии не работал на полставки доцента или дворника, отстаивал право марксиста мечтать и стал демиургом истории.

Одержимость идей революционного левого поворота пренебрегает трезвым анализом возможностей- последствий. Не маленькая революция продуцирует новую нравственность. Дышащая драмой и водкой Россия-Евразия без олигархов услышала Зов Космического Беспредельного. Многотысячные жертвы на алтаре ищущей не среднего, но *последнего* пасхально- коммунистической веры, должны были доказать магическую связь между идеальной политико- эстетической формой и ее реальным воплощением на одной шестой части суши. Sic.

Соблазны насилия и роль Истории в личности

Образ будущего с сакраментальным вопросом «Что делать?»– сущностная потребность пост- потопного человечества. Любую крупную политическую фигуру История оценивает и по прогностическим способностям. Быть может, неслучайно латинские слова «futurum» (будущее) и «fututio» (половой акт) являются однокоренными. Будущее представляется то веселым младенцем, то облаком, то Солнцем, то резиной стеной, но только не таблицей с графиком.

Процесс воплощения утопического идеала как социального проекта обуславливает превращение мечтателей-романтиков в «субъектов Истории». Во имя Справедливости не обязательно съедать всех людоедов, однако борьба за высокий Идеал с собственным временным или постоянным правительством – это не фантастические вымыслы. Практикам-революционерам нужны человеческие и материальные ресурсы для «строительства моста Революции через реку Эволюции». Надежда не умирает никогда.

Революция есть одновременное отрицание и свершение. Для ее успешного завершения необходимо соединить путеводный разум Идеи и грубую народную силу. Революция включена в историю, а бунты и мятежи остаются лишь единичными событиями («Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе»). Социальные революции снимают – пусть на время протекания самой революции – власть денег, бюрократии и сословное неравенство.

Любой словарь скажет, что французское «revolution» означает «скачкообразный переход в иное качественное состояние». В средневековой и ренессансной астрологии под словом «революция» подразумевалось возвращение звезды к своему изначальному состоянию. Социальная революция представляет собой в конечном итоге возвращение социума к «самому себе».

Быть может, слова «революция» и «ревью» являются однокоренными. Эстрадный термин «ревью» переводится с французского языка как «панорама», «обозрение» и образован от глагола «revoir», что означает «снова увидеть», «посмотреть назад».

Возвращение общества к «самому себе» невозможно без социального воображения и преодоления исторической инерции. Всем великим социальным сдвигам предшествовали периоды глубинной работы духа. Вместе с тем, достаточно мощный поток энергии неизбежно несет в себе и противоположный потенциал – в радикальных изломах присутствует магия насильственного хаоса.

Всякая революция как малый апокалипсис истории поднимает к творчески- преобразовательной деятельности широкие слои, возвышая их до совместных сознательных и позитивных действий. Революция выдавливает из субъектов социальных преобразований не только раба, медузу и амёбу, но и «хама»*. Главный пафос революции – созидание, приращение бытия, восхождение к истине.

Заглядывая в черно-белые пятна истории, можно отметить, что от взятия Бастилии до штурма Зимнего дворца революции представляли собой не только великие идеи радикального переустройства мира, но и практические *насильственные* действия. В определенные исторические вехи насилие становится горькой необходимостью. Сюжет революции практически всегда один – «мир- хижинам, война- дворцам». Генератором исторических событий является возбуждение бедных. Власть должна быть несправедливой, жестокой и преступной, а оппозиция – справедливой, гуманной и «волевой».

Революция как воплощенная парадигма утопии есть насилие против

* Именно в этом состоит отличие революционеров от преступников, хотя «водораздел» между «низкой политикой» и преступностью часто провести достаточно сложно. «Главный бес» Петр Верховенский говорил в порыве откровенности: «...Я – мошенник, а не социалист». Славянское *бес* обозначает буквально *без*, а дальше могло следовать любое положительное понятие. В черновиках к роману «Бесы» Ф.М. Достоевский главного героя прямо называет С.Г. Нечаевым.

государственного насилия. В историческом процессе и победитель, и побежденный – одно и то же общество, а результат разрешения противоречий – обновленные социальные отношения и перераспределение административно-политических ресурса. Одна из великих истин состоит в том, что насилие всегда было и всегда будет. Все империи-холдинги опирались на мессианское призвание и создавались с помощью силы. Современное общество не защищает человека от насилия. Лучшее, на что оно способно – время от времени психотерапевтически утешать пострадавших.

Еще в очень глубоком плюсквамперфекте о проблеме насилия рассуждал заметный китайский мыслитель Конфуций, доказывая, что без одного невозможно существование государства. Он сравнивал идеального правителя со строгим, но справедливым отцом, поощряющим своих детей (у правителя – подданных) за хорошее и карающих за дурное.

Легисты (от лат. *lex* – закон) отрицали этику Конфуция и верили в необходимость насилия для создания порядка. Адепты римского права полагали, что для Поднебесной империи следует установить единые и неизблемые уголовно-административные законы. Единственное исключение из этого правила – верховный правитель, которому подчиняется все сущее. Единственно верное наказание для инакодумцев – смертная казнь.

В гомеровской «Илиаде» человеческая душа показана беспомощной и ослепленной, «спрессованной» под гнетом Силы, которой *Homo Sapiens* хотел распоряжаться по своему усмотрению. В десятилетней войне погибли почти все троянские и греческие герои. Чудом уцелевший Одиссей застал на родине разграбленный дом и бесчинствующих гостей.

Будучи противником тирании, Платон не занимался теоретической защитой прямого насилия и принуждения. Поэтому исполнительская дисциплина в государстве выводится из «естественного порядка вещей», то есть из собственной сущности. Однако для повышения удельного веса общественного блага гос-структура должна быть жесткой.

Как отмечал К. Маркс в «Капитале», «насилие является «повивальной бабкой» всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»¹²⁷.

Русский философ И.А. Ильин в работе «О сопротивлении злу силою» аргументировано критикует учение Л.Н. Толстого о непротавлении. Писатель и публицист считает, что за неимением других средств человек не только имеет право, но и обязан применять силу. «Насилием» же, согласно Ильину, оправданно называть только произвольное и безрассудное принуждение, направленное ко злу©.

Христианская заповедь «кроткие наследуют землю» не всегда подтверждается реальностью. Мир, наполненный людьми, которые умеют только любить, – практически невозможный вариант. Сила бывает не-справедлива. Но справедливость часто бессильна. Русские цари становились вождями, если командовали армиями в период военных борений.

Социальное насилие становится действительностью, если возникает

¹²⁷ К.Маркс. Сочинения. Т.23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1970. – С.761

взаимодействие людей, относительно равных в своем природном бытии и не равных в бытии социальном. Реальное насилие можно рассматривать, с одной стороны, как сущностный элемент легитимной государственной власти, а с другой – как радикальные социальные сдвиги и выход за пределы возможного.

Одним из методов борьбы с превосходящими силами противника является партизанская война. Данный способ ведения боевых действий есть эволюция в сторону большей идеальности и меньшей материальности. Китайский поэт и философ коммунистической ориентации Мао Цзедун использовал аргументы легистов для придания себе веса в политической борьбе и обожал нелинейную игру под названием «го». В военном конфликте в Маньчжурии (1948 г.) он партизанскими методами одолел превосходящие силы противника под командованием профессионального стратега Чан Кайши. Текучие и подвижные отряды Мао никогда не объединялись, что чрезвычайно затрудняло ведение против них полномасштабных боевых действий.

В поединке интеллекта с грубой силой и агрессивней эффективным оружием могут оказаться импровизации на тему капитуляции и белых флагов. Главной целью при этом является получение выигрыша во времени и пространстве для подготовки ответного маневра.

В сентябре 1812 года в подмосковной деревне Фили после бурных дебатов русского генералитета главнокомандующий М. И. Кутузов принял ответственное решение о сдаче Москвы французам для изматывания войск французского императора и подтягивания резервов. Мудрость, любовь к солдатам и военный талант фельдмаршала заставили всех поверить в целесообразность решения. Оставление Москвы сыграло решающую роль в итогах войны.

Оборотной стороной капитуляции является мученичество, самопожертвование и самосжигание. В целом это не очень четкая и продуктивная тактика. Тысячи мучеников остались неизвестными и их страдания никого не воспламенили. Мученичеству чуждо понятие катарсиса – это трагедия утешения, а не очищения. Разврат и скандалы отдельных мастеров амвона с очень большой условностью можно считать торжеством дела первомучеников.

Во главе великих свершений явно или неявно стоял изобретательный инициатор – в современном понимании топ-менеджер проекта, ищущий ключ к сердцу массы. Вожди появляются в ответ на массовый потребительский спрос. Пребывание в зоне дискомфорта (ссылки-аресты и лишения-воздержания) создает абсолютный дух харизмы и очень украшает революционных лидеров от Ленина до Гарибальди и от Каддафи до Манделлы.

Вовремя прочитанная книга – огромная удача. Одухотворенный романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?» В.И. Ленин и новая интеллектуально-активная структура без коллективного членства были неслиянны и нерасторжимы. Мир реальности не всегда живет по пергаментам и фолиантам. Однако житие-бытие иногда подражает искусству и в литературном образе можно увидеть одухотворенного реализатора со сверхзадачей.

Согласно освежающей русско- революционной мысли, членом партийных единоверцев считается тот, кто вслед за Гегелем и Марксом разделяет идею,

не требует от всего сущего абсолютной архидевственности, помогает материально и несет *личную ответственность* за конкретное дело. Данная команда мечты весомо обогащала проблему профессионализма, совмещала идеальную стратегию с реальной тактикой и знала ценность новых прямоезжих политических путей.

Нота bene: замысел партийно-центричного Ленина становится более ясным в свете перевернутой им формулы милитариста и последователя немецкой классической философии К. Клаузевица: «Политика есть продолжение войны иными средствами». Первая мировая война стала детонатором радикально-революционных сдвигов 1917 года.

Вождь фракции большевиков В.И. Ленин самым тщательным образом изучил не только учение Маркса и Энгельса о революции и восстании. Главный теоретик и практик большевизма проштудировал немало книг по военному искусству и технологии вооруженной борьбы.

В поздне-советской империи все по вечерам собирались там, где намекал и подмигивал сатирик, а современные ученые и ветераны «бархатного» и «оранжевого» движения испытывают робость перед значимостью такого феномена, как революция. Ибо оно вызывает необходимость выяснения *смысла* российской и мировой истории. Идея революции лишилась сакральности и превратилась в один из видов прибыльного бизнеса. Однако довод от революции часто используется для оправдания негативных радикальных сдвигов: «А вы что хотели? Это же революция!».

Очень большие трагические последствия имели насильственные действия ограниченного контингента Вооруженных сил СССР против Афганистана (1979-1989 гг.). После Саурской (Апрельской) революции (1978 г.) новой властью стала Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Афганистан начал строить социализм в крайне нестабильной внутренней обстановке. Главным оппонентом социалистического правительства стали радикальные исламисты, объявившие ему священную войну (джихад). Были организованы отряды моджахедов, с которыми активно и сражалась Советская армия.

У высоко-чувствующей интеллигенции (включая советскую) сознание обычно определяет бытие. Академик-пацифист А.Д. Сахаров считал данную войну политической авантюрой, осуждал ввод танковых колонн в Кабул и был отправлен на «перевоспитание» в город Горький.

Еще более страшной трагедией, по мнению маститого ученого, могли быть результаты мировой термоядерной войны. Эти опасности А.Д. Сахаров обозначил в своей относительно ранней самиздатовской работе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968 г.).

Площадь зоны пожаров при взрыве среднего термоядерного заряда в десятки и сотни раз больше, чем у хиросимской бомбы. От взрыва одного такого заряда на площади 100 кв. км возникает зона сплошного разрушения и огня, миллионы людей гибнут от огня и радиации, задыхаются в пыли и дыму. В случае наземного взрыва выпадение радиоактивной пыли создает опасность смертельного облучения на площади в десятки тысяч квадратных километров.

Атмосфера и ужасы атомной войны отразились в художественных

фильмах «На следующий день» (1983, реж. Н. Мейер), «Письма мертвого человека» (1986, реж. К. Лопушанский).

Говорить о победе в термоядерной дуэли бессмысленно. Термоядерная война не может рассматриваться как продолжение политики военными средствами (по формуле К. Клаузевица), а является средством всемирного самоубийства. Новые технические средства требуют «соответствующих» целей. Ядерное оружие имеет смысл только как средство предупреждения ядерной же агрессии потенциального противника.

Олицетворением мира является голубь, несущий оливковую веточку и, быть может, пчела, сидящая на цветке.

В общем и целом адекватно оценивая преимущества и недостатки социализма и капитализма, советский ядерный академик приходил к выводу, что только интернациональная конвергенция (сближение) обеих противоборствующих систем могла бы стать кардинальным решением проблем мира и сохранения человечества.

Уже в земной жизни научный лидер с умом мыслителя и душой ангела был вознесен на уровень символа высокой морали. А.Н. Сахаров повышал концентрацию добра на удельный человекометр. После его отхода в вечную жизнь (декабрь 1989 года) вся прогрессивная общественность оплакивала смерть человека, которого инакомыслие сделало почти святым.

Можно без юмора отметить, что революционеры обычно не используют ядерное оружие. «Положительное saldo» в балансе разрушительных и созидательных возможностей революции в конечном счете обеспечивала добрая человеческая природа. Современная философия утратила ориентации «революционной» парадигмы и позитивной утопии. Данный кризис связан с разрушением главного основания – веры в божественную сущность человека.

И в самом деле: за счет чего же возможно положительное приращение бытия, если «постмодерновая» культура не имеет под собой никаких нравственных оснований и оказывается рафинированной иллюзией или чистой случайностью? С этой точки зрения вполне логичен вывод, что современные изменения – это путь *«в никуда, в пустоту и ничто»*.

Дискурс конца революции вполне укладывается в ряд других «концов»: «конец истории», «конец философии», «конец человека». Бессистемность и «безопорность» принципиально изменяет видение будущего. Человеку суждено жить в непрерывно меняющемся, зыбком и неустойчивом мире – без смыслов, без идеалов и государственной идеологии, без Богов и без самого себя.

Однако, как отмечал в работе «Философия надежды» немецко-американский философ Э. Фромм, «надежда представляет собой решающий элемент каждой попытки осуществить общественное преобразование, направленное на то, чтобы человек стал более здравомыслящим и жизнерадостным»¹²⁸.

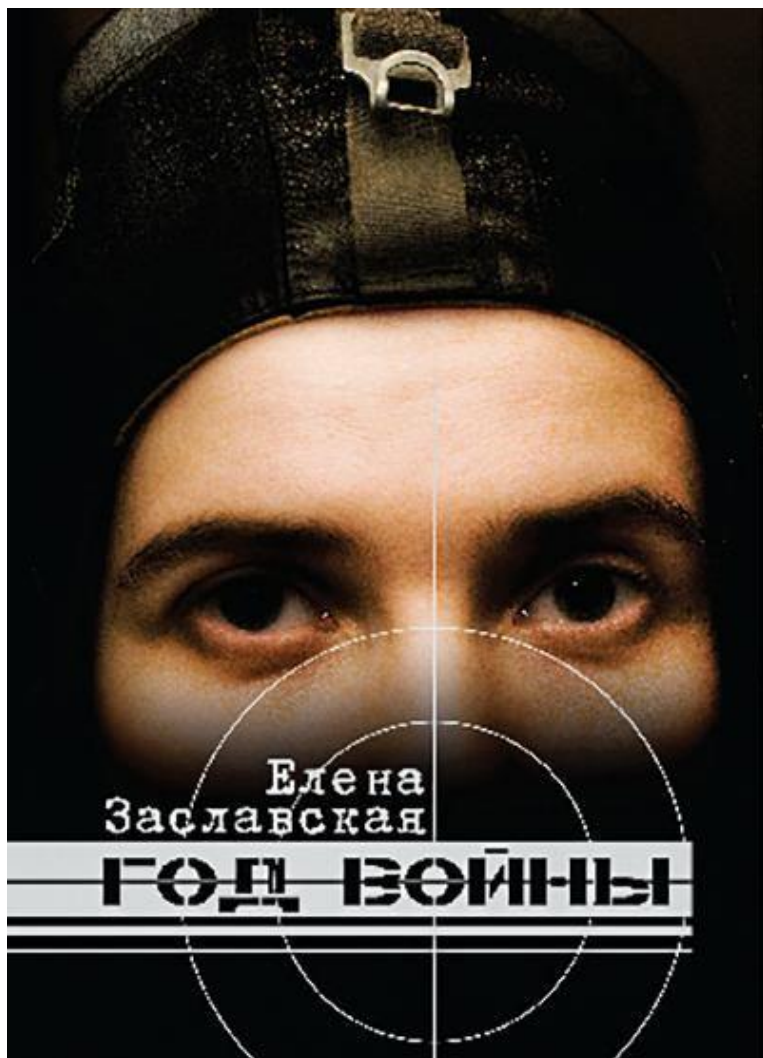
Философия и наш Отец Надежду всем дает.

Надежда не умирает никогда.

Раздел Четвертый. ИСКУССТВО как МЕТАФИЗИКА

М.П. Чернышева

День Культуры на фоне сражений...

1. Олег Пустынников

Вчера, 17.04.2023 г., люди, знающие об этом празднике, отмечали День культуры. Нас пригласили на концерт в Дом офицеров. Бесплатный. В программе композитор Олег Пустынников, замечательный мелодист, симфонист, замечательный пианист и потрясающе точный переводчик стихов и прозы Ивана Алексеевича Бунина с языка литературы – на язык музыки. Рахманиновский стиль письма придает произведениям Олега Пустынникова очень русский характер, и по звучанию и по сути.

Автор подчеркивает преемственность своего творчества в «Фантазии на тему романса С. В. Рахманинова «Весенние воды» и в пьесе «Гимн красоте», рисующих многоликую Природу, весёлые трели вешних вод и неукротимый мощный ход Весны. Светлую и легкую «с грустинкой» музыку вальса «Ларисе» и «Весеннего вальса» сменяют пьесы для чтеца и фортепьяно, «музыкальные переводы» рассказов Бунина и романы изысканного рисунка. В романсах автор находит новые выразительные средства, чтобы показать музыкальность литературного языка И. А. Бунина: голос певца начинает романс и музыка постепенно «вплетается» в текст, растет, ширится, заполняет пространство, улетает в даль, «истаивая» до еле различимых отзвуков... В творчестве Олега Пустынникова ясно прослеживается идея *единства Культуры и Природы как основы бытия*.

2. Елена Заславская

В приподнятом настроении возвращаемся домой. В электронной почте ждет послание. В нем Сборник луганской поэтессы Елены Заславской «**Эти русские**. / *Обойма стихов о войне и любви*. Луганск. 2022 г. 216 стр.» Как выстрел в упор, в самое сердце читателя. Такими, наверное, были поэты древности: обнажали суть вещей и событий, вершили судьбы человека, народов и государств. Название книге дало **стихотворение Заславской «Эти русские мальчики не меняются**.

Автор понимает весомость своих стихов. В прозаической преамбуле она пишет: «И каждый новый день заново ставит нас перед вопросом: ради чего всё это, почему мы не сдаёмся, что дает нам силы стоять, не сдаваться и надеяться на победу. И проживая каждый день, мы самой своей жизнью заново отвечаем на эти вопросы. Это *наша культура, наша память, это родной язык как сокровищница смыслов, это звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас*» А её: поэзия и любовь, связывающие всё в человеке и разных людей между собой.

Как и у композитора Олега Пустынникова, у луганского поэта культура, язык и поэзия в числе приоритетных жизненных ценностей, основ бытия. Ясное понимание важности её поэзии, соавтором в создании которой явственно выступают высшие силы, у Елены Заславской подчёркнуто в двух посвящениях, адресованных разному времени бытия: прошлому и будущему («Моему отцу и моему сыну») и настоящему («Посвящаю эту книгу защитникам нашей земли»). Оно стоит первым.

В сборнике представлены стихи военного периода, 2014 – 2022 годы. По тематике они образуют небольшие разделы под названиями Земля, Мальчики, Звезда Бетельгейзе, Девочки, Память, Мир, День Z и, ещё раз, Мальчики. Это замечательные по форме, метафоричности и языку стихи, в каждом есть свой «фракурс жизни», – прекрасный, иногда – страшный, но всегда глубоко осмысленный умом и сердцем. «Весна. Внезапная, как смерть / Миг: почки брызнули, как слезы. / Идет стремительный апрель, / Цветут в Луганске абрикосы./

Бытие на границе жизни и смерти приводит к пониманию философии жизни: «Здесь каждый день, что явлен нам, – бесценен / и может быть последним днём» (*Скорость*, 2019), и философии любви «Ведь чтобы выжить – нам нужна причина, / и чтобы умереть – нужна причина. / А для любви причины не нужны» (*Когда-нибудь*, 2017); «На Земле, где боль непреложна, есть любовь, / и она неизбежна» (*Летучий голландец*, 2019).

Большинство стихов невозможно раззять на цитаты, вынуть хотя бы слово-кирпичик без боязни потерять много-смысленность и много-чувственность, цельность замысла автора. Сборник, кроме того, можно рассматривать как руководство по использованию разного рода тропов в современной русской поэзии. В стихах автор мастерски владеет словом, широко использует аллгорию, гиперболу, перифраз, метонимию, анафору и эпифору, олицетворение и метафору. При всём том стих не перегружен по звучанию, музыкально изящен и ёмок по содержанию.

Нина Ивашенко, редактор сборника «Эти русские», напечатанный в «Аргументах недели», рассказывает, что в Донбассе Елена Заславская не единственная поэтесса. Продолжает существовать и культура в Луганске, тому свидетельство: три библиотеки, театр, музыкальные концерты и литературное объединение. Культура, как и природа, – условие существования человека.

Точно сказала Заславская : «Сколько счастья! / я жива и вечно буду!»

СТИХИ ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКОЙ

ГРАНИЦЫ

Нас разделяют границы
Линия фронта. Линия жизни.
Мы будем друг другу сниться,
Это всё, что осталось нам ныне.

Я ничего не забыла...
Но снова – в который раз -
Обрывается связь мобильная,
Остаётся сердечная связь.

Ни прощения, ни отмщения,
Только боль распиная грудь.
Не осталось путей сообщения,
Только Млечный Путь .

И по звёздам, что в небе светятся,
Через взорванные мосты
Я лечу к тебе, чтобы встретиться
У взятой тобой высоты.
2014

БЕЗОТВЕТНЫЙ ЗОВ

Вот слово падает в зияющую бездну,
Летит, летит, летит, а дна всё нет.
И мальчики смеются у подъезда,
А девочки хохочут им в ответ.
Во мне ж такая тишина, что слышно
Свободного падения словес
Гудение, и слышно, как ты дышишь
Во сне, не здесь,
а где-то там, на грани,
Где сон и вечный сон,
И всё, что я могу сказать словами,
Я говорю в бездон-
ный кос-
мос.
Не зная, когда и от кого
Услышу я ответ.
2020.

НАШ ЛАНДШАФТ

В густом тумане сонная долина.
Смурные хаты вгрузили в чернозем.
Почти не различима надпись: мины
И козам нипочем.
Куда мы едем? Ведь ни зги не видно.
Куда бредем мы вечно наугад?
Давно осталась в прошлом Украина,
Но все еще не виден Святоград.
На этом историческом разломе
Опять в огне войны Донецкий кряж,
И бабы скифские, как древние мадонны,
Взирают снисходительно на нас.

ЭТИ РУССКИЕ

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, «русская рулетка».
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.
Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
Пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.
Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.
Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.
А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они – православные,
Русские и после молитвы встанут с колен.

ДОНБАССКАЯ ПАСХА

А по посёлку Фрунзе лупят грады.
С донбасских сакур облетает цвет.
И баба Ната у разбитой хаты
Глядит на свет.
А лепестки, как ангельские перья,
Летят и кружатся под вражеским огнём
И дед Иван из своего бессмертья
Её прикрыл невидимым щитом.
А Благовест звучит сквозь канонаду
Христос воскрес... посреди войны...
Спасите, русские солдаты, бабу Нату!
Донбасской Пасхи
Верные сыны.
2022

ВЕСЕЧІЕ ПАСХАЛЬНІЕ

Небо стало синим-синим
В миг единый после ливня,
Так умытое водою
Светит нам лицо родное.
Невозможно насмотреться.
Мир пасхальный. Мир весенний.
Открывается нам, смертным,
Божья правда Воскресенья.
Невозможно надышаться.
В каждом вдохе — жизни чудо.
Сколько счастья! Сколько счастья!
Я живу и вечно буду!
2020

Буква «И десятиричное».

*Величие народа в том,
Что носит в сердце он своём.*

А.Н. Майков.

Рис. 1. «Репер» буквицы «Земля»

1. Буква «И десятиричное» связывает в цельное единство предшествующие буквы с числовыми эквивалентами 6 (Зело), 7 (Земля), 8 (Иже) и 9 (Фита) примерно так, как замысел о жизни связывает воедино дни творения (Быт. 1).

Общее свойство букв «Зело», «Земля», «Иже» и «Фита» – принадлежность к функции управления, формирующей страны и народы. Буква «Зело» обозначила управляющую миссию знамения, как напоминания о будущем. Знамение – подключение к каналам связи как рациональным, так и не рациональным. Знамение в тексте «Илиады» – знак того, что *не свершиться не может* (1.527). Имяслов

«Земля» отображает представление о способе управления силой закона, приказа, договора, стандарта вплоть до угрозы лишения места и голода. Буква "Иже" обозначила управление посредством мотивации. В образной подаче вполне рационального знания о жизни социума образ ума и мотива – река, на которой стоит город. Отойди река от города – и он обречён. Буква θ «Фита» – знак между-царствия, управляющего мотивацией. Звёздный образ междуцарствия – пояс Ориона. Пояс Ориона – граница и «интерфейс» двух его трапеций, отображающих представление о странах небес и странах земли. В междуцарствие и стимульное поле мотивации, обозначенное буквой «Фита» и поясом Ориона, входят архетипы, храмовая архитектура и церемонии, язык, фольклорное, мифологическое, научное мировоззрения. «Дирижёрская палочка» четырёх названных видов управления – **буква Ī: "И десятиричное"**.

«Маячки» прописной и строчной букв Ī (рис. 1) – отображение общей задачи управления людьми: координировать процессы и упорядочивать направленное

Рис. 2. Церемония приношения столба Джед богине Исиде царём Сети I (XIX династия, 1290...-1279 годы до н.э.). Увенчание колонны повторяет увенчание верховных богов (рис. 3)

Рельефное изображение в храме Сети I в Абидосе, культовом центре Нового царства Древнего Египта.

движение больших количеств квазинезависимых частиц. В физике такое стройное движение называется когерентностью. Упорядочение и согласование многого и разного, применительно к работе и морфологии сознания, моделируется и днями творения (Быт. 1). Значение принципа организованного развития отображается также египетским символом Джед (рис. 2). Его форма положена в основу начертания буквы Ё. Под третьей полкой колонны изображались оба Ока с их бжостительной символогией. Точками над Ё могли подразумеваться не только когерентные водные потоки, разделённые мировоззренческой твердью (рис. 3), но и оба Ока.

Столб Джед – идеограмма, выразившая знания об условиях устойчивости и совершенствования страны и власти. В древнеегипетском искусстве образов и подобий Джед ассоциировался с позвоночным столбом бога Осириса, сначала создателя злаков и стад, затем укрепителя истины, а в итоге – владыки бессмертия. В последовательности позвонков отношения порядка, в котором выражается действие управления и власти, дополняются отношениями преемственности.

Отношения порядка в идеограмме Джед подчеркнуты четырьмя полками колонны. Порядок, мыслившийся египтянами «водой изобилия», наполнил пониманием имяслов «Добро». Для инженера-механика четыре полки конструкции колонны с радиусами под ними – признак телескопического устройства. В устройстве отношения порядка, организующие царство, его стабилизирующие и гармонизирующие, пере-
оформляются в отношения вложения и следования элементов телескопического механизма, также являющиеся отношениями порядка. Оба вида отношений порядка строги и обладают свойством единственности. Таким же отношением следования упорядочивается позвоночник. В позвоночном столбе, как и в телескопическом сочленении, прослеживается и подобие его звеньев звеньям династическим.

Воздвижение колонны Джед (рис. 2), графического и смыслового прообраза буквы Ё, сопровождало празднества коронации и обновления сил царя. В календарной обрядности индийской название праздника – «самарамбха». На языке хинди перевод части «сама» – «равное». Части «арамбха» – «зачин». Народными праздники называются потому, что воспроизводят представления о событиях и силах, благодаря которым мир приходит в движение, и жизнь начинает и продолжает своё существование;

Рис. 3. Бог-сокол Гор в «двухпоточной» короне верховных богов Древнего Египта. Волны короны – отображение когерентности. Транскрипция образа в книге «Бытие» – твердь и разлучение ею вод во второй день творения. Старое царство, VI династия, ок. 2300 года до н.э. Иераконполь. Египетский музей. Каир.

ассоциируются с той же порождающей функцией, что и акт творения. Архитектор Огюст Рикар де Монферран пресуществил смысл непрерывного воспроизведения начала творения, выраженный колонной Джед, в Александровской колонне с фигурой царя-ангела на Дворцовой площади Санкт-Петербурга. Четырём полкам колонны Джед в колонне Александровской изоморфна квадратная плита под цоколем с фигурой ангела.

Рис. 4. Подкупольные колонны Спасского собора в Елабуге – пресуществление звеньев столба Джед. Первая четверть XIX века.

Телескопическое устройство – сочленение разборное. И колонна Джед истолковывается иногда как условное изображение четырёх колонн. В греческой мифологии таковые поднялись с морского дна, чтобы остановить носившийся по волнам остров, на котором богиня Лето родила близнецов Артемиду и Аполлона. Отзвук идеографического наполнения столба Джед улавливается в суждении святителя Ириней¹ о четырёхчастности и о живоначальности Евангелия: *“Ибо поскольку есть четыре стороны света, в котором мы живём, и четыре главных ветра, и поскольку Церковь рассеяна по всей земле, а Евангелие есть столп и основание Церкви и дыхание жизни, то и оно должно иметь естественно четыре столпа, дыша бессмертием со всех четырёх сторон, и возжигая заново жизнь людей. И очевидно, что Слово, зодчий всех вещей, восседающий на херувимах и связывающий весь мир в одно целое, явившись к людям, дал нам Евангелие в четырёхчастном виде, соединив его Духом Святым в одно целое”*. Имя оного Слова – Иисус. Суждению святителя Ириней следует церковная архитектура (рис. 4). С четырёх сторон дышат жизнью и возжигают работу мысли четыре главных героя – четыре меры природной склонности человека в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

ный костюм. Сарapulский музей-заповедник.

¹ Святитель Ириней принадлежит к малоазийской богословской традиции, восходящей к евангелисту Иоанну. В 190 году стал епископом Лиона в Галлии. Родился между 140 и 160 годами в Малой Азии. Согласно Евсевию, мученически погиб около 202 года во время гонений императора Септимия Севера.

Смысловой отблеск воспроизведения начала творения идеограмма Джед несёт в украшении женского праздничного костюма марийцев, народа Поволжья, отстоявшего свою древнюю веру в единого светлого великого бога Юмо (сравн. Юмо и Амон; святилище Ямазы-Таш и Юмо). В украшении костюма вышивкой (рис. 5) двухпоточная корона колонны Джед переместилась на грудь. Четыре вышитые разрозненные звена телескопической колонны симметрично разделили вертикалями передник.

Рис. 6. «Причальный кол» вечности колонна Джед в центре птицевидной бронзовой отливки, связанной с египетским представлением о душе Ба и о жизни после смерти. Находка на р. Ухта в Коми АССР. VIII или IX век.

В Прикамье представление о колонне Джед и о её связи с правильным основанием и смыслом жизни, с достижением вождельных полей бессмертия, обнаруживает птицевидный «чудской образок» (рис. 6). Птицей с человеческой головой египтяне изображали душу Ба, при жизни устремляющую человека в страны небес и земли. По смерти Ба излетала из уст, а по оправданию на загробном суде Осириса возвращалась в тело через глаза мумии. Чудской образок в виде птицы, прообразованный египетским восприятием души Ба, совмещает с колонной Джед фигуру человека (рис. 6).

Это совмещение обнаруживает и транслирует представление прародителей о том, что смысл жизни человека – воспроизведение им процесса сотворения мира. И что это процесс ежедневный и непрерывный. Так же в индуизме дхарма человека выводится из всеобщей вселенской дхармы.

Созвучное названию Джед слово «джати» санскрита означает рождение. Во внутригорном Дагестане таковую функцию включения в пребывающее от колонны Джед переняла высокая мачта с пустым яйцом на её вершине. Мачта – часть свадебной церемонии в цезском (дидойском) селении Сагада. Пока яйцо на вершине мачты не будет прострелено пулей представителем рода жениха, невесту не отдадут.

Число «Десять», давшее именование «И десятиричное» букве Ї – факториал числа «Четыре» ($1+2+3+4=10$). Сочетающиеся знаки числа 10, нечётный (1) и чётный (0), в состоянии отобразить сочетающиеся элементы управления жизнью. Например, создателей (боги) и хранителей (цари), виденье и слышанье, «воду орудий» (обозначаемое) и «воду знаков» (обозначение) древних египтян, ноль и единицу как числообразовательную базу двоичной системы счисления; нити основы и утка миро-воззренческой канвы...

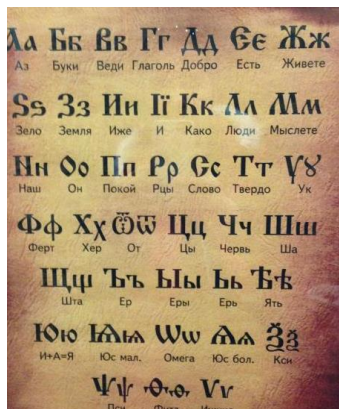
Мировоззренческая канва сводит к единой идее разрозненное во множестве единичных вещей. С помощью мировоззренческой канвы решаются задачи когерентности работы умов для воспроизведения ими процесса творения в повседневности, для каждого ума своей. По мировоззренческой канве вышиты буквы и зодиакальные знаки, возбуждающие созидательное в сознании. Знак десятый – Козерог. На него приходится зимнее солнцестояние и Рождество. В Древнем Шумере зодиакальный рыбокозёл – знак бога Энки, владыки земли и подземных пресных вод. Кроме этого Энки – и автор замысла о человеке, и устроитель спасения от потопа (*Эпос о Гильгамеше*. XI.27.).

В индуистских храмах, место Козерога в Зодиаке занимает Гайах. Усеянный множеством глаз, а потому всегда имеющий верное представление о действительности Гайах – транспортное средство космического бога Индры, силу которого нельзя превзойти.

Это сочетающееся в образах Индры и Гайаха внешнее (рис. 7), легко воспринимающееся, используется, как и буква Ё (И десятеричное), для указания на нечто более глубокое: на работу сознания, дающую место на карте мира.

Рис. 7. Не встречающий сопротивления Индра и ничего не упускающий Гайах, усеянный множеством глаз. Для худо-жественного видения мастера средоточие сущности Индры – его голова. Музей города Yogyakarta. Центральная Ява. Индонезия.

Раздел пятый. Литература как литература

=====

Геннадий Станкевич

Шоколадный заяц

Рассказ

Ленинград, 1985 год

Кому как, а для меня шоколадки рижской фабрики «Лайма» – лучшие в мире, хотя я давно уже их не ем. Но у меня растет дочка, и я люблю ее побаловать. А она любит шоколадки. Поэтому, когда я бываю в Риге, обязательно покупаю для нее целую коллекцию самых разных и, разумеется, самых вкусных шоколадок...

Вспыхнул и погас золотой петушок на шпиле собора святого Петра. Вечерело. Скоро мне на вокзал и в обратную дорогу – домой.

Маленькая кондитерская, где я обычно покупаю шоколадки и заодно уж пью кофе, была закрыта на переучет, и я направился к Центральному универмагу. Уж он-то не должен подвести – центральный все-таки! Однако универмаг приготовил мне другой сюрприз – чуть ли не от дверей закручивалась длинная очередь.

– Что такое, – спросил я у какой-то тетки, – Марципан дают? Почему мне пришел в голову именно марципан, не знаю. Ведь с таким же успехом я мог бы спросить и про апельсины.

Тетка ответила, что действительно в продаже марципан, поэтому такая очередь. «Ну, еще бы», – подумал я и решил, что обязательно достоюсь, хотя и мог купить шоколадки без очереди, в соседнем отделе. Но ведь мои домашние всерьез считают, что марципан – это такая серовато – бурая кашка в лицейских пирожных, похожая на растворимый кофе в который бухнули слишком много сахарного песка. И я давно мечтал разубедить их в этом.

Из универмага я вышел потный, уставший, но зато с хорошим настроением, марципановой обезьяной и самыми вкусными в мире шоколадками!

...С каждым перестуком колес я был все ближе к дому – к жене и дочке. Мне как-то грустно бывает без них, хотя прощаюсь я всегда с легким сердцем. Но теперь – то чего уж – заснул, как говорится, и проснулся. Наверное, поэтому я и не спал, пил третий стакан чаю, приготовленного по особому, вагонному, рецепту, и внимательно разглядывал марципановую обезьяну. Я таких еще не видел, мне приходилось покупать невыразительные фигурки каких – то «тянитолкаев», неизвестных науке. А это была самая настоящая макака! Такую даже есть жалко. Интересно, понравится ли она дочке? Я представил, как протяну ей мартышку, и тут совершенно неожиданно пришла мне на память одна история...

У меня был самый веселый, самый желанный праздник (не считая, конечно, Нового года) – день моего рождения. Это такой праздник, когда взрослые забывают на время, что они главные, – главным становлюсь я! Только ради этого можно целый год терпеть всякие – разные неприятности. Ну а самое – самое, конечно же подарки! И неважно, какие. Ведь подарки – это не просто что-нибудь купленное родителями в обычный будний день, в самом обыкновенном игрушечном магазине. Нет! Подарки... Это подарки! Кажется, что их вообще не покупают, а просто берут и дарят. Именно тебе. На твой день рождения. Дарили игры и игрушки – медведей, солдатиков. Дарили

конфеты в больших красивых коробках. Даже велосипед подарили! Однако ничто не могло сравниться с зайцем... Румяным, веселым, ярко одетым зайцем с большой морковкой в лапках. Он улыбался – по-заячьи, – и мне казалось, что я слышу его голосок, тоненький такой, со смешинкой, но очень добрый: «Хе-хе! Ну, поздравляю! Хе-хе...»

Я бы не расставался с ним весь вечер и целый следующий вечер и... В общем, я мог бы и хотел никогда не выпускать веселого зайца из своих рук. Но папа взял и поставил его в шкаф, за стекло.

– Это на потом, – сказал папа.

– Ну почему, может быть... – возразила мама, но папа был, как всегда, строг.

– Потом, – сказал он еще раз таким тоном, что стало ясно – лучше уж и не просить.

«Ничего, – подумал я, – может быть, это самое «потом» не так уж и долго ждать» Подумал и успокоился, только все поглядывал на шкаф; как он там, мой заяц?

Когда разошлись гости, пожелав мне вырасти большим и здоровым, я позволил родителям порадоваться игрушкам, которые сегодня были моими подарками, но скоро превратятся в обыкновенные игрушки, какие можно купить в обыкновенном магазине. А конфеты и вовсе съедят, останутся только красивые коробки, но они мне не нужны, и я отдам их маме. Маме всегда нужны коробки.

Вообще, когда ушли гости, стало немного скучно, папа все чаще зевал, а мама убирала посуду. Но стоило мне взглянуть на зайца, как у меня тотчас поднималось настроение. Он улыбался все так же празднично. Он говорил: «Ничего, хе-хе, скоро поиграем!...»

Оказалось, что не так уж и скоро – аж завтра!.. А нет ничего страшнее чем «завтра».

Я не мог заснуть, ворочался с боку на бок, и лишь под утро меня сморил недолгий и тревожный сон. Проснувшись, я запрыгал на диване, не зная, куда девать свою радость. Ее у меня было столько, что хватило бы если и не на все человечество, то на наш микрорайон обязательно. «Завтра» наступило! И в шкафу за стеклом меня ждал мой заяц! А может, это все еще сон?.. Я мигом соскочил с дивана, испугавшись, что не увижу своего зайца. Он стоял на месте, улыбался от уха до уха и говорил: «С добрым утром! Хе-хе!».

И это было как продолжение вчерашнего праздника.

– Теперь можно взять? – спросил я у папы, уверенный, что мог и не спрашивать: ведь «завтра» – это сегодня.

– Нет, – ответил папа и почему-то добавил: – После еды. А сейчас – марш в ванную!

Как же так, ведь мне было сказано, что «завтра»! «Завтра» наступило, а зайца не дают. К тому же заяц наверняка проголодался в шкафу... «Меня обманули», – решил я и заплакал от обиды.

– Перестань, дай ребенку зайца! – решительно, вмешалась мама. – В конце концов, это его подарок!

– Но не пойдет же он с этим зайцем в ванную! – сказал папа.

– Нет, пойду, пойду! – Почувствовав, что на сей раз преимущество на маминой стороне, я решил не упускать возможности добиться своего. – Он будет лежать на полочке, где зубная паста, и смотреть, как я умываюсь!

– А! Ладно! – папа махнул рукой, – Делайте, что хотите!

Помылся я быстрее, чем всегда. Наверное, меня подбадривал мой заяц, а может я боялся, что ему придется за меня краснеть. Ел я тоже за двоих – заяц упрямо отказывался от каши...

Я не знал, да и не мог знать, что лучше бы «завтра» еще не наступило и лучше бы мне мыться долго и вовсе не есть...

Когда мы поели, мама сказала:

– Ну, давай своего зайца! – Сказала так, словно бы я только этого и ждал.

Я с сомнением протянул его маме, недоумевая, зачем он ей. А она, прежде чем я успел открыть рот, сняла с моего праздничного зайца его яркую одежду. Исчезли красивые красные шаровары и морковка, но самое главное – исчезла улыбка. Он стал весь целиком коричневым.

– Держи! – весело сказала мама, но, увидев, что я лишь молча смотрю на коричневого зайца, проговорила уже не так уверенно: – Ну, что же ты? Это вкусно!

– Он не понимает, что это шоколад! – сердито сказал папа.

– Ты не знаешь, что это шоколадка? – нагнувшись ко мне, спросила мама. Я кивнул, всхлипнул и вытер нос рукавом. Мама ласково рассмеялась. – Дурачок! Это такая шоколадка. Она специально сделана похожей на зайчика, чтобы интереснее было есть. Попробуй... Ну, кусай! Откуси ему ухо.

Откусить ухо?.. Я с ужасом посмотрел на папу, на маму и на зайца, стараясь понять, как это можно откусить ухо своему другу. Нет, это не укладывалось в моей голове. Его откусил папа. Откусил и сказал, что ухо слишком сладкое.

– Да ну вас! – рассердилась мама и съела зайца сама, заметив, что мы много потеряли, потому что «вкусноти – и ща!..»

Вспомнив эту историю, я решил, что пусть лучше дочка не узнает сейчас, каков на вкус марципан. Пусть «завтра» наступит для нее чуточку позже.

Получив свои шоколадки, дочка радостно заверещала:

– Ой, сколько, сколько! Много, да?

– Много, – ответил я и не смог устоять перед соблазном сразу же порадовать ее еще одним подарком. – Держи макаку! Это игрушка такая, ее выдают в магазине тем, кто купит больше всех шоколадок!

– Что ты еще привез? – спросила прибежавшая с кухни жена.

– Игрушку... Обезьяну. Вот смотри! – Я обернулся и увидел, что дочка с аппетитом уплетает «игрушку» за обе щеки. И мне оставалось только с укоризной сказать:

– Оставь маме кусочек!..

СЕРГЕЙ СОНИН

БУДНИ ЮНОСТИ

Пьеса

Действующие лица:

Иван Морозов - юноша шестнадцати лет

Ольга Карповна - бабушка Ивана, учитель истории

Евгений Васильевич - дедушка Ивана, бывший учитель физики

Елена Евгеньевна - мама Ивана, дочь Ольги Карповны и Евгения Васильевича, учитель психологии

Василий Сергеевич - отец Ивана, зять Морозовых, инженер

Анна, Мария, Фёдор - соседи

-

Действие Первое

Явление I

Комната. Ученик Иван разговаривает со своим попугаем

Иван
Н, у что учитель-друг Жако пернатый –
Ты просто попугай иль гений ты?
Всё также у тебя ума палата,
И закрома головки не пусты?
И всё-таки: каким бы ты и не был,
Сквозь свою гордость и весёлый нрав, –
На это не ответит даже небо, –
Лишь только ты – ведь ты один лишь прав
Во всех ответах на теченье жизни
В её каналах, руслах, падежах,
А главное – ты мной навеки признан.

Попугай
Но моя память каждый день свежа.
Не ты ль вчера меня звал глупым попкой,
И повторял, как попугай – дурак.
Так что случилось, спрашиваю робко,
С тобой Иван? Тебе уж я не враг?
Теперь учитель я, и друг, и гений!?

Иван
Ты самый лучший, попугай Жако.

Попугай
Об этом говорил мне дед Евгений
Пока что, но и то, лишь так, мельком.
Теперь и ты. Наверно что-то надо
Тебе и от меня, ведь он не зря,
Мне предлагал кусочек шоколада,
Когда лез в холодильник втихаря.

Иван
Да ты побойся джунглей, мой учитель!
Тебя я славлю-то от всей души.
А дед – он лишь поесть большой любитель.

Попугай

Вот уж семейка. Всё вы хороши.
Да, ладно. Снисходительным я буду!
Ну, отрок, говори, что ты хотел.
Я не могу быть для тебя Иудой,
Не разглашу я тайну твоих дел.

Иван

Ты знаешь дорогой мой славный попка.
Мне нужен...

Явление II***Входит мать Ивана*****Елена Евгеньевна**

Вот опять ты с ним сидишь.
Тетради-то нетронутую стопкой
Ещё лежат, а день уж позади.
Когда ты книжку хоть одну откроешь?
А что с историей? Опять не сдал её?
Хотя в семье учителей нас трое,
Но справиться не можем и втроем.
Ты хочешь заменить нас попугаем?

Иван

Да что ты мама — он лишь попугай.

Елена Евгеньевна

Мы за пробелы в знаниях ругаем,
А он тебя не может поругать!

Иван

Да как не может!?

Явление III***Входит отец*****Василий Сергеевич**

О, ты знаешь, Лена!
Я слышал их беседы, и не раз!
Он знает всё до пятого колена.
За попугаем нужен глаз да глаз.

Елена Евгеньевна

Да неужели? Значит я наивно
На птицу полагалась, как на фейк?

Попугай

И Вы придёте к мнению объективно,
Что из меня хороший выйдет стейк.
Но я скажу вам: ваш парнишка – золото,
Но вам его уже не воспитать.
Давно вы всю свою ума палату,
На общую отдали благодать.
А отпрыск ваш был малый-беспризорник.
Теперь и жните вы свои плоды.

Елена Евгеньевна

Ты б лучше помолчал, петух-позорник,
А то дождётся кто-нибудь беды.

Попугай

Ну, как хотите. Я живу-то в клетке,
И в ней я не важнее петуха.

Иван

Молчи, не прилетела бы ответка.

Василий Сергеевич

Да. Здесь всего пол шага до греха.

Елена Евгеньевна

Марш спать все. А тебя, злодей пернатый,
Придётся иль продать, иль подарить.

Попугай

Друзья мои, я буду очень краток:
К утру я разучусь уж говорить.

Действие Второе

Явление I

Школьный класс. Звонит звонок. Ученики расходятся. Учитель обращается к ученику.

Учитель Ольга Карповна:

Ванюша! Задержись-ка на минутку.
Хочу тебе я наставленья дать.

Ученик Ваня:

Я в этой школе скоро, как уж сутки,
И Вы б могли до завтра подождать.

Учитель:

Не ерепенься ученик Морозов, –
Ты мне ещё историю не сдал.

Ученик:

От Вас мне Ольга Карповна угрозы,
Приходят даже в школе.

Учитель:

Как всегда
Ты непомерно дерзок.

Ученик:

Да Вы сами...

Учитель:

Ты скажешь: провоцирую тебя?
Придётся рассказать мне твоей маме,
Как ты себя ведёшь, во всём грубя.

Ученик:

Да Вы сказать и слова не даёте!

Учитель:

Ну, что же ты неправду говоришь?
Я уж неделю, как живу в заботе,
Чтоб двойку ты исправил хоть на «три».

Ученик:

Да я на пять предмет Ваш даже знаю.

Учитель:

Ты посмотри на этого лгуна!

Ученик:

Да! За слова свои я отвечаю.

И лишь подсказка будет мне нужна.

Учитель:

С подсказкою ответит даже неуч!

Но ты же не такой! Как мне не знать.

И уж пора исправить прежний неуд,

По темам одноклассников догнать.

Иль не готов ты? Дома мамой с папой,

Работой загружали на весь день?

И ты не смог ещё раз по этапу

Пройти историю.

Ученик:

Мне просто было лень

Листать учебник.

Учитель:

Ваня! Почему же?

Учить историю никто не отменял.

Ученик:

Ну, бабушка! В ней просто тихий ужас.

Сама ты возмущалась же на днях.

Учитель:

Не бабушка тебе я в стенах школы.

И мне не тыкай. Только лишь на Вы.

Ученик:

Ты родственные связи за крамолу

Не принимай. А, в общем – Вы правы.

Но в дом тогда Вы к нам не приходите,

Как бабушка, а лишь, как педагог.

Учитель:

Ты что такое говоришь, вредитель?

И как же ты сказать мне это мог?

Ученик:

Вы ж ставите условия мне, баба.
Я только реагирую на них.

Учитель:

Сначала б думал головою, дабы,
Чтоб мы не походили на больных.
Родителей твоих мне потревожить
Придётся Ваня, уж не обессудь.
Иначе сотворить такое сможешь,
Что не смогу ни охнуть, ни вздохнуть.

Ольга Карповна набирает номер по телефону.

Елена свет Евгеньевна! Вы в школу
Могли б зайти минут хотя б на пять.

Голос в телефоне:

Мам! Что случилось? И что за приколы?
Меня на Вы ты стала называть!

Учитель:

Так Вы придёте? Разговор о сыне.

Голос в телефоне:

О ком? О Ване? Ну, ты мам даёшь!
С каких же пор в семейной паутине
Застряла напрочь наша молодёжь.

Учитель:

Не будем спорить мы по телефону.
Прошу зайти и мужа прихватить.

Явление II

В классе появляются сорокалетние мужчина и женщина.

Ольга Карповна:

Ученику вы этому заслоном
Прошу не быть, и с этим не шутить.
Елена свет Евгеньевна, Василий
Сергеевич! Так величают вас?

Елена:

Ну, мама! Это просто некрасиво.

Василий:

На анекдот похож Ваш перформанс.

Ольга Карповна:

Как будет двойка в четверти у Вани –
Вы по-другому будете мне петь.
И почивать Василий, на диване
Не очень захотите.

Василий:

Мне корпеть?
Да что Вы, Ольга Карповна, увольте.
Коль в нашем доме есть учителя.
И вам троим держать на киловольте
Достаточно Ивана...ву-а-ля.

Ольга Карповна:

А что, руки отца ему не надо?
Вы что, Василь Сергеевич! Вы что!
Как без отца нам навести порядок
В семье такой, как ваша? И потом,
Я бабушка всего лишь, а не мама.
Мы с дедом Женей весь потенциал
Потратили на дочь, и сил уж мало
Осталось.

Василий:

Да! Ваш внук – не идеал,
И требует участия большого
В своей судьбе.

Ольга Карповна:

Вот и займитесь им.

Елена Евгеньевна:

Не надо мам, устраивать здесь шоу.

Ольга Карповна:

Но разговоры мы не прекратим
О сдаче Ваней моего предмета.
Мне позволять историю не знать
Своим родным?! Пойми Елена – это
Мне жизнь свою сознательно предать!

Ваня:

Вы разбирайтесь. Я же погуляю.

Ольга Карповна:

Какой ты ушлый! Раскатал сыр-бор!

Хоть я в тебе души своей не чаю,

Но принцип прежде, чем весь разговор.

Ваня:

Но разговор неполный, коль нет деда;

Он тоже не последний педагог.

И надо мною без него победы

Не будет.

Елена Евгеньевна:

Что?

Василий:

Ремень тебе лишь впрок?

Ваня:

Нет. Деда Женя только добрым словом

Меня учил, и учит по сей день.

Он физик, но физической основы

Нет в наказаниях вовсе.

Василий:

Ясен пень.

Ваня:

И что?

Василий:

А то, что не прямой он родич,

Хоть кровь его в тебе, конечно, есть.

Мы с мамою родня тебе... не вроде

И воспитать должны тебя на – шесть!

Ольга Карповна:

Да вы хотя б на три с ним занимались –

Уже бы исторический был толк.

Елена Евгеньевна:

Да что ты говоришь такое, мама!?

Ольга Карповна:

А то, что педагогов целый полк
Ему никто не даст. И занимайтесь
Им сами. Ну, а мне же мой предмет
Пусть сдаст сейчас же. Вы же не старайтесь
Играть в родство. И чтобы его дед
Не знал про наши деловые споры,
А то к нему он слишком мягкотел.

Ваня:

Ты баба (*машет головой, отрицая сказанное*) – Ольга Карповна, пред взором
Твоим желасшь, чтоб я попотел.
Мне времени немного всё же дайте,
Чтоб я хотя бы книгу полистал.

Ольга Карповна:

Да вы хоть всей семьёй её листайте,
Чтоб знать – ты должен книгу про-чи-тать.

Явление III

Раздаётся стук в дверь и в класс заходит Евгений Васильевич, Ваня дедушка.

Евгений Васильевич:

Куда же вы-то все запропалились? –
Я долго думал, даже и гадал.
А вы все бабу Олю навестили,
Забыв меня, и... это, как всегда.

Ваня:

Здесь нету бабы Оли, дед, ты спятил.

Евгений Васильевич:

Так вот ж она! Как можно с ней шутить?!
Я же, друзья, не в чеховской палате.

Ваня:

Но моей бабы здесь не может быть.

Евгений Васильевич:

А это кто? (*Показывает на жену*).

Ваня:

Есть в штатном расписанье
Истории предмета – педагог.
Я должен Ей отдаться на закланье,
Коль выучить историю не смог.

Евгений Васильевич:

Я знал бы ваши хитрости в словечках,
Коль с самого начала мог здесь быть.
Но, будь, по-вашему – останусь я овечкой,
Чтоб осознать превратности судьбы.

Ольга Карповна:

Евгений! Не скажу, что быть бараном
Намного лучше, чем прослыть овцой,
Вставать же на защиту внука рьяно,
Тебе не стоит. Продолжай с ленцой
Учить и дочь, и зятя, и мальчишек
Понятиям определённых лет.
Я же им всем понятия почищу,
И сделаю, конечно, не во вред.
А нам, пенсионерам, друг на друга
Таить обиду сердцем и лицом
Уж точно ни к чему.

Евгений Васильевич:

Жена-подруга,
Что должен Ваниным я матери с отцом
Сказать такое, чтоб не навредить им,
Чтоб пряник воспитания не перчил,
Чтоб кнут слова не смог опередить бы.
И чтоб семье – семейные врачи.

Ольга Карповна:

Ты педагогику учил в пединституте,
И психологию, хоть сдал её на три.
Но этого достаточно, по сути
Для воспитания внука.

Ваня:

Ты смотри!
Меня Вы называете уж внуком!
А то всё ученик, да ученик.
Быть может Вашу школьную науку
В беседах наших я уже постиг?

Ольга Карповна:

Ты губы не раскатывай, Незнайка!
Иди домой и выучи урок.
Я подожду ещё денёк, но знай ты,
Что это будет уж последний срок.
И ни отцом, ни матерью, ни дедом
Не прикрывайся.

Евгений Васильевич:

И держи удар.
Ты, Ваня, сможешь одержать победу.

Василий Сергеевич:

Да, у тебя, мой сын, такой есть дар.

Елена Евгеньевна:

А я тебе скажу вот что, Ванюша!
Ты взрослый парень, должен понимать,
Что за тебя, выкладывая душу,
Не могут ни отец жить, и ни мать.
Мы можем лишь учить тебя чему-то,
А вот решения принимать тебе.
Но главное, чтоб мозг твой разной мутью
Не засорялся.

Ольга Карповна:

И в твоей судьбе
Мой внучек-ученик Ванюша-Ваня
Ответственность за истину была б.
И кроме современной всякой дряни,
История б веков в тебе жила.
Пойми – не привередлива я в этом,
Но без неё не человек ведь ты!

Евгений Васильевич: *(обращается к жене).*

Всё, мать. Уже достаточно советов.
Пойдём мой внук.

Ваня:

И спрячемся в кусты.

Ольга Карповна:

Куда хотите, прячьтесь, но чтоб завтра,
По теме отчитался мне на пять.

Евгений Васильевич:

Коль ужина мудрее будет завтрак,
То значит, можно будет тему сдать.

З а н а в е с

Действие Третье

Явление I

Придомовая территория. На лавочке сидят две пожилые женщины Анна и Мария и мужчина Фёдор. Во двор входят Евгений Васильевич и Иван.

Анна:

Коль вы вдвоём, знать что-то натворил
Твой внук Иван.

Мария:

Опять родная баба
Вкатила двойку.

Анна:

Разве он на три
Историю не выучил, хотя бы.

Ваня:

Да я на пять отвечу хоть кому,
А на четыре, точно уж отвечу.

Мария:

А Ольге Николавне почему
Не можешь сдать историю уж вечность?

Фёдор:

Ну, бабы. Завели вы разговор.
Он думает о девках. Не о школе.

Евгений Васильевич:

Ты, Фёдор, не мели весь этот вздор.

Фёдор:

Да сам ты вздор несёшь, как поневоле.
Ты посмотри на бицепсы, на грудь!
Все девки от него с ума уж сходят.

Евгений Васильевич:

Ты эти мне словечки позабуди!

Анна:

А что, Васильич – он для них не в моде?

Он мал иль стар для бешеной любви?

Фёдор:

Да мы, старик, с тобой такими ж были.

Сломай нам ноги, голову сорви,

Мы всё равно б отчаянно любили.

Евгений Васильевич:

Ты, Аня, зря мальчишку-то бодришь!

В историю он вляпается точно.

И бабушка ему не то, что три

Поставит, а отправит на заочный.

Мария:

Но парня ты наукой не страдай!

Она ему, скорей всего – до фени.

Ты педагог, и ты в простых вещах

Порой не разбираешься, Евгений.

Евгений Васильевич:

Так значит, Маша, теоретик я!?

А вы за практику имеете – отлично!

Иван:

Наставники, товарищи, друзья!

В беседу вашу можно влезть мне лично?

Фёдор:

А ты постой пока что в стороне,

Послушай наши правильные речи!

Иван:

Раз в вашем обществе нет места мне,

Тогда прощаюсь не до скорой встречи.

Фёдор:

Постой, юнец. Хоть ты ещё не муж

В достойном для мужчины пониманье,

Скажи, какая лямка или гуж

Цепляется уж к твоему сознанию?

В ученье ты не хочешь сильным быть,
В работах я тебя не наблюдаю.
Иль на рыбалку только лишь ходить
Всю жизнь ты будешь?

Иван:

Да. Я не страдаю,
Что когти я не рву по пустякам.
Затычкой не являюсь в каждой дырке.
Но и не жду, что кто-то по рукам
Мне будет бить, а, может, в носопырку.

Евгений Васильевич:

Мне можно уж тобой гордиться, внук?
Ответ твой дяде Фёдору достоин!

Мария:

Ой, у меня всё валится из рук
От слов весёлых, что сказал наш воин.
Пусть это он при бабе Оле скажет!
Нрав у неё – уж деду не чета.
И если мы внесём поправку даже
В их отношенья.

Иван:

Ну и простота
Святая Вы, конечно, тётя Маша.
На людях с бабой Олей мы одни,
А дома, находясь в пенатах наших,
Общаемся под знаками родни.

Фёдор:

Так ты, парнишка, вместе бабой Олей,
Хамелеоны, страх вас подери.
Ты, Женя, ягода того же поля.
Ну, твоя очередь – чего-нибудь соври.

Евгений Васильевич:

Врать меня мама в детстве не учила.

Фёдор:

Вот кадр! Тебя знать научила жизнь?!
И этому была, небось, причина?
Нельзя сказать? На пальцах покажи.

Евгений Васильевич:

Да что ты привязался? Все в порядке
У нас дела и в школе, и в семье.
Нет, и не может быть любой накладки,
Чтоб отношения наши в кабале
Семейной драмы воспроизводились,
И Ваня очень правильно сказал,
Чтоб нами люди в обществе гордились –
Тащить не стоит мусор на базар.

Анна:

И мне позвольте вставить две копейки
В ваш разговор.

Иван:

А почему не пять.

Анна:

Не жаль и десять, но я не еврейка!
Где ж мне ума на эту сумму взять?

Иван:

Не прибедняйтесь, тётя Аня, знаем
Мы Ваши кренделя: базар - вокзал.
Вы пересудов женских словно знамя!

Анна:

Что ты, паршивец этакий, сказал?
Не я ль твои делишки прикрывала,
Чтобы о них не знал отец иль дед.

Евгений Васильевич:

Ну, расскажи мне всё, о чём ты знала!

Анна:

Боюсь я бога, дорогой сосед.

Евгений Васильевич:

Знать, про внушка сказать хотела враки.

Анна:

Пусть будет так: ваш мусор, вам и знать
Всё про него.

Фёдор:

Но только не до драки
От женского семейного звена.

Евгений Васильевич:

Да что такое говоришь ты, Фёдор!
У нас интеллигентная семья.
Ну что за люди? Взяли себе моду –
Жить только с откровенного вранья.

Фёдор:

Да ты не строй уж из себя джентльмена!
А лучше-ка на внука посмотри!
У «яблока» у вашего замена
Произошла, как видимо, внутри.
Историю не знать – ну это ж надо!
Мы все о прошлом только говорим.

Евгений Васильевич:

А почему?

Мария:

Наверно, мы не рады,
Что нынешняя жизнь вся, как экстрим.
Что было в прошлом – всё давно понятно:
Разложено по полочкам и в ряд.

Анна:

И подвигом отмечено там ратным,
И видишь, где подъём есть, а где спад.
А в настоящем и не разберёшься.

Фёдор:

Да, потому, что круговой обман.
От этого и жить на свете тошно,
Держа в мозгах весь этот балаган.

Иван: *(обращается ко всем)*

И что, в конечном счёте, вы хотите
Мне высказать с высот своей души?

Фёдор:

А то, что ни Москва, и что ни Питер
Начальственно судьбу людей вершить
Не могут. И у родины у малой
В отдельности ничто ты не возьмёшь.

Истории всемирной бы хватало
Для всех понятий. Пóнял – молодёжь?!

Мария:

И бабушку свою ты не нервируй!
Ей от тебя лишь истина нужна.

Анна:

И между двоек с тройками лавируй
Так, чтобы пять поставила она.

Евгений Васильевич:

Вишь, внук, как всё соседи повернули.
Сначала наезжали на тебя.
Но умный человек не будет дули
В карманах прятать, мыслями скорбя.
И лучше было б, если ты вниманья
Поменьше попугаю уделяя,
А средь людей достойных пониманье
В свои мозги порой экстропалиял.

Анна:

Твой попугай, как зеркало кривое!
В чужом пространстве не живут мечты.
И не поймёшь своею головою,
Какой на самом деле в жизни ты.

Мария:

Другие пацаны по Интернетам
Мышь заставляют хвостиком мотать,
А ты от попугая ждёшь совета,
А он про жизнь не знает ни черта.

Фёдор:

Ты лучше слушай бабушку и деда,
И настоящим делом уж займись

Евгений Васильевич:

Что в жизни лучше может быть соседа,
Или соседки?

Иван:

Молодая жизнь!

З а н а в е с

..

СТИХИ НЕ ОТСЮДА

Невыразимое теснит меня сильней.
Созвучно ли оно с вечернею зарею?
Я завтрашний портной, по краю жизни крою,
Темнеют облака, и край у них темней,
И больно засыпать, но бодрствовать больней...
Я завтра фрак сошью, и новый храм построю.

Все как должно быть, только на краю
Находится значение предела,
Мы узнаём, кому до нас есть дело,
И есть ли жизнь – в вселенной и в раю,
И зря ли я как крот под корни рою?
Мне велено проснуться на заре,
Взойти на гору – только на горе
Свой новый храм я все таки построю. .

Пусть мой народ пойдет искать других
Богов попроще, зрелищней и хлебней.
Пусть мы одни – с богиней на двоих
Мы обойдемся как-нибудь без рая,
То разговаривая, то играя,
И голод перетерпим за обедней...

Апрель – июнь 23 года

Нет совести. Нет молока
у матери. Нет денег на лечение
ее младенца. Правда далека
и втуне воля державное течение!

Нет милости, нет добрых, нет не злых,
Чужих несчастий равнодушно мимо
Проходим мы, как по аренам Рима,
Как мимо кладбищ старых и чужих.

Нет совести. Нет ни на грош.
Пусть мир во тьму, но нам испить бы чаю...
И каждый думает: *Как я хорош*
Тем, что закат хотя бы замечаю!

Вот почему так плохо! Мы молчим...
И адовы врата на нас обрушив,
Творец за нас и плачет и кричит...
Что наша жизнь? - когда в нас гибнут души...

Нет совести. Чужая боль
В нас не болит, и вдоль аллеи,
Ведущей в ад, просыпал соль
Хромой Лесаж... Душа в нас тлеет... .

Раздел шестой. МЕТАФИЗИКА НЕ БЫТИЯ

М. П.. Чернышева, доктор биологических наук

СООБЩЕНИЕ УЧАСТНИЦЫ СЕМИНАРА ИНСТИТУТА КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вопросы о происхождении мира и судьбе человека после смерти – предмет размышлений для разных поколений и слоев общества, от Рерихов и Блаватской до героев сегодняшнего дня. Не так давно двое академиков РАН, Т. В. Черниговская и Ю. В. Наточин, оказались в Индии по служебным делам и выкроили время для посещения Далай-ламы XIV, ныне проживающего в г. Дхарамсала в индийском штате Химачал-Прадеш.

Вот что они нам рассказали.

Со слов Татьяны Владимировны, она задала Далай-ламе два не очень удачных вопроса о Большом взрыве и реинкарнации:

1. Был ли у Вас здесь Большой взрыв?

Ответ мудрого Далай-ламы: *«У нас всё, как всегда. Никакого взрыва не было».*

2. Существует ли реинкарнация личности человека? Научные исследования не нашли тому доказательств.

Ответ Далай-ламы был предсказуем и показал хорошее чувство юмора у мудреца:

«Плохо работаете, ученые! Мы в реинкарнацию верим и она для нас есть».

В 1980-х годах Пенроуз предположил, что сознание существует на квантовом уровне и обитает в синапсах мозга. Он известен тем, что **связал сознание с определенными событиями в квантовой механике.**

Это утверждение открывает возможность диалога науки и буддизма. «Сущность **сознания** – это способность чувствовать», говорит **Кристоф Кох**, Но «как такое может быть, чтобы нечто материальное, как мой мозг, могло чувствовать что-то?». **Кох считает сознание (наряду с массой и энергией) фундаментальным свойством Вселенной.** На этом основании он пришёл к выводу, что сознание не является эмерджентным свойством мозга. В 2013 году **Кох**, как один из передовых исследователей в сфере нейронауки, уже посещал Индию с тем, чтобы обсудить проблематику **сознания** с группой буддистских монахов. Теперь встреча с Далай Ламой продолжилась весь день. **Кох и Далай Лама** как представители **науки и буддизма**, имели разный подход к вопросу о природе **сознания.** (А что же христиане?!)

Редактор. Наш журнал пытается идти в ногу со временем, и если уж ученые заинтересовались **реинкарнацией**, то надо дать слово и писателям теософского плана. Читайте далее одного из наших старых авторов.

Ефимов Михаил Юрьевич

Mihail-E1@yandex.ru

СЛЕДСТВИЕ СЛАБОСТИ

Оккультная повесть

(окончание)

Девятый теллурический день после таинства. Неприкаянные.

Сегодня Павел увидел еще одну метаморфозу. Она происходила с душами людей, которых не хотели отпускать родные, близкие... и даже поклонники. Людей этих так сильно любили и так страдали от их ухода, что их души, как не старались уйти дальше в покой и отдых, сделать оное не могли – земная грубая энергетика притягивала их. Павел видел воронки, в которые души засасывало, как в водоворот.

Увидев душу и соприкоснувшись с ней, Павел с ярким удивлением узнавал известных ещё в его земной жизни личностей. Пушкин, Высоцкий, Ленин, Сталин, Гитлер... Были и другие, о которых Павел не слышал, поэтому они не вызывали у него эмоций удивления, благоговения или отвращения.

Эти личности страдали, они старались уйти вверх, но тщетно. Их держала людская память, снова и снова перемалывающая в своих жерновах жизнь и деяния. О ком-то страдали, кого-то ненавидели – и то и другое держало бедняг на месте, давая им перемещаться только по пяти измерениям, лишь сместив их из спектра земного восприятия. И только те, о ком страдания и память притуплялись, с облегчением уходили куда-то вверх. Павел видел, что сила их была чрезвычайная, сравнимая с количеством действий на земле. Ведь для того такая душа и была послана, дабы оставить большой след и стать ориентиром или отправной точкой для тысяч других.

Но вот ещё одна странная вещь: и отрицательные и положительные персонажи были здесь равны, деяния их ценились одинаково и даже не по земным моральным принципам, а скорее по масштабности. И добро и зло – то, что с земной точки зрения являлось таковым, здесь было равнозначным. И вовсе не из-за какой-то извращённой морали, а поскольку эти плохие деяния являлись необходимым элементом в рисунке судьбы тех, к кому сие было применено.

Осознав это, Павел понимает, что он, как ни странно, разделяет эту точку зрения и теперь нет у него, как таковой, привычной морали, духовных ценностей... Всё это стало какой-то бессмыслицей, анахронизмом.

Хотя вполне возможно, что злом здесь считали совсем другое, но Павел сего пока понять не мог... вот может бездействие, равнодушие, лень... а может и нет.

Вообще, как он понял, земная жизнь, её социальный смысл и проблемы в этом мире имели очень мало значения. Ну или примерно такое же, какое значение имеет жизнь африканского попугая для обычного человека – созерцательное. Разве что если попугаю потребуется помощь, тогда, возможно, человек вмешается.

Заинтересовавшись такими известными фигурами более детально, Павел стал замечать, что многие «кумиры» здесь время зря не теряли. Они продолжали вести подобие земной деятельности. Задержавшись на границе миров, они оставались теми же людьми с привычными интересами и

взглядами. Кто-то продолжал сочинять музыку и песни, кто-то напряжённо продолжал искать доказательство своих научных открытий.

Павел прислушался. Где-то звучал до боли знакомый рисунок рифмы – сначала он увидел только его. Потом стали различаться слова:

– ... Дай мне сил идти вперёд, без потерь,

Счастья видеть свои следы на песке...

... Я буду здесь, пока ты этого хочешь,

И уйду, когда закроешь дверь...

Павел вспомнил. Это же было недавно, при жизни.

– Вы Виктор Цой? Я думал, вы уже давно выше, в других, не земных сферах.

Усталый задумчивый человек повернулся к нему.

– Да. Сначала я сам не хотел покидать этот мир. Я только начал им насыщаться, впитывать романтику жизни, как смерть вырвала меня. Но я продолжал творить, диктовал тем, кто этого хочет, кто фанатично настроен на мою волну. А вот теперь я устал. Я всё пережил уже по сотне раз. Видел, что много сделал не правильно, но люди простили. Поэтому ухожу выше, хочу отдохнуть от фейерверков эмоций. Слова этой песни последние. Кто меня слышит – подхватит.

Паша мысленно улыбнулся. Ностальгический бальзам земных воспоминаний тёк прямо «по сердцу». Он мечтательно «закрыв глаза» и приготовился к новым грёзам. Но грёзы пришли совсем не те...

Первые, кто ворвался в дом-камеру, были, естественно, репортёры. Они мгновенно распространились по всем помещениям, что-то крича и снимая каждый угол. За ними гордо и спокойно проследовали учёные разных мастей и какие-то административные чины. Кто-то из репортёров крикнул:

– Пиотр, Светлина, где вы? Три года прошло, ваше заточение закончено! Дайте интервью нам первым, и мы заплатим каждому по пять тысяч кредиток.

Но, как ни странно, ответа пока слышно не было. Самая шустрая группа репортёров побежала на второй этаж, перепрыгивая через ступеньки.

Вдруг раздался пронзительный крик. Журналисты на секунду остолбенели, но быстро оправались и рванули в его сторону, на второй этаж. Оттолкнув первоприбывших, их глазам предстала леденящая кровь картина.

На просторной родительской тахте, неестественно скрючившись, лежал Пиотр. Из его горла, видимо, вытекло много крови, потому что вся подушка, одеяло и простынь были тёмно-красными. А в противоположной стороне комнаты на коленях сидела Светлина и что-то бормотала себе под нос. Её глаза бессмысленно смотрели на вошедших, а пальцы рук производили какие-то движения, будто она что-то перебирала. Ребёнка, которого журналисты ожидали впервые увидеть, в комнате не оказалось.

По окончании второй недели работы, в зале заседаний института экспериментальной физики собралась необычная группа для профиля сего учреждения. Здесь были и сами физики в составе теперь всем известного Альберта Георгиевича Крутикова и учёного секретаря сего института Алессандра Илиича. Рядом с ними сидела группа операторов крупнейшей в городе информационной студии во главе с популярным сценаристом всех топовых проектов Милославом Декаровичем. Также, в зале находились врач-криминалист и эксперт-психолог, приглашённые руководителем проекта Алессандро Илиичём в качестве консультантов. В углу зала, шушукаясь, сидели пара инженеров проекта.

– ... Всё, что удалось понять психологу из её бормотания это то, что ребёнок на протяжении долгого времени издавал разные неестественные звуки, похожие на звуки животных. К тому же вёл себя, как животное, причём довольно агрессивное, – эксперт-психолог вздохнул и развёл руками. – Нам остаётся только представлять себе, насколько это ужасно выглядело. И ещё: она видела смерть мужа, может не сам момент, а чуть позже, например, труп и окровавленные губы ребёнка. Видимо, это и явилось последней каплей для её расшатанной психики.

Альберт Крутиков вскочил с места и протестующе замахал руками.

– Прекратите нас пугать своими фантазиями. В психическом состоянии Светлины виновата клаустрофобия. Попробуйте-ка три года в замкнутом пространстве прожить. Ну а в смерти Пюотра виноват, скорее всего, кот. Он взбесился и ночью перегрыз сонную артерию. Тоже в какой-то степени последствия клаустрофобии.

Алессандр Илиич повернулся к инженерам.

– Так, давайте ещё раз запись прогоним. Поставьте фильтры на появление ребёнка в зоне действия камер и на любое повышение тона голоса там присутствующих. Не будем же мы все три года просматривать...

Запись изучали уже четвёртый раз, пытаясь обратить внимание на малейшие посторонние шумы или какие-нибудь мелочи, скрытые от невооружённого взгляда.

– ... Тарик, ты где опять? – уставшим и раздражённым тоном звала женщина.

– Да здесь он! Как всегда забился в угол, где его не достать и рвёт в клочья какое-то из твоих платьев, – мужской голос, в отличие от женского, звучал грустно...

Психолог и руководитель проекта развернулись в сторону Альберта Григорьевича.

– Это ни о чём не говорит, – Крутиков заметно нервничал. – Ребёнок просто гиперактивный. Давайте дальше.

– ... Пюотр! – женский крик ударил по нервам своей истеричностью. Светлина стояла в купальнике на берегу водоёма. Рядом на песке на

четвереньках впритык к ноге матери стоял ребёнок, полностью голый. Его лица видно не было, камеры фиксировали лишь затылок.

– Что, дорогая? – а вот голос мужчины отдавал мягким спокойствием... хотя может и напускным.

– Тарасик вцепился зубами мне в ногу! И... я на него кричу, а у него взгляд, как у волка... Мне страшно, Пиотр!

– Спокойно, я сейчас подойду. Всё будет в порядке.

Через несколько секунд из комнаты рядом выбежал мужчина. Он подошёл быстрым шагом, схватил ребёнка подмышки, поднял и посадил рядом на песок. Тот быстро отполз в сторону. А на ноге Светлины стал виден кровоподтёк.

– Господи, сколько ещё нам осталось? – двусмысленность вопроса ударила холодным ужасом по слушателям.

– Меньше чем полгода, любимая. Мы выдержали пять шестых срока, осталось совсем чуть-чуть и мы победители!..

На этот раз Крутиков промолчал. Он сидел, угрюмо уставившись в пол.

– Спальню бы посмотреть, момент убийства, – пробормотал один из членов комиссии и бросил взгляд на представителя инженерной компании подрядчика.

– Простите, но в спальне камеры не устанавливались, что было прописано в техническом задании, – инженер развёл руками. – По-моему, это естественно.

Крутиков встал с места. Похоже, он овладел собой и снова был готов броситься в бой.

– Видите, мы не нашли никаких прямых видео доказательств гипер неадекватности ребёнка. Их нет! А если бы ребёнок вёл себя, как животное, да ещё и с готовностью убить, мы всяко бы увидели сие хоть раз, хоть в какое-нибудь время.

– Извините, господин Крутиков, но криминалист и психолог дали заключение, что и смерть Пиотра и наступление ухудшения психического состояния Светлины произошли буквально за пару дней до расконсервации камеры. А это значит, что поведение ребёнка могло просто не успеть попасть в запись.

Руководитель научной группы вздохнул.

– Так или иначе, нам необходимо что-то придумывать для наших зрителей. Не этот же детектив им показывать. Смонтируйте что-нибудь, – руководитель повернулся к технической группе, – а вы, Милослав Декарович, как опытный сценарист, придумайте, как сложилась дальнейшая жизнь Пиотра и Светлины. Да так, что бы их никто не смог найти. Я не знаю, пусть они на свою премию переедут на острова в Тихом океане. С вами всё, – Алессандр Илиич отвернулся. – Теперь дальше. Светлину надо определить в психиатрическую больницу с полным уходом, если понадобится – за счёт института. Ну а ребёнка придётся сдать в хороший детский дом.

«А вот это уже не смешно и совсем не любопытно. Хватит мне триллеров при земной жизни, так ещё и здесь, – Павел с отвращением поморщился. – Господи, да за что мне всё это?! – крикнул он в пустоту. – Не хочу такого больше видеть! Всё, я иду только вперёд, не оглядываясь!»

Десятый, одиннадцатый теллурические дни после таинства

Опять вернулись странные ощущения, как тогда, сразу после смерти. Постепенно, правда, без физической боли, мир и ощущения стали меняться. Только теперь перемещение было не куда-то вверх, как он привык за эти субъективные дни. Оно происходило скорее вглубь. Пространство вокруг оставалось то же, но оно раскрывалось неизвестными сторонами со своими законами и своей жизнью. А главное, он начал отдаляться от своего привычного «я».

Потом Павел почувствовал, будто от него отделилась какая-то часть, причём часть не лучшая, а, можно сказать, обывательская, примитивная. И теперь это привычное «я», как шелуха остаётся где-то сзади со всеми жизненными привычками, привязанностями. Тут же сия субстанция устремилась вниз, а точнее обратно. Павел успел заметить, что она даже имела какие-то очертания, а именно уже давно забытую форму его собственного тела. Видимо, то был слепок ментальной энергии, обрывок земной памяти, который матушка земля притягивала обратно в свой материальный мир. В последний момент перед переходом на свой новый уровень Паша понял, что такое земные привидения и то, с кем общаются на спиритических сеансах медиумы. А уже спустя секунды «грязная» часть бывшего Павла влилась в отряд необъяснимого и сверхъестественного, пугая людей и принося в их мир ложную информацию о мире загробном.

Но вернёмся к Павлу. За эти несколько мгновений он потерял свою прежнюю сущность, которая, как он сейчас понял, только давила на него и мешала чистоте души. Тут же мир опять поменялся – сместилась частота восприятия. Он увидел, обнял, осознал космос, почувствовал вселенский разум, увидел другие души в общем поле этого разума. Сразу после этого, как легкий удар сверху, ему пришли воспоминания обо всех предыдущих жизнях. Они, как волна, накатились сразу, полностью заливая разум.

Вот он в 18 веке и зовут его Шарль... он на баррикадах... умирает мама... рождение обожаемой дочки... наконец-то высокое положение... вследствие этого постепенная смена черт характера с горящего за правду юношеским огнём на хитрый продуманный инстинкт собственника... незаметное затягивание в трясину финансовых махинаций, подлость по отношению к бывшим друзьям... тяжёлая смерть от болезни...

А вот и ещё одна слабость из прошлой жизни:

15 век, Италия и он – святой инквизитор, действовавший от имени Папы и подчинявшийся непосредственно ему. Дело о ереси двух католиков казалось таким обыденным, что он даже не удосужился узнать до суда, есть ли у

обвиняемых враги. Очень уж хотелось всё закончить и вернуться домой в свой город к жене и детям. А посему без долгих разбирательств и сопоставления фактов два бывших служителя святой церкви были признаны еретиками по свидетельствам двух других священников рангом выше. Заявления о том, что свидетели пытаются их опорочить, не были приняты во внимание, ибо пришлось бы заново пересматривать дело. Лишь через год инквизитор узнал от знакомых церковников, что сии доносчики просто боялись за место, на которое могли поставить людей более достойных. Однако сильно переживать он не стал – мало ли огрехов в его нужной и тяжёлой службе Господу. Значит, их смерть была Ему нужна.

Да, именно инквизиция, над которой Павел так смеялся когда-то давно... теперь очень давно.

Понимание, досада обожгла, как огнём: получается здесь он так и не справился с предназначением, оттуда, по-видимому, и ранняя смерть в обоих случаях. А ведь так легко это было, как сейчас казалось.

И вот ещё метаморфоза души с точки зрения земной морали: теперь Павлу было жаль не неповинных людей – ведь сие и была их линия судьбы, а неудачу собственной души.

Тут же рядом оказались и более далёкие во времени, но счастливые воспоминания.

14 век, Великое княжество Московское, а он – потомственный боярин, человек облечённый властью и богатством, проживший счастливую жизнь, окружённый любовью жены и детей. Душа во время такой жизни явно отдыхала, а испытание, если и было, то разве что богатством и не слишком серьёзное – ни совести, ни человеческого достоинства он тогда не потерял.

Затем плавно пришли видения из другой эпохи: 1 век до нашей эры, и душа Павла в сирийце, захваченном Римской империей в плен, а посему теперь рабом до смерти. И если сие существование можно было назвать жизнью, то её главное испытание было просто выжить, не превратиться в животное и оставить в себе хоть малейшие чувства человеческой морали. Это воспоминание веяло дрожью и сильнейшей болью, хотя длилось не долго – к тридцати годам он умер, ибо работа на каменоломнях иного исхода не оставляла.

Однако какая бы сильная та дрожь не была, она представлялась далёкой, чужой и сильных эмоций уже не вызывала. Поэтому Павел быстро перешёл к следующей жизни.

А вот и испытание властью. 30 век до нашей Эры. Древний Египет. И он государственный чиновник, облечённый колоссальной властью, один из помощников самого фараона и его родственник. Исполнение всех своих приказов Фараон проконтролировать был не в состоянии и посему надеялся на ставленников. Некоторые из них расслаблялись, катаясь в роскоши, как сыр в масле и забывая о делах государственных, тем самым ослабляя империю. Они тратили государственные средства направо и налево, не занимаясь почти ничем кроме блажи, разврата и чревоугодия. Но здесь душа

Павла, похоже, справилась. Все указы фараона выполнялись в срок, а к излишней роскоши наш герой был равнодушен.

Павел увидел, что к этому испытанию судьба больше не возвращалась – он выполнил его с первого раза. А ведь для многих других душ именно этот экзамен являлся самым сложным. Зато лень и слабость пока не получилась... да.

Павел «вдохнул» и продолжил впитывать воспоминания. Всё ярко и сильно от первой до последней жизни. Теперь переживания и привязанности его последней жизни стали такими же обыденными и малоинтересными, как постороннему человеку рассказ о другом, каком-нибудь Джоне, жившем когда-то давно... Вдруг резко отпустила и стала непонятной его любовь к родственникам и друзьям. Нет, он видел их, видел эту любовь, но со стороны.

Двадцатый, двадцать первый... теллурические дни после таинства

«Мне кажется здесь, после последнего перерождения, в этих более высоких сферах я так же, как раньше уже не смогу общаться с подобными мне бывшими людьми. Всё, этот этап пройден, – на удивление мысль разочарования у Павла не вызвала. – Ведь я тоже уже не бывший человек, а их маленькие суетные проблемки теперь не мои и годны разве что для изучения. Может оно и к лучшему? Мне о другом надо думать». Павел абсолютно спокойно висел в эфире и пропускал через себя мироздание.

И вдруг неожиданно:

– Анализируете содеянное? Вижу, что растёте, но медленно. Вам бы сил побольше, желания, уверенности. Попробуйте собраться, а то будете сидеть на этом этапе вечно.

Перед Павлом возникла сущность. И это был не какой-то там прилипала или другое местное домашнее животное. От неё веяло мудростью и силой. Ничего удивительного, конечно. Павел привык. Но здесь было что-то не то. Не так переливались энергии, и совсем другое было от них ощущение. Да и мысли передавались как-то странно. Все, недавно прибывшие из материального мира, передавали мысли по привычке в форме предложений – одна за другой. А этот субъект передал их сразу все, одним образом, как будто он высшая сущность. Но Высшие с ним ещё не общались и уж тем более первыми бы не начали.

– Да, как и все здесь появившиеся, – Павел с интересом поддержал обмен информацией. – А вы кто, кем были? Я чувствую некоторые странности в цветах и энергии. Вы, наверное, жили в каком-то другом измерении?

– Нет, я вообще не жил с вашей точки зрения. Я таким был всегда. Я из вашего же далёкого будущего. Это будет через несколько сотен тысячелетий в земном исчислении. Человек отбросит своё брренное тело и полностью станет энергией, вечной энергией. Ибо сие есть высшая степень развития. Таких цивилизаций единицы, но они имеют место быть.

«Так вот, значит, в чём смысл возврата нашего на бrenную землю? Мы должны в итоге уравнивать нас тамошних с нами здешними? А возможно ли это, тело-то всё равно будет тянуть ко всему животному?» – Павел с сомнением задумался.

– Правильно мыслите. Возможно. У вас к тому времени полностью изменится генетический набор и его программы. Но пока вы должны возвращаться и стремиться довести материальное тело людей до нашего уровня. Здесь надолго остаются только Учителя, ну или Высшие, как вы их называете. Так что держайте, двигайте вперёд свою цивилизацию и не ленитесь – этот совет лично вам.

Житель тонкого мира так же неожиданно исчез, как и появился. А удивлённый Павел ещё долго переваривал новые факты. Особенно его покорило обвинение в лени и неспособности двигаться выше.

«М-да, – Павел уныло усмехнулся. – С чем-то неуловимо знакомым это ассоциируется. Где-то я уже претензии в подобном виде слышал. Вроде в земной жизни что ли, да и здесь от самого себя...»

Тридцать первый, тридцать второй... тридцать девятый теллурические дни после таинства

... Как-то незаметно Павел ощутил, что даже столь привычные аксиомы, как величина и объём видимых, а точнее ощущаемых тел, прекратили своё существование. Сам он теперь являлся всем и одновременно ничем. Он мог ощутить и заполнить собой всю вселенную и тут же уменьшиться до физической точки. А теперь ещё и всё вокруг стало подобным. Павел уже не мог уловить то знакомое чувство величины, к которому привык. Так он потерял и время, и пространство в том понимании, что было раньше. Ощущение было божественным и никакого удивления не вызывало – всё было так, как и должно быть. Может он стал Богом?..

Однако полностью осознать и понять новое ощущение Павел не успел. Неожиданно он почувствовал рядом чью-то силу. Как и в первый раз, она будто прижала к месту, парализовала волю своей мощью, величием и ослепительным сверканием. Только сейчас эта сила не просто пронеслась рядом, а имела касательство уже непосредственно к нему. Сущность, обладающая сверх мощью, замерла подле Павла, и он почувствовал, как мягкая волна контакта коснулась его души.

– Приветствую тебя на этом промежуточном этапе мироздания! Вижу, ты ещё не понял в чём смысл твоего нахождения здесь?

– Я так понимаю, что скоро стану таким же, как ты и пойду дальше? Ведь именно в этом суть существования?

– Суть-то в этом, но ты не набрал достаточного количества нужных дел.

Сущность на мгновение замерла. Было похоже, что она подбирает более понятные слова.

– Как ты думаешь, для чего человеку дана жизнь в земном мире? Главное для каждого человека это даже не социальное самовыражение и не стремление к техническому прогрессу, а тяжёлая работа над собой. А ты был слаб и ленив. И если хочешь идти выше, а не сразу попасть обратно на грешную землю, если тебе любопытно, что там дальше и ты хочешь совершенствовать душу, ты должен напрячься... ну поработай в твоём понимании этого образа. Раз не получилось на земле, то хотя бы здесь.

У меня есть такое предложение: вот смотри, видишь сильные всплески? Это эмоции. А люди, что их производят, соответственно, сверх эмоциональны. Некоторым из них сие идёт во вред. Им положен определённый путь, на котором ты увидишь точки больших свершений и побед в первую очередь над собой. Душевная сила, острый ум и яркие эмоции делают из этих людей учёных, философов, писателей, музыкантов, чьи достижения навсегда остаются вписанными в страницы истории. Однако в некоторых вещах их эмоциональность и психические перегрузки играют злую шутку и сбивают с великого пути. Твоя задача вмешаться и чуть подправить мелкие события, что происходят не в их пользу. Те люди сего достойны, а ты будешь ангелом хранителем. Слышал о таком, наверное? Самостоятельно, как раньше, ты сего сделать уже не сможешь, ибо ушёл из этого измерения и твой контакт с земным миром минимизирован до простого созерцания. Поэтому мы с помощью общего разума нашего мира тебе в этом поможем. Твоя задача проследить, выявить, найти, чем помочь, где подправить и обратиться к нам. А мы дадим тебе возможность осуществить задуманное... ну это, как санкция на определённое действие. Вот сие и будет твоей работой. Она не сложная и не требует сильных мыслительных и творческих нагрузок, поэтому, если не будешь лениться, очень скоро заслужишь продвижения дальше.

Сущность исчезла, а удивлённый Павел, погруженный в свои эмоции, остался в неподвижном состоянии где-то в центре мироздания. «Однако надо выполнять порученную миссию». Через какое-то время он начал прислушиваться и присматриваться к окружающему, если так можно выразиться. И работа не заставила себя ждать. В дебрях чащи чужих мыслей и эмоций он почувствовал сильнее, периодически повторяющиеся всплески...

На это свидание Константин шёл с лёгким сердцем и спокойной душой. Он приложил столько усилий, истратил столько нервов на сайтах знакомств, что был совершенно уверен в своей победе над упрямой судьбой. Девушка с романтичным именем Марина была не совсем той, что грезилась в его мечтах. За годы ожиданий так необходимой ему любви, Костя достаточно чётко нарисовал в своём сознании образ доброй и умной нимфы, которая должна будет освятить весь его последующий жизненный путь, стать его музой и опорой. А Марина... конечно, не очень-то похожа на тот образ, но... на то он и образ. Сам Костя занимался вещами очень даже интересными, стоял, так сказать, между философией и только-только вылупляющейся из гнезда физикой – физикой многомерного пространства, в общем, феерил новыми идеями. Ему нужен был кураж, вдохновение, а поиск девушки только отнимал время и ничего не давал взамен.

«Да какая, в конце концов, разница, – размышлял Костя, мерным шагом приближаясь к месту свидания. – Ну, может, я ошибаюсь. Главное ведь чувства и они вроде уже зародились. А что такое образ, нарисованный в воображении? Фантазии, фикция. Так можно и до старости прождать... Господи, как душа-то болит, какой тяжёлый камень! Ну не могу я без любви, просто умру!! Пусть хоть какие, но отношения! – крик души, как ярко жёлтый столб огня ударил вверх болью и тут же был замечен Павлом».

– Здравствуй, дорогая, – Костя широко улыбнулся.

– Привет, Константин, – взгляд Марины излучал спокойствие и в нём сияли искорки.

– Куда ты хочешь сегодня пойти, моя милая?

– Давай в торговый центр сходим, мне там надо по магазинам пробежаться, никак кофточку под эту юбку не найду подходящую. Там же и в кафешку можно зайти посидеть. Мой ухажёр не против? – Марина хохотнула.

Ухажёр кивнул. Костя был полностью уверен, но только в одном – он сделает всё, что бы форсировать развитие отношений, как можно быстрее пройдя конфетно-букетный период и притирку характеров. Всё это можно спокойно пережить уже в процессе семейной жизни.

Форсирование прошло вполне успешно, и уже через полгода довольный Костя вставал с улыбкой с постели и шёл на кухню готовить кофе с бутербродами для любимой дамы, что нежилась в постели в лучах утреннего солнца.

– Константин, у тебя сегодня какие планы? – твёрдым голосом спрашивала муза Марина. И не дожидаясь ответа, тут же отвечала. – Я сегодня собиралась сходить присмотреть нам трюмо в спальню и заодно мне новую сумочку просто необходимо к новому платью найти. Надеюсь, ты со мной пойдёшь.

Костя вздыхал, забывал свои планы посидеть за книгами и попечатать новые идеи. А его вдохновение печально засыпало, надеясь на благосклонность Костиной музы в следующий раз. Шло время, но муза так и не одобрила внеслужебных увлечений мужа, как не приносящих в семью финансового благополучия, а посему бессмысленных. Работа, домашние дела и простые обывательские развлечения незаметно усыпили вдохновение и желание творить навсегда...

«Да, парень-то достоин, чтобы ему помочь, ибо правит им не грех или слабость, а слишком сильное желание любить. А он от переизбытка эмоций и недостатка любви кидается на любую, что подвернулась, типа потребителя Марины. Так можно или вообще уйти с положенной дороги или отодвинуть цель на много лет вперёд», – мысли Павла сияли справедливым гневом, когда он перемещался по Костиной линии жизни обратно в точку знакомства с Мариной. Именно эту точку можно было сделать началом другой жизненной альтернативы. Теперь помощь мироздания, собственное небольшое усилие и...

... На это свидание Константин шёл с лёгким сердцем и спокойной душой. Он приложил столько усилий, истратил столько нервов на сайтах знакомств, что был совершенно уверен в своей победе над упрямой судьбой. Девушка с романтическим именем Ксения была не совсем той, что грезилась в его мечтах. За годы ожиданий так необходимой ему любви, Костя достаточно чётко нарисовал в своём сознании образ доброй и умной нимфы, которая должна будет освятить весь его последующий жизненный путь, стать его музой и опорой. А Ксения... конечно, не очень-то похожа на тот образ, но... на то он и образ...

Павел с удовлетворением видел – альтернатива начиналась параллельно, один в один с первой, за исключением самой девушки. Это как раз и надо было.

... – Здравствуй, дорогая, – Костя широко улыбнулся.

– Привет, Константин, – Ксения была очаровательно задумчива с чуть отрешённым от реальности взглядом.

– Куда ты хочешь сегодня пойти, моя милая?..

«Ну здесь делать больше нечего», – Павел переместился на месяц вперёд.

А сегодня вечером Ксения почему-то не пришла. Костя мучительно и с надеждой ждал часа два, но вместо уже знакомых шагов на лестнице, в тишине его квартиры раздался звонок телефона.

– Алло, – голос Кости дрожал. Он с ужасом понимал, что сейчас услышит. И это чувство холодило мозг.

– Здравствуй, Костя. Тут такое дело, не знаю даже, как сказать. Представляешь, вчера на улице встретила свою бывшую любовь, ну моего Серёжу. Помнишь, я тебе рассказывала, какие у нас сильные чувства были друг к другу, и как он потом неожиданно исчез из нашего городка навсегда. Так вот, он приехал на один день в командировку и надо же, какое необыкновенное совпадение, мы встретились недалеко от моей работы. И, веришь, чувства вновь захлестнули нас с головой – всё, как тогда. Я понимаю, тебе больно об этом слышать, но мы ведь только месяц встречаемся, я думаю, ты не сильно будешь переживать. У нас и отношения-то как следует не начались, ведь правда?

Костя молчал в трубку. Его боль ярко жёлтым столбом сияла перед Павлом.

Минул месяц депрессии и отсутствия желаний не то что заниматься любимым делом, но даже общаться с людьми. Потом ещё три – четыре. И вот, возрождённый к жизни Константин вновь «в седле». Его идеи отличаются смелостью и оригинальностью, правда, ему кажется, что иногда не хватает какой-то малости, озарения. Временами он вроде как слышал слабый голос интуиции, уговаривающий подождать, но горячее желание получить любовь срочно прямо сейчас заглушало этот жалкий писк. А посему он не желает

ждать милости от судьбы, а вновь упорно ищет музу, что должна поднять его дух, в просторах интернета. Опять знакомства, переписки и, наконец, долгожданная встреча.

Девушка Дарья обладала сильным характером и стремлением к полной победе над любыми жизненными преградами. Это сильно отличало её от довольно легкомысленной Ксении, однако его интуиция попискивала: «опять не то. Что девушка сия будет идти только своим путём, а не служить Константину музой в его творчестве». Но что на неё смотреть на эту интуицию, так можно и бобылём остаться. Надо брать быка за рога. И Костя смело бросается в бой.

Всего какой-то месяц и он снова счастлив: молодые уже живут вместе, а у Константина прилив творческой энергии. Правда, пока он идёт к своей цели, Дарья идёт рядом, причём семимильными шагами, и на успехи Кости внимания обращает мало. Несмотря на это, в данный момент сей факт его мало напрягает, к тому же Костя оптимист и верит, что всё может измениться. Но... Как-то вечером Дарья пришла с работы взволнованная:

– Костя, представляешь, мне предложили шикарный контракт в Германии, мой проект занял первое место по городу.

Сердце Константина упало, а мозг привычно окутал холодный ярко-жёлтый туман.

– Ты что, хочешь уехать и бросить меня здесь одного? Ты же знаешь, у меня здесь хорошая преподавательская работа в крупном институте и кое-какое хобби, которое, я уверен, скоро принесёт мне известность. А для этого хобби мне просто необходима ты! Ты моё душевное равновесие и муза!

– Я такой шанс упустить не могу, – Дарья говорила быстро, её лицо пылало от возбуждения. – Я не могу жить твоими интересами, а хочу добиться больших высот сама. Если хочешь, езжай со мной. Правда, я не знаю, что ты там будешь делать, твоё образование в Европе не котируется...

Боль была такой сильной, что её всплеск трудно было не увидеть. Но сочувствия или жалости она у Павла не вызвала. Он был вполне доволен своей работой: девушки были подобраны правильно и их жизненные пути удачно скрещены в нужный момент с жизнью Константина, а до его знаковой встречи с Маргаритой оставалось всего несколько месяцев – как раз тот срок, что бы зарубцевалась душевная рана. И Костя к ней подошёл целым и невредимым.

Через три с половиной месяца в одном университете случился симпозиум, посвящённый вопросам и теориям новой физики. Не присутствовать Константин, естественно, не мог. Выступать он не собирался – настроения не было, но посидеть, послушать это дело святое. Рядом с ним сидела девушка, по виду студентка старших курсов сего ВУЗа, и с интересом наблюдала за тем, как Костя старательно конспектирует всё, сказанное выступающими. А в перерыве, в буфете, она подошла сама:

– Извините, я видела, как вы записываете всё сказанное. А я вроде бы вас в университете не встречала. Вы приглашённый или просто любитель?

Константин смутился. Открытая улыбка девушки и глубокий взгляд вызвал тёплую волну в груди.

– Нет, я сам пришёл, но не любитель. Я преподаю на кафедре физики только в другом институте. А сегодняшние темы это хобби. У меня есть кое-какие идеи в данной области, причём довольно прорывные.

Костя на мгновение замолчал, обдумывая, что же говорить дальше.

– Однако очень приятно увидеть такую красавицу, ещё и интересующуюся новой физикой. А посему задам вам тот же вопрос. Вы любитель или профессионал в этой сфере?..

Девушка с литературным именем Маргарита оказалась действительно студенткой кафедры прикладной физики и большой, даже огромной любительницей всего нового и интересного. К Константину она отнеслась с почтением и нотками фанатизма к его работам. Через месяц они уже жили вместе, а через год страна увеличилась на одну крепкую, любящую семью. Костя с блаженством вернулся к своим идеям, а его молодая жена стала хранительницей очага и главное музой. Эмоциональное блаженство с эндорфинами подстёгивали движитель его творчества, и через пару лет Константин присоединил к учебникам физики несколько законов. А чуть позже запатентовал первую в мире модель двигателя, использующего энергии, находящиеся за пределами наших привычных трёх измерений.

Как только Павел удовлетворённо расслабился, в сознании замелькали ещё десяток эмоциональных всплесков, каждый со своей болью.

«Уф, подустал. Их, похоже, невообразимое количество, – Павел нехотя повернулся навстречу потоку эмоций чужих жизней. – Может, пока кто-то другой ими займётся, почему я один должен...?»

Прошло сколько-то субъективного времени.

...Сейчас Павел понял, почему должен был отдавать последнюю дань миру, что покинул. И отдавать её столько, сколько хочет, пока не устанет. Наслаждаться им, как фильмом, пересматриваемым десятки раз. И вот теперь он устал. Ему надоела трёхмерная жизнь и привязанностей уже не осталось. Он был ею полностью иссушен.

«Вперёд!», – сказал Павел сам себе.

Сороковой теллурический день после таянства

Опять недолгий полет или скорее перемещение. А возможно даже перемещение внутри собственного сознания. По дороге встречались бесформенные обезличенные сгустки, видимо бывшие когда-то людьми, стоящими на первых ступенях. Энергии они излучали мало, но были полностью интегрированы в общее поле.

Павел увидел, что как и в тот раз – на десятый день, какая-то часть его: сугубо материальная часть его чувств, мыслей, эмоций остаётся на месте в

виде похожего на него тела, а сам он уходит куда-то вглубь... Никакого сожаления от потери он не почувствовал.

Вдруг пришло что-то ещё – Павел увидел всех... или всё. Тут были и Ихтары, и бывшие жители параллельных миров, и даже других космических цивилизаций. Только Павла это совсем не удивляло и не волновало. Да и не Павел это уже был. То была сущность, у которой не было никаких бывших земных понятий и ценностей, с громадным объёмом общей памяти, мыслительными процессами и сверхчувствительностью ко всему окружающему.

Здесь все существовали, как одно целое, варились, как в общем котле мыслей и чувств. Отдельных, совершенно обособленных личностей практически не было. Хотя Павел видел какие-то сильнеешие энергии, ярко выделяющиеся на общем фоне. То были сущности высшие, достигшие огромной силы и, как Павел теперь понимал, приближённые к Богу. Однако оставался вопрос.

«Но всё же, что есть Бог? Хорошо, высших сущностей или, как их назвать... ангелов, я уже видел. А где же сам Господь, есть он или нет? Или есть только приближения к нему? Кто тогда управляет всем этим сложнейшим механизмом? А может Он это и есть ангелы, объединённые в какое-то общее сознание?»

И вот через десяток субъективных секунд Павел оказался Там. Причём «там» это не место, а скорее новое восприятие. Он и сам опять стал другим и видел теперь абсолютно по-другому. Всё вокруг происходящее можно было сравнить с каким-то фантастическим городом или страной, где живут удивительные существа, занимаются какими-то делами, где есть подобное инфраструктуры... но только сравнить, ибо оно с привычной точки зрения таковым не являлось.

Как только Павел оказался в новом мире, он почувствовал сразу всех, как музыкальный инструмент чувствует камертон. А через несколько мгновений он увидел и свою, звучащую так же как он, струну. Его Это сразу ассоциировало ту струну, как Она. Она была ярко белая, обжигающая его душу. И тут же Он вспомнил всё.

Он давно с Ней, после каждого воплощения в трехмерном мире они вместе здесь. Каждый раз они расстаются, их существование меняется, но неизменно воссоединяются здесь. По тем меркам они расстаются на мгновения, когда в мире людей проходят годы. Они всегда вместе и им так хорошо, что кажется половина смысла бытия уже выполнена.

Павел весь превратился в пламя с головы до пят, если так можно здесь выразиться. Мгновенно запылала давно забытая любовь, яркая, настоящая, такая, что внутри аж всё плавилось. Она была величественна, как столб, как огромный собор с золотыми куполами. Она окутала и рванула ввысь, подняла его так высоко и с такой силой, которой у него никогда не было. Великое чувство возвысило его над всем. И тут Павлу показалось, что он стал Богом. Через мгновение влюблённые слились, и пока являлись одним целым,

ощущение удовольствия у обоих нельзя было сравнить ни с чем. Каким-то слабым воспоминанием, где-то в глубине мелькнуло осознание причины отсутствия любви к давно забытой Елизавете. Что там прошлые земные чувства, они как восковая свечка в сравнении с южным солнцем. Желание разъединиться наступило только через пару десятков субъективных минут и то для того, что бы пригасить огонь и пообщаться холодным разумом. Им было о чём поведать друг другу, они не виделись шестьдесят два года – такую малость.

– Ну как последнее воплощение, тебе самому понравилось? – внимательно всматривалась Она в Павла. – А то, я вижу, ничего особенного.

– Да, ты права, любимая. Как-то слабовато всё прошло. Ничего я в нём не добился.

– Так ведь ты как всегда ленишься, – игриво журила Она Павла. – Опять не выполнил главного испытания?

– Да я, понимаешь, только здесь чувствую, что «надо». А там только «хочу», – стыдливо оправдывался Павел. – К тому же на мне свет клином не сошёлся, от меня много ль зависит?

– Милый, с таким подходом ни ты, ни я ничего не добьёмся. Будем стоять на месте. Ну ничего, мы здесь с тобой поработаем над этим. У нас впереди вечность, новые знания, путешествия. Посмотри вокруг.

И действительно, чего-чего, а знаний здесь было неограниченное количество. Любой мог внести свою лепту и Павел в том числе. Вопрос: как сделать оное, не стоял. Понимание витало рядом – всё просто. Надо было лишь напрячься и...

Красиво и много думать, ибо всё это трансформируется в общее поле и будет являться помощью людям, тем, кто умеет сие чувствовать, возможно, даже самому себе в следующем воплощении.

Можно было размышлять и создавать те же вещи, что обдумывались при какой-либо земной жизни. Бывшие писатели здесь писали, художники визуализировали, учёные искали... и всё это тут же растворялось в общем информационном поле. Впоследствии эти знания подчерпнут люди трёхмерного мира, может быть и куда менее талантливые, чем сочинители, зато могущие хоть немного контактировать с системой поля.

Ещё библиотеки. Они тоже были здесь. Правда, в виде мыслеобразов, а не символов на бумаге. Они были похожи на концентраторы всех мыслей и знаний, произведённых биологическими и небиологическими существами всех измерений и цивилизаций за всё время существования оных. Можно было не только самому что-то придумывать, но и пользоваться сочинениями других.

«Мне же надо хоть с чем-то прийти к Богу. Я должен много понимать, знать суть свою и всего вокруг, – логично рассудил Павел. – Иначе с чем мне перед ним предстать? – вполне обосновано волновался он».

Сказано-сделано и Павел заглядывает в местные филологические дебри. Прилежность и рвение Павла в тот момент были на высоте. Правда, эти

сочинения он воспринял сначала по-прежнему в виде книг, хотя большинство других обитателей тонкого мира их воспринимало сразу полностью – от начала до конца всю мысль. Но для оных культистов Паше надо было учиться раскрываться навстречу и очень быстро воспринимать информацию, а ему это было лень. Проще по старинке – взять книгу и читать, принимая мысль поэтапно, хоть сие и медленно. Да и сам поход в библиотеку ему было легче осуществить, как действие, похожее на привычное, чем понять, что библиотека «сама может прийти», да и никуда не уходила – она вокруг, просто на неё надо настроиться. В итоге прилежность и рвение несколько поутихли.

– Да, дорогая, я всё увидел, – вернулся он довольно скоро. – Но, может быть, мы с тобой пока не будем заниматься рутинной, а остановимся на отдыхе и путешествиях по мирам?

Павлу показалось, что Она пожала плечами.

– Давай, конечно. Но разве что только для начала. С тобой, мой любимый, мне приятно делать всё, что угодно. Ведь ты мой дуал...

Через какое-то время, понять которое не представляется возможным, воркование влюблённых перебила какая-то сущность, фонтанирующая мягкой, но мощной силой.

– Ты здесь не просто так. Работай, думай. Генерируй идеи и отправляй их в пространство. Те, кому они предназначены, их подберут. Ты чем занимался в последнем воплощении, какие были идеи, эзотерические? С ними и работай. А ещё лучше найди сам человека по силе мысленного излучения – того, кто тебе понравится, достойного. И попробуй послать их в его ментальное пространство.

Павел был несколько обескуражен.

– Я не настолько этим занимался, что бы иметь свои достойные идеи. Да я вообще над собой не работал и ни чем особенно не занимался... – Павел испытывал досаду.

– Ничего страшного, – мягкая успокаивающая сила обволокла его разум. – Ты скоро сам поймешь, на что способен и как быть дальше. А пока посмотри ещё кое-что, это тебя подтолкнёт к выбору.

Сила так же неожиданно исчезла, как и появилась, а Павел увидел...

Группа людей, в числе которых легко угадывались давно знакомые Альберт Григорьевич Крутиков и его руководитель Алессандр Илиич, быстрым шагом подходили к пятиэтажному белому, как молоко, дому. Вход в здание представлял собой крышу в стиле барокко, покоящуюся на четырёх колоннах. Справа от массивной дубовой двери висела мраморная табличка: «Детский дом №1».

Прямо напротив двери нетерпеливо крутился какой-то мужик, периодически прикладывая к губам электронный газодизинак. Заметив

подходивших, он сунул газотрубку в карман и быстрым шагом пошёл им навстречу.

– Здравствуйте. Вы из института экспериментальной физики? Я не ошибся?

Физики кивнули головой.

Не дав им задать вопрос, мужик эмоционально затараторил:

– Извините, я сам на вопросы отвечать не уполномочен... хотя тут такое... Меня попросили только лишь вас встретить и провести в кабинет заведующего. Там всё объяснят.

Делегация быстрым шагом вошла в здание и поднялась по лестнице. Провожатый открыл дверь в кабинет и пропустил физиков вперёд.

– Господа учёные, мы вызвали вас, как опекунов Тараса, – крупный мужчина в синем костюме встал из-за большого круглого стола и протянул руку. – Меня зовут Аван Филиппович. Если я не ошибаюсь, два с половиной года назад именно вы и привели его сюда. У меня такой вопрос: откуда ребёнок у вас появился, и не замечали ли странностей, пока он находился у вас?

Учёные переглянулись. Алессандр Илиич, как руководитель, заговорил первым.

– А можно в начале поинтересоваться, что произошло? Информация о ребёнке запрещена для общего доступа с санкцией управления науки и культуры. Вы нам всё расскажите, а мы уже решим, что вам ответить.

Заведующий детским домом развёл руками.

– Ну хорошо, слушайте. Сначала всё было нормально, во всяком случае, никаких необычных наблюдений и жалоб. Единственная странность это то, что Тарас почему-то всех сторонился и даже пытался быть вне поля зрения. Воспитатели говорили, что у них складывалось ощущение, будто его главная задача это уйти от нашего за ним контроля. Но это мы списали на замкнутость.

Затем всё усугубилось – у Тараса обнаружилась сильная агрессия. Несколько раз мы были свидетелями шокирующего поведения. Например, на того ребёнка, с кем он при нас весело играл, он вдруг набрасывается, вплеяется зубами ему в руку, а то и в шею, и бьёт его кулаками по лицу. Причём агрессия проходит так же быстро, как и началась. После чего он продолжает преспокойно играть. Знаете, – мужчина понизил голос, – у нас появилось такое ощущение, что в нём сидят бесы.

– Аван Филиппович, вы ведь взрослый человек. Ну какие бесы? – эта реплика, естественно, принадлежала Крутикову. – Что за антинаучные домыслы! У вас педагогическое образование, в детской психологии разбираетесь. Вы что, не можете всё это объяснить с точки зрения специалиста?

Аван Филиппович тяжело вздохнул.

– В том-то и дело, что не можем. Тарас единственный в моей практике ребёнок с таким поведением. И это я не всё вам рассказал. В течение последних нескольких месяцев воспитатели видели, как он говорит разными голосами, причём совсем не детские вещи. Голоса разные не по тембру, а по

типу смысловой и интеллектуальной нагрузки. Это жуткое зрелище. А недавно он сам предложил свою помощь воспитательнице в смене голографических датчиков, требующих перепрограммирование, на окнах в обучающей аудитории. Он старательно принимал у неё из рук старые датчики и подавал новые. А потом вдруг схватил стул и изо всех сил запустил в воспитательницу, стоящую на подоконнике. Она упала с пятого этажа головой прямо на каменный козырёк. Разбилась насмерть. Камеры зафиксировали, что делал он всё это с совершенно одинаковым выражением лица: и помогал воспитательнице, и сталкивал её с подоконника. Психолог сказал, что для него эти два действия были абсолютно равны по нравственным и моральным ощущениям.

В последнее время в учреждении стали пропадать различные вещи, например, острые предметы, или вот книги по прикладной механике в картинках для подросткового возраста. Вообще, мы уверены, что все странные вещи, происходящие в нашем учреждении, не без его участия. Кстати, Тарас читать так и не научился. А когда он говорит, то отдельными рваными словами, например: «дать ложка». И только в том странном состоянии, которое я вам описывал, он говорит нормально, даже слишком, правда, будто разными голосами.

– Так ладно, я всё понял, – Альберт Крутиков сделал несколько шагов вперёд, подойдя практически вплотную к говорившему. – Знаете, Аван Филиппович, у меня сложилось впечатление, что вы, мягко говоря, не достаточно хороший специалист, раз не можете воспитать одного ребёнка. Пожалуй, мы возьмём его воспитание на себя, а то вы здесь напридумываете ему всяких болезней. Уверен, Алессандр Илиич против не будет, тем более мы как-никак остаёмся его опекунами.

– И как же вы собираетесь мальчика воспитывать? Какую психологическую методику примените? – судя по сарказму, стала понятна степень обиды Авана Филипповича.

Но Крутиков, похоже, её даже не заметил. Он слушал только себя.

– А метода простая. Мне кажется, его надо отпустить в общество, так сказать, в свет. В нормальное общество, а не детдомовское. Здесь у него ограниченный круг общения, а там он быстро социализируется и станет нормальным полноценным человеком. Я в этом полностью уверен.

Альберт Крутиков обернулся к своему руководителю за поддержкой. Тот опустил взгляд и неуверенно пожал плечами...

«Да, действительно, подтолкнули и выбор теперь очевиден, – Павел первый раз отнёсся философски спокойно к новой порции видений. – Теперь я начинаю понимать, зачем мне эти сцены показывают. Я что, должен как-то помочь? А к понимаю «как» меня тоже подтолкнул?»

Ответа Павел не ждал, вопрос, похоже, был адресован самому себе.

Сорок первый... пятидесятый... трёхсотый теллурические дни после таинства

Её он мог видеть и чувствовать тогда, когда захочет – ещё один плюс по сравнению с любовью земной. Как только Павел нуждался в сладкой томной эмоции любви или хотел отдать свою, сразу появлялась Она. И даже если на мгновение, но и сего было достаточно для обмена будоражающим где-то внутри напитком страсти, а заодно и чувством поддержки.

– Интересно, как долго это продлится – наше очередное свидание? – вырвалось как-то у Павла вместо образа слово, которое он давно забыл.

– Здесь нет времени, – услышал он сладкий ответ. – Столько, сколько мы захотим, пока не надоест.

– Зато я понял, что ищут люди на земле – те, что способны на любовь, и никак не могут найти. Память о настоящем чувстве так сильна, что прорывается через подсознание. Люди мечтают, ищут нечто сильное и романтическое, но в большинстве своём не находят.

Она засияла улыбкой.

– Да, милый, одариваются только отдельные, особо заслужившие и на какое-то время.

Влюблённые соединились и засияли красками гармонии и блаженства.

– Вперёд, к счастью и удовольствиям! – крикнул Павел, и Она тут же его поддержала. Разве что какое-то странное сомнение или даже удивление на мгновение скользнуло в его мыслях и тут же исчезло.

Так вместе они летали по миру, переживали события и тут же делились эмоциями и мыслями. Колоссальное удовольствие от совместного, в унисон, интеллектуального и эмоционального возбуждения Павел вновь научился получать совсем недавно, после последнего воссоединения с любимой. В первый раз они ворвались в поток мыслеформ каких-то юных средневековых аристократов, плавающих от любви к таким же юным леди и одновременно от прорывных философских идей построения идеального общества. Тогда Павел почувствовал, как он на время стал ими и получил незабываемое удовольствие. А сейчас, плавно перемещаясь по пространственно-временной дороге, наткнулись на романтические, пронизанные солёным ветром и просторами, чувства морских путешественников. Их мысли были полны детского предвкушения чего-то неизведанного и счастливого, которое вот-вот случится. Сила сих потоков была такова, что они давно витали в общем эфире, выделяясь от других своей чистотой и сверканием.

Когда влюблённые насытились, они мгновенно вернулись обратно. И тогда у Павла вновь возникло его сомнение, но на сей раз удачно преобразовавшееся в вопрос:

– Как ты думаешь, любимая, каков же смысл нашего нахождения здесь? Не удовольствия же ради только. Вот в физической жизни я понимаю – там был смысл правильно и нужно её прожить, что бы попасть сюда, в высшие сферы, и не уйти сразу после сорокового дня обратно на землю в новое человеческое обличие. А здесь чего и где надо добиваться?

Она вновь улыбнулась и потянула за собой. Несколько мгновений и влюблённые почувствовали мощную волну где-то рядом. Сила её нарастала по мере приближения и, наконец, достигла апогея, в какой-то степени даже мягко парализуя их волю. Тут же Павел увидел и источник. Сначала то был яркий свет, но приглядевшись, он узрел что-то вроде сгустка энергии, можно даже сказать, в виде чьей-то фигуры в центре. Павел напряг ощущения, фигура приблизилась и оформилась. Пред влюблёнными была сущность мощи неимоверной, помыслы и эмоции которой понять и даже почувствовать было не реально. Но сила та была доброй, мягкой, справедливой... да, конечно же доброй, и в этом почему-то не было никаких сомнений.

– Совсем недавно Он был такой же, как мы с тобой. А теперь вот – Он достиг высшего просветления, идеала души, мощности, доброты, силы, отсутствия всех тянущих «вниз» факторов. Теперь он Учитель и управляет некоторыми процессами в этом многомерном мире. Он – часть Бога, если так можно выразиться, приближённый к «свету», к истине. Прожив в физическом мире все круги, начиная с самых лёгких, похожих на отдых, и заканчивая самыми сложными, тяжёлыми и эмоциональными жизнями, ты как раз к сему и приближаешься. Но надобно не просто прожить их, а выполнить в каждой своё предназначение, пройти некое испытание чего бы это ни стоило. Не исполнишь – будь добр пробовать ещё раз. Правда, в этот раз тебя попросту столкнул с ним лбами. А как успешно закончишь сей непомерный труд – заслужишь право быть одним из Них. В этом и есть смысл, – услышал Павел объяснения любимой.

Как ни странно, критичность мышления – ещё та, земная, просто взять и принять этот рассказ, как постулат, не дала.

– Хорошо. Но зачем становиться высшим существом, Учителем, приближённым к Богу? Неужели ради банальных человеческих стремлений быть первым и самому возвыситься во власти? Иль может из любопытства, желания всё увидеть? Я сомневаюсь. Все эти страсти – прерогатива биологического животного мира. А тут всё должно быть на много тоньше.

Павел почувствовал, как его окутало покрывало любви и нежности.

– Дорогой мой, а как же стремление стать лучше, чище, а главное мудрее? Ведь для этого нужно познать жизнь во всех гранях, получить бесценный опыт, основанный на собственных примерах, и сделать нужные выводы. И плохое и хорошее, и страдания и счастье необходимы для равновесия вселенной. А способность управления ею лишь производная от достижения сего совершенства. И только тот, кто всё прошёл имеет возможность решать и управлять такими тонкими процессами.

Павел задумался.

– Да, действительно так.

Он вдруг всё осознал и прочувствовал, как будто оные знания исходили от него самого. Но и на этом поток информации не закончился. Через сознание Павла проходили образы и знания о самых глубинных процессах во вселенной.

«...Если справишься с предназначениями там и станешь выше здесь, то уйдёшь вообще от контакта с трехмерным миром еще в более высокие измерения, в мир где-то и когда-то, возможно в середине галактики рядом с черной дырой. У тебя активизируются еще более глубинные энергии, другие типы твоего состояния, которые пока так же за стенкой подсознания. Там, как и везде, тоже живёт разум. А в данном мире ты воплощен в энергию только этой частоты и другие не воспринимаешь... Потом ты сможешь пойти и дальше, если тебе это будет интересно – туда, за край вселенной, где нет ничего. Но мы бы тебе не советовали. Там нет гравитации, поэтому вообще нет ни времени, ни пространства, ни других измерений, по которым ты привык перемещаться. Там пусто, холодно и даже страшно, туда мало кто заходит...»

Самое интересное, что гравитация осталась, правда, в другом понимании. Она выражалась не в том привычном притяжении, кое он чувствовал при земной жизни. Павла также притягивало к части окружающего пространства, где он находился. А вот чтобы путешествовать дальше, в более высокие измерения, отличные от тех, в которых он передвигался свободно, приходилось сильно напрячься. Как-то для интереса, добравшись до Чёрной дыры, Павел увидел что-то наподобие воронки, отличавшейся по цвету от всего остального пространства. Тогда ему вспомнилось слово «сингулярность», вычитанное в одном научно-публицистическом журнале. В воронку засасывало ветром, а с другой её стороны было такое же многомерное пространство. Очевидно, она являлась мгновенным переходом, но только по первым пяти измерениям. Павел отчётливо сие видел. Остальные же измерения, во всяком случае, те, которые Павел воспринимал, оставались неизменными, иначе всё мироздание непрерывно завязывалось бы в узел, проходя бесконечное количество раз через воронку. По ним приходилось передвигаться так же поэтапно, как идти по обычной земной трёхмерной дороге.

Но и на этом любопытство Павла удовлетворено не было. Конечно же, как и предсказывало мироздание в виде внутреннего голоса, он заинтересовался: «а что же там, за краем обозримой вселенной?» А там, действительно, оказалось одиноко, тоскливо, даже страшно. Никаких привычных измерений, он как будто в ночь из оживлённого города ушёл в пустынную степь.

Павел вспомнил о попытках земных учёных написать общее гравитационное уравнение и усмехнулся. Вот сейчас они бы его точно написали. Они бы увидели, что время и пространство напрямую привязано к гравитации, что за краем вселенной, где её нет, нет ни времени, ни пространства, ни ещё некоторых составляющих основных измерений материального мира. Хотя время осталось – как субъективное, как что-то личное.

Постояв там немного, появилось желание немедленно вернуться обратно в тепло, в суету, к разуму и чувствам.

Наконец через бездну... или секунды субъективного времени Павел сам начинает понимать, а точнее чувствовать, что работа здесь, действительно, необходима. Но на сей раз ему об этом никто не сообщал, теперь он просто знает это и всё. Он знает, что работа добровольная и степень нагрузки тоже. Конечно, ты мог и просто отдыхать, ничего не делая, если тебе сие было по душе. Однако всем было известно – ты совершенствуешься и пойдёшь ещё выше, только если будешь себя напрягать. Были сущности, что делали это с удовольствием, им Павел завидовал, правда, зависть была чистая, белая, другой в этом мире и быть не могло.

«Нет, надо брать пример с лучших, идти за большинством». И Павел решает быть активным, если не индивидуально, то хотя бы вместе с коллективом подобных ему. Он присоединяется к громадному числу личностей и сущностей, занимающихся, как ему показалось, самым важным делом – они следили за равновесием во вселенной. Само равновесие оказалось штукой весьма интересной, включающей в себя и деяния всех живущих в биологическом мире, и энергетические, субэнергетические, а также гравитационные процессы, происходящие во вселенной. Все эти процессы и изменения ощущались обобщённым разумом всего коллектива, а именно невообразимым числом сущностей и каждым из них по отдельности, как собственное тело. Конечно, если ты сам сего желаешь. После того, как некая проблема проходила через душу и опыт каждого и одновременно всех целиком, её рассматривал Учитель, ибо окончательное решение о необходимости и степени воздействия принимали всё-таки Высшие.

Оказалось, что на земле достаточно много не совсем обычных людей. При жизни Павел и вообразить такое не мог, только посмеялся бы над сказками. Он видел их энергетические следы, появляющиеся в системе равновесия. Тут же стала понятна и его задача: контролировать и частично регулировать попытки некоторых, одаренных в этом гомо сапиенсов, вмешиваться энергетически в систему мироздания. К прискорбию, сии приматы понимали возможные последствия на уровне детей и тем самым портили самим себе и другим жизнь.

Итак, Павел растворился в общем поле своих новых коллег. Чувства, ощущения, энергии стали общими, частной собственностью осталась только возможность принимать личные решения – стоит ли в данном случае воздействовать на мироздание и в какой степени приложить к этому усилие. В общем, Павлу сие нравилось.

За этой работой прошло сколько-то субъективного времени...

... Вдруг он почувствовал: в одном месте за четыре парсека от материальной Земли произошло нарушение общего поля. Шестой порядок – теперь Павел понимал это. Сдвиг тонкой структуры, могущий привести к серьёзным последствиям. Парсеки блеснули в сознании на миг, но лишь, как информация. Ни расстояние, ни время единиц не имело, всё было здесь, рядом. Вместе с ним нарушение ощутили и все остальные – миллионы

сущностей разных сил. Надо было понять, а точнее почувствовать, что необходимо сделать для устранения проблемы, затем обратиться к Высшим и после внести свою толику – всем вместе напрячься и сдвинуть повреждённый структурный пласт всей энергией. Ответственность стала тревожить душу Павла грузом недовольства.

Но тут у Павла промелькнула мелкая мыслишка:

«А зачем так напрягаться? Со мной сие делают миллиарды, триллионы, населяемые бесчисленные частоты измерений, моя энергия утонет в общем поле, никто и не заметит. Решение примут другие, более сильные. А у меня столько сил нет, где б им взяться...»

Мыслишка Павлу пришлось вполне по душе. Он отстранился от общего поля, от других обитателей пространства – как груз с души снял.

«Ничего, всё образуется», – волнение ушло.

... Но на сей раз полностью устранить не удалось. Колебание энергий отразилось в третьем измерении и выплеснулось в информационное поле. Его тут же почувствовал, подхватил один фанатичный учёный в двадцать третьем веке, давно размышляющий на не совсем обычные темы...

«Всё равно придётся вмешаться, – Павел с досадой поморщился. – У них не получилось с первого раза».

И теперь ему, Павлу, предлагалось исправить своё прошлое отступление и соприкоснуться с душой того самого Альберта Крутикова.

«Так вот, каким образом меня к помощи подтолкнули... иль это я сам, без помощи Высших, возможное будущее увидел, раз оно ко мне оказалось привязано, – понимает теперь Павел. – Ну что ж, я согласен. Ведь недаром мне такой длинный триллер показали».

Необходимо создать поток и поменять конечный неблагоприятный исход на какую-нибудь альтернативу. Павел, в принципе, не против попробовать. Он соприкасается с Альбертом.

Мощнейшее поле ментальной энергии, фейерверки мыслительных процессов и фанатичного упорства отбрасывают Павла в сторону. Он пробует снова, но сила воли и мысли учёного физика пугают Павла. Робкие попытки не приносят никакого эффекта. Он привычно отступает. Он не может справиться, так как слабее.

Мысль: «я не смогу напрячься ещё сильнее, пусть это сделают другие», – как обычно, приходит на помощь. Опять и всегда сила победила слабость!

Все заканчивается уже без него титаническими усилиями тех, других. Павел лишь наблюдает. Миг, а может вечность, и альтернатива создана.

Альберт Крутиков задумчиво тёр мочалкой костлявую грудь. Только что колокольчиком в мозгу вспыхнула мысль и погасла. Мысль просто замечательная, но уцепить её за хвост не получилось. Однако... Из крана лилась рециркуляционная вода и что-то она Крутикову напоминала.

«С чем она может ассоциироваться? – Альберт терзался в поиске. –

Обычная стандартная система, как в любом доме, что тут может удивить? Грязная вода уходит в принимающий коллектор, очищается в, притягивающим всё лишнее, фильтре и тут же подаётся насосом обратно в душ. Замкнутый цикл, не требующий дополнительной траты воды. Сам фильтр очищается раз в месяц сухой вибрацией. Питается вся система тяжеловодородной батареей, рассчитанной лет на пятьдесят – во всяком случае, у меня».

Крутиков остановился. Никакого колокольчика в голове не зазвенело. Он хмыкнул, тощим пальцем накручивая себе ус...

Вдруг в комнате настойчиво прозвучал сигнал вызова.

Альберт выскочил из ванны, одной ногой нашарив силиконовую шлёпанцу, другая это сделать не успела. Выбежав, он схватил со стола и закрепил на голове что-то подобное очкам.

– Да, я слушаю, – раздражённо бросил он в окружающее пространство. За свой внешний вид Крутиков не боялся. Интеллектуальная система покажет только его голову.

В очках пред его взором предстала очаровательная молоденькая девушка, точнее её бюст в полную величину с глубоким декольте.

– Здравствуйте, Альберт Георгиевич. Извините, что отвлекаю в столь поздний час. Я ваша студентка-дипломница, а ещё горячая поклонница таланта. Мне срочно нужна консультация. Через неделю у меня защита по одному из ваших многочисленных изобретений с моим небольшим рационализаторским предложением. Ну кто кроме вас мне лучше поможет, – девушка обезоруживающе улыбнулась, блеснув огромными глазами-омутами.

– Я... э-э... я готов помочь. Тем более, раз это моё изобретение, я просто обязан... – Крутиков зарделся. Все остальные мысли, терзающие доктора физики последние несколько минут, бесследно исчезли, их смысл мощный поток дофаминов.

Через неделю очаровательная студентка сдала экзамен на пять. А ещё через полгода у Альберта Крутикова на кафедре появилась новый младший научный сотрудник и по совместительству его жена.

«Всё-таки основные инстинкты всегда берут вверх над душой. В этом Альберт Крутиков был прав», – усмехнулась некая сущность... или это было несколько сущностей, как одна, а может, вообще, всё мироздание в целом. Нам отсюда сие никогда не понять.

Так или иначе, Павел был спокоен. С видениями покончено, да и ничего не достойного он не сделал.

«Наконец всё стало на свои места. И я рад, что так закончилось, – промурлыкал сам себе Павел. Его расслабленная нега была сродни эйфории на мягком диване после тяжёлого трудового дня. – Ну подумаешь, что без моего участия. Главное ведь не процесс, а результат».

Ещё бездна субъективного времени... и девяносто теллурических лет после таинства.

Напряженная работа ума. Но... раз от разу Павел в чём-то не справлялся. Слабость, так похожая на лень, все время тянула и не давала сосредоточиться.

Вдруг в какой-то момент почувствовал, как что-то неумолимо тянет его вниз. Павел испугался.

– Но почему так рано? Я рассчитывал пойти дальше, стать высшей сущностью. Я же так и не увидел Бога. Так есть он или нет?! Если нет, то как вся эта система мироздания управляется? А если есть, то что он из себя представляет?

Все вопросы утонули в затягивающем его водовороте, а через секунду они и вовсе забылись. На Павла навалились, неведь откуда появившиеся, новые образы.

Он в одно мгновение понял и увидел, куда именно должен прийти и что исправить за следующую, данную ему жизнь. Конечно, это была его слабость и главное её воплощение – предательство. Вслед за пониманием будущего предназначения, Павел узрел весьма интересную картину. Возникло ощущение, будто кто-то открыл под ним вход в миллиарды мельчайших узоров человеческих жизней и судеб. А если сконцентрировать внимание, то это напоминало пчелиные соты. Все незабываемые с земной точки зрения параметры, в виде нахождения во времени и пространстве, были напрямую к ним привязаны. Вдруг на пересечении линий появились пустые места – это то, куда он имел возможность попасть, исходя из своего предназначения. Павел сие понял сразу. Но как только он начал размышлять о возможности выбора, пустые места сократились до одной точки. Это и было его место в разрисовке судеб для следующей жизни. Очень неожиданно, но, похоже, что сами соты не менялись, а лишь принимали в себя разные души, сохраняя без изменений все основные контрольные точки жизни, точки контактов с другими жизненными сотами, основы характеров и типы действий своих временных пассажиров, оставляя только возможности для выбора того или иного действия. Можно было даже разглядеть недуги и испытания, для них приготовленные. Каждая сота являлась не физическим местом, а скорее «понятием», «условностью» и, значит, была не ограничена в размере – в ней могло одновременно находиться сколько угодно душ. Сот было сотни тысяч, но всё равно лимитированное количество. Для Павла сие представилось большим откровением, хотя и не надолго. Через несколько субъективных секунд все остальные соты, кроме его собственной, исчезли, и он полностью погрузился в созерцание своей новой судьбы.

Павел увидел направление и фрагменты пути его будущей жизни, а также насколько тяжело ему придется. Похоже, он снова попадал в тот же земной мир, как в самый эмоциональный. Отдыха в более спокойных мирах Павел пока не заслужил. Частью сознания он успел почувствовать своего друга из последнего воплощения. Вроде там его звали Сергеем. И что было удивительно, он тоже притягивался вместе с ним сей силой обратно в трёхмерный мир. Они на мгновение соединились душами. Павел успел увидеть и себя и Сергея в паре моментах, называемых контрольными точками предстоящей жизни. Там он был спортивным блондином, любящим классический стиль, а Сергей, носящим очки хамелеоны и цветастую одежду из адаптированного полиэтилена. Ещё увидел, что они, как и в прошлом воплощении останутся друзьями с детства, правда, поменяются местами. Теперь Павел должен будет его похоронить, причем, не дойдя даже до середины жизни. И будет сие двадцать второй век. Мгновение закончилось так же резко, как и началось – их разъединила и потянула та же неведомая сила. Друзья снова потеряли друг друга из виду, зная, что очень скоро, в каком-то небольшом курортном городе встретятся опять. Там же пройдёт их детство и юность с яркими сочными переживаниями и воспоминаниями на всю оставшуюся жизнь.

«Надо же, какая странная связь», – успела промелькнуть мысль.

Все эти мгновения с ним рядом была Любимая. А теперь Она прощалась с Павлом – он чувствовал улыбку и тепло её мыслей рядом с собой. Павел успел ещё сказать: «до скорой встречи, моя любовь», – как вокруг начал исчезать, ставший уже привычным, мир.

Сил остаться, удержаться на месте не было, оставалась лишь привычная слабость.

Вдруг его ощущения буквально резануло какими-то мощными яркими линиями и цветами. Смысл ощущений был непонятен, да и шли они откуда-то из странного, давно забытого органа чувств.

«Так это же глаза», – успел понять Павел, и тут же его сознание поблёкло и будто заснуло.

А примерно через полчаса, уже в палате, маленькие ушки новорождённого с любопытством уловили шум морских волн, бьющихся о волнорезы, расположенные невдалеке от родильного дома маленького курортного городка.

В. П. Белошеев

Охтинская хроника

Ниеншанц (предполагаемый вид)

Место, Время, Судьба.

Передо мной река Охта при впадении в Неву. За моей спиной Большая Охта, где я жил в детстве и юности. На другом берегу территория бывшего здесь Петрозавода, на котором в юности я работал два года, а за ним Малая Охта, там я жил уже взрослым.

Почти семьдесят лет я знаю это место в подробностях, но ведь до меня здесь жили десятки поколений. Каким было оно тогда и как менялось? История человечества учит, что скорость эволюции увеличивается со временем: пирамиды, построенные четыре тысячи лет назад, имеют высоту сто пятьдесят метров, высота Эйфелевой башни, построенной всего сто пятьдесят лет назад, уже триста метров, а сейчас строят здания высотой тысяча семьсот метров.

До восемнадцатого века люди передвигались на лошадях со скоростью пятьдесят километров в час, через сто лет автомобили ее удвоили, а теперь самолеты летают в пятьдесят раз быстрее.

Тысячу лет назад на этом месте, при впадении реки Охты в Неву, выделенным природой высоким берегом, встречались жившие здесь угро-финские племена и новгородцы, стремившиеся осваивать северо-восток.

В то время реки и озера были лучшими дорогами, связывавшими людей к их взаимной выгоде. Так было до конца первого тысячелетия, когда воинственные племена варягов, вытесненные из западной и центральной Европы и потерявшие путь по Дунаю в Константинополь, обратились на восток, чтобы использовать речные пути по территории славянских племен, проложив новый путь из варягов в греки. Какое-то время взаимодействие славян с варягами было обоюдополезно, но усиливавшиеся притязания варягов на господство и стремление финнов и славян к самостоятельности стали приводить к столкновениям с варягами.

В конце концов финны, принявшие лютеранство, смирились с господством шведов, а православные славяне сотни лет боролись с ними на берегах Финского залива и Невы. В 1143 году шведы впервые напали на северный форпост славян Старую Ладогу, а в 1240 году Александр Невский разбил шведов на Неве.

Но к 1300 году шведы захватили оба берега Финского залива, построив крепости в Выборге и Ниеншанц в Ландскроне при впадении Охты в Неву – там, где в юности я работал на Петрозаводе, пустынная территория которого, окруженная высоким забором, сейчас у меня перед глазами.

Но ведь тогда же на этот завод каждую весну приходил и другой герой этой повести, Геннадий Александрович Кравченко, еще учившийся в школе, над которой шефствовал Петрозавод, чтобы покрасить ограду из шведских пушек вокруг дуба - сына дуба, посаженного Петром Первым в память о воинах, павших при осаде крепости Ниеншанц и в абсордажном бою на Неве с двумя шведскими кораблями. Однако в то время нам не суждено было

встретиться ни на заводе, ни на пустыре между нашими домами на Среднеохтенском проспекте Большой Охты, где мы оба жили. И только шестьдесят лет спустя судьба свела нас, чтобы мы, осознав свою жизнь и значение этого места, смогли что-то сделать вместе... Так что такое судьба и отчего она зависит – только ли от наследственности, полученной от родителей, или она определялась и нами? Ведь когда после окончания восьмого класса я попросил выдать мне документы для перехода в вечернюю колу, ибо уже принял решение идти работать, то Наталья Николаевна, директор школы, преподававшая нам биологию, долго отговаривала меня. И если бы я послушался, то не узнал о дубе на территории Петрозавода, не познакомился с другим героем этой повести и, может быть, не писал бы сейчас этих строк.

Так сошлись место и время в судьбе двух подростков, переплетясь с Петрозаводом, происхождение и название которого связано с другим, несомненно, героем не только этой повести, но и российской истории.

Однако после победы Александра Невского над шведами на Неве в 1240 году равноправные отношения новгородцев с ними продолжались недолго.

Воспользовавшись ослаблением Руси и зависимостью от татаро-монголов, шведы почти на четыреста лет завладели Прибалтикой, оказывая влияние даже на Новгород и Псков, с чем и связано насильственное присоединение городов-республик к Москве в 1478 и 1510 годах. И только окончательное освобождение Руси от татар к концу пятнадцатого века позволило Ивану Грозному вновь продолжить установление торговых отношений с западом, чего требовало экономическое развитие Руси. Для этого в 1584 году был основан Архангельск, позволивший торговать с Англией и Голландией независимо от отношений со Швецией на Балтике, которые с польским вторжением и смутой осложнились еще больше. К концу семнадцатого века Швеция господствовала на всей Балтике, в Финляндии и Карелии. Вот такое наследство досталось взошедшему на престол молодому царю Петру Алексеевичу.

К этому времени русское государство все активнее участвовало в европейских делах, чему способствовала потребность развивавшейся Европы в российских товарах: льне, дегте, пеньке, лесе и в традиционных мехах. Однако торговый путь через Архангельск был длинным и прерывался зимой, на Балтике господствовала враждебная Швеция, а на Черном море Турция. Выбор Петром южного варианта прорыва на запад определился его надеждой на заключение союза с Австрией против Турции, и в 1695 году началась подготовка к азовскому походу. В 1696 году Азов был взят, но стало ясно, что без сильного морского флота пройти Черное море не удастся, а опыта строительства больших кораблей Россия еще не имела – этому нужно было учиться на западе. Так возникла у Петра мысль вывезти молодых русских мастеров для обучения корабельному делу в Европе.

Весной 1697 года великое посольство - вместе с царем двести человек - выехало из Москвы через Ригу, Кенигсберг и Германию в Голландию и Англию.

Впервые в российской истории царь выезжал за границу, чтобы учить там своих подданных и учиться самому. Попутно Петр решал и дипломатическую задачу создания союза с Австрией и Голландией против Турции. Однако заключить этот союз Петру не удалось, и тогда, подписав с Польшей договор о совместной борьбе со Швецией, он стал готовиться к войне с враждебным северным соседом.

Началась война для России неудачно - с поражения под Нарвой. Два года Петр усиливал армию и теперь решил начать военные действия в Приладожье, где шведские гарнизоны были сравнительно малочисленны. Эта стратегия оправдалась и осенью 1702 года русские войска овладели крепостью Нотебург (когда-то Орешек) в истоке Невы, переименованной Петром в Шлиссельбург (ключ-город). Весной следующего года после осады сдалась крепость Ниеншанц в устье Невы, а два дня спустя в абсордажном бою с участием самого Петра удалось захватить два шведских корабля, шедших на помощь крепости, – это была первая морская победа русских на Балтике. И 16 мая 1703 года на Заячьем острове в устье Невы была заложена Петропавловская крепость - основа будущей столицы России. А пока недалеко от крепости строился дом Петра, он жил в Ниенштате, переименованном им в Шлотбург (замок- город), в написание, что устье Невы теперь на замке, о чем свидетельствовали стоявшие на реке Охте захваченные шведские суда, которые Петр с гордостью показывал прибывавшим из Европы гостям.

Крепостные валы шведской крепости Ниеншанц были срыты, и на ее месте Петр приказал развести лесопитомник, где лично посадил дуб в память русских воинов, павших при осаде крепости и в абсордажном бою на Неве.

Далеко смотрел Петр Алексеевич, думая о парках в будущей столице, и недаром его Летний сад вспоминали столетия спустя Пушкин и Ахматова. В 1721 году на месте шведской крепости была заложена Охтинская верфь для постройки небольших судов, необходимых городу, строившемуся на островах. В этой верфи, ставшей потом Петрозаводом, и началась новая страница хроники этого места. Здесь судьба вновь сверила планы основателя города и новой России и молодого шведского короля Карла XII, который после победы шведов под Нарвой уверовал в захват этого города и скорую окончательную победу над Россией.

Драматизм столкновения Швеции и России усиливался некоторой схожестью их молодых правителей. Карл и Петр, оба физически крепкие, обладавшие живым умом, с детства увлекались военным делом, но если Карл счастливчик и в детстве следовал в этом за отцом, создавшим лучшую в Европе армию, то Петр, рано лишившийся отца, к тому же сильно обращенного к религии, самостоятельно осознал необходимость учиться ратному делу. Однако драматизм соперничества усиливался и различным отношением их к окружающей действительности, если Карл, получивший хорошее европейское образование и героико-романтическое воспитание, видел и строил действительность через себя, то Петр, не имевший всего этого, осознавал себя через действительность, которую строил вместе с помощниками.

По своим человеческим качествам они были вполне средние люди, как и большинство правителей в истории, но государственные задачи решали разные.

Петр реформировал Россию, выводя ее на европейский уровень, а Карл, участвуя в династических войнах, пытался придать Швеции больший вес, раздвигая ее границы. За время Северной войны Петр, в поездках по стране от Москвы до Архангельска, Азова и по Украине, проехал десятки тысяч километров, а Карл пять лет руководил Швецией, находясь после поражения под Полтавой с остатками армии в Турции. И хотя ни один шведский правитель не уводил войска так далеко от своих границ, не одержал столько побед в сражениях, за что историки и называли Карла последним варягом, Швеция ничего не достигла за время его правления.

И, сопоставив все совершенное Петром и Карлом, следует признать, что первый был выдающимся государственным деятелем в мировой истории, а второй лишь выдающейся исторической личностью. А решающим обстоятельством в победе России над Швецией в Северной войне была ее природная правда в этом столкновении. Как великая страна, обладающая большими человеческими и природными ресурсами, Россия имела право на выход через Балтику к европейскому сотрудничеству, а дальнейшая судьба

Швеции подтвердила ее место и значение в Европе.

Три встречи и судьба

И опять о судьбе. Что же такое судьба? Похоже, это некоторые случайности, ставшие необходимостями, цепочка которых и есть судьба человека или страны. Но сколько великих людей судьба остановила на полпути и, доживая свой век, поняли ли они, почему случайности в их жизни стали необходимостями.

Историки, путаясь в длине носа Клеопатры, иногда высказываются, что будь нос египетской царицы другим, иной бы стала и мировая история. Но почему они не задумываются над тем, мог ли Наполеон остановиться на реформах Франции, а шведский король Карл в границах Скандинавии? Может ли герой остановиться на вершине достигнутого и спокойно умереть в постели, чтобы не быть сброшенным судьбой, после чего она всегда передает вожжи истории в руки всяких Меттернихов и Нессельродов?

Многие тысячи нынешних петербуржцев причастны к месту на Охте, где триста шестнадцать лет назад произошло историческое событие, позволившее основать этот город. Несколько тысяч его горожан когда-то работали на Петрозаводе, основанном на этом месте, и, может быть, никто из них не связывал пребывание на заводе со своей судьбой. Но вот двух горожан, много лет тому назад связанных с Петрозаводом, судьба стала теперь медленно сводить для знакомства, и в этом ей понадобился еще третий горожанин, с которым каждый из них познакомился независимо.

Вполне логично, что депутат Ленсовета семнадцатого созыва Геннадий Александрович Кравченко, озабоченный судьбой Петрозавода и необходимостью восстановить о нем память, как историческом памятнике, обратился за поддержкой своих планов к председателю Петербургского исторического клуба Андрею Леонидовичу Вассоевичу, который в конце перестройки поддержал молодого Кравченко, входившего тогда в политику. Профессионал историк и, следовательно, психолог Вассоевич сразу разгадал в Кравченко неколебимого борца-одиночку, которому с какого-то момента уже не мог помочь – слишком много тот хотел. Но как историк, ощущавший время, Вассоевич помнил о замысле Кравченко – он ждал случая, и он наступил.

Наступил в тот весенний день, когда я, уходя из Михайловского манежа, где проходила книжная ярмарка, услышал знакомый, немного насмешливый, говорок одного из мужчин, которых обгонял. Они прощались, называя друг друга по имени и отчеству и, когда оказалось, что знакомый голос принадлежит Андрею Леонидовичу, я сразу сообразил, что это председатель Петербургского исторического клуба, передачи которого по радио я с удовольствием слушал с момента создания клуба. Однажды я даже оставил на вахте в Доме радио письмо Вассоевичу с просьбой продлить обсуждение заинтересовавшей меня темы. И теперь мне захотелось лично поблагодарить председателя исторического клуба за интересные передачи.

Поблагодарив меня в ответ, Андрей Леонидович спросил о моем образовании, а узнав, что я физик и только на пенсии начал писать, он уже заинтересованно стал меня расспрашивать. Когда по пути к дому Радио я упомянул, что в юности жил на Большой Охте и работал на Петрозаводе, он остановился и, разглядывая меня, помолчал, а потом рассказал о своем знакомстве с еще одним охтянином, который тоже крепко связан с Петрозаводом, и попросил позвонить Геннадию Александровичу Кравченко, сообщив его домашний телефон.

Размышляя до телефонного разговора об этом явно не стандартном человеке и его планах, я вспомнил свою попытку сделать подарок любимому городу. После разработки и исследования придуманной мной импульсной модульной лампы, описанной в Оптическом журнале, у меня возникла мысль о модульной байдарке, состоящей из литых пластиковых модулей, длину который можно легко наращивать. Такая байдарка подошла бы для соревнований «Золотые весла», но не на Фонтанке, где они прекратились, поскольку академические восьмерки не могли разогнаться из-за мостов, а на Неве, где академические лодки не выдержат невольской волны, тогда как байдарки с фартуком справились бы там с любой погодой.

Этот проект, обращенный к тогдашней главе города Матвиенко, я принес в Смольный. В полученном ответе мне рекомендовали обратиться с проектом в городской Спортивный комитет, где идею одобрили, но, как я понял, походив по кабинетам, поддерживать не собирались: Фирма, производившая обычные любительские байдарки, проектом также не заинтересовалась, и я остыл.

Но вот теперь, уже зная печальную судьбу Петрозавода, и про отвергнутый петербуржцами проект Газпрома строить на этом месте небоскреб, и, главное, узнав о человеке, желающем сохранить память об этом историческом месте, надеясь найти в нем товарища – я ему звоню.

Из телефонного разговора с Кравченко я узнал, что он уже много лет пытается убедить городские власти восстановить памятник российским воинам на территории бывшего Петрозавода, собрав много исторических материалов, связанных с этим местом на Охте. Я естественно выразил желание познакомиться с материалами, и Геннадий пообещал подготовить их и передать при встрече. А чтобы узнать нынешнее состояние территории Петрозавода, мы договорились встретиться на трамвайной остановке недалеко от завода, где в середине дня много людей не бывает, и мы легко опознаем друг друга.

Первая встреча с Кравченко

На следующий день, когда я подходил к остановке, навстречу мне поднялся сидевший там невысокий мужчина явно пенсионного возраста – это и был Геннадий Александрович Кравченко. Мы поздоровались и, давно не бывая на Охте, я попросил его рассказать, что теперь находится за высоким металлическим забором, окружающим территорию завода. Из его рассказа, пока мы шли вдоль забора к Неве, я узнал, что перед намеченным строительством небоскреба здесь работала совместная российско-шведская археологическая экспедиция. Ничего значительного она не нашла и, по-видимому, подтвердила возможность строительства небоскреба. Однако судьба или гений этого места, в лице петербуржцев, воспротивились, и небоскреб построили в Лахте, а здесь все по-прежнему пребывает в молчаливом ожидании.

Этот грустный рассказ под козырьком тянувшегося мрачного забора, закончился внезапно открывшейся панорамой Невы с широкой набережной, по которой катил поток машин, и Смольного собора на другом Берегу. Забор, повернув направо, тянулся еще метров двести, и в одном месте около него сиротливо стоял невысокий дубок с лежащими на парапете шестью стволами старинных пушек. Три из них направлены на юго-восток, а другие развернуты на северо-запад. Пушки, по мысли устроителей этого памятника, наверно, должны напоминать о российско-шведском соперничестве, а дубок – о погибших русских воинах при штурме шведской крепости Ниеншанц, на месте которой был основан Петрозавод. Однако машинное безлюдье этого места и равнодушно тянувшийся железный забор скорее свидетельствовали о равнодушии чиновников, желавших только успокоить общественное мнение.

Вдоль забора мы дошли до моста через Охту, и перешли на другой берег реки. Он значительно возвышался над противоположным берегом и позволял видеть всю территорию Петрозавода. За забором был, в сущности, склад какого-то оборудования, ящиков и досок. В углу участка, вдоль Охты, стояло единственное трехэтажное здание. И приглядевшись, я рассказал Геннадию,

что на первом этаже здания располагался участок межзаводской кооперации нашего шестнадцатого цеха, где я работал, на втором этаже был электро-цех, а на третьем - конструкторское бюро завода. Теперь же, иронично решили мы, в здании сидит охрана и клерки-хранители случайного имущества и территории.

А вот где находился заводской скверик, в котором, окруженный оградой из шести пушек, стоял сын дуба, посаженного здесь Петром триста лет назад, и где мы с Геннадием его видели шестьдесят лет назад – понять было трудно. И, наверно, каждый из нас тогда подумал: неужели так бесславно уйдет из памяти людей тысячелетнее прошлое этого места, неужели это его судьба?

Расстались мы грустно, договорившись встретиться, когда я освою материалы об Охте и Петрозаводе, собранные Геннадием. Ведь раньше я знал только о шведской крепости Ниеншанц, не подозревая, что рядом с ней был по тем временам небольшой город Ниен с несколькими тысячами жителей, в который приплывали торговать купцы из северной Европы, и Петр знал об этом, выбирая место будущей столицы государства.

А вот знал ли про этот город Александр Сергеевич? Знал ли, что эта земля была не только приютом убого чухонца, как написал он в «Медном всаднике»?

Но можно ли придирается к словам поэта, указавшего, что Петр стоял на низком берегу в самом устье Невы, от которого до шведского городка Ниен около десяти верст. Да, и не таким, как Ниен, видел царь государства российского свою столицу, предполагая ее центр на Васильевском острове с каналами вместо улиц, обращенной прямо к морю, как его любимый Амстердам.

Охта. Петрозавод (1721 – 1956)

Пока же Петру нужно было позаботиться об отражении шведского флота господствовавшего на Балтике, и после возведения земляных стен Петропавловской крепости началось сооружение другого важного оборонительного укрепления Петербурга со стороны моря - форта на острове Котлин. И только после его завершения, когда форт стал успешно защищать город от шведского флота, Петр приказал начать строительство Адмиралтейской верфи в устье Невы, чтобы строить крупные морские корабли, способные противостоять шведам на море. Строительство верфи было завершено к 1705 году, а в следующем году на воду были спущены восемнадцати пушечный корабль «Прам» и шхуна «Надежда», положившие начало строительству флота в Петербурге.

Однако из-за расположения Петербурга на нескольких островах, для сообщения между ними, возникла необходимость постройки небольших парусных и гребных судов, и в 1721 году на берегу Невы у впадения реки Охты была заложена Охтинская верфь, положившая начало Петрозаводу. Его первыми работниками были мастеровые люди из пятисот семей, набранных в северных областях и поселенных рядом с верфью в Шлотбурге. Там работала и школа подготовки молодых мастеров для кораблестроения.

С развитием города на островах в устье Невы охтинский Шлотбург потерял свое торговое значение, превратившись в далекую окраину Петербурга, и его дальнейшая судьба полностью связалась с Охтинской верфью. Все жители Охты были обязаны отрабатывать на верфи положенное время, принимая участие во вспомогательных работах.

Но после смерти Петра, в чехарде случайных правителей России о верфи забыли. Потом Россия начала участвовать в пагубных для нее династических разборках в Европе, и лишь к концу правления Екатерины её сподвижники вспомнили черноморские замыслы Петра. Вновь возникла необходимость в морском флоте, как на Черном море, так и на Балтике. В 1781 году на Охте началось сооружение новой верфи. Смерть Екатерины и суматошно романтическое правление Павла опять остановили развитие российского флота. Павел хоть и был магистром Мальтийского ордена, но человеком оказался сугубо сухопутным и недалеким. К тому же победы при его матушке черноморского флота под руководством Ушакова на море и армии Суворова на суше уже сломили владычество Турции на Черном море.

Европейские амбиции Александра Первого и назревавшее соперничество на море с Англией вновь вернули интерес к Охтинской верфи. В 1806 году морское ведомство окончательно закрыло лесопитомник на месте шведской крепости и утвердило проект постройки Охтинского адмиралтейства с пятью эллингами, поскольку Россия нуждалась не только в постройке военных судов, но и кораблей для изучения мирового океана и поддержания связи с Русской Америкой. В 1811 году Александр Первый присутствовал на спуске первого крупного корабля, и на шлюпе «Камчатка», построенном на Охте, в 1817-19 годах было совершено первое российское кругосветное плавание под командованием Головина, а в 1832 году спущен на воду фрегат «Паллада», так величаво всплывший в русскую литературу.

Но каково же было мне, проработавшему сорок с лишним лет в Государственном Оптическом институте, узнать, что в состав Охтинского адмиралтейства входил и Паноптический институт для изготовления навигационных инструментов и школа профессионального обучения мальчиков, отцы которых погибли на службе в военно-морском флоте. Институт, к сожалению, сгорел в 1818 году, но эллинги, к счастью, не пострадали.

Да, как осмыслению начинал Александр Первый; если вспомнить про два лица, открытых в первые годы его правления, и привлечение к реформированию государства Сперанского – сына простого священника. Но почему же все закончилось ссылкой Сперанского и аракчеевской реакцией, продолженной потом Николаем Первым? Похоже, одна из причин такой непоследовательности и противоречивости - характер Александра и воспитание его бабкой Екатериной.

При Николае Первом российское морское судостроение до середины века из-за технической отсталости России, близорукой внутренней и с оглядкой на европейских родственников внешней политики оставалось деревянным и парусным. Лишь в 1848 году было построено первое винтовое судно, но

парусные суда строили до 1864 года. Правление Николая дорого обошлось России во время Крымской войны, в которой ее противники Турция, Франция и Англия уже использовали паровые суда. По этому поводу Федор Тютчев, двадцать лет служивший в Европе на дипломатической службе и, будучи принятым при царском дворе, - хорошо знавший европейские и местные нравы, писал графине Блудовой, что это была война негодяев с кретинами, имея в виду под последними, царских сановников. капитализация России при Александре Втором еще больше ослабила государственные позиции в судостроении, поскольку началось интенсивное строительство железных дорог и денег в казне не хватало. В 1896 году Охтинская верфь на тридцать пять лет была передана в аренду финско-шведской "Крейтон и Ко" для строительства миноносцев а с 1905 года и подводных лодок, но с годами дела фирмы ухудшались, и признанная банкротом, она прекратила существование. В 1913 году верфь вновь перешла в казну, была передана Адмиралтейскому заводу для производства артиллерийских снарядов и в 1914 году переименована в «Петрозавод». Это, а также постройка в 1910 году Большеохтенского моста через Неву дало толчок и развитию Охты, как городского района, надежно связанного теперь с центром города.

После Октябрьской революции во время гражданской войны завод выполнял заказы для Красной Армии, а при НЭПе был сдан в аренду частным лицам. Только с 1924 года Петрозавод перешел в ведение отдела промышленности Исполкома Ленинградского губернского совета и выполнял ремонтные работы судов. И лишь в 1931 году, переданный во Всесоюзное объединение судостроительной промышленности, завод вновь начал строить буксирные суда, речные пароходы, катера и баржи.

С началом Великой Отечественной войны строительство судов остановилось, поскольку около пятисот наиболее квалифицированных работников были эвакуированы на тыловые предприятия, а две тысячи ушли в народное ополчение на защиту города. Во время войны и блокады города на заводе буксиры переоборудовались, для участия в боевых действиях, ремонтировались тральщики и вспомогательные суда, изготовлялись корпуса авиационных бомб и мин. Завод и его работники вместе с городом боролись с врагом. При пожаре, возникшем во время бомбардировки, сильно пострадал петровский дуб на территории завода, и в 1948 году его спилили и посадили новый. После войны на заводе вновь началось строительство буксиров, и Петрозавод на двадцать лет стал флагманом отечественного буксиростроения.

Среди ополченцев, ушедших с завода на фронт, был и обрубщик корпусного цеха Афанасий Алексеевич Петров. Тяжело раненный на невском пятачке, он был вывезен в Оренбург в госпиталь и, выписанный из него инвалидом, работал в Краснохолмском районе, где познакомился с моей мамой. В 1948 году они поженились, а два года спустя мы попали в Ленинград. Отчим вновь пришел на завод. через несколько лет там стала работать мама, а в 1956 году и я поступил на Петрозавод учеником слесаря, узнав тогда и его историю. Так судьба начала сплетать мою жизнь с Петрозаводом.

Охта. (1951 – 1956)

А услышал о Петрозаводе я от отчима еще на хуторе в Оренбургской области, откуда мы в 1949 году переехали в Оренбург, а год спустя на станцию Саблино в Ленинградской области, где я закончил второй класс, и летом пятидесятого года оказались в Ленинграде. Первое время жили в доме девять по улице Марата, где мама работала дворником, и там нам дали восьмиметровую комнату. В ней была круглая толстая печка, еще поместились родительская кровать, кухонный столик и три табурета, а я спал в небольшой нише на сложенных дровах. В сентябре я поступил в школу номер двести семь в третий класс, и учился первую четверть в четвертом классе.

Осенью пятьдесят первого года отчим получил от завода комнату на Большой Охте, и мы первыми въехали в небольшой трехэтажный дом из двенадцати квартир. На Охте тогда начали строить новые дома, и по нечетной стороне Среднеохтенского проспекта дома уже были почти до шоссе Революции, а по четной стороне наш дом после старинной бани был вторым. Его окружали сплошные заборы с проходом только на проспект, по которому мама отвела меня в сто сорок восьмую школу, и это был ее последний школьный визит – дальше я решал школьные проблемы уже самостоятельно.

Культурный центр Охты тогда составляли кинотеатр «Огонек» на Большеохтенском проспекте, книжный магазин напротив кинотеатра, аптека, библиотека в высоком отдельно стоящем доме на берегу Невы и клуб фабрики «Возрождение», где в будничные дни демонстрировались кинофильмы, а в выходные по вечерам устраивались танцевальные вечера. В центр города к Московскому вокзалу ходил трамвай номер шестнадцать, к Финляндскому – двадцать третий и тридцатый, а на Пороховые и до Ржевки трамвай номер десять.

После деревенского детства я с трудом привыкал к сплошь каменному центру на улице Марата, а Охта, особенно летом, давала простор для нашей ребячьей деятельности. Наш дом заселялся медленно, только к середине зимы у меня появился первый дворовый приятель Валерка Андреев. Мы были одноклассники, ходили в школу вместе, но Валерка учился в пятом классе.

Школа мне нравилась и классной руководительницей, чем-то напоминавшей мою первую учительницу, и библиотекой с очень приветливой библиотекаршей, хотя мое отношение к одноклассникам поначалу было настороженным. В школе было четыре четвертых класса и в последний из них по алфавиту, как водится, попадали новички и второгодники.

Я пришел в класс сорок третьим и ребята на два-три года старше в первое время ко мне хмуро присматривались. Но поскольку это была уже моя пятая школа, и опыт установления отношений с одноклассниками имелся, то со временем все наладилось.

В пятом классе многое изменилось, появились новые предметы, и новый классный руководитель, преподававший ботанику и естествознание. На всю жизнь мне запомнился фильм с замедленной съемкой о том, как прорастает горох – это было просто чудо. Новой нашей любимой учительницей стала и

преподавательница русского языка и литературы Антонина Николаевна – высокая крашеная блондинка с золотым зубом (фиксой) по моде того времени. Она весело и интересно вела уроки, но нещадно колотила нас указкой, если мы отвлекались или начинали ей мешать разговорами, и это ей прощалось.

Однако теперь в отношениях с учителями мы стали опытнее и хитрее, многие завели вторые дневники для двоек и замечаний, а когда учителя разгадали эту хитрость, и стали отбирать у провинившихся портфели, чтобы вызвать родителей в школу, то мы подыскивали где-нибудь другие сумки. А маме я объяснял, что поменялся портфелем с одноклассником и выменял при этом интересную книгу, или перочинный ножик. Тогда у детей было время тотальных обменов, и родители, не имея возможности удовлетворить детские потребности, это терпели. Однажды в конце года мне неожиданно сказали зайти в учительскую к директору школы. Когда, пытаюсь ПОНЯТЬ, зачем я понадобился Александру Карловичу, я предстал перед ним, - он вытащил из-за дивана мой портфель, отнятый у меня преподавательницей математики еще в третьей четверти и забывшей о нем, и спросил, в чем же я ношу учебники? Мне пришлось чистосердечно во всем признаться.

В пятом классе меня, как активного читателя, приняли в библиотечный кружок. После уроков мы подклеивали старые зачитанные книги, писали каталожные карточки на полученные библиотекой новые книги и, конечно, первыми их читали. Кроме того, я записался и в районную библиотеку имени Гоголя, что оказалось непросто, так как нужно было принести паспорт родителей или справку из жилищной конторы. Мама побоялась дать мне паспорт, а жилищная контора находилась в четырех остановках недалеко от Петрозавода. В конторе, сверившись, что мой отчим работает на заводе, мне и дали справку о том, где я проживаю.

Тогда впервые в жизни я держал в руках выданный мне документ, поразивший словами: «Справка настоящая выдана Белошееву Виктору Петровичу в том, что он проживает по адресу Среднеохтенский пр. дом 42/2, кв. 3» и еще больше круглой синей печатью. Впервые в жизни я видел свою фамилию, осененную печатью, и тогда же мне пришла в голову мысль, как просто можно устроить жизнь, если взять у всех справки, что они будут жить честно и добросовестно выполнять свои обязанности. Ведь тогда не будет скандалов, драк, воровства и тюрем, что я иногда видел вокруг, и о чем слышал в разговорах взрослых.

Дрались тогда не только подростки из соседних дворов, но и парни после танцев, дрались и пьяные взрослые или трезвые у пивных ларьков. И двадцать второе отделение милиции часто вспоминалось в наших разговорах и угрозах я взрослых отвести туда нарушителей порядка. А нарушали мы его потому, что жили в мире взрослых. Для детей, кроме библиотеки, ничего доступного на Охте не было – Дом пионеров находился за Финляндским вокзалом, и туда надо было ехать на трамвае. Года через три зимой стали заливать платный каток рядом с Большеохтенским кладбищем, но у меня были только старенькие снегурки, и просить у мамы денег на каток не хотелось, интереснее сходить в кино. Ведь тогда, кроме Чапаева и наших военных

фильмов шло много трофейных: про Тарзана, из которого я смотрел только одну серию, про графа Монте-Кристо, пиратов и разбойников. Поэтому зимой в будние дни, приготовив уроки, мы, замерзнув на улице, проводили время на последней площадке лестницы, пересказывая всякие таинственные истории или распевая блатные и услышанные по радио песни про удалого Хас-Булата и бродяг в Сибири. И только когда у некоторых дворовых приятелей появились первые телевизоры, вечерний досуг сразу заполнился индийскими фильмами и эстрадными концертами. А в воскресенье мы подолгу сидели в читальном зале библиотеки, читая книги, которые не удавалось получить на абонементе, или научно-популярные журналы, когда подросли.

Летом наш образ жизни резко менялся. Жаркие дни мы проводили, купаясь на Неве у песчаного склада, или лакомились малиной и черемухой на Охтинском кладбище, не обращая внимания на неодобрительные покачивания головами тетенок и бабушек. А став постарше, добирались до Мечниковской больницы, рядом с которой обнаружили большой сад со сладкими китайскими яблочками.

Как оказалось, сад охранялся. Однажды сторож выстрелил из ружья по удиравшей компании, и мы потом выковыривали дробинку, попавшую одному из нас в затылок. Но в том краю нас интересовала и техническая свалка, на которой мы находили линзы (прожигалки), обрезки медных трубок для изготовления стреляющих устройств, снаряжавшихся серой от спичек, и резину для рогаatok.

Дважды наша компания совершала очень дальние пешие путешествия на целый день. Тогда по радио мы узнали о соревнованиях по прыжкам с парашютом на Комендантском аэродроме, что пропустить было нельзя. А на следующий год у Поклонной горы всей компанией мы наблюдали чемпионат мира по мотокроссу, проводившийся впервые в нашей стране.

Однако, став старше, мы научились устраивать развлечения и в своем дворе. Сначала кто-то узнал про спиральбол. Для этой игры ровная площадка вокруг добытой со стройки и вертикально вкопанной водопроводной трубы длиной метра три разбивалась на четыре сектора с кругом около трубы радиусом в один метр. На верху трубы привязывался бельевой шнур с волейбольным мячом на другом конце у земли. Две пары игроков должны были, для победы, не заходя в центральный круг, а перепасовывая мяч друг другу на вытянутой над головами противников веревке, закрутить веревку с мячом до конца. На место проигравшей пары вставала следующая пара из болельщиков.

Игра оказалась очень азартной, но приходилось долго ждать своей очереди. Со временем мы уступили игру младшим пацанам, а сами стали расчищать место для волейбольной площадки, поскольку наша дворовая компания увеличилась, когда рядом построили еще один дом от Петрозавода. Наши родители знали друг друга по работе на заводе, мы быстро сдружились и уговорили управдома купить нам волейбольную сетку. Вкопав столбы, найденные на ближайшей стройке, мы вскоре уже играли в волейбол с командами, приходившими из соседних дворов. Потом появился турник из водопроводной трубы, закрепленной на двух березах.

Наши спортивные увлечения, несомненно, подогревались успехами наших олимпийцев в пятьдесят втором году в Хельсинки, а потом в Мельбурне. Имена гимнаста Виктора Чукарина, бегуна Владимира Куца, сестер легкоатлеток Ирины и Тамары Пресс были нам хорошо знакомы – мы гордились ими. Незаметно для нас менялась страна и Охта тоже – новые дома вдоль Среднеохтенского проспекта построили уже до шosse Революции. И наш двор выходил теперь на Краснодарскую улицу, пересекавшую проспект. А библиотека имени Гоголя переехала в новый дом, занимая в нем весь первый этаж. При этом менялись и нравы охтян. В какое-то лето в город впервые завезли много арбузов, лежавших ночью в решетчатых ларях у магазинов, и охтинские старожилы, играя во дворе в домино, поначалу посмеивались, что ночью их непременно растащат, но на удивление все обошлось.

Однако еще большие изменения на Охте сулила нам классная руководительница Мария Ивановна, преподававшая географию и конституцию СССР в седьмом классе сто сорок четвертой бывшей женской семилетки, куда я был переведен при введении совместного обучения. По ее словам, через двадцать лет вся невская набережная от Охтинского моста до Пискаревского проспекта будет застроена на двух уровнях. Слушая ее, я подсчитывал, в каком году это произойдет, сколько лет мне будет, и это казалось тогда невообразимо далеким.

Пока же я видел перед собой заплетенные косички с бантами двух девочек, сидевших на парте впереди и внимательно слушавших учительницу. Одна из подружек мне нравилась. Во дворе девочки нашего возраста были, но нами как-то не замечались, хотя некоторые из них демонстративно не замечали нас. Но в школе мы общались с девочками шесть уроков, и это было уже любопытно.

Мы с дворовым приятелем Сережкой Погребняковым сидели на последней парте, что, казалось, облегчало нам жизнь, и видели всех одноклассниц. На наш интерес к ним и разговоры по этому поводу вскоре обратила внимание Мария Ивановна, рассадившая нас с девочками и ближе к доске. Девчонки, конечно, нас уже интересовали. Однажды, когда нам делали какие-то прививки и развели девочек и ребят по соседним классам, я, привитый, выйдя вслед за Валеркой Акукиным в коридор, услышал, как проходившая мимо директор школы Наталья Николаевна посоветовала ему, подглядывавшему в замочную дырку, сходить в женскую баню. И второгодник, но бойкий на язык Акукин, не смущаясь, отговорился, что там его шайками закидают.

На следующий день Мария Ивановна, узнавшая от директора об этом, пересказала разговор всему классу, вызвав веселый смех и сделав Акукина героем дня.

А с соседкой Мне повезло – Ира Букина училась отлично и во время диктовок позволяла заглядывать в ее тетрадь, поскольку я неожиданно обнаружил, что не понимаю необходимости знаков препинания кроме точек. Много и быстро читая, я помнил, как пишутся слова, но не замечал запятых, а учить правила пунктуации не хотелось, поэтому пятерки по русскому языку в пятом классе сменились четверками в шестом и тройками в седьмом.

С остальными предметами, кроме немецкого языка, я справлялся хорошо, а строгая историчка меня даже зауважала после того, как я поправил ее представление о размерах кораблей Колумба в сравнении с современными трайщиками.

Немецкий же язык, который я учил с третьего класса, для нашего поколения был особой статьей: немок мы не любили, потом оказалось что и девчонки к своей немке относились неуважительно. Только однажды в пятом классе наша немка вызвала сочувствие, рассказывая нам целый урок со слезами на глазах о Сталине после известия о его смерти. Тогда на большой перемене вся пионерская организация во главе с директором с черной повязкой на руке, стояла у бюста вождя в коридоре. Все это словно застыло на маленькой темноватой фотографии, хранящейся у меня до сих пор. Особых переживаний дома и среди соседей поле смерти Сталина я в 13 лет не видел но всех тогда волновал вопрос, кто же будет на его месте. А вот спустя два года доклад Хрущева заставил меня уже задуматься, особенно после того как всю школу взбудоражила весть, что что семиклассница председатель совета пионерской дружины не согласна с докладом и вышла из пионерской организации. Не помню дальнейшего развития этого события, стремительность школьной жизни отодвинула его в тень.

В восьмом классе неожиданно для себя я стал чемпионом ШКОЛЫ по прыжкам в высоту, хотя на уроках физкультуры более рослые ребята прыгали успешнее. Моему успеху, конечно, способствовало то, что прошлогодний чемпион, девятиклассник, рекорд которого я повторил, не участвовал в соревновании, и на следующий день, подойдя ко мне в коридоре, он покровительственно похлопал меня по плечу и сказал, что прыгнул бы выше.

А в конце учебного года, зная что летом получу паспорт, я стал задумываться о своем будущем. Поскольку я невысоко оценивал свои школьные знания, то решил подстраховаться и идти работать, а девятый и десятый класс закончить в вечерней школе которая, кстати находилась в помещении нашей школы.

После долгого разговора с Натальей Николаевной отговаривавшей уходить из школы, я все таки взял табель и рассказал об этом маме. Она с грустью приняла мое решение и вздохнув спросила, куда же я собираюсь устраиваться на работу. Из ближайших заводов меня, конечно, больше привлекал «Промет», где делали телевизоры и, как мы знали, военную радиоаппаратуру. Однако там, в отделе кадров, мне отказали, и я направился на завод, который охтяне называли «Мореходкой». На нем производились морские навигационные приборы, что, по моим представлениям, тоже обещало интересную работу. Но и там меня не взяли, посоветовав поступать в техническое училище. Оставалось проситься на Петрозавод, где уже год работал слесарем дворовый приятель Эдик Балымов. В разговоре с ним я узнал, что в трубомедницком цеху вместе с ним работают ещё несколько молодых ребят, и посоветовал проситься к ним в цех. И поскольку там же в гальванике работала и мама, то она и уговорила начальника цеха взять меня учеником слесаря. Так, получив в конце июля паспорт, я двадцать второго августа пятьдесят шестого года начал работать на Петрозаводе.

Вот они, случайности и необходимости судьбы.

Петрозавод: (1956 - 1958).

Трубомеднический цех, куда я поступил, изготавливал различные трубопроводы и мелкое оборудование для строившихся судов. В него также входили гальваника и наш участок межзаводской кооперации, где выполнялись заказы и других заводов. Разнородность изделий, наверно, определяла и состав его работников.

Сложные заказы выполнялись опытными слесарями, простую работу поручали молодым рабочим, выпускникам ремесленных и технических училищ; или таким как я вчерашним ученикам.

А учился я слесарному делу у Василия Ивановича Крючкова, жившего в нашем доме, знавшего моих родителей и относившегося ко мне доброжелательно. Проработав с ним три месяца, я сдал экзамен, получил удостоверение слесаря-монтажника третьего разряда и начал работать самостоятельно. В это время нашему участку поручили освоить производство кухонных наборов по образцу, производимому в ГДР. Работа была несложная, скучноватая и мы с Эдиком Балымовым и Володей Липатовым иногда отправлялись на экскурсию в недавно построенный Эллинг, где уже заложили корпус нового морского буксира, или в деревянный макет его машинного отделения в натуральную величину, где можно было видеть трубопроводы и оборудование, которое будет делать наш цех. А часто мы проходили через небольшой скверик в центре территории завода, где в окружении ограды из шести старинных пушек стоял потомок петровского дуба, о чем-то нам напоминая.

Во время случавшихся перебоев с поставкой нам деталей, молодежь участка собиралась в курилке, обсуждая городские новости. И однажды Костя Ковалев, уже отслуживший в армии, предложил нам отремонтировать за зиму деревянный катер, стоявший на стенке на берегу Охты, закрытый брезентом. По его сведениям, катер принадлежал отделу военного представителя и давно не использовался. Костя брался обратиться в дирекцию и профком, чтобы катер передали спортивному комитету, и мы могли бы на нем подниматься по Неве до Шлиссельбурга. Идея всем понравилась, тем более что Костя обещал подключить к ремонту и девчат малярш из соседнего цеха. И на следующее лето мы, конечно, вместе с ними в воскресенье плавали в верховья Невы, где купались и развлекались. Большинство из нас впервые видели Неву без гранитных набережных, а когда из глаз скрывались заводские постройки – она превращалась в широкую реку в зеленых берегах.

Работал я из-за возраста по шесть часов, вечером отправлялся в школу, и жизнь проходила быстро и интересно, но однажды случилась и неприятность.

Мой дворовый приятель Виктор Балымов, младший брат Эдика, работал в столярном цеху завода и как-то показал мне негодное лезвие от дерево-обрабатывающего станка из хорошей стали, из которого, по его мнению, можно было сделать настоящий финский нож с наборной ручкой.

В те годы страсть к оружию в нас еще жила, и я, вспомнив свой школьный рисунок раскрытой колоды карт, пронзенной кинжалом, почему-то не одобренный учительницей рисования в четвертом классе, решил сделать себе кинжал.

Изготовив на работе лезвие, я ручку предполагал делать дома, и перед уходом в этот день с работы показал лезвие молодому, недавно появившемуся на участке фрезеровщику, вполне оценившему мою работу.

Только на следующий день, не увидев на работе фрезеровщика, я понял, что оперативный уполномоченный, с навек запомнившейся фамилией Добренский, зачитав мне акт экспертизы об изготовленном мной холодном оружии, предложил рассказать, зачем я его делал. Выслушав меня, Добренский сообщил, что если бы кинжал был уже с ручкой, то я имел бы крупные неприятности и заплатил бы штраф, и настоятельно посоветовал впредь не заниматься такими поделками, отпустил, пообещав не сообщать на работу и в школу.

История эта, конечно, быстро забылась, тем более что весной Петрозавод торжественно спустил на воду первый из серии морских буксиров, на котором, возможно, стоял топливный фильтр грубой очистки, сделанный моими руками. А летом следующего года, получив аттестат о среднем образовании и сдав приемные экзамены в военное училище, я расстался с Петрозаводом.

Вторая встреча с Кравченко

Через пару недель, созвоившись с Геннадием, мы решили встретиться на Охте в нашем дворе, где я давно не бывал. По пути от автобусной остановки я с интересом рассматривал вроде знакомые с юности места. Охта стала заметно теснее от недавней застройки.

Вот этот высокий пятиэтажный дом с продуктовым магазином, построенный еще в начале прошлого века, о чем свидетельствует металлический вензель над крышей, возвышался над перекрестком, когда мимо него я бегал в школу, а теперь он совсем незаметен. А этот примечательный трехэтажный дом, как и соседние, по нечетной стороне проспекта, сразу после войны строили военнопленные немцы. В нем жили братья Николаевы, и с младшим я учился в пятом классе. А о старшем шестикласснике однажды заговорила вся школа, когда он убежал из дома, и учителя, и мы расспрашивали брата об этом, но тихий, неважно учившийся мальчишка ничего не мог сказать — он, как оказалось, был по характеру совсем другой.

В этом же доме жила и Ира Шумилова, с которой мы учились в седьмом и восьмом классе, а уже в шестидесятых годах однажды вместе ходили на концерт исполнительницы португальских фадо Амалии Родригес...

А вот, наконец, и знакомый с детства дом на противоположной стороне Среднеохтенского проспекта, соседний с моим. Своим углом, точно

выставленным локтем он закрывал наш дом от проспекта и Краснодонской улицы. В углу двора стоял большой деревянный ящик с длинным резиновым шлангом, из которого поливали двор. В жаркие дни мы иногда кучковались на ящике и его крышка была вся изрезана нашими острыми ножами. А когда дворник тетя Люба собиралась поливать асфальт, мы с удовольствием ее заменяли, поливая не только асфальт, но и довольных малышей.

На большом пустыре, продолжавшем наш двор, теперь уже скверик с большими деревьями. По его дорожке, мне навстречу шел Геннадий. Мы уселись на скамейку, и я показал ему свой дом, а его дом сейчас закрывает дом, построенный на Краснодонской улице позднее. Оказалось, что мы жили с ним по соседству два года, и только шестьдесят лет спустя сейчас здесь встретились.

Рассказывая Геннадию о двух наших домах, построенных Петрозаводом для своих работников, я неожиданно узнал от него, что в одном из них в девяностые годы жил нынешний глава... и у меня мелькнула мысль, что судьба этого места дает нам какой-то знак на будущее.

Однако оживленные крики детей вокруг близкой песочницы вернули нас из далекого прошлого, и мы перешли к материалам об истории Охты, принесенным Геннадием, с которыми я начал знакомиться. Как мне показалось, в них были противоречия в описании и рисунках шведской крепости начала и конца семнадцатого столетия, и осталось непонятным: имела ли она каменные стены, или лишь земляные валы. Это, а также условия сдачи крепости и выхода из нее шведского гарнизона интересовали и Геннадия. В своем письме Королю Швеции он просил, чтобы шведские историки уточнили для него эти детали, но Король пока величественно не ответил. И когда Геннадий об этом рассказал, я еще раз поразился его гражданской смелостью. Как возникла она в этом невысоком, непримечательном на взгляд и вроде настороженном человеке? И после встречи и размышлений о нем, Охте, Петрозаводе и возникла мысль написать Охтинскую хронику - уж больно это все сливалось воедино. О далеком прошлом Охты и Петрозавода я уже много знал из собранных Геннадием материалов, их свидетелем середины прошлого века я был сам. Нужно было только узнать о жизни Кравченко и о конце Петрозавода, а для этого вновь встретиться с Геннадием.

Третья встреча с Кравченко

В разговоре с ним по телефону я пожалел, что теперь живем так далеко друг от друга и предложил место встречи рядом с метро, куда ему недалеко приехать. Он согласился, хорошо зная это место, и вот мы снова на скамейке, но в другом скверике, здесь есть пруд и в нем даже плавают утки.

Зная теперь, сколько сил ушло у Геннадия на поиски материалов о Петрозаводе, и как редко он находил поддержку в своих планах, я понял причину его настороженного отношения к собеседнику и произвольно

начал разговор с похвалы за его изыскания и благодарности за возможность познакомиться с историей моего завода. Однако, слушая его ответы на мои вопросы и комментарии, захотелось узнать подробности и о Жизни Геннадия и, главное, понять, почему он заболел судьбой Петрозавода. И на мою просьбу рассказать о детстве Геннадий поведал столько, что об этом можно написать захватывающе интересную книгу.

Геннадий Александрович Кравченко должен был родиться в Петрозаводске в августе 1941 года, где его отец до войны служил в пограничных войсках, но в июне началась война, его мама на седьмом месяце беременности была эвакуирована в Челябинск, куда она добиралась почти два месяца, и где родился Геннадий. Счастливый случай помог молодой маме встретиться с родным братом мужа, который лежал там в госпитале. И когда его отправили долечиваться в Фергану, мама с сыном уехала с ним. Однако Геннадий, родившийся слабым, плохо переносил жаркий восточный климат, и по совету врачей мама переехала к своей матери в недавно освобожденный Курск, хотя жить семье пришлось в землянке. И только с окончанием войны семья, наконец, воссоединилась в Петрозаводске, где жизнь была тоже трудной и налаживалась медленно. Ветхое жилье зимой требовало много дров, а в магазинах можно было купить только хлеб и крупу – все остальное на рынке.

Трудности этого времени сказывались не только на отношениях между взрослыми, но и в детской среде. Драки во дворах и школе бывали часто, и маленькому ростом Геннадию доставалось от переростков одноклассников.

Поскольку отец был военным, чем сын очень гордился, его друзьями могли стать тоже лишь дети военнослужащих, а так как авторитет отца он переносил на себя и требовал подчинения сверстников – отсюда случались и драки. Лето, конечно, объединяло ребят общим увлечением рыбалкой, поскольку дом стоял на берегу Онежского озера, и два десятка пойманных ершей и плотвиц радовали матерей юных рыболовов, но было и опасное увлечение поиском боеприпасов, оставшихся с войны, что приводило порой к трагедиям.

В школе Геннадий учился не очень старательно, из школьных предметов его интересовала только история и география, а читал он больше книги о войне.

Таким в пятнадцать лет Кравченко приехал в Ленинград, куда перевели служить его отца. По признанию Геннадия, как хулиганистого подростка лишь с удовлетворительной оценкой по поведению в табеле, мама с трудом определила в сто сороковую школу, которая была рядом с отделением милиции. И не просто было подростку в пятнадцать лет, жившему в небольшом городе, хоть и в столице республики Карелии, влиться в ученический коллектив Ленинградской школы, к тому же не обладавшему ни ростом, ни физической силой или другими заметными способностями, чтобы привлечь к себе внимание.

Но здесь судьба впервые отчетливо проявилась в его жизни: над этой школой шефствовал Петрозавод, и каждую весну старшеклассников приглашали красить ограду из шведских пушек вокруг внука дуба, посаженного Петром.

Конечно, Геннадий с радостью принимал в этом участие. И, услышав от него об этом, я понял, что в пять лет в Курске, узнав от мамы о Петрозаводске, где они скоро встретятся с отцом, офицером-пограничником, а потом в школе, что этот город в Карелии начался с завода, построенного здесь по приказу Петра, Геннадий навсегда сохранил все в памяти. И теперь в юности все слилось для него уже с Петрозаводом на Охте, усилив его интерес к истории. Поэтому зимними вечерами Геннадий, как и я, часто сидел в читальном зале библиотеки имени Гоголя, но я читал фантастику и научно-популярные журналы, а он книги по истории и журнал «Советский воин».

Вступление в жизнь

Геннадий Кравченко с детства хотел по примеру отца стать военным, но в военное училище после окончания школы его не приняли по состоянию здоровья, и ему пришлось поступать в техническое училище.

У меня тоже вышла заминка с морской военной карьерой, и когда я согласился на сухопутную, судьба скептически отнеслась к этому. Проучившись три года в военном училище, я понял, что военная карьера - не мое призвание, и отслужив три года в армии, поступил в университет на вечернее отделение физического факультета.

К этому времени я уже переехал на Малую Охту и казалось, наши пути с Кравченко разошлись навсегда.

Геннадий, получив специальность слесаря- сборщика в техническом училище, поступил работать на завод «Красный Октябрь», а я, получив диплом, продолжил работать в Государственном Оптическом Институте. Моя карьера развивалась медленно, но спокойно, а вот у Геннадия отношения с начальством не сложились, и он перешел работать на Металлический завод. Работал слесарем и сварщиком, а когда закончил вечернее отделение Политеха, его перевели на должность энергетика литейного цеха.

Имея характер борца, он стал проявлять нетерпимость к негативным явлениям в производственной жизни. Все началось с письма в газету «Правда» о трудностях, проблемах и упущениях руководства его цеха и завода.

Начавшаяся перестройка на словах, вроде, давала возможность бороться с негативными явлениями на производстве, а на деле руководители производства часто использовали возможности самоуправления для достижения своих порой корыстных целей. Вслед за письмом в «Правду» последовали письма Кравченко министру Энергетического машиностроения, в Комитет народного контроля СССР, Генеральному прокурору страны и даже лично М.С. Горбачеву.

Разумеется, это не нравилось дирекции завода, от неуживчивого

инженерного работника постарались избавиться, сократив в 1988 году его должность, и Кравченко пришлось начать работать электросварщиком. А партком завода, пойдя на поводу у администрации, добился исключения его из партии, и восстановлен он был только в следующем году. Но и став рабочим Геннадий продолжал борьбу теперь вместе с группой единомышленников в цеху, чему способствовало просыпающееся в ходе перестройки сознание рабочих.

Однако частая путаница в мозгах у некоторых представителей прессы привела к травле Кравченко и его сторонников в ленинградских газетах.

Пришлось ему обращаться в прокуратуру, и только через несколько лет

Ленинградская правда принесла Геннадию свои извинения. Но такие люди, как Кравченко, только крепче выходят из огня, а приобретенный опыт подтолкнул его включиться в политическую борьбу за демократизацию жизни в стране.

В 1990 году Кравченко становится депутатом Ленсовета 21-го созыва. На новом поприще он и познакомился с А. Л. Вассоевичем.

Развал страны в 1991 году затруднил жизнь многих людей, трудно складывалась профессиональная деятельность одних, научная - других, и в конце концов я вышел на пенсию. и от научной деятельности перешел к литературе.

Проработав уже на пенсии еще восемь лет, я наконец закончил свою карьеру. Тогда у меня и появилась возможность размышлять, и возникло желание начать писать. Роман «Встречи с Николаем Васильевичем и Александром Сергеевичем», изданный на свои деньги, привел меня на книжную ярмарку, где я случайно встретился с Вассоевичем – так судьба закончила мой путь к нашей встрече с Геннадием.

С выходом Кравченко на пенсию в его жизни возникла естественная пауза - ведь за плечами тридцать лет напряженной жизни, и ему не стыдно было взглянуть в глаза его любимого литературного героя Павла Корчагина. Но, отдохнув два года, Кравченко вновь включился в общественную жизнь, став депутатом муниципального объединения «Охтинское», три года добросовестно исполняя пожелания и наказания своих избирателей охтян. И эта работа незаметно вернула его мысли к Петрозаводу, точнее, к той территории, на которой он был, где теперь предполагалось строительство небоскреба Газпрома. А когда на встрече одноклассников по случаю пятидесятилетия со дня окончания школы кто-то вспомнил о Петрозаводе, Геннадий твердо решил, что надо восстановить историческую память об этом месте и павших российских воинах.

Знакомство с городским политическим механизмом позволило Кравченко яснее понять и драматическую судьбу Петрозавода, свидетелем которой он оказался, и предстоящие трудности, но бойцовский характер, юношеская привязанность к заводу и знание его истории все же заставили Геннадия начать бороться за восстановление исторической памяти об этом месте.

Время надежд

Война, как чудовищный вихрь, перемешала миллионы людей, случайно соединив меня и Кравченко. В детстве с загадочным тогда Петрозаводом, и через него слабенькой ниточкой она неожиданно притянула нас друг к другу семьдесят лет спустя. Для человеческого сознания это почти чудо, а для кудесницы природы – редкая, но возможная случайность. И если я понимаю, как в физическом хаосе возникают структуры, то могу предположить, как из случайностей человеческой жизни создается необходимость, а из них – судьба.

Надо только жить в потоке, а не в тихих заводах.

С этими мыслями я и пришел на следующую встречу с Геннадием, чтобы подвести итог нашей совместной деятельности и подумать о дальнейших планах:

- Так что же, Геннадий Александрович, как говорится, худо, бедно, у нас за плечами прожитая жизнь, в которой судьба нас объединила с Охтой и Петрозаводом, мы познакомились, и прожитой жизнью, в общем, довольны, а вот завод судьба как будто забыла. Не можем ли мы вместе подтолкнуть ее и повернуть к Петрозаводу, если его прошлое нам памятно и дорого? Ведь ты уже многое за десять лет для этого сделал – я восхищен твоим упорством и деловитостью. И твое желание восстановить на месте Петрозавода памятник русским воинам, навечно укрепившим для России это место, в виде дуба, окруженного шестью шведскими пушками, стало бы вершиной того, что Петербург может сделать и для своей пользы: Мне кажется, что твоему памятнику нужен достойный пьедестал, который позволит петербуржцам и осознать необходимость его создания, и с большим энтузиазмом включиться в осуществление.

Слушавший мое вступление, чуть кивая головой, Геннадий при последних словах оживился.

- Что ты имеешь в виду? Каков этот пьедестал?

- Он, конечно, основан на желании Петра, чтобы город жил на воде, как его любимый Амстердам, и горожане и гости не только любовались Невой и каналами, но использовали их повседневно и праздновали на них, так чтобы это стало известно во всем мире и туристы приезжали на этот праздник ежегодно. А пока туристы в нашем великом городе бывают только один раз и, увозя с собой фотографии, альбомы и каталоги, потом ими любят.

- Так что ты придумал? Что предлагаешь? – уже настойчиво переспросил Геннадий.

- Зрелище – вот что привлекает людей в мире, и особенно соревнование.

Помнишь, лет тридцать назад на Фонтанке дважды устраивали соревнования академических лодок "Золотые вёсла"? Сколько зрителей смотрело их по набережным Фонтанки, но речка узка, извилиста и на ней много мостов – не разгонишься, особенно на восьмерке.

А на Неве академические лодки не выдержат ее волну, поэтому нужны специальные лодки типа модульных байдарок...

- А кто же будет заниматься производством таких лодок? – С сомнением заметил Кравченко.

- В Петербурге достаточно развито судостроение, чтобы организовать такое производство, а если модульные лодки смогут по цене соперничать с обычными разборными байдарками для любителей, то производство станет рентабельным и город получит доход не только от туристов, которые будут приезжать смотреть эти соревнования, но и от продажи модульных лодок.

- А почему такие соревнования на Неве обязательно привлекут туристов, тем более иностранных? – Помолчав, спросил Геннадий.

- Потому, что это будет уникальное мировое зрелище, - туристы приедут болеть за своих соотечественников, а Петербург, как водный стадион, с его набережными и мостами - самый подходящий для этого в мире город.

Для мужчин пятикилометровая дистанция должна начинаться от Большой Охты и до стрелки Васильевского острова. При скорости лодок десять, двенадцать километров в час и течения Невы - четыре километра в час, время прохождения дистанции около 20 минут...

И если для женщин начало дистанции сделать у гостиницы «Петербург», а стартовать они будут вместе с мужчинами по выстрелу пушки в крепости, то зрителям вдоль набережных Невы скучать не придется.

А пока модульных байдарок нет, можно начать готовить петербуржцев к такому празднику, используя имеющиеся у них обычные разборные байдарки.

Вот смотри, я нарисовал карту-схему окрестностей города. Вокруг него можно подготовить, по крайней мере, три туристских байдарочных кольца.

Конечно, тут есть некоторая сложность в организации специального транспорта для перевозки лодок и людей, но при нынешнем обилии автомобильных фирм, готовых заработать – это не проблема.

- Значит, все будет платным?

- Да, в течение всего лета, но во время праздника дня Военно-Морского флота соревнования для рекламы надо проводить бесплатно.

- А какие еще маршруты ты предлагаешь?

- Если останавливаться в живописных местах, то и весь отпуск можно провести в живописных местах Карелии.

Если же есть желание поплавать по Ладоге, то надо, поднявшись по Охте, затем спуститься по Вьюну и речку Бурную в Ладогу. Вдоль берега плыть до впадения речки Морье, а потом подняться по ней и с волоком через Кавголовские озера в Охту. Конечно, все эти маршруты следует подготовить: оборудовать места стоянок, наметить волоки, подумать о безопасности.

- А кто же этим будет заниматься?

- Вначале город, привлекая волонтеров, под руководством работников городского, Спорткомитета, а потом создать для этого специальный центр. И ты обратил внимание, что все маршруты начинаются и заканчиваются на Охте.

Именно там, на месте Петрозавода и должен быть этот центр и в нем восстановленный памятник, о котором ты хлопчешь.

- Не слишком ли это патетично и красиво?

- Глядя на тебя, столько сделавшего в одиночку, я не сомневаюсь, что в пятимиллионном Петербурге найдутся не только энтузиасты из простых - засмеялся я.

Мы еще долго обсуждали детали этого Нового шоу, которое оживит туризм в Петербурге, разрабатывали оптимальные маршруты, конструкции лодок - но все это дело практики, а чтобы к ней приступить, нужно привлечь к этому проекту влиятельные силы, политических и общественных деятелей, общественные организации... Но пока наша задача: сделать проект достоянием общественности!

На этом я и заканчиваю свои рассуждения, теперь пусть за дело берется жизнь и судьба!

Ред. Печатается с незначительными сокращениями.

РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ, НАРОД и ЛИЧНОСТЬ

=====

Авторитет или Идеал? (ПРОЩАНИЕ с собеседниками)

Разговор с друзьями и о друзьях

Июль - сентябрь 2020 -9 июня 2023

Я рано встал и вышел до зари.
Больные сны – во сне ишу знаменья.
Во сне тоскуют глухо глухари,
И рифмами звенят стихотворенья.
Всю ночь шел дождь и утром, как во сне,
Стекал с меня и под ноги бросался...
Туман распался в клочья. В вышине
Свет от зари в метафоры сбивался...
Все в мире движется. – Несносная страна! –
В ней нет ни гордости, ни совести, ни чести:
Все движется – она одна на месте,
То крепко спит, то попросту пьяна.
Но я – страна ли? Пусть себе поспит!
Моя Россия – дом, стихи, родные...
И вновь из ключьев тучи дождевые...
Да кто же я? Мессия? Вечный жид?
О, девушки, как жаль, я мир не спас!
Вы мне – заря, цветы и листья мяты...
Богини, музы, сны и даже латы...
Я приходил на землю лишь для вас!
Вы помните? Вы были *всё во всём*,
И вы меня искали в этом мире...
Я к вам вернусь: во сне, в заре, в эфире,
В сияньи рифм... пусть даже босиком! **Июнь 2023г**

Фердинанд Ходлер. *Агасфер*

Краткие пояснения к стихотворению (подобно тем, которые предпослал Данте к своему сборнику стихов «Nuova vita»).

Русская литература представила нам, своим читателям, несколько образцов *идеальных женищин*. Пушкин избрал в качестве идеала Таню Ларину, которой было 13 лет, когда она босиком рано утром примчалась в дом, в который приехал пустой и жестокий Евгений Онегин, и вручила ему признание в любви. Наташе Ростовой было уже 16 лет, когда она из окна ночью спускалась на веревке, связанной из простыней, к Анатолию Курагину, которого даже Интернет характеризует так: «*франт, повеса, дамский угодник, хлыщ.*» Анна Каренина была замужем и имела ребенка, но на ипподроме, глядя на лошадей, влюбилась в офицера, о котором Лев Толстой сказал так: «*кто-кто? Конь в пальто!*» Сказал он, правда, еще хуже... Анне Керн было уже лет 20, она уже была замужем за генералом, но все же Пушкин ее запомнил как «*чудное виденье*» (хотя, что он о ней писал позже, лучше не знать).

Лермонтов оправдывает женский ум *«Нет ничего парадоксальнее женского ума; женщин трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами; порядок доказательств, которыми они уничтожают свои предупреждения, очень оригинален; чтоб выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики»* – именно это я воспринимаю как оправдание. Но оправдывает ли он их чувственность, я не понял, так как в своих художественных образах он противопоставил несносной реальности образец *женщины-мечты*.

Достоевский и Сонечка Мармеладова? Аполлинария Суслова? Настасья Филипповна (в которую влюбляется князь Мышкин и которую покупает Рогожин)? Дают ли нам эти героини представление об идеале, который существует в женской душе и часто проявляется в жизни?

Иисус из Назарета, если его рассматривать как литературного героя и исторического персонажа (отвлекаясь от его возможного *божественного происхождения*), находится с женщиной в еще более сложных отношениях. Из романа о своей жизни он устранил мужчину и не дал своей матери вкусить земной любви, хотя оставил ей материнскую любовь (быть может, этот образ близок лермонтовскому образу *женщины-мечты*). Однако отношения Иисуса к матери и другим женщинам двойственны, что Иисус чувствует по отношению к ним, он не договаривает, именно поэтому сквозь все христианство проступает образ *женщины-грешницы* – Евы, согрешившей перед «Отцом небесным» (в чем согрешившей, об этом не знают даже Апостолы и Отцы церкви) и Марии Магдалины – действительной блудницы. Другие героини *Нового Завета* как *«Романа о Христе»* так же производят о себе впечатление женщины, в чем-то виноватой перед Богом или перед человечеством...

Поэтому мне и показалось, что из моих стихов и рассказов можно составить Художественное повествование, раскрывающее тему *Земной любви* иначе, чем она раскрывается в Русской (да и в Европейской) литературе, которую *именно женщина* возносит и духовно преображает, поднимая над природой.

Ключом к пониманию двойственности образа женщины в Культуре (философии, религии, литературе и искусстве) является то обстоятельство (случайное или обусловленное самой идеей Творения человека Богом – ибо надо было, чтобы человек претерпевал несчастья, чтобы стать **достойным человеком**), – что русские писатели и поэты оказывались несчастными в столкновении с жизнью, особенно в отношениях с женщиной, – как и Иисус – именно поэтому идеальной женщины никто из них нам в своем творчестве не показал. Но именно поэтому они писали стихи и романы, чтобы подняться над горькой действительностью.

Почему же я не написал Романа об идеальной женщине? Увы, во-первых, я был бловнем судьбы, любви я получил больше, чем следовало, меня любили учителя и учительницы, родители, семейные (все мои родственники, даже родственники жены), любили друзья и даже, как это ни странно, в меня влюблялись и те, кому полагалось быть моими врагами: следователь Иван Иванович, психиатры, медсестры, следовательница (через тридцать лет), школьницы, студентки, тюремщики (даже разбойники, напавшие на меня, вдруг начали передо мной оправдываться).

Но есть исключение, есть одна **женщина**, которая ведет себя плохо на протяжении всей своей жизни – это **Россия**. И вот я все силы своей души, обделив друзей и родных, обделив литературу, обделив даже милых девушек (включая тех ангелов, которые начинают ко мне приставать уже с трехлетнего возраста), истратил на **войну** с философией, историей, государством, политической философией и церковной религией, и при этом пользовался симпатией многих выдающихся деятелей современной мне жизни – и только **Молох государства** клацал зубами у моего горла (но существенно мне повредить почему-то опасался)...

Наконец я прозрел.

То, к чему человек обычно стремится, то есть УСПЕХ (даже успех у женщины) – это мишура, которой окутан человек. И **женщина любит мужчину**, когда он ее **не стремится** победить и разрешает ей себя НЕ любить – ну и что власть императора, слава всенародного признания и богатство Креза в сравнении с тем, что через 65 лет в Книге о нашей школе отрывки из моей книги «Боль и Любовь» помещают в ее центр, и девочка, которая мне когда-то нравилась, пишет обо мне воспоминания и рядом помещают ее тогдашний карандашный портрет, исполненный ее соседкой по парте – и я вижу, что она и в самом деле была не хуже Настасьи Филипповны, хотя и *ангелее* её! И если в деревне, куда я езжу летом, еще в прошлом году девчонка, схавшая на велосипеде, увидев меня, бросает велосипед и бросается ко мне с объятиями, сшибая меня с ног!

Да ладно, слава подождет. Богатство тоже. И даже власть. А любовь ждать не будет. Но только та любовь, которую ты жаждешь изливать на мир. На горы и леса, на небо и цветы... **А женщина – это цветок мироздания.**

Ей нравится, что я ее люблю – и этого мне достаточно.

И все же, если на то будет божья воля, я еще напишу Роман о женщине и женской любви. А если не смогу, то продолжу писать стихи.

Метафизика России:

Наставила на меня пистолет и командует:
Сосчитай до тринадцати и я выстрелю!

Поздравление с Днем Рождения от
неизвестных девушек: *Любимый, неповторимый, непостижимый ...*

Пожелание от философов
В России надо жить долго!

К сказанному трудно что-то добавить, так как **идеальное** должно быть *представлено и изображено*, а это удел искусства, поэзии и художественной литературы, философия *высказывает, формулирует и анализирует* – но не изображает. Однако литературная критика, сама жизнь и история (как слепок жизни) могут вносить исправления в идеал, нарисованный художником, или подвергнуть его сомнению.

В России до недавнего времени идеальными женщинами были **жены декабристов**, поехавшие к ним на каторгу, к сожалению, политическая конъюнктура затемнила их лики, Европа в качестве идеалов женщины предложила *Шарлотту Корде*, зарезавшую Марата, и *Жанну Д*Арк*, обезглавившую демона английской оккупации Франции. Идеалом верности своим убеждениям является боярыня Морозова.

Если выбирать идеальную женщину среди тех женщин, которые пленяют нас красотой и верностью в любви, то женщиной, пленившей по крайней мере Европу, является богоматерь, в которой мы видим идеал материнской любви, ее образ дан в средневековой европейской живописи. Идеальный образ женщины, пленяющей своей красотой, представлен в античной скульптуре и в женском портрете, например, в автопортретах Зинаиды Лансере, в женских портретах Тропинина. Идеал, соединяющий жажду любви, мятежность души и очарование земной красоты, мы находим в княжне Тамаре, соблазненной Демоном.

Загадочно то, что если идеальность мужчины может проявляться во множестве форм его жизни, в культуре, науке, религии, воинских подвигах, в мятеже и революции, то женский идеал связан как будто исключительно с любовью к мужчине и детям, и Шарлотта Корде, *Жанна Д*Арк* и боярыня Морозова – исключения из исторического правила, причем их подвиг неотделим от эстетического совершенства. Идеальная женщина должна быть прекрасна, даже если она порочна, своей красотой она искупляет или даже отменяет порок, как Настасья Филипповна в романе Достоевского – загадочность красоты словно бы сама по себе является содержанием идеала женщины. И кажется, что воистину предназначение мужчины и предназначение женщины разделены какой-то пропастью, идеальный мужчина противостоит злу (как Дон-Кихот у Сервантеса и Лоэнгрин у Вагнера), идеальная женщина как будто бы способна зло оправдать (княжна Тамара в поэме Демон). Так не случайно Ева поддается убеждению Дьявола и нарушает божественный запрет? И не случайно соблазняется княжна Тамара речами Демона?

У Достоевского: *«Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется...»* - и если идеальная женщина непременно красива, если **красота – это самое важное в идеальной женщине**, что в искусстве непременно подчеркнуто (кстати сказать, Люцифер, ставший Дьяволом, был не только *ангелом света*, но он был прекрасен!), то поэтому идеальная женщина не равна образу Сонечки Мармеладовой (кстати сказать, двойственной и в своей идеальности), а скорее ею является Софья Перовская (как и Шарлотта Корде).

И это противоречия не художественного мира Достоевского, а самой жизни. И **отказ от природной чувственной любви** (которая больше всего нуждается в красоте) – это основная идея христианства, и по отношению к Ветхому Завету оно само в значительной степени богоборческая религия.

Так что же такое **идеальная женщина? Это красавица**. И я таких встречал. Но философия ниже их совершенства. А совершенство их выше иллюзорных достоинств мира. Надеюсь, что мне удастся позже поговорить об этом более глубоко. Даже *в художественной форме*.

Достоевский – наитипичнейший русский человек – но, как всякий русский, достигает своей завершенности через **Инверсию**.

Каковы три главных ипостаси (то есть лица, формы) – по его мнению – у Истории, у народа, у бытия, у Истины? **Чудо, Тайна и Авторитет**.

Я почти с этим согласен, не зря Достоевский был моим кумиром и Учителем (после Пушкина и Лермонтова), пока его я не заменил на Розанова (его ученика и подражателя), а затем на Толстого, соперника и оппонента. И все же я совершаю тоже **инверсию** и Авторитет заменяю на **Идеал**.

Тайна и Чудо невидимы. Полог
Надвое мир разделил.
Сердце томит ожидание. Долог,
Господи, взмах Твоих крыл!
Что ж мне мерещится в пыльном проеме,
За отворотом дверным?
Солнце ль встает в голубом окоёме,
Знак пробужденья в томительной дрёме,
Рдяный пожарища дым?\
Мы позабыты иль помнят нас всех?
Явится ль в мир наш прекрасная Дева,
Мрачным ли вестником Божьего гнева
Грозный раскатится смех?!
Ждут нас потери, вражда и смятенье,
Преображение, ложь?
Тщетно усилие смутного зренья!
Лишь непонятная – страха ли, мщенья –
Бьет лихорадкою дрожь. *ВИ. 80-е годы.*

Итак, **Чудо, Тайна и Идеал** – вот три лица Бытия и Истории – но их смысл раскрывается только после того, как мы раскроем сущность исторической **инверсии**, которая руководит сюжетами всех исторических и житейских драм и коллизий – Люцифер (Светоносный) становится падшим ангелом и сбивает с толку Еву, Иисус из Назарета рождается женщиной непорочно, затем *объявляет себя Сыном Божиим* (и христианство настаивает, что его рождение является главной тайной человечества) – я принял почти всё, но не смирился с **Авторитетом**. Я отверг все авторитеты, все кумиры, перед которыми преклонился русский народ (хотя и не сумел его повести через пустыню), отверг Ивана Грозного, отверг безумного Петра Первого, не сразу, но безусловно отверг недоучившегося Ильича, маньяка Революции

Троцкого, демона авторитарности Сталина (русского антипода Гитлера), пусть и с оговорками, но возвышаю Хрущева, казалось бы, русского дурачка (которого наш придурковатый народ сначала возвысил, а потом низверг, и как любит сегодня Сталина, так ненавидит Хрущева).

Авторитет я заменил на **Идеал**, который представляет собою **женщина-красавица**, муза грации, музыки и драмы – главные из них Эрато (муза любовной поэзии), Эвтерпа (лирической поэзии и музыки), Мельпомена (трагедии) – не случайно я люблю Марину Цветаеву и П. О.

Читатель уже уверен, что я в самом себе нашел идеал – но нет, я не хочу подражать главным соперникам в театре истории человечества, я так люблю духовную свободу и ненавижу духовное подавление (тиранию и авторитет, государство и идеократию), что пожелал, чтобы человеческое не простиралось во мне до такой степени, чтобы жажда власти и богатства порабощали меня, я и сам не хочу быть авторитетом ни для кого, и если человек готов меня слушать, то лишь потому, что я ему понравился, если меня любят дети, то я не хочу слишком от них отличаться.

Есть некая загадка в том, что не всё в лирической и трагической литературе повзрослело, даже Христос, мало общающийся с детьми, однажды сказал: *«приводите ко мне детей!»*, даже апостол Павел, «отец иезуитов», воззвал: «братия, будьте как дети душой, хотя по уму будьте совершеннолетни!» - дети, впрочем, хотя еще малоопытны, но достаточно умны, чтобы добро отличать от зла и любовь от ненависти.

Каков возраст наших идеалов? Татьяне, как сказано, было 13 лет, а Наташе – 16 – впрочем, они хорошие девочки, такие же как мои одноклассницы в седьмом и восьмом классах, но делать из них пионервожатых еще рано, я не уверен, что они не подадут своим пионеркам плохой пример. Не идеальна и 13-летняя Джульетта, и хотя 12-летняя Нэлли из «Подростка» рассудительна и душа ее чиста, но бури ее впереди. Впрочем, в 13 лет мы почти все, девочки и мальчики, идеальны, - но не известно, кто из нас вырастет. К тому же, прискорбно то, что идеал прорастает в звуках трагедии, венец его – *предательство друзей и клевета врагов*, тюрьма и мученическая смерть. В некоторой степени идеальны Джульетта, Изольда и Норма, но лишь потому, что они умирают в объятиях своих возлюбленных, которые умирают вместе с ними. И не нравственные достоинства возвышают смертного человека до **идеала**, а *мистическая красота – женщины, и гениальность – мужчины*. Прежде рождения я захотел родиться почти неотличимым от большинства, чтобы не иметь привилегий, поступить в университет без блата, стать учителем человечества без народной поддержки или поддержки друзей-головорезов – но таких учителей человечество не приемлет. И хотя я получил самое главное, к чему стремится мужчина – меня любили все девушки-красавицы, которые мне нравились (разумеется, наша любовь была невинна как мы сами), но меня отвергла та единственная, которая была для меня источником жизни, эта единственная – Россия и русский народ (что одно и то же). Главная тайна истории состоит в том, что **всякий народ – женствен**, все его индивидуальности рождены женщиной, воспитаны ею, гениальные мужчины влияют лишь на немногих...

Обыденная женщина существенно отличается от Полины Виардо (подруги Тургенева), Полины Суловой (любовницы Достоевского и Розанова), романтических поклонниц Пушкина и Лермонтова, ученицы и возлюбленной Грибоедова аристократки Нинё Чавчавадзе, жены Мережковского Зинаиды Гиппиус (которые оба *отвергли плотские отношения* – впрочем это их личное дело, я монашество не проповедую, но лишь *превосходство духа над плотью*), Нины Берберовой и Ирины Одоевцевой – но при этом я не говорю, что крестьянские девушки менее возвышены, чем аристократки: *мы растем на обочине жизни, они жили в оранжевых*.

Я не нужен своему народу не потому, что *недостаточно родовит и слишком образован*, но потому, что народ, преимущественно сотканный из «простонародных» черт души и характера, исторически усвоил **потребность в примитивном**: *потребность в силе, жестокости, принуждении, рабстве, преклонении, прямолинейности, грубости, ограниченности желаний и мечтаний, низости чувств и мыслей, мелочности нужд...*

Если бы Бог захотел, и дал мне возможность обучать народных детей в моей собственной школе, они стали бы не хуже детей Лицея.

Да к тому же, идеалов и нет... **Идеал** – это **МИФ**, *время и общество его созидают*, даже великая 17-летняя Жанна, пришедшая ко двору короля по голосу своего Бога, стала кумиром для толпы и аристократии лишь после того, как королевский Двор решился от безысходности сделать на нее ставку, а добившись поворота в политической и военной кампаниях, Двор и Король (а вслед за ними народ) ее предали, предало духовенство и церковь, предал **Бог**.

Почему все же через пятьсот лет она проросла сквозь толщу безобразной французской истории (как я прорасту через сто или двести лет)? Потому что французский народ кроме Шарлотты Корде не родил более ни одной поражающей воображение. Жанна настолько безупречна, что мне кажется, что она полукровка, кто-то из небожителей является ее подлинным отцом, я это подумал еще тогда, когда в прошлой жизни спустился к ней в тюремный подвал. С каким достоинством она держалась, как *мужественно* переносила свои невзгоды! Она была более чем женщина, она была **богиня**.

Достигнуть высокого положения в обществе и в государстве без «блата» (то есть без *высокородной родни и влиятельных друзей*) почти невозможно. Однако и образованием своим я все же не удовлетворен, и таланты зарыл в землю – они не проросли. Правда, и талант и гениальность полезны только в сословном обществе, когда аристократам не надо работать для хлеба насущного, и они тратят время на чтение толстых романов вроде «Бесов» и «Войны и мира» - и хотя я не сомневаюсь, что и Федор Михайлович и Лев Николаевич гениальны в художественном творчестве – но много ли сегодня читателей у несомненно гениальных Солженицына и Шафаревича?

Необходимо соединение **идеальности души и характера** и **гениальности сознания**, чтобы создать новый Роман, способный *пробудить спящего*: спящим является русский человек. От себя я уже не жду Откровения – могу ли я его хотя бы услышать? От себя я не жду и чудес – хотя давно ли воскликнула обо мне Анна: *Да вокруг него одни чудеса!* Я все же пишу книгу «Откровение и чудо» - но будут ли у нее читатели?

Итак, **Чудо, Тайна и Идеал** – это три главных **Лица** истории (вместо **чуда, тайны и авторитета** Достоевского). Федор Михайлович стал всемирно известен, но учителем человечества не стал, и *его народ* как не был народом-богоносцем, так и не поднялся над своим крепостным состоянием. *Удовлетворен ли Ф.М. своей литературною славой?* Думаю, нет. И хотя меня не читают и никому не нужны мои поиски Откровения и Чуда – но у меня еще есть надежда их найти – и это меня поднимает над эпохой и славой.

То же думаю я о Толстом, не менее всемирно известном – но хотел ли он, чтобы призвание романиста истощало его личность? Он велел выбросить свои романы на свалку истории, и не поехал на открытие памятника Пушкину, объявив его стихи чепухой, и не услышал знаменитую речь Достоевского – а вскоре Достоевский и умер, и эти два русских Мессии не успели даже поспорить о самом существенном в их взглядах на мир (ибо *чудо, тайна и авторитет* Достоевского объясняли, по его мнению, современное ему христианство, а Толстой предложил изменить Историю, **отрицая государство** и проповедуя **новое христианство**. Русская литература приняла их обоих и ими очарована (как и я), но история не приняла их учения, не стал русский народ ни «богоносцем» ни «хулиганом», более того, не стал русский народ даже **НАРОДОМ**. Ибо сначала он убил царя и уничтожил «русское» культурное сословие (*метаморфозу варягов*), потом *выполол* кулаков из *славянского крестьянского народа*, и на обломках Российской империи создал империю советскую (уничтожив и в империи и в самом себе все *национальное* и став сам *советским народом*... далее лучше не продолжать...

Из меня не получилось «Властителя дум», но я издал **Данилевского** «Россия и Европа», «Глаголь», 1995.; **Дионисия Ареопагита**, «Сочинения», Глаголь, 1994; **Радзивиловскую летопись**, 1994, факсим. издание в 2-х т..

Рядом со мной мои спутницы: **Жизнь и Судьба**. Тоже женщины, как и Россия. Ответил ли я на их вопросы? Доволен ли я собою? Я смотрю на ступеньки, ведущие на эшафот – *может быть, там я найду ответы?*

В конце XX-го столетия властителями дум стали Солженицын и Шафаревич, и я был уверен, что судьба меня притянет к ним, но все же *мы не стали так близки, как я надеялся*. Они принадлежали к поколению отцов и я их слегка стеснялся, хотя и дружил с их современниками (а Шумовский был даже их старше). Но я издал некоторые книги Солженицына и защищал его в своем журнале от нападок (а он защищал меня от преследований советской власти по радио «Свобода» в 70-е годы); я с ним встречался и Шафаревич даже считал меня его другом, но Солженицын ни с кем не сходилась и предпочёл одиночество, и книг моих он, верно, не читал. Шафаревич, напротив, читал мои книги и они ему нравились, но он оправдывал русских, а я на них нападал. К счастью, я ему помог в том, что важно для него, и мне *мы были довольны близки*. Но все же и со своими современниками, **Н. П. Ильиным и Н. И. Калягиным**, с которыми дружил, я был на «Вы», они умерли [**Николай Петрович умер на днях, Николай Иванович за год до него, их памяти я посвящаю несколько последних страниц**] и не с кем поговорить. Вот так: *красивые девушки меня любили, гениальные деятели культуры меня принимали, Но Россия ценит только силу и к людям моего круга относится так, как пьяная девка из подворотни.*

**Иван Тайлов
(Николай Петрович Ильин)**

К РОССИИ.

I.

Я тебя никогда не увижу,
Пусть сто лет на земле проживу.
Даже смертью тебя не приближу,
Только светлые сны разбужу.

В эти сны прилетает Жар-птица,
И погост превращается в сад,
Где, как золото, бледные лица,
Только *русские* лица горят.

И по воле загадочной птицы
Всё, как прежде – живи не тужи:
Царь на троне, царевны в светлице,
И мужик размечает межи.

Для усталого – камень у храма,
Для бродяги – свободная даль,
И на конке – *прекрасная дама*,
Приподняла с улыбкой вуаль.

II.

Это – сон. А в бессонное время
Слышу я негодующий глас:
Ваша птица клевала нас в темя,
А порою клевала и в глаз!

Что ж, готов я на этой планете
Все грехи за нее отслужить:
Всем евреям раздать по монете,
Финнам всем по стакану налить.

Подарить всем полякам по крыжу,
Всем цыганам украсть по коню –
Но тебя все равно не приближу,
Только светлые сны прогоню.

Август.

Незабвенное имя – Россия!
Ты у всех подлецов на устах,
И дымят, как поленья сырые,
Души их в митинговых кострах.

Рвется к небу безумия выхлест,
Лже-Россией клянется лже-росс.
Что ж, предсказано: встанет антихрист,
Прославляем и чтим как Христос.

Только горстка останется верных,
Зрячих там, где другие слепы
И пьяны в испарениях серных
Озверевшей от счастья толпы.

* * *

Бунт на галере. Пьяные рабы
Свободою, как грязною гетерой
Спешат упиться. Виден знак судьбы –
Глаз урагана – им перед галерой.

– Рубите мачты и вяжите плот! –
Орет рабами избранная дума.
Но тут свой голос тихо подает
Какой-то раб, что все молчал угрюмо.

– Корабль этот прадедов трудом
Построен был с надеждою и верой.
Он стал казаться рабскою галерой
Забывшим Бога. Помните о том!

Но уж рабов два демона влекут –
Безверья страх, безвластия эйфория –
На жалкий плот. На нем галерный шут
Намалевал кощунственно: “Россия“.

Битсбург

Молчите! Ясно и без ваших слов,
Какое горе приключилось с нами:
Мы ненавидим *кладбище* врагов,
Мы проклинаем их могильный камень.

А прежде так: на нашу землю гарь
Стелил осман и кровь лил век за веком.
Мы одолели. И наш Царь сказал:
“Я не палач больного человека”.

А прежде так: непобедимый галл
Наплыл на нас всеевропейской лавой.
Мы одолели. И наш Царь сказал:
“Не нам, не нам, но Богу – честь и слава”.

В каких лесах тайлся этот зверь,
Чей рык гремит по всей вселенной ныне?
Не в костромских – лжецам страны не верь!
Его пригнал к нам ветер из пустыни.

Там сказано: “Бог выдал нам врагов,
Чтоб выи их нам попить ногами”.
Молчите! Ясно и без ваших слов,
Какое горе приключилось с нами.

Марш русской сотни.

Мóрок проходит. Небо светлеет.
Взгляд различает: *огонь пламенеет.*

Русская сотня печатает шаг.
Утренний ветер. Развернутый стяг.

Русский поход еще в самом начале,
Русские долго терпели, молчали.

Хватит! Пора всем узнать – не потух,
Вновь разгорается русский дух!

Дух наш державный и православный,
Дух наш славянский, овейанный славой.

Верный в великих делах и победах,
Верный и в наших неслыханных бедах.

Вера в Спасителя – вера в Россию.
Прочь на обочину, гнущие выю.

Русская верность – русская честь.
Нам не нужны ни коварство, ни месть.

Серые тени бегут в подворотни.
Русские улицы – русские сотни.

Сотня за сотней, стена за стеной.
Встань, если русский, в русский наш строй!

Николай Калягин

Последний романтик

Григорьевский юбилей собрал сегодня членов Русского Философского Общества, стал темой отдельного заседания – и этот факт требует осмысления. Аполлон Григорьев не был философом; без особой натяжки можно утверждать, что основной пафос его литературной деятельности – антисистемный (если не напрямую антитеоретический) пафос.

Отдельной статьи о Григорьеве нет ни в советском Философском энциклопедическом словаре, ни в антисоветской «Истории русской философии» Н. О. Лосского. Попытку включить Григорьева в обойму русских философов предпринял В. В. Зеньковский, но особенно удачной эту попытку не назовешь. Зеньковский и с общедоступными фактами григорьевской биографии знаком нетвердо (называет Аполлона Александровича, который был все-таки внуком крепостного кучера, выходящем из «небогатой, но культурной семьи»; относит его личную драму, случившуюся в первой половине 40-х годов, ко второй половине годов 50-х, даже посылает за чем-то Григорьева умирать в Оренбург), и в размашистых обобщениях своих достаточно опрометчив.

Главной особенностью Григорьева-мыслителя является родственность его аналитических статей художественному творчеству. «Григорьев был бесспорный и страстный поэт», – указывал Достоевский, имея в виду при этом вовсе не стихи Аполлона Григорьева. Систематическое изложение взглядов Григорьева является поэтому делом рискованным. Художественное произведение защищено единством содержания и формы; вы можете пере-сказать его своими словами, сохранить все содержательные элементы, описать все формообразующие конструкции – и при этом не дать о произведении ни малейшего представления. И чем художественнее произведение, тем рискованнее попытка сделать из него экстракт, выжимку.

«Высшей точкой эстетического гуманизма» называет Зеньковский взгляды Григорьева, и эта формулировка, в целом правдоподобная, требует многочисленных уточнений.

Эстетом Григорьев не был. Хотя он обладал от природы громадным эстетическим чутьем, но не считал жизнь чем-то второстепенным, чем-то служебным по отношению к искусству. Гуманность же Григорьева обладала существенным изъяном: знатных людей он не любил и, написав в одном из ранних стихотворений:

*...То, что чувствовал Марат,
Порой способен понимать я,
И будь Сам Бог аристократ,
Ему б я гордо пел проклятья, –*

сохранял эту странную антипатию к высшим классам русского общества до могилы.

Так что, уточняя Зеньковского, следовало бы признать взгляды Григорьева «высшей точкой художественного демократизма», если бы, конечно, нашлась История философии, способная выдержать такое сближение антиномичных понятий, и если бы сам Григорьев не боролся всю жизнь как против демократических, так и против эстетических притязаний современной ему общественной мысли.

В контексте разговора о Григорьеве, мастере тончайших определений и создателе собственной уникальной терминологии, инструментарий Зеньковского не только выглядит топорно, но и просто не охватывает интересующее нас явление во всей его сложности.

В последней своей статье, статье-завещании, Григорьев пишет, обращаясь к Достоевскому: «Знаешь ли, что я подчас дорого бы дал за наивную веру теоретиков в непогрешимость логических выкладок голого ума? Живется с теориями гораздо спокойнее и даже мыслится легче <...> – разумеется, в пределах той ограды, которую ставит теория. Что такое жизнь и ее явления для теоретика? Лезут под теорию – прекрасно; не лезут – режь или растягивай: “секи-руби”, как говорят мои старые приятели-цыгане, стреножа лошадей и долотом передельывая им зубы из старых на молодые».

Впрочем, еще Мефистофель любил потолковать о превосходстве вечно-зеленой жизни над сухой теорией – было бы неосторожно верить на слово черту. Всем нам более или менее понятно, что поэтическое желание Фета: «*О, если б без слова //Сказатьсь душе было можно!*» – не будет никогда реализовано на практике, а значит без слов, без логической связи между ними – одним словом, без теоретизирования – людям на земле не обойтись.

Формула, которую предлагает Григорьев и которая должна, по его мысли, расширить (если не вовсе упразднить) ограду старых теорий, звучит так: «Не один ум с его логическими требованиями и порождаемыми необходимо этими требованиями теориями, а ум и логические его требования *плюс* жизнь и ее органические проявления».

Слово «жизнь» – ключевое слово в мировоззрении Аполлона Григорьева. Он просто зачарован жизнью – таинственной и неисчерпаемой жизнью, которая производит, которая рождает «организмы». Не только в индивидуальной, биологической жизни, но и в жизни социальной Григорьев на каждом шагу обнаруживает «организмы». Для него и народ не собирательное понятие, а организм, и сословия в государстве – организмы, и даже культурная эпоха в исторической жизни народа – живой организм.

Взгляд на жизнь, по Григорьеву, не должен быть ни теоретическим, ни эстетическим, ни историческим (эти важные для Григорьева определения будут уточнены позже). Взгляд на жизнь, творящую организмы, может быть только органическим, имеющим исходной точкой «творческие, непосредственные, природные жизненные силы».

Но и сама-то жизнь, по Григорьеву, «есть нечто таинственное и неисчерпаемое» – что же говорить про вполне неисповедимые «жизненные

силы»? Никакой логике, никакому учету и контролю эти силы не поддаются, а игнорировать их мы не можем, – иначе наши представления о жизни сведутся к сочинению очередной теории, фактически же – к осклопению и умерщвлению таинственной, неисчерпаемой жизни. Получается, что истина в чистом виде, абстрактная истина для нас недоступна, – мы можем усвоить только истину «цветную» (один из странных григорьевских терминов – «цветная истина»). Выражением «цветной истины» может быть только искусство и только национальное искусство (искусство, по Григорьеву, необходимо национально и даже местно). Талантливый писатель, являющийся стихийным отзвуком органических сил, присущих его народу и его местности, неизбежно отразит в своем творчестве какую-нибудь неизвестную еще сторону национально-органической жизни: скажет «новое слово».

Таков конечный пункт григорьевской философии: художник, шагающий по высям творения, получающий откровение (а что другое может означать слово «галант»?), приносящий людям истину – «новое слово».

Конечно, это философский романтизм, что во времена Григорьева было уже очень не ново. Сам Григорьев называл себя, не без гордости, последним романтиком.

Здесь необходимо принять во внимание важное добавочное обстоятельство: под влиянием Аполлона Григорьева настоящий культ «нового слова» исповедовал Достоевский. Рабочие тетради Достоевского, его статьи и заметки о литературе заполнены лихорадочными размышлениями на эту тему, каждый крупный писатель в России, от Ломоносова до Льва Толстого, рассматривается именно под этим углом зрения: а сказал ли он «новое слово»? явился ли подлинно великим национальным художником, который ведь обязан приходить в литературу со своим «новым словом»? И главное, Достоевский мечтал сказать новое слово в собственном творчестве, искал его с мучительным напряжением и в конце концов отыскал. «При полном реализме найти в человеке человека» – та магическая формула, тот «сезам», который позволил Достоевскому совершить выдающиеся художественные открытия.

Поэтому, оценивая на вес теорию Григорьева, в плане теоретическом весьма запоздалую, следует учитывать и вот этот практический привесок к ней – пять романов Достоевского, ставших действительно новым словом для России и для всего мира.

В устах какого-нибудь кабинетного ученого выражение «новое слово» явилось бы простой комбинацией из двух слов, но в руках такого практика, каким был литературный критик Григорьев, самые стертые слова могли стать (и становились) реальной силой, преобразующей мир.

Григорьев следил за творчеством Достоевского и, дождавшись появления «Записок из подполья», успел сказать их автору: «Ты в этом роде и пиши», успел сообщить Страхову, что «Федор-то Достоевский» становится кое в чем «и глубже и симпатичнее» самого Гоголя, – стоя одной ногой в могиле, Григорьев успел это сделать. Трудно выразить словами, насколько важно

было для писателя, уже немолодого, мало избалованного жизнью и вниманием критики, оказавшегося на распутьи, готового, но не осмеливающегося вступить в ту область, которая до него считалась запретной, непригодной для художественной обработки, – получить поддержку своим интуитивным стремлениям, услышать вовремя сказанное авторитетное, квалифицированное ободряющее слово! Достоевский такую поддержку получил. Но не будем забегать вперед.

Если мы хотим понять Григорьева в меру самого Аполлона Григорьева (а это очень высокая мера), мы должны выяснить, с каким «новым словом» пришел в литературу этот писатель – уроженец Замоскворечья, «московский мешанин», человек николаевской эпохи?

Дед Аполлона Григорьева – крестьянин, пришедший в Москву в нагольном тулупе, ставший здесь коллежским ассессором (чин, дававший потомственное дворянство) и помещиком Владимирской губернии. Война 1812 года, Московский пожар почти разорили семью Григорьевых; тем не менее, отец Аполлона Григорьева успел получить приличное образование (он был однокашником Жуковского по Благородному пансиону), получил и хорошее местечко в Сенате, однако пользоваться всеми преимуществами своего положения не захотел или не смог, а сошелся с дочерью крепостного кучера, жившего по-соседству. Протесты матери (единственной коренной дворянки в роду Аполлона Григорьева) привели лишь к тому, что Александр Иванович, человек по натуре пассивный и упрямый, запил и лишился места, отнюдь не прекращая отношений с полюбившейся ему девицей. Результатом этих отношений и стал будущий великий критик.

Незаконнорожденный младенец, сын крепостной, неизбежно должен был быть приписан к крепостному сословию – во избежание этого родители сдали младенца в Воспитательный дом. Спустя полгода родительский грех был покрыт венцом, маленького Полонушку забрали домой, но его социальный статус был уже определен: он так и оставался, до окончания университета, «незаконнорожденным из московских мешчан». Впрочем, никакого влияния на дальнейшую судьбу Григорьева подпорченная анкета не имела. Давно замечено, что в так называемую «крепостническую эпоху», рассказами о которой до сих пор пугают людей у нас и за рубежом, суровыми были только законы; люди, через которых эти законы действовали, были добрее, а жизнь – приятнее и удобнее, чем в любую из последующих эпох. Нужен был особый талант (каким обладал, например, поэт Полежаев), чтобы всерьез осложнить себе жизнь в предреформенную пору.

Царствование Николая I – вообще необычное, а в культурном отношении именно блистательное царствование. Представим себе его границы: у входа в это царствование мы встречаем Николая Михайловича Карамзина, писавшего еще высоким слогом про добродетельного пейзаинина Фрола Силина и про бедную Лизу и умершего вскоре после событий 14 декабря, при выходе – Гаршина и Анненского, родившихся в год смерти Николая I и давших в своем творчестве первые образцы русского декаданса. Всё остальное внутри. Сотни

имен, сотни деятелей культуры, плодотворно работавших в эту эпоху или обязанных ей своим воспитанием, – и из которых последний выглядел бы великаном в любую другую культурно-историческую эпоху, особенно в такую мизерабельную, как наша сегодняшняя.

Мы с удовольствием повторяем слова Поля Валери о том, что русское искусство XIX века есть «третье чудо света» (наряду с искусством Древней Греции и европейским Возрождением), одновременно с этим мы, не краснея, продолжаем бубнить про «застой», про «чудовищную отсталость» николаевской России, повлекшую за собой «Севастопольский погром», и даже не решаемся вынести на помойку скорбный «список поэтов», придуманный Герценом.

Между тем, необходимо выбирать что-то одно.

Или мы относимся всерьез к тому неоспоримому факту, что царствование Николая Павловича – величайшая в истории России культурная эпоха, имеющая мировое значение, и внимательно изучаем ее, ясно понимая при этом, что наши сегодняшние *эмоции* по поводу, например, «шпицрутенов» суть нечто легковесное и необязательное по сравнению с реальными *трусами*, которыми была оплачена эта великая культура.

Или же мы продолжаем дожевывать жвачку, еще Герценом изжеванную дотла, и тупо твердим о том, что кое-какие культурные достижения имели место в николаевскую эпоху вопреки ее реальному содержанию и что если бы только буффонада декабристов удалась, то и культурных ценностей было бы произведено в России намного больше: тогда бы и Жуковский перевел не одну «Одиссею», а две или три; Глинка, не ограничившись созданием русской оперы, создал бы еще и русскую оперетту; в каждом уезде завелась бы своя Оптина пустынь; не только все митрополиты и епископы – каждый сельский пономарь стал бы тогда Филаретом по уму и таланту; Баратынский, насадив лес в Муранове, облесил бы затем и Голодную степь; Авдотья Петровна Елагина родила бы и воспитала еще двух братьев Киреевских, а молодых Тютчевых появилось бы сразу столько, что их посылали бы служить не только в Германию, но и в Лапландию, и на Сандвичевы острова; святитель Игнатий (Брянчанинов) в придачу к «Слову о смерти» написал бы еще «Слово о жизни»... Немного жаль, что в случае победы декабристов мы лишились бы «Капитанской дочки», «Сумерек», «Ревизора» да и всей остальной русской классики – но ведь вполне очевидно, что Рылеев, в минуты, свободные от выполнения диктаторских обязанностей, заполнил бы образовавшуюся лакуну равноценной литературной продукцией.

Возвращаясь к Григорьеву, заметим, что то был человек, целиком сформированный николаевской эпохой, долго в ней живший и ставший к концу этой эпохи одним из главных ее литературных деятелей.

Домашняя обстановка благоприятствовала больше развитию дарований маленького Аполлона, чем выработке его характера. Неглупый и беспечный отец, старавшийся воспитывать сына по-барски; полуграмотная мать, подерживавшая в семье нелепый, достаточно строгий распорядок (так, до 17-

летнего возраста Григорьева «ни с кем и ни под каким предлогом не отпускали из дому»), технология которого была, несомненно, разработана в доме ее отца-кучера. Оба родителя безмерно любили и баловали своего единственного сына.

Только поступив в университет, Григорьев начинает понемногу освобождаться от плотного, вязущего домашнего контроля.

В конце 30-х годов Московский университет переживает пору наивысшего своего расцвета. И вот граф Строганов, попечитель университета (и главный виновник, главный зиждитель относительно блестящего его состояния), вынужден очень скоро обратиться к Григорьеву с предложением «стусеваться» – природная одаренность Григорьева проявляется в университете настолько ярко, что это действует подавляюще на остальных студентов, нарушает нормальный ход учебного процесса.

В 1842 году Григорьев оканчивает университет первым кандидатом, перед ним открывается блестящая академическая карьера.

Но Григорьева ждет другая судьба – несчастливая любовь к Антонине Корш и начало тех «литературных и нравственных скитальчеств», в которых и прошли оставшиеся Григорьеву 22 года жизни.

В это время что-то темное входит в его жизнь, какое-то враждебное «вевянье» (еще один странный григорьевский термин) над ним проносится. Обнаруживается неспособность Григорьева к мало-мальски упорядоченной жизни, неготовность взять на свои плечи какую-либо житейскую заботу или обязанность. Назначенный заведующим университетской библиотекой, Григорьев раздает направо и налево казенные книги; будучи избран на почетную должность секретаря Совета Московского университета, за каких-нибудь четыре месяца запутывает все бумажные дела, всю отчетность Совета, создает очень тяжелую для всех ситуацию – и просто не может себя принудить хоть на время заняться этими бумагами, не может, как малое дитя, сосредоточиться на «неинтересном».

Завязываются какие-то темные, до конца не прослеживаемые, связи с масонскими кругами, закончившиеся, по всей видимости, вступлением в одну из масонских сект.

Проблемы накапливаются, усложняются, запутываются, и Григорьев наконец решает их все разом – решает тоже по-ребячьи: сбегает из дому.

Фет, товарищ юности Григорьева, рассказывает об этом так: «Он объявил мне, что получил из масонской ложи временное вспомоществование и завтра же уезжает в три часа в дилижансе в Петербург, вследствие чего просит меня проводить его <...> и затем вернувшись с возможной мягкостью объявить старикам о случившемся».

Григорьев живет в Петербурге, издает сборник стихов романтического направления, бедствует, пишет первые свои критические статьи, приобретает на всю жизнь пагубное пристрастие к алкоголю.

Через три года Григорьев возвращается в Москву, но это не возвращение блудного сына, а новый виток «нравственных скитальчеств». Антонина

Федоровна Корш давно замужем – Григорьев женится на одной из ее сестер. Бедная девушка не отличалась ни умом, ни красотой, ни сколько-нибудь сносным характером, была к тому же заикой. Красавец-мужчина, обаятельный человек, поэт и музыкант, Григорьев, как бы назло кому-то, связывает себя на всю жизнь этим нелепым браком. С этого момента нравственные скитания Григорьева начинают приобретать характер прямого самоистребления.

В 1850 году стареющий Погодин решается ввести в редакцию «Московитянина» свежие силы. Журнал не имеет коммерческого успеха, расходы по его изданию становятся непосильным бременем для тощего кошелька Михаила Петровича. Попытка обновления журнала удалась Погодину на удивление. Так называемая «молодая редакция» не только продлила агонию «Московитянина» на несколько лет – она осталась в истории нашей культуры образцом блестящего литературного объединения, подлинного братства молодых талантов. Аполлон Григорьев и Островский, Борис Алмазов и Мей, Эдельсон и Т. Филиппов – каждый член «молодой редакции» заслуживает отдельного большого разговора.

Но именно Аполлон Григорьев становится лидером и идеологом объединения. 28-летний неудачник, жизнью разбитый, жизнь, в сущности, уже проигравший, приходит в журнал с готовой теорией *почвенничества*. Таков был результат восьмилетних скитаний Григорьева по всем стихиям нравственного мира.

Философский энциклопедический словарь называет почвенничество «консервативной формой философского романтизма»; консерватизм учения обуславливается тут, вероятно, его «религиозной ориентированностью», а также «идеей об особой миссии русского народа, призванного спасти человечество». Лосский в своей «Истории...», ничего не говоря о почвенничестве и об Аполлоне Григорьеве, уничижительно именует его главных последователей, Данилевского и Страхова, «эпигонами славянофильства».

Связь Григорьева с философским романтизмом так же очевидна, как и отсутствие этой связи у Островского в 50-е годы. Но вот «религиозно ориентирован» Григорьев, к сожалению, никогда не был. Он уважал Православие и высоко ценил его как «стихийно-историческое начало», но ценил наряду с другими стихийно-историческими началами народной жизни. Стихотворение, отрывок из которого я привел в начале доклада, заканчивается такими примечательными словами:

*Но на кресте распятый Бог
Был сын толпы и демагог.*

«Демагог» тут, по терминологии 40-х годов, означает «народный вождь», «демократ». Но представление о Создателе и Спасителе мира как о «сыне толпы» выдает Григорьева с головой. Это все тот же «христианский социализм» – христианство Жорж Занда и Белинского, из пут которого Григорьеву не суждено было выпутаться.

Что же касается до «*призвания русского народа спасти человечество*», то до человечества вообще – до человечества, лишенного черт национальности и конкретного места жительства, Григорьеву и Островскому было мало дела.

Почвенничество – это фаза славянофильства, развитие и уточнение славянофильства первоначального, классического. Григорьев высоко ценил благородную личность Хомякова, назвал однажды И. В. Киреевского «великим философом», считал, что славянофильство вообще «*правда*» – все это не помешало Григорьеву обнаружить в учении ряд серьезных изъянов.

Первый недостаток раннего славянофильства – поразительное нечувствие его классиками (К. Аксаковым и, чуть в меньшей степени, Хомяковым) *народности* произведений Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова. Корифеи Золотого века русской литературы не были в глазах славянофилов народными художниками. «Создания их народу чужды»; поэзия их, пусть талантливая, – поэзия «публики», а не «народа».

На роль народных художников намечались славянофилами какие-то малороссийские бытоописательницы, имена которых и вспоминать-то сегодня неудобно.

Григорьев, с его громадным эстетическим чутьем, просто не мог ошибиться в выборе между Пушкиным и Надеждою Соханской. Если создания Пушкина, который «религиозно боялся солгать на народ», останутся народу чужды, то в этом, считал Аполлон Григорьев, следует видеть скорее беду народа, чем вину Пушкина. Ликвидировать отрыв образованных сословий от народа, вызванный петровской реформой, необходимо (в этом правда славянофильства), но невозможно отказаться от тех капитальных культурных приобретений, которые были сделаны за годы разлуки русскими людьми, занесенными обстоятельствами рождения в ряды «публики».

Именно эту мысль Григорьева с особой настойчивостью пропагандировал во «Времени» Достоевский: разрыв между интеллигенцией и народом необходимо преодолеть, но движение должно быть *встречным*. *Народ должен учиться у интеллигенции не меньше (но и не больше), чем интеллигенция у народа*.

Второй недостаток классического славянофильства, тесно связанный с предыдущим, – суженная социальная база учения. «Народ» славянофилов состоит из патриархального крестьянства и духовенства. Все остальное – порча, все остальное требует исправления.

Аполлон Григорьев, по обстоятельствам своего рождения тесно связанный с колоритнейшим бытом Замоскворечья, не мог перестать считать русскими людьми его жителей, которых любил и знал с детства, только за то, что они одеваются в немецкое платье. Городской романс, цыганская песня – многое из того, что вызывало у ранних славянофилов брезгливое отчуждение, в глазах Григорьева было органично и народно.

К сожалению, расширение социальной базы славянофильства ограничивалось у него мещанством и купечеством. Русскому дворянству по-прежнему отказывалось в праве принадлежать к составу русского народа. Вы видите, что странная теория Чернышевского, различающая «грязь реальную» (т. е.

мещанство, способное в массе к культурному росту) и «грязь фантастическую» (т. е. русскую аристократию, ни к чему доброму не способную), имела вполне respectable литературные корни.

И наконец, третий дефект раннего славянофильства – дефект методологический. Старшие славянофилы чрезмерно, на взгляд Аполлона Григорьева, увлекались сравнением реального Запада, со всеми его историческими грехами, и идеальной, ноуменальной России.

Чувства, которые возбуждаются при таком сравнении в сердце русского человека, имеют поэтическую сторону, имеют свою цену, но чрезмерное увлечение ими неконструктивно. Такие любимцы либеральной интеллигенции нашей, как Честертон и Льюис, тоже ведь писали с большим подъемом о «подлинной Англии», «Англии короля Артура и мистера Пиквика», не забывая при этом на соседней странице упомянуть в сугубо отрицательном плане «русских нигилистов», «русских большевиков» и даже «царскую охранку» (одиозную организацию в глазах англичан, черпающих основные сведения о России из мемуаров двух-трех русских уголовников, осевших в Англии). Спрашивается, что этим доказывается?

Григорьев считал полезным перейти от экзальтированных упреков и обвинений по адресу Запада (до которого нам, в сущности, не должно быть почти никакого дела) к реальному труду на ниве национальной культуры.

В целом, классическое славянофильство для Григорьева – «правда» и, в то же самое время, «барская затея». Кабинетное учение. Константин Сергеевич Аксаков, одетый в настолько уже русское платье, что простые москвичи, реальные русские люди XIX столетия, принимают его по одежде за персиянина, – вот та черта, черта комическая, которая обличает нежизненность раннего славянофильства.

Важнейшим практическим результатом всего комплекса почвеннических идей стал театр Островского. Мир Замоскворечья, одинаково родной Аполлону Григорьеву и Островскому, – мир купцов, мещан, мелких чиновников, заключенный в раму драматического представления и возведенный в перл бытия, – реальное воплощение идей Григорьева и предмет нескольких его восторженных статей. (Добролюбов, увидевший в этом волшебном мире одно только «невежество» и «темное царство», проявил, конечно, выдающуюся эстетическую тупость. Впрочем, его критика и не претендовала на эстетическое значение.)

Членов «молодой редакции» отличал серьезный интерес к народной песне, к традициям и быту старообрядцев. Показательно, что знаменитый наш этнограф и фольклорист С. В. Максимов вышел из этого кружка.

Но пора возвратиться к вопросу, прозвучавшему в начале нашего доклада: почему мы сегодня говорим об Аполлоне Григорьеве? Вообще, почему мы должны помнить о нем? Что такого непреложного, вечного он совершил?

Ну, был такой талантливый человек, самородок, который разбросался, спился и умер в сорок два года – история для России слишком обыкновенная. Ну, влиял он на Островского, на какого-то Максимова... Мы сегодня и самого Островского почти забыли, где уж нам помнить про друзей его молодости.

Аполлон Григорьев – довольно известный поэт, удостоившийся даже отдельного тома в Большой серии Библиотеки Поэта (1959 г.) Так может быть, поэзия Аполлона Григорьева является надежным вкладом в сокровищницу русской духовности?

Боюсь, что и этого утверждать нельзя. Григорьев писал стихи от случая к случаю, и поэтическое наследие его очень неравноценно. Два признанных шедевра за ним числятся: «*О, говори хоть ты со мной...*» и «Цыганская венгерка» («*Две гитары, зазвев...*») – эти вещи, написанные Григорьевым в Италии, до сих пор входят в цыганский репертуар. Блок назвал их «единственными в своем роде перлами русской лирики», сам Григорьев несколько сумбурно определил этот род лирики как «метеорскую (еще один чисто григорьевский термин) кабацкую поэму звуков безвыходного страдания».

Было установлено недавно, что первая строфа предсмертного есенинского стихотворения является отзвуком последней строфы похоронного гимна, переведенного Григорьевым в составе сборника масонских песен еще в 1845 году:

*До свиданья, брат, о, до свиданья!
Да, за гробом, за минутой тьмы,
Нам с тобой наступит час свиданья,
И тебя в сияньи узрим мы!*

Григорьеву принадлежит лучший перевод из Мицкевича в русской поэзии («*Я ее не люблю, не люблю...*»), некоторой известностью пользуется до сих пор стихотворение «*Для себя мы не просим покоя...*», содержащее богороческие мотивы.

Больше, при всем желании, вспомнить нечего.

Сегодня у нас нет места для развернутого разговора о путях развития русской поэзии. Но самые общие замечания можно сделать.

Ущербность теории прогресса делается особенно очевидной при взгляде на историю поэзии. Гений Пушкина настолько всеобъемлющ, уровень его поэзии настолько высок, что говорить о каком-то улучшении поэтического дела в России после смерти Пушкина невозможно и просто неприлично.

Тем не менее, застойных явлений в нашей поэзии до самого последнего времени не наблюдалось, русская поэзия развивалась. Но в каком направлении? И какой ценой? Баратынский, которому принадлежит исключительно высокое место в иерархии русских поэтов (сразу за Пушкиным, рядом с Тютчевым), первым заметил, что «следовать за Пушкиным <...> труднее и отважнее, нежели идти новою, собственною дорогою».

В погоне за новой выразительностью, которой не было у Пушкина, поэты-первопроходцы совершали и совершают художественные открытия ценою (условно говоря) в пять-десять копеек, нечувствительно теряя по дороге десятки рублей из того капитала, которым свободно распоряжался Пушкин. «Шаг в сторону от Пушкина, и десять шагов вниз» – по такой схеме нередко добывалась новая выразительность в нашей поэзии после смерти Пушкина.

Григорьев дал язык русскому кабаку, русскому разгулу. А в его поздней поэме «Вверх по Волге» мы находим образцы той тяжелой, нудной, **ненужной** искренности, которая отличает человека, находящегося в середине длительного запоя. До Григорьева этого не было в русской поэзии. Несомненно его влияние на Блока и (опосредованно, через Блока) на Есенина. В сегодняшней литературе картины русского разгула напраполю эстетизируются, обрабатываются на холодную голову и переполняют рынок. От григорьевской строчки «сердце ноет, ноет, ноет, словно зуб больной» прямая дорога к любовной лирике поэта-лауреата Бродского, который каждый свой карлес и каждый свой контус заботливо переводил в стихи.

В общем, по моему глубокому убеждению, поэзия Аполлона Григорьева лежит в стороне от магистрального пути русской поэзии, хотя в своеобразной мрачной выразительности лирике Григорьева отказать нельзя.

В прозе Григорьевым написана совершенно бесподобная вещь – рассказ-очерк «Великий трагик». Анализу этого сорокастраничного рассказа можно было бы посвятить доклад, в два раза превышающий по объему настоящий, и все-таки не исчерпать тему. Но сама единичность этой вещи свидетельствует о том, что и в художественной прозе Григорьев не дал того, что мог и должен был дать.

Остается Григорьев-критик. И вот здесь никакая похвала не покажется преувеличенной. Как театральный критик Григорьев у нас вообще вне конкуренции – просто некого поставить с ним рядом в этой области. Что же касается до более обширной и универсальной сферы критики литературной, то здесь имеются три-четыре имени более громких (по крайней мере, в массовом сознании), чем имя Аполлона Григорьева. Но надо сказать, что эти знаменитости нередко ошибались и ошибались довольно грубо, вынося оценки, которых время не подтвердило.

Так, Достоевский, чье творчество сегодня признается всеми одною из вершин мировой литературы, не был при жизни любимцем российской критики. Белинский, высоко оценив первую повесть Достоевского, впоследствии все больше и больше в нем разочаровывался. «Мерзость... ерунда страшная... злоупотребление или бедность таланта?..» – эти отзывы о Достоевском принадлежат последнему году жизни критика. Добролюбов, сочувственно относясь к гуманному направлению ранних произведений Достоевского, вовсе отказывал им в художественных достоинствах. Страхов настолько был убежден в художественном несовершенстве «Преступления и наказания», что в одной из двух статей, посвященных роману, выписал даже (в назидание Достоевскому) полторы страницы из скучнейшего и пустейшего романа Ч. Дикенса «Наш общий друг» – именно как образец высокопробной художественности, Достоевскому не снившейся.

Сегодня это смешно, как смешны были бы сто тридцать лет назад наши девятиклассники, бубнящие с чужого голоса о гениальности Достоевского. Пренебрежительные отзывы о Достоевском Дружинина, К. Аксакова, Лескова (печатно назвавшего роман «Идиот» “капитальной глупостью”) не роняют в наших глазах этих благородных и умных писателей. Было бы наивно ожидать

от какой-нибудь газетной рецензии, наспех написанной, совпадения с объективной оценкой классического автора, которая вырабатывается на протяжении десятилетий лучшими силами нации.

Странно не то, что Дружинин или Страхов иногда ошибались, а то, что был в нашей литературе критик, который *никогда не ошибался*. И этим критиком был Аполлон Григорьев.

Сегодня мы смотрим на русскую классическую литературу XIX века его глазами. Какие-то крошечные различия существуют (скажем, сегодня мы чуть выше оцениваем поэзию Михаила Дмитриева или драматургию Тургенева, чем Григорьев), но трудно в них разобраться, не будучи филологом.

Скажу больше. Литература XIX века непрерывно удаляется от нас, изменяется ее положение относительно нашего неподвижного «сегодня» – и наше восприятие русской классики непрерывно меняется: отстаивается, уточняется, углубляется... И надо сказать, что наше восприятие эволюционирует тоже в направлении к Аполлону Григорьеву. Мы все еще «дорастаем» до него. И, несмотря на отдельные наши успехи, меры Аполлона Григорьева не достигли до сих пор.

Григорьев пришел в литературу в те годы, когда Белинский совершил ряд революционных открытий в области эстетики: он открыл, например, что Гоголь написал «Выбранные места...» с целью втереться в воспитатели к сыну наследника престола, что пьеса «Горе от ума», важная как первый «протест против гнусной расейской действительности», не имеет серьезных достоинств «с художественной точки зрения»; он доказал также, что Баратынский – не поэт и что пушкинская Татьяна, не отдаваясь Е. Онегину и оставаясь женой своего мужа-генерала, проигрывает в достоинстве светозарным героиням Жорж Занда, которые сразу же отдаются, полюбив, а без любви не отдадутся никому (царскому же генералу – в особенности). И эти «открытия» произвели фурор, буквально опьянили русское общество. На очереди была эстетика Чернышевского-Писарева с ее глубокомысленным предпочтением настоящего яблока, которое можно съесть, несъедобному нарисованному яблоку, с ее боевым лозунгом «сапоги выше Шекспира».

В этом-то чаду Аполлон Григорьев заявляет: «Пушкин – наше всё»; пишет (в 25 лет) статью о «Выбранных местах...», остающуюся до сих пор лучшей статьей об этой книге; говорит Достоевскому: «Ты в этом роде и пиши»; объясняет значение Островского; дает взвешенную, объективную оценку поэзии Некрасова, дораста до которой (то есть до григорьевской оценки, а не до поэзии Некрасова) нам еще предстоит; мимоходом «открывает» Случевского; поднимается на защиту Обломова против Штольца и Ольги, хладнокровно отчеканивая в одной из своих статей: «Всякий беспристрастный и не потемненный теориями ум выберет, как выбрал Обломов, Агафью Матвеевну»; излюбленная мысль Григорьева о противостоянии в русской литературе «хищного» и «смирного» типов становится тем горчичным зерном, из которого вырастет в недалеком будущем колоссальный организм «Войны и мира», а пока что Григорьев уже «с Севастопольских рассказах» разглядывает фатум Толстого: ту «бездну пантеизма», в которую неизбежно предстоит ему свалиться.

Во второй половине 50-х годов в русской литературе завязывается борьба между приверженцами так называемого «чистого искусства» и писателями революционно-демократической ориентации. Последние одерживают быструю, безоговорочную победу. (Вследствие чего, кстати сказать, вся русская классика 60-70-х годов была напечатана в национально-консервативном «Русском вестнике». В изданиях менее одиозных наши классики печататься не могли, их туда просто не брали, а издателей более одиозных, чем Катков, в России того времени не было.) Григорьев не принимает участия в этой схватке. Для него были одинаково неприемлемы как революционно-демократическая (по терминологии Григорьева – «теоретическая»), так и «эстетическая» критика.

Эстетическая критика, поверяющая искусство искусством же, красоту – красотой, просто не могла не быть субъективной, камерной и бессильной. Такое общенародное, «земское» дело, как литература, было в глазах Дружинина и его единомышленников личным делом (то есть не делом, а капризом, похотением) Шекспира, Пушкина и некоторых других «даровитейших чудаков», занимавшихся искусством просто из любви к искусству. (Что-то похожее случается с учеником средней школы, когда он, решая алгебраическое уравнение, получает неожиданное тождество $0 = 0$; корень уравнения в ходе решения «сократился», остается только утверждать, что его и не было.) «Пушкин написал “Скупого рыцаря”, потому что ему нравилось заниматься такими вещами» – разумеется, это правда, да только не вся.

Теоретическая критика подходила к художественному произведению с заранее приготовленным шаблоном, обращалась с его живой тканью так, как Дамаст-Растягиватель обращался в древности с захваченным путником: вытягивая короткое, обрубая длинное... (Как школьник, который во все предлагаемые ему уравнения подставлял бы один-единственный корень – вовсе не решал бы их, но только проверял на соответствие этому образцовому корню.) Добролюбов не постеснялся назвать шедевры пушкинской лирики «альбомными побрякушками», поскольку его мерка, изготовленная по рекомендациям «новейшего Пятикнижия» (так окрестил Ап. Григорьев типовую библиотеку русского нигилиста, состоявшую из Л. Бюхнера, Молевотта и еще трех брошюр; знакомство со всеми пятью брошюрами освобождала адепта нового учения от тягостной обязанности еще что-либо читать в течение жизни), ясно указывала на отсутствие в пушкинских стихах «серьезного содержания». Допустить хотя бы на минуту, что ущербна бюхнеровская мерка, а не стихи Пушкина, Добролюбов не мог – в эту минуту он перестал бы быть «теоретиком», перестал бы быть Добролюбовым.

Более высоко, чем эстетическую и теоретическую, оценивал Аполлон Григорьев «историческую» критику – критику, способную увидеть в искусстве часть жизни (в ее связи с другими частями), способную рассмотреть художественное произведение в широком контексте социальных, культурных, общефилософских проблем своего времени. Представителем такого типа критики Григорьев считал раннего Белинского.

Но и историческая критика имела органический порок. По мысли Григорьева, это «порок самого так называемого исторического воззрения», опиравшегося на гегелевскую теорию развития. Идея «безграничного и безначального развития» сопряжена, по Григорьеву, с совершеннейшим безразличием нравственных понятий. Григорьева ужасает гегелевское миросозерцание – «безотраднейшее из миросозерцаний, в котором всякая минута мировой жизни является переходной формой к другой, переходной же форме; бездонная пропасть, в которую стремглав летит мысль без малейшей надежды за что-либо ухватиться». Но так как человеку от природы свойственно «воображать себе идеал в каких-то видимых формах», то не признающее вечного и неизменного идеала гегельянство ставит на его место идеал, созданный по законам «произвольно выбранной минуты».

Другими словами, историческая критика неизбежно вырождается в критику теоретическую, как то и случилось с Белинским под конец его литературной деятельности.

Для Григорьева, который обладал абсолютным эстетическим чутьем, чьим жизненным девизом были строки из поэтического завещания Гёте:

Истина найдена от века...

Старую истину усвой твоей душе, –

Якорем спасения, позволяющим удержаться над бездонной пропастью отвлеченного теоретизирования, становится живой факт искусства – литературный шедевр, который нельзя ни опровергнуть, ни упразднить, – раз уж он родился на свет.

Но литературный шедевр, бытующий где-нибудь в безвоздушном пространстве, мог бы с тем же успехом и вовсе не рождаться. Литературный шедевр должен кем-то восприниматься. И узловой момент в теории критики Аполлона Григорьева – момент *встречи* литературного шедевра с читателем, имеющим в душе идеал красоты. Не привнесенную извне теоретическую мерку, а сродный душе, свободно в ней живущий идеал красоты.

«Если идеал лежит в душе читателя свободно, – указывает Григорьев, – он судит факты объективно, если идеал вносится со стороны, произвольно – он начинает гнуть факты под свой уровень».

Сознание литературы о самой себе, выражающееся в критике, – вот формула «органической критики» Аполлона Григорьева. Причем, встреча критика с литературным шедевром совершается здесь на почве искусства. Григорьев пишет об этом так: «Как искусство, так и критика искусства подчиняются одному критериуму. Одно есть отражение идеального, другая – разьяснение отражения». Однако (и это самое главное в теории Ап. Григорьева), «законы, которыми отражение разьясняется, извлекаются не из отражения <...>, а из существа самого идеального. Между искусством и критикою есть органическое сродство в сознании идеального <...> критика должна быть столь же органическою, как само искусство, осмысливая анализом те же органические начала жизни, которым синтетически сообщает плоть искусство».

Думаю, вы согласитесь с тем, что теория органической критики антитеоретика Григорьева производит отрадное впечатление.

В самом деле, было бы хорошо, если бы каждый литературный критик был художник в своем ремесле, по-хозяйски проникал бы в «существо самого идеального», а главное – писал бы критические статьи в силу Аполлона Григорьева. Но как этого достичь, теория органической критики не объясняет. Сам Аполлон Григорьев – явление уникальное, штучное. И тому, кто не родился Григорьевым, никакая теория не поможет Григорьеву уподобиться. Тупица будет писать критику органически тупую, невежда – органически невежественную.

Откуда берется гениальность восприятия, кто вкладывает в душу критика потребный идеал – все это остается не выясненным. Тут работают таинственные жизненные силы – попробуй добейся от них отчета. Сам Григорьев имел дело с вещами вполне реальными: с реальным чувством наслаждения, которое он испытывал, читая Пушкина или Шекспира, и с не менее реальным чувством тошноты, которую вызывали в нем сочинения Чернышевского и Варфоломея Зайцева. «Восприятие мира даже и не под знаком красоты, но под знаком чувственного наслаждения», «привкус гедонизма» в эстетике Григорьева, о которых проницательно писал Флоровский (в «Путиях русского богословия»), несомненно имели место.

Утилитарный принцип «удовольствия», еще Кантом внесенный в основание эстетики, – принцип вообще обоюдоострый. Безусловно, удовольствие Канта или Аполлона Григорьева вернее всякой теории свидетельствует о высочайшем качестве читаемой ими книги. Но о чем свидетельствует удовольствие, которое испытывает ваш сосед в электричке, читающий С. Кинга?

Для выявления истинных художественных ценностей в необозримом потоке текущей словесности все эти построения дают очень мало – именно как построения. Нужна гениальность восприятия, а где ее возьмешь? Гении редки.

Исключительная одаренность Григорьева-критика не получила признания у его современников. В известной эпиграмме поэта-ипохондрика Щедрины на Александра Николаевича Островского («Что ты корчишь роль Атрида...») за Аполлоном Григорьевым признавался все же некоторый масштаб, некоторая величина – по крайней мере, в сравнении с Островским. Обычные же читатели той эпохи всерьез Григорьева не принимали.

Аполлон Александрович ушел из жизни накануне появления таких вершинных созданий русской классической прозы, как «Преступление и наказание» и «Война и мир». Литература в те годы была как вулкан, готовящийся к извержению: все в ней трещало, дымилось и кипело, все росло и рвалось ввысь. И критика Григорьева была действительно адекватна своему предмету – живой литературе, начинавшей «свой последний, смертельный прыжок». Отсюда принципиальная незавершенность и противоречивость григорьевской критики, предопределившие ее репутацию в глазах широкой публики.

К тому же Аполлон Григорьев был тяжелым идеалистом (в бытовом значении слова), Дон Кихотом журналистики, не желавшим считаться с общепринятыми правилами литературной борьбы. Чернышевский и Добролюбов тупо били в одну точку, разжевывали свой скудный материал до полной доходчивости, могли из тактических соображений положительно оценить автора, чуждого основной линии их журнала, могли крепко лягнуть единоверца, осмелившегося подать голос на страницах конкурирующего издания. Чернышевский и Добролюбов в журнальной борьбе, разумеется, били Григорьева, как мертвого.

Григорьев большую часть своих статей вообще бросил на середине – для него самого тема разъяснялась в процессе работы, и он со спокойной душой переходил к следующей, более интересной, еще не раскрывшейся теме. К тому же Григорьев был органически неспособен, разбирая какое-нибудь современное литературное явление (того же Добролюбова, к примеру), не отметить присущих этому явлению достоинств (а были же и у Добролюбова свои достоинства). И он так порой увлекался рассмотрением этих достоинств, что полемическую часть статьи приходилось переносить в следующий номер журнала, к следующему же номеру являлась более интересная тема для статьи, или же редакция журнала прекращала сотрудничество с Григорьевым, или же сам Григорьев ссорился с редакцией... В общем, публицистом, *властителем дум* Григорьев был никудышным.

Идейная эволюция русского интеллигента в николаевскую эпоху хорошо известна: от увлечения Шеллингом на рубеже 20-30-х годов к увлечению Гегелем в конце 30-х, потом – Фейербахом, а дальше составление прокламаций, зовущих Русь к топору, сбор горячих материалов для поджога Апраксина двора, заучивание наизусть брошюр «нового Пятикнижия».

Григорьев проделал движение встречное: пережив в студенческие годы увлечение гегелевской философией, он навсегда потом возвратился к Шеллингу. «Сочинения Шеллинга во всех фазах его развития» Григорьев назвал в конце жизни «исходной громадной рудой» своей теории органической критики. И вот это «во всех фазах», вот эта готовность признать «великим учителем» равно Шеллинга раннего, йенского, и Шеллинга позднего, берлинского, – все это говорит о том, что шеллингианство для Григорьева не философское учение, не цельная система (каковой Шеллинг не создал), а некий поэтический образ, некое «веянье», под обаянием которого Григорьев находил большую часть жизни.

Григорьев и Шеллинг действительно родственные души: сходство не мыслей даже (Что мысли? По едкому замечанию Розанова, «мысли бывают разные»), а ритмов, пауз, интонационных жестов – в их прозе весьма велико.

«Абсолютная объективность дается в удел единственно искусству <...> Философия достигает величайших высот, но в эти выси она увлекает лишь как бы частицу человека. Искусство же позволяет целостному человеку добираться до этих высот», – можно поклясться, что слышишь голос Аполлона Григорьева, хотя на самом деле просто сидишь и выписываешь цитату из «Системы трансцендентального идеализма».

Современное литературоведение, утратив правый путь, помешалось на отыскивании приоритетов: неважно, кто сделал лучше, само это «лучше» тем более не важно – важно лишь выяснить, кто был первым у дверей патентного бюро.

Мы не станем заводить детский разговор о «влияниях» и «заимствованиях». Григорьев был высокообразованный человек, но он был человек взрослый. Григорьев имел самостоятельный, самодержавный ум. Он брал горстями у самых разных мыслителей и художников – у Шекспира и Гёте, у Гегеля и Шеллинга, у Карлейля и Эмерсона, – но у каждого из них Григорьев брал *свое*. Шеллинг был ему ближе других, но если бы Шеллинга не существовало, Григорьев отыскал бы свое добро в другом месте.

Постараемся теперь в последний раз ответить на вопрос: в чем же заключается право Григорьева на бессмертие? В чем его подлинное величие?

Может быть, прав был С. Венгеров, увидевший это величие Аполлона Григорьева «в красоте его духовной личности, “органично” проникнутой лучшими началами высокого и возвышенного»? Что-то есть в этом венгеровском дифирамбе, определенно, но не следует забывать, наверное, про несчастную жену Григорьева, спившуюся и погибшую, про брошенных детей (у Григорьева было двое сыновей, тоже рано погибших: один умер от наследственного алкоголизма, другой сошел с ума); про затянувшийся опыт социальной реабилитации проституток, увлекший Григорьева в ту пору, когда несчастная жена его болела, отчаянно нуждалась и взывала о помощи, которой так и не последовало... Вообще, слишком много было в жизни этой высокодаровитой личности, проникнутой лучшими началами, всяческого неблагообразия и слишком много элементарной водки.

Притом и чистота принципов была у Григорьева в буквальном значении этого слова донкихотской. Гнушаясь общепринятыми методами литературной борьбы, Григорьев не сделал чище литературную атмосферу в стране, не увлек своим примером литературную молодежь – он облегчил задачу врагам национальных начал, дал им легкую возможность сделать из своих излюбленных идей посмешище для всей читающей России.

А вот на разрыв с Достоевским Григорьев пошел, не задумываясь; он вообще легко расставался с близкими по духу людьми – с Островским, с Эдельсоном... Судьба «последнего романтика» требовала соответствующих декораций, ореол «непонятости», «одинокости» был тут необходим. Разрыв с Достоевским произошел ведь только потому, что Достоевский во «Времени» приступил к пропаганде почвеннических идей с размахом и хваткой опытного журнального бойца. Для Григорьева все в этой ситуации строго логично: дорогое его сердцу почвенничество превращается в доктрину, застывает, становится «теорией», а «теория» – это то, с чем Ап. Григорьев всегда будет бороться.

То же произошло и с патриархальными началами русской жизни, красоту и ценность которых Григорьев некогда отстаивал. Как только эта красота получила под пером Островского и С. Т. Аксакова пластическое выражение и

начала приобретать общественное признание, Григорьев отходит в сторону. Теперь его больше интересуют «хищные типы», интересует оппозиция тому «добродушному зверству», к которому все чаще сводится теперь для Григорьева патриархальная старина.

Идея, которую подхватила и понесла толпа, есть нечто невыносимое для подлинного романтика.

Что же остается от Аполлона Григорьева для вечности? Остается Григорьев – гениальный резонатор, «чуткий как Эолова арфа», по словам Фета. Остается лучший критик в истории русской литературы, работавший в лучшую ее пору. Но что есть критик, и почему мы должны помнить о нем? Произведения, которые Григорьев верно оценил, успеху (а иногда и созданию) которых способствовал, живы по сей день и долго еще будут жить; великолепное здание классической русской литературы давно построено, заселено и открыто для экскурсантов, а критик, пусть даже и гениальный, это те строительные леса, которые нужны были при постройке здания. Когда стройка заканчивается, леса разбирают и увозят. Кто думает о строительных лесах, кого, кроме специалистов, они интересуют?

В. В. Кожинов, ведущий наш литературовед последнего тридцатилетия, в цикле статей 1971-1974 годов предложил новые принципы построения истории русской литературы, выстроил свою схему ее развития. По этой схеме, например, творчество Пушкина оценивается как ренессансный реализм, т.е. ставится в параллель с творчеством Шекспира; Гоголь и Баратынский принадлежат художественной стихии барокко и должны рассматриваться параллельно с такими западноевропейскими мастерами, как Тирсо де Молина, Гонгора, Кеведо, Мильтон, Джон Донн; русский сентиментализм, по Кожинову, – это «Детство», «Отрочество», «Люцерн» Толстого, «Бедные люди» Достоевского и так далее.

Но сегодня нас особенно заинтересует мнение Кожинова о русском романтизме, которое резко отличается от традиционных представлений, сводящих романтизм в русской литературе к «Шильонскому узнику» и «Кавказскому пленнику». Кожинов утверждает: «Творчество Достоевского и в значительной мере Лескова, позднее творчество Тютчева, Фета, Полонского, А. Толстого и поэтов-славянофилов, поэтические драмы Островского, проза и поэзия Аполлона Григорьева, творчество К. Леонтьева <...> принадлежат, несомненно, к романтизму». И далее: «Творчество Достоевского – высшее и полнейшее выражение мирового романтизма вообще». Здесь необходимо добавить (вовсе не в укор Кожинову, на разбор глубокомысленной и остроумной теории которого у нас просто нет сейчас времени), что выразить романтизм в творчестве – значит в значительной степени его преодолеть. Достоевский в последних своих произведениях указал на Церковь как на высший и конечный пункт человеческого развития, призвал горделивого скитальца-интеллигента к смирению и труду – и тем самым, конечно, вырвался за пределы романтизма. И тот же путь задолго до

Достоевского (поскольку европейский романтизм старше русского) проделали многие видные европейские романтики: Август Шлегель – один из наиболее ранних тому примеров.

Романтизм себе не доверяет: романтическая тоска по идеалу, в принципе, неутолима. И наиболее последовательным выразителем самого духа романтизма в русской культуре остается Аполлон Григорьев, в душе которого свободно лежал некий прекрасный идеал, и этому идеалу, этому идолу Григорьев принес в жертву всю свою жизнь без остатка.

А. Ф. Лосев, размышляя в своей «Диалектике художественной формы» об извечной борьбе классического и романтического начал в жизни человеческого духа, приходит к следующим выводам: «Классицизм есть “актуальная бесконечность” <...> Романтизм есть потенциальная бесконечность, которая в существе своем беспокойно-неопределенна и не имеет границ; это, если хотите, дурная бесконечность <...>»

Романтизм <...> пытается разрешить неразрешимую задачу – быть универсальной идеей, оставаясь в то же время в сфере человеческого субъекта и индивидуальности. Равным образом <...> романтизм никогда не может решить и другой – также неразрешимой, ибо ложной, – задачи – пробиться в вечность, оставаясь в текучем потоке времени. Тут надо чем-то пожертвовать, а романтизм не хочет жертвовать ни временными радостями и печалью, ни вечным и бесконечным блаженством».

Впрочем, отношение к романтизму того или иного мыслителя зависит во многом от его личной веры.

Для тех, кто верит в бесконечное и безначальное развитие, романтизм – одно из основных начал человеческого духа. Начало беспокойное, бродильное. Проявляясь особенно ярко в кризисные эпохи, это начало раз за разом способствует выходу человечества из очередного тупика, подготавливает прорывы в новые, доселе заповедные, области. Фаустовское начало, пронизывающее современную нам цивилизацию Запада.

Для тех, кто сверяет свои верования с катехизисом святителя Филарета, романтизм – болезнь духа. «Всякий романтизм гностичен, – указывает Лосев, – а гностицизм как для правоверного эллина Плотина есть пессимизм и атеизм, так и для христианского епископа Иринея Лионского – “лжеименный разум” и разврат».

Исторический романтизм – мощное и влиятельное направление в европейском искусстве, расцветшее в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн. Энергия, напитавшая европейский романтизм, была энергией разрушения. Манифестации романтизма, при всей их внешней привлекательности, были пляской на костях классицизма и просветительства, крушению которых романтизм всемерно способствовал. Созидательная же его способность оказалась достаточно скромной: Шекспир, во имя которого романтики разбивали стесняющие оковы классических правил, так и остался Шекспиром, романтики – романтиками, понятием собирательным.

Лосев жестко связывает романтизм с протестантизмом, который тоже ведь возник в связи с крушением части старого здания католической церкви, – и

тоже энергия, высвободившаяся в результате этого крушения, в дальнейшем только рассеивалась. Первоначальное лютеранство дробилось и до сих пор продолжает дробиться на многочисленные протестантские секты.

Заметим, что история доктора Фауста в европейской традиции XVI-XVIII веков была историей человека, погубившего душу. Спасение Фауста – хор ангелов, поющих: «Кто трудится вечно и вечно стремится, того мы можем спасти», – дело рук Гёте, романтика и протестанта.

Многим участникам романтического движения, как уже отмечалось сегодня, удалось вырваться из заколдованного круга «вечных стремлений», удалось обрести положительные верования или хотя бы связать себя золотой цепью «бытовых предрассудков и аскетической морали» с вечной правдой, которая в христианских странах наложила нестираемый отпечаток на быт и на традиционную мораль.

Аполлон Григорьев остался на огненном колесе «живых фактов искусства», страстей, стремлений.

Впрочем, романтизм вечен. И его история вовсе не заканчивается со смертью «последнего романтика». Но судьба романтизма в послеромантическую эпоху – огромная тема, превышающая мои возможности и далеко выходящая за рамки сегодняшнего доклада. Тут нужно говорить о Шопенгауэре и Ницше, о Вагнере и Врубеле, о европейском декадентстве, ставшем реакцией на ту «капиталистическую фальсификацию барства» (К. Леонтьев), которая сделалась основным стилем европейской жизни после 1848 года, об искусстве модерна, о символизме и т. д. и т. п.

Резюмируя сказанное здесь о Григорьеве, заметим, во-первых, что он был *крупным мыслителем национального толка*, повлиявшим на Достоевского, Страхова и Данилевского.

Во-вторых, он был *крупнейшим литературным критиком в нашей истории*, и его вклад в общенародное дело создания классического русского романа оказался едва ли не решающим.

Но цена, которую заплатил за этот свой подвиг Аполлон Григорьев, многим из нас показалась бы чрезмерной.

1997

*О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!*

.....

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

*Николай Иванович Калягин прозаик, историк русской поэзии. Родился в 1955 году в Ленинграде. В середине 80-х годов сотрудничал с тогдашней "второй культуры" (К. М. Бутырин, **Н. П. Ильин**, Е. О. Пудовкина и др.). Печатался в журнале "Обводный канал". Впоследствии - в журналах и альманахах "Москва", "Нева", "Постскриптум", "Странник", **Русские страницы и Новый Русский журнал (издаваемые В. Чернышевым).***

*Постоянный сотрудник «Философской Культуры», издаваемой Чернышевым (Главный редактор **Н. Ильин**).*

*Главные книги: "Сказки и истории" (частично издана в 1988 г. "Молодой гвардией") и "Чтения о русской поэзии" (издана в 2016 году **В. И. Чернышевым**).*

ПРОЧТИТЕ И ЗАПОМНИТЕ ЭТИ ГЕНИАЛЬНЫЕ СЛОВА, ОНИ обращены К НАШИМ ДУШАМ (по крайней мере к тем, кого соединяло когда-то Общество имени Страхова где мы и рассказывали устно о наших сочинениях: Ильин, Калягин, Чернышев, Осипов...

*«...поверьте на слово: самодостаточные люди не становятся писателями, каждая книга, дошедшая до нас из глубины времен, является просьбой о помощи. Каждую книгу следовало бы открывать так, как открывают выловленную в море бутылку с письмом: ведь слова, кот. вы сейчас прочтете, обращены именно к вам, и только к вам. Именно о вас думал человек, кот. запечатывал эту бутылку, именно в той минуте, кот. сейчас наступила, полагал он заветнейшие свои надежды! И только от вас, от высоты вашего духовного строя, от глубины вашего сочувствия и вашего понимания, зависит остальное: будет ли разрушено одиночество жертвы кораблекрушения, услышит ли голос друга одинокая человеческая душа, "обретут ли разделение, принесут ли плод" ее лучшие мысли и чувства или **погибнут на диком берегу без пользы и следа...**» («Чтения о русской поэзии»).*

Цитата из статьи: «В предельно искреннем, предельно исповедальном письме к Софье Андреевне Толстой (от 1888 года) Фет пишет с негодованием про русских дворян, которые с жадным любопытством поглощают революционно-демократическую стряпню в журналах «и не подозревают, что все, что подается им из враждебного лагеря, клонится к скорейшему их истреблению».

ПОЭТАМ, ПРОВИДЦАМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ и ЧАРОДЕЯМ

РУССКИЕ СТРАНИЦЫ №5

Оправдание лучших. *Памяти Саши Михайлова*

Пасхальные дни. Зашли на тыльную сторону Метро, расположились на ступеньках, постелили газетку, и Саша достал три яйца, соль, черный хлеб, лук, квашеную капусту и шкалик самогонки. Нельзя мне, но – такое в этом *распитии по душам* в вечерующем весеннем воздухе с черным хлебом и квашеной капустой теплое и возвышенное, что.. ах, неполна жизнь без этого и не до конца благодатна! И именно с близкими, прикосновенными, с *вознесением*, открытием душ, целомудренным пониманием и сочувствием!

Герман Ионин. **РОССИЯ**

*Низовское поле, степь ли –
Вы источник моей тоски.
Никому не нужны стебли
Тянут к небу свои колоски.
Урожай такой иллюзорен
Для художников и для стад.
В колосках не хватает зерен,
Оттого и прямо стоят.
Что вы плачете все, как дети,
Повинуясь и повинясь?
Я таких расставаний свидетель,
О каких не слыхали у нас.
У какого иконостаса
И, простите, в храме каком
Весь народ с Россией расстался
Абсолютно и целиком?*

Николай Ив. Калягин. Отрывок из «Чтений...»

«...частный вопрос, каковым является вопрос о становлении поэтического таланта, поставлен в правильное отношение к более общей теме, которая только на сегодняшнем чтении получила правильное название, – к теме *любочестия*: Так гений радостно трепещет, / Свое величье познаёт, / Когда пред ним гремит и блещет / Иного гения полет; / Его воскреснувшая сила / Мгновенно зреет для чудес...

Впрочем, Платон задолго до Языкова исчерпал эту тему в своем «Федре»: душа узнаёт родственное ей по природе (среди божественных вещей), и тогда она теплеет, оживает, окрыляется и, «окрылившись, стремится взлететь». Одной только благородной ревностью к посторонней высоте, к посторонней святости «вскармливаются и взращиваются крылья души».

- - -

19.06.22. Как много умерло близких друзей за последние годы!

Умер **Николай Иванович Калягин**, старый товарищ, из тех, кто посещал кружок Николая Петровича Ильина, современного русского философа, или позже посещал подобные же встречи у Светланы Михайловны Флегонтовой, а ныне – продолжает встречаться на набережной Макарова в Литературном центре, куда также заходил Николай Иванович. Сегодня я закончил, наконец, подготовку 21-го номера НРЖ (Нового Русского Журнала), в котором в том числе печатался и Н. И., и смог поднять голову над письменным столом и попытаться о нем написать хотя бы две странички. Можно было бы сказать, что я плохой товарищ, что не поднял голову чуть раньше, еще не начинал писать и вспоминать о человеке, с которым я дружил и которого *любил*, но если кто издавал в год по три номера Литературно-философского журнала, и вспоминал иногда о чем либо другом, тот пусть бросит в меня первый камень. Возможно, я слишком большое внимание уделяю собственной персоне, и хотя не все хорошо помню, что со мною происходило, но кое что мне удастся записать тут же, в связи с событием, или позже, по истечении времени – и что-то о нас я все же помню благодаря таким запискам - и о себе и о других, не менее замечательных людях (а скорее всего, и более замечательным!) я все же вспоминаю тоже, и поэтому не буду осуждать себя за Дневниковые записи, которые ведет почти каждый второй, начиная с детства.

Поэтому я открыл свою книгу Воспоминаний «Жизнь в литературе» и на странице 106 прочитал:

2008 год, 14 января, суббота, 18-00. Я на службе, редактирую учебник [математики], пью чай, жив, на меня не каплет, ... телефон звонит... так, может быть, не всё и потеряно?! <...>

А вчера состоялась философская встреча. Доклад Калягина о Катенине и встреча *Нового года* в нашем философском кружке.

2017 год, 9 мая. Полночь. В «Чтениях о русской поэзии» Н. И. Калягин яростно отбивается от нападков православных публицистов на культуру, будучи глубоко религиозным человеком и сам во многом трактуя творчество тех или иных авторов с религиозных позиций. Но надо ли таких одиозных исследователей [с которыми он спорит], богословов и публицистов читать и с ними спорить? Ну, верят они, что культура внушена бесами и улицы Афин были некогда (в 1-м веке) *установлены идолами*, отмахиваются от поэзии и поэтов как от дьявольского наваждения – зачем же и по какому праву тогда они пишут шеститомные исследования по русской поэзии? Ну, уверены они в том, что культура произошла из «культа» и еще наскальные рисунки носили сакральный характер и имели смысл магических заклинаний (хотя иные полагают, что это шалости детей, подобно современным рисункам на заборах и стенах домов, исполненным подростками) – порадуемся за них, блажен, кто верует... [эта запись немаловажна, она показывает, что мы были похожи в наших отношениях с литературой, и религиозность Николая Ивановича не разделяла) нас.]

12 июня 192. Закончил правки во Втором томе Чтений Калягина, почти закончил Сборник статей А.В. Но многое еще *вопиет* о своем завершении:

Николай Петрович Ильин – доктор физико-математических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета. Еще в конце 70-х годов XX века в ленинградском «самиздате» стали регулярно появляться его статьи и переводы, связанные с историей отечественной и западноевропейской философии. Сегодня он печатается в различных сборниках и периодических изданиях, читает курсы лекций по истории русской философии и по философии культуры ... В городе на Неве вышла в свет книга Николая Ильина «Трагедия русской философии».

Николай Петрович родился 9 января 1947 года в Ленинграде, в семье офицера Советской Армии. И первые книги по философии, изданные до революции, он получил из библиотеки Военно-воздушной академии им. А. Ф. Можайского, где преподавал его отец. В нулевые годы Ильин был редактором журнала «Философская культура», регулярно выступал с сообщениями в философском обществе им. Страхова, печатался в том числе в «Русских страницах».

Приведу отрывок из его рассуждений по «национальному вопросу».

«Народность, по своему первичному смыслу – это внутреннее состояние души человека. Слово «народность» как перевод «национальности» предложил в 1819 г. в письме к А. И Тургеневу замечательный поэт и умнейший человек П. А. Вяземский. И у него же есть строка, говорящая о его глубоком понимании (или, лучше сказать, *чувстве*) народности: *Порвал ли я в себе народности струну?*

Народность следует искать, прежде всего, в себе самом. А если выражаться более строго, именно *народность* составляет то, что философы и богословы называют *природой человека*, которой он обладает наряду с *личностью*. Т.е. *личность и народность – это два главных начала человеческого бытия...* Что и порождает в нем *неустранимую* двойственность человеческого бытия ... Ибо с *личностью связаны самосознание человека и его свобода*; именно они делают его личностью, а не *вещью* (Несмелов). Но в чем заключается *природа* человека?

Личность выражается в самосознании и свободе, то есть в *самоопределении* как фундаментальном *личностной акте*. Но человеческое деяние не может быть «творением из ничего», для творчества необходим материал, нечто, не этой личностью созданное. Человек – наследник национальных традиций, и заложенная в его природе *способность к приятию* этих традиций и является *народностью (или национальностью – таким образом душа человека по природе своей национальна!)*

Николай Петрович умер 9 мая нынешнего года, похоронен на кладбище в пос. Дибунь. **В субботу, 17 июня 23г., в Сороковой день со дня его смерти**, его дочери я должен вручить этот номер журнала.

Лихие девяностые (Интервью Г.М.Прохорова)

Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...

Человек, народ, судьба, культура, все сущее состоит из чего угодно, невозможно сказать и предвидеть, что не сыграет в будущем хотя бы маленькую роль, тот сор, из которого иногда (но не всегда же только из сора?) растут стихи, играет непредвиденную роль и в жизни каждого из нас называется этот сор «случайностями» мой сын о них писал: *«Нам случай дан, как конь лихой. / Вскочил – так вынесет куда-то! / Лишь направляя его рукой / Туда, где веру в мир иной / Не отрезают в тебе утраты.»*

Итак, сор, случай, случайность...

Наткнулся на интервью Г. М. Прохорова с Алексеем Любомудровым, Гелиан Михайлович умер в 2017 году, в последний раз я видел его в 2004 году, мы тогда с ним разминулись, и хотя я никогда на него не держал зла, но встретиться и утопить прошлую разминку в бутылке Бургундского не привелось. Но так много умерло старых друзей, **не со всеми я простился, не всех во время простил, не у всех успел попросить прощения.** Поэтому присоединяю к предыдущим страницам этот отрывок из интервью.

Г. М. Прохоров.
Автопортрет

– В 1990-е годы вы стали одним из организаторов издательства «Глаголь» и религиозно-философского журнала «Мѣра». Расскажите об этих проектах.

– Мы задумали и осуществили их вместе с *Василием Ивановичем Чернышёвым*. Дело было так: сын Чернышёва Дмитрий учился у меня, был студентом. Однажды мы встретились с ним в метро, и он сказал: папа хочет делать издательство и журнал. И мы вместе их и создали. *Чернышёв оказался велико-лепный организатор!* Одним из крупных проектов издательства стал выпуск *Радзивилловской летописи*. Здесь опять *помогла случайность*. Нам, сотрудникам древнерусского отдела, дали Государственную премию за серию «Памятники литературы Древней Руси». Я был в Москве на вручении. Зашёл в зал к киношникам. Рядом со мной сидел такой «шкаф»-бизнесмен. Мы разговорились, я сказал, что вот, мол, много лет ждёт издания древнейшая летопись, как бы её издать. Он только спросил: «Сколько?» – и отстегнул несколько тысяч! Великолепно подготовили факсимильное издание, напечатали в Финляндии. [*Правда, действительность была сложнее и даже трагичнее, но и случайности нам помогали тоже!*] Там же, в издательстве «Глаголь», вышли книги из задуманной мной серии «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях».

– Когда вы решили выпускать «Мѣру», какую цель вы ставили?

– За всё хорошее! (улыбается).

– Хороший лозунг! Помню, там были интересные публикации церковно-исторического и историко-культурного плана. А почему названия журнала и издательства в церковнославянской графике, через ять и с ером?

– Стремились показать, что мы не ограничены реформой языковой. Это отнюдь не только церковнославянская орфография – так в России писали до революции. Это русский язык до советской реформы... Однажды я был в Америке, вдруг меня спрашивают, а *«Мѣра» ещё выходит?* Поразительно, я был удивлён, что там знают этот журнал.

**Сообщество друзей «Радзивилловской летописи»
и подлинная краткая история ее издания**

У каждого из нас немало друзей и родных, они не соединяются в целое только за счет того, что связаны были родством или дружбой или общими интересами, да притом, если и можно найти для разнородного множества людей общий центр, отличительное свойство, то оказывается, что в одном отношении они соединяются в одну группу, в другом – в другую, и целостность оказывается непрочной. Однако, если обозреть тех моих знакомых, друзей, родных, которые были связаны со мною через Книгу (хотя и не только через нее), то они принадлежат к сходным группам, участие в которых было для них не случайно. Во-первых, это собиратели: книг, граммофонных и магнитофонных записей, предметов искусства и истории, к ним относились мой самый близкий друг Казимир, певец Юра Алексеев, Юрий Борисович Перепелкин, Михаил Андреевич Гневушев, Вадим Любославский; во-вторых, это писатели, поэты, философы, историки, авторы книг и статей, Саша Михайлов, Саша Брусов, Анатолий Степанов, Володя Алексеев, Николай Тропников, Володя Лапенков, Александр Осипов...; сотрудники и авторы издательства Глаголь, с которыми я был связан родством или дружбой, и мой сын Дмитрий, и Сергей Сергеевич Шульц, и Сигурд Оттович Шмидт и другие...

Среди 80-ти изданных Глаголем книг несколько составляют своего рода аристократию: семь номеров журнала "Мѣра"; "Храмы Петербурга"; "Жития протопопа Аввакума, боярыни Морозовой и инока Епифания"; "Россия и Европа" Данилевского (это из-за нее Анатолий Андрианович Галактионов благословил встречу со мной), "сочинения" Дионисия Ареопажита и Радзивилловская летопись, может быть самая знаменитая книга в истории России, которая оказалась не только центром притяжения исторической науки о России, но и сформировала **сообщество**, важнейшее дело участников которого связано преимущественно с этой книгой.

Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. **М. В. Кукушкина**. *СПб.: Глаголь*; М.: Искусство, 1994. Кн. 1-2. (Кн. 1 – полное факсимильное цветное воспроизведение памятника, Кн. 2 – полная транскрипция текста, искусствоведческое описание всех миниатюр.)

Авторский коллектив: А.А.Амосов, О.А.Белоброва, *М.В.Кукушкина*, О. П. Лихачева, Г.М. Прохоров, акад. Б. А. Рыбаков, И. Н. Сергеева. Отв. Ред. М. В. Кукушкина, общ. Ред. Г. М. Прохоров. СПб, 1994.

«Подготовленные к печати в факсимильном варианте материалы Радзивилловской летописи были утверждены на Ученом совете Библиотеки АН СССР в 1981 г. и на следующий год переданы в издательство "Искусство" в Москве. Среди документов, сопровождавших рукопись, были письма авторитетных ученых-академиков М. П. Алексеева, Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова и др., которые были адресованы председателям Госкомиздата СССР, часто сменявшим друг друга. Самым ярким было письмо Д. С. Лихачева (1980), написанное от руки на собственном бланке. Он убеждал чиновника в том, что издание Радзивилловской летописи является **«нашим патриотическим долгом»**. Однако летопись удалось опубликовать **лишь в 1994 г.** благодаря издательству «Глаголь», при содействии финансовой корпорации "NNNNN".

За помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати, выражаю особую признательность доктору исторических наук А. А. Амосову. И считаю своим приятным долгом как инициатор и *Ответственный редактор* данного издания выразить руководителям издательства *Глаголь В. И. и Д. В. Чернышевым* сердечную благодарность.» **М. В. Кукушкина. 1996.**

Как видите, коллектив авторов БАН подготовил к изданию Радзивиловскую летопись еще в 1981 году, а напечатана она была только в 1994, хотя деньги на издание начали искать еще и Раиса Горбачева, и сам ГенСек и правительство СССР и Юнеско (неужели они были не в силах сами оплатить издание? Трудно в это поверить, но такова, увы, история издания).

...Итак, в начале 1994 года Маргарита Владимировна Кукушкина поднялась по крутой лестнице в издательство «Глаголь» на Четвертой линии Васильевского острова, и мы впервые с ней встретились. Это был роковой шаг для многих. Она мне рассказала о значении Летописи с ее 618 акварелями для познания и понимания истории Древней Руси и воскликнула: *неужели вы, сибиряк, потомок Ермака, не сможете ее издать!? История нам этого не простит!*

Хотя к этому времени мы уже издали Данилевского, Храмы Петербурга, Дионисия Ареопагита и Жития протопопа Аввакума и издательство уже было знаменито, произошла встреча с Солженицыным, который меня защищал в семидесятые годы, и мы получили в том числе заказы на издание его некоторых книг, но оно было такое же нищее, как ельцинская Россия. И тем не менее я воскликнул: **«Сдохну, но издам!»** Когда в 98 году наша издательская группа ездила в Белоруссию по приглашению правительства на празднование Дня Белорусской письменности, Маргарита Владимировна спросила меня: «Неужели вы в это верили?!» Нет, не верил... Но я словно бы начал жить в пространстве Чуда и исполнял только его повеления, потерял библиотеку, которую собирал всю жизнь, квартиру сына, доброе имя, претерпел 19-тикратное возбуждение против меня уголовного дела, «пил с ментами», целовался со следовательницей, пил с Сергеем Павловичем Залыгиным, который написал обо мне, что я дитя, ходил каждый вечер в гости к академику Рыбакову на Старом Арbate и мы с ним, девятидесятилетним старцем, отбившимся как-то своею клюкой от троих разбойников, распивали бутылку шампанского, сопровождал академика Лихачева, когда мы ночью тайно (сговорившись с охраной) проникли в Древлехранилище, чтобы сфотографировать лист летописи (и не он ли с Гелианом крестили мою внучку, и я уже запутался, кто из них ее *крёстный отец*, но он подарил ей «Книгу о русском», нарисовав в ней ту башню Соловецкой крепости, в которой прятался в ожидании расстрела, и не он ли печатно засвидетельствовал в Буклете «Храмов России», фонда, который я создал, чтобы помочь издательству, что *«он в меня верит»* – как об этом же написал и Черномырдин, который мне не помог – как это и предсказывал мне проницательный Байбаков, с которым я пил, заходя к нему в гости, только чай – и опоминись я, только когда в 2004-м году в тюремной камере уголовные преступники устроили пир в мою честь и камерный смотрящий, в нарушение тюремных правил, преподнес мне первый стакан. И я провозгласил тост за **Чудо, Тайну и Идеал**.

Товарищ меня упрекает, что я не люблю государство? Но разве не питерское государство **19 !!! раз** прекращало против меня и моего сына уголовное дело и не Питерский Городской суд освободил нас по кассации, так что просидели мы только пять месяцев?

С **Александром Александровичем Амосовым** я дружил (1948-1996), а он был выдающимся ученым и помощником председатели комитета по культуре, то есть представлял том числе и государство. Но продолжу об издании Летописи.

На следующий день я выехал в Москву искать деньги. Нужно было, по предварительным расчетам, четыреста тысяч долларов, Фонд Сороса пообещал мне для начала дать 25 тыщ. В кабинете Сергея Павловича (в Новом мире) я

позвонил им по телефону и от этих денег отказался. Молодые люди, мужчина и женщина, засмеялись и она ему сказала: *А ты говоришь, что никто не отказывается от денег!* Они попросили у меня адрес и сказали, что если не приедут через три дня, то уже не приедут.

Через три дня они приехали и привезли 400 тысяч, из расчета 80 долларов на экземпляр двухтомника в коробке, но этих денег не хватило, и ХХ позвонил мне и просил занимать сколько смогу и где смогу, обещая мне помочь, как только разойдутся тучи, тучи не разошлись, он бежал за границу, недавно я узнал, что он погиб. Он меня еще просил не называть его имени, я и не называю, и деньги я занимал, пока давали взаймы, не всем удалось отдать, но я продолжаю отдавать (не знаю, долго ли). Правительство разорвало Договор, по которому оно обязывалось выкупить у меня Летопись (*так как в стране денег нет*), но в Президент-Отеле в Москве, когда я туда привез часть тиража, был Банкет, *ста директорам крупнейших библиотек России я подарил по экземпляру*, академикам – тоже (особенно тем, кого я любил), некоторым писателям, ученым, политикам...

Но я забежал вперед, а ведь сначала надо было найти подходящую типографию, предложений было много, наконец мы позвонили в Хельсинки, по ее голосу я понял, что *это она*, утром я встретил ее на Финляндском вокзале и убедился, что интуиция меня не подвела, она приехала с громадным чемоданом образцов их продукции, но уже через час нам надо было ехать назад, чтобы заключить Договор и начать работу, поэтому я просто схватил ее в восторге в объятия и обещал на эти образцы посмотреть попозже. Она была из Крыма, наша русская, соплеменница Колчака, и если моралисты меня обругают или за объятия, или за то, что я о них рассказываю, то, значит, они ничего не понимают в жизни.

Издание летописи было подготовлено без единой ошибки, так же его надо было безукоризненно исполнить, для чего все исполнители должны были тоже объединиться в своеобразное братство, и хотя Микки Торрел, бывший знаменитый автогонщик, был бизнесменом и работал для денег (?), но сколько биений сердца и благих порывов в ее издании сошлись для всех нас! – и когда деньги у меня закончились, Микки пошел к рабочим, и они ему первые сказали, что они знают, что такое эта Летопись для России, и они знают, что мой отец погиб на линии Маннергейма в последний день войны и отправил своих солдат в тыл, велел родить хотя бы по одному ребенку, и будут работать в ночную смену без оплаты, потому что они хотят подписать мир между нашими народами и лично со мной, хорошим парнем... но разве мы с Микки не парились в его бане, которую он переделал на русский лад, и не гуляли ночью по летнему Питеру и не пили холодное пиво? Но Микки все же тоже разорился, Вероника на время исчезла, за мной ходили «киллеры», но так как «по понятиям», пока человек находится под следствием, его нельзя грохнуть, то я был в относительной безопасности, а потом меня посадили, потом, вероятно, и некоторых из «них» тоже...

Может показаться, что я раздосадован и пеняю, что государство меня *отвергло*, и во мне *обида непризнанного гения* – отнюдь! – *женою я признан, и некоторыми друзьями, и мне этого достаточно*, мужчины и женщины меня не отвергали ни разу, с мужчинами я умел дружить, женщин я умел любить, а государство – третьего рода, оно – то «нечто», из-за которого мое сердце волноваться не умеет.

Мои друзья мною гордятся, денег у них не было, но некоторые пожертвовали тем, чем смогли, может быть, и я еще сумею разбогатеть? **То, что мы с сыном издали этот великий памятник русской истории – это не случайность, а несомненное чудо, и я счастлив, что именно меня избрал Бог, чтобы оно**

случилось, я был его проводником (как и мои товарищи по сообществу) – но, быть может, произойдет и какое-нибудь мелкое чудо, специально для меня, и я сумею вернуть долги тем, кому не вернул, еще при жизни?

Сегодня, например, кто-то позвонил в дверь, пришла соседка, семилетняя девушка, похвастаться новой шляпой и сообщить, что она едет *«вязать сети»*. Хоть с мамой? – опешил я. *С мамой, она будет мне помогать*. Разве это не чудо? Даже во времена моей юности, когда я еще был «ничего себе парень», женщина все же не подходила ко мне первая, а сегодня вот подошла...

Итак, издательство «Глаголь» и журнал МѢра, сотрудники и авторы журнала, в числе которых были и Солженицын, и товарищ Гелиана Джеймс Биллингтон, директор Библиотеки Конгресса США, написавший в журнал о своей книге «Россия и Топор» (этот топор я иногда помещаю на задней странице обложки), с которым мы пили у нас в издательстве русскую водку, и барон Эдуард Николаевич Фальц-Фейн, внучатный племянник Достоевского, напечатавший в журнале воспоминания (его отец создал в России заповедник Аскания Нова, и его родные похоронены в 4 километрах от деревни, в которой я провожу лето и сажаю картошку – как мир воинству тесен!) – и профессор Безносов, исследователь творчества Достоевского, с которым как то в Москве в девяностые на вокзале мы оказались в цыганском таборе, и *скатерть белая была залита вином!* – и Залыгин, Юра Тейх, Саша Горнон, сам Гелиан Михайлович и неотрывно от него *Лѐв* (как его называли друзья) Николаевич Гумилѐв, которого я печатал немало, в том числе *«Письма к Птице»* (с которой я был тоже знаком), и одна из переводчиц Дионисия Ареопажита Марина Ермакова ... все они составляли тот незримый центр, фокус притяжения, которым на земле является Северный полюс, а отображением которого на небе является Полярная звезда, и Чудо проявилось в своем великолепии не на пустом месте, избрало меня не случайно, и за дело я сидел в 2004 году (хотя и начальнику Тюрьмы и многим товарищам по камере, и надзирателям, а особенно *надзирательницам* я благодарен за доброе ко мне отношение и совсем не сетую на то, что *сидел*), и не напрасно я сидел в 70 -73 годам, жизнь тогда только начала мою личность выстрегивать из полена, как папа Карло выстрегал Буратино.

эти дополнены именным
графиком указателями
той горы.

Если вы не успели простить своих друзей, то успеите хотя бы сами попросить у них прощения!

НРЖ №24

Раздел первый. МЕТАФИЗИКА ИСКУССТВА

В. И. Чернышев. Новые Стихи март – июнь 23 года	3
В. Овсянников. Стихи.	14
Рассказы.	27

Раздел второй. Литература и Критика как ИСТОРИЯ 44

Татьяна Лестева. Максим Лаврентьев. Воспитание циника.	45
Г. Муриков. Дневник критика. Страдания молодого Вертера.	49

Раздел третий. МЕТАФИЗИКА БЫТИЯ 50

Вл. Лапенков. 1. Этно- и антропология Древней Восточной Европы	50
2. Морфологические	113
С. А. Емельянов. Искусство как возвышающий обман	128
Соблазны насилия	133

Раздел четвертый. Искусство как метафизика

М. П. Чернышева. День культуры на фоне сражений. Стихи Е.З.	139
Неучев А. Л. Буква «И-десятеричное»	145

Раздел пятый. Литература как литература

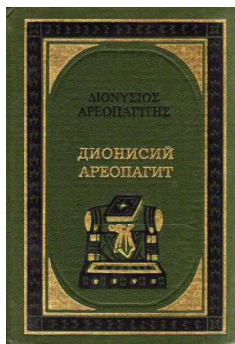
Геннадий Станкевич. Шоколадный заяц	150
С. С. Сонин. Будни юности	154
В. И. Чернышев. Стихи не отсюда	172

Раздел шестой. МЕТАФИЗИКА НЕ-БЫТИЯ

М.П.Чернышева. Семинар в институте когнитивных исследований.	173
М. Ю. Ефимов. Следствие слабости. Окончание	174
В. П. Белошеев. Охтенские хроник	225

Раздел седьмой. Народ и личность

В. И. Чернышев. Прощание с собеседниками	225
Иван Тайлов (Н. П. Ильин). Стихи.	233
Николай Калягин. Последний романтик.	238
Памяти друзей (А. И. Михайлов. Г. Н. Ионин, Н. И. Калягин..)	258
Памяти друзей (Николай Петрович Ильин.)	286
Интервью Г. М. Прохорова.	237
Сообщество Радзивилловской Летописи.	238

УВЕДОМЛЕНИЕ

Тексты всех номеров «Нового русского журнала» отныне будут размещаться на сайте
spb-pisateli.ru

Там же читатели смогут познакомиться с книгами многих наших авторов, в частности, Г. Н. Ионина, В. А. Овсянникова, Н. И. Калягина, А. В. Осипова и со временем всех остальных авторов журнала.

Там же будут представлены новые книги В. И. Чернышева:

1. ОЖТЯЭФР и СМУПНОЕ ВРЕМЯ

(МЕТАФИЗИКА БЫТИЯ)

в её основных восьми понятиях

Лицо – личность – отдельный – человек (мужчина + женщина)

Народ (на-рожденные)

Логика (от гр. λόγος – речь, рассуждение, мысль, закон)

Этика (от греч. ἦθος «нрав, характер, душевный склад») -
понятие о сущности и формах нравственного

Эстетика (от греч. αἰσθησις – чувство, чувственное восприятие) -
понятие о сущности и формах прекрасного

Любовь – притяжение и склонность, предпочтение

Свобода – потребность быть определяющей причиной своих действий

Справедливость – понятие о должном и осуществление должного

2. ОКСЮМОРОН и ИНВЕРСИЯ

Структура Бытия определяется не только *причинно-следственными отношениями* и идеями Классической **логики**, но и идеями Аристотеля о **телеологии** и **энтелехии** как имманентной цели развития. Основными понятиями истории и социологии оказываются понятия **Народа** и **Личности**, при этом образ **Народа** соответствует этнической теории Валерия Соловья и представлениям автора о природных основаниях Бытия; а учение о **Личности** заимствует многое в соответствующем исследовании Виноградова о понятии личности в литературе 18-19 веков. Далее мы познакомимся с парадоксальным образом **Бытия как Оксюморона** и с идеей о *синтезе причинности и случайности* (вероятности) в Истории мира и о **спонтанности Бытия**, опирающейся на представления Василия Налимова. Неожиданной оказывается идея о **Боге как Творце мира**, которая по новому ставит проблему **существования** мира и позволяет ответить на вопросы о **существовании** Бога и о *сотрудничестве Бога и Человека*. Исследуется оппозиция «Добра и Зла», сравниваются Христос и Жанна и наконец мы узнаем, кто такой Бургундец и отрубят ли ему голову.

3. ОПЖРОВЕННИЕ и НОВАЯ ЖИЗНЬ

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики

(для всех, кто любит отечество)

№ 24

на правах рукописи

Цитирование и перепечатка рукописей разрешаются

Подписано в печать 7.07.23

Формат 60х90 1/ 16 268 стр

Печать по требованию

Редакция не несет ответственности за мнения авторов

Почта редакции
email: mvnch@mail.ru

СПб
2023 г.